

АННА АЛМАЗНАЯ

Лоза Шерена Братья

Он не может быть слабым. Не имеет права. За ним его многочисленный род, его отряд, его долг перед угасающим другом и наследным принцем. Ничего личного. Никого родного. Он всегда знает, что делает. Он — ледяной клинок повелителя, холодный и бесчувственный, ему чужды сомнения и страсти. Он никогда не ошибается. До поры до времени.

Ярость. Пролог

Каждый удар в спину имеет свое лицо.

Леонид С. Сухоруков

Арман поправил плащ и вступил на балкон. Как-то незаметно закончилась эта осень. И так быстро похолодало, в один, два дня: нависли над деревьями низкие тучи, слетели листья, и теперь ледяной ветер гонял по дорожкам мусор, терзал непривычно голые ветви и тоскливо как было... до жути. Вот и Мир захандрил. Укутанный в такой же серый, как и эта осень, плащ, он ждал, стоя у перил, смотрел куда-то вдаль, на путающееся в ветвях краснобокое солнце, и даже не обернулся на осторожное приветствие.

Арман украдкой вздохнул: сложно с Миранисом. Раннее они были почти неразлучны, а в последнее время наследный принц звал редко. Может, хандрил после смерти Этана, может, на что-то дулся, кто его поймет. Арман, как всегда, просто ждал. Знал, что когда будет надо, Мир позовет. И позвал же... только какой-то странной была эта встреча.

Ветер рванул полы плаща, прошелся холодной ладонью по волосам, закинул в душу семена тревоги. Поднял внутри голову зверь, почуяв неладное, пробежала по позвоночнику ледяная капля пота, и каждый шаг давался с трудом, будто Арман пробивался через загустевший вдруг воздух.

— Ты пришел, — прошептал Мир, и по его требовательному жесту Арман подошел ближе, застыл за спиной, настораживаясь. Голос принца дрожал и сипел от слабости, неожиданно костлявые пальцы впились в перила, а плечи ссутулились. Что-то было не так, но что именно Арман пока понять не мог. — Спасибо.

Ветер пахнул горечью пижмы, тронул полы плаща принца и скрутил у стены ворох мусора.

— Разве я тебе когда-то отказывал в такой малости? — осторожно поинтересовался Арман, шагая ближе к перилам и присматриваясь к Миру пристальной. Но так и не смог рассмотреть его лица под низко опущенным капюшоном.

— Не отказывал, — усмехнулся Мир, посмотрел на уже почти спрятавшееся за деревьями солнце, и добавил вдруг: — Этан мне снится... каждую ночь. Все так же смеется, ты же помнишь, как он смеялся?

Арман помнил. Золотой мальчик. Всегда веселый, всегда искрящийся эмоциями... и с затаенной болью внутри. Двор. Здесь все носят маски, и Миру давно пора это понять. Этан сам себя погубил, сам выбрал уйти за грань, но это не значит, что Миру надо уходить следом. Да и кто ему позволит-то?

Солнце пустило последний луч и погасло за деревьями. И тотчас цепочкой зажглись в парке фонари и сам парк ожил шорохом ветвей. Тревогой мечущихся теней.

— Он говорит, что там, за гранью, совсем не страшно, лучше, чем здесь, — Мир закашлялся, а Арман напугался не на шутку. Боги, да что он несет? Мир, так любивший жизнь, говорит о смерти? — И что он ждет... и дождетя.

— Прекрати! — не выдержал Арман, шагнул к другу, развернул его лицом к себе и выругался сквозь зубы: когда Мир успел так осунуться? — Прекрати немедленно! Почему не позвал раньше, если все так плохо? Мир, прошу тебя!

Мир будто не слышал. Тонкие губы его тронула легкая улыбка, в синих глазах

загуманилась усталость. И Арману вдруг показалось, что Мир уже далеко, где-то там за гранью, где тишина, покой, и... где его, увы, ждут.

— Я... чувствую близость Айдэ... — прохрипел Миранис. — И это уже не пугает... может, так и в самом деле будет лучше?

Лучше? Арман сжал зубы, чтобы не сказать какую-нибудь колкость. Да куда телохранители смотрят?

— Ты так стремишься умереть? — тихо спросил Арман, убирая руку с плеча Мира.

— Нет, я просто устал бороться...

— А телохранители? Тебе все равно, что они уйдут за тобой?

Мир некоторое время молчал. Так и стоял, опустив голову, и легкий ветерок ерошил его упавшие на лицо волосы. А Арман в ярости сжимал в кулаки ладони, бесясь от беспомощности.

— Я так устал... — сказал вдруг Мир. — Ты не понимаешь.

— Не понимаю, ты прав. И никогда не пойму. Мир, очнись! Ты же всегда боролся, почему же...

— Я хочу тебя попросить, — перебил его Мир. — Послушай меня, Арман...

— Я сделаю для тебя все, ты же знаешь.

— Все? — принц поднял на Армана усталый взгляд и едва заметно улыбнулся. — Ах, Арман, Арман, ты так легко разбрасываешься обещаниями, своей и чужой жизнью. Ради чего? Ради меня? Я надеюсь, что однажды в твоей жизни появится нечто, чем ты не сможешь пожертвовать даже ради своего принца... Арман... прошу...

— Я слушаю, Мир.

— Когда я уйду, хоть ты не иди за мной следом. Пожалуйста.

Хоть ты? Значит, телохранителей ты уже приговорил?

Арман опешил и чуть было не пропустил миг, когда бледный Мир покачнулся. Еще не успев сообразить, что происходит, Арман подставил принцу плечо и сжал зубы, когда Мир вдруг отяжелел, слетая в пучины беспометства.

— Тис! — крикнул Арман. — Тис!

И раньше, чем Арман успел на самом деле испугаться, подхватила Мира еще одна пара заботливых рук. Телохранители всегда настороже, всегда рядом. Какая жалость, что Мир этого не ценит.

Арман проторчал в покоях принца до глубокой ночи. Без смысла ходил из угла в угол, не позволяя замку зажечь светильники и задернуть тяжелых штор, останавливался на время и смотрел, как за огромным, во всю стену, окном утопает в темноте, подмигивает огнями магический парк. И все не мог поверить.

Он знал принца больше десяти лет. Мир бесился, Мир срывался с цепи, Мир творил глупости, но никогда, ради богов, Мир не сдавался! А теперь... за пару седмиц, что прошли после смерти друга, Этана, Миранис превратился в свою тень. Почти ушел за грань. Сдался! И, что хуже всего, Арман этого не знал!

— Да чтоб тебя, Мир! — прохрипел Арман, горя желанием разнести замок по камню. Только легче от этого станет кому? Миру?

— Да я тебя собственными руками придушу, — прошептал Арман и резко обернулся, когда скрипнула дверь, пропуская полоску золотого света.

Вирес, самый молодой телохранитель повелителя, ровесник Армана, и не понять, то ли

друг, то ли враг, тихонько что-то прошептал. И шторы за спиной сразу же закрылись, мягкий свет высветил ковер на полу, прошелся по завешенным гобеленами стенам, свернулся под расставленными у стен креслами. Синь, вышитая серебром — цвета повелителя. И наследника. Те самые цвета власти, которые так ненавидел Мир.

Вирес, подтянутый и холодный, кивнул Арману и показал на одно из кресел:

— Надо поговорить.

Надо ли? Но Арман кивнул и сел. Телохранителю повелителя он доверял. Немногословный Вирес редко появлялся при дворе и на празднествах и держался в тени повелителя. Им восхищались, его боялись... его не знали. Арман помнил его другим — испуганным, готовым умереть мальчишкой. Сорвавшимся высшим магом, которого Армана, главу рода, заставили пощадить лишь за дар телохранителя. Они оба были тогда мальчишками. Они оба помнят о сожженных гневом Виреса деревнях. И они оба никогда об этом больше не разговаривали. Теперь этот высший маг — телохранитель повелителя. Теперь он приказывает. Теперь он может щадить или губить, Армана в том числе.

Вирес сел в кресло напротив Армана, посмотрел ему в глаза, будто изучая взглядом и тихо сказал:

— Давно не виделись, Арман. Может, даже слишком давно. Пора поговорить.

— Тебе виднее, — ответил Арман, откинувшись на спинку кресла. — Вопрос только почему со мной, а не с телохранителями принца?

— Потому что ты ошибся, тебе и исправлять.

А вот это новость. Арман внутренне напрягся, но на Виреса смотрел все так же спокойно — еще не хватало показать, как его задело.

— Я слушаю, — сказал Арман.

— Все даже хуже, чем я думал, — ответил Вирес, криво усмехнувшись. — Это не болезнь, которую можно излечить магией. Жизненная сила наследного принца на исходе. Отсюда и его настроение, Миранис устал, потому и не хочет жить... Я позову высших магов, которые поделятся своими силами с наследником, но... это временная мера. Миранис подобен воронке. Проглатывает все и передает дальше...

— Куда?

— Хороший вопрос, Арман, — ответил Вирес. — У наследника от рождения защита на высшем уровне, это знаем я и ты. И влиять на него могут лишь носители двенадцати... мы, телохранители наследника и его отца. Но никто из действующих телохранителей не стал бы тянуть силы из принца, мы слишком сильно окутаны узами богов, чтобы даже об этом подумать. Однако есть кто-то, кто нарушает все законы, рвет все связи и действует не так, как полагается действовать одному из носителей двенадцати... и ты знаешь, кто.

— Знаю, — выдохнул Арман.

— Ты его сам отпустил, не так ли? Исправляй свою ошибку, Арман. Доверять носителю Аши — это ошибка.

— Я найду его. И убью.

— Не так, — поправил Вирес. — Ты найдешь его и позовешь телохранителей Мираниса или меня. И мы будем решать, кому жить, а кому умереть, Арман. Я даю тебе разрешение послать нам зов в любой миг дня и ночи. И помни, ты старшой столичного дозора, но даже тебе не справиться в одиночку с высшим магом, никому из твоего отряда не справиться. И не смей с ним больше разговаривать. Слова это его оружие. Даже тебя, ледяной клинок повелителя, он сумел обвести вокруг пальца.

Арман стиснул зубы, стараясь не выдать своего гнева. Не на Виреса он злился. На себя. На свою глупость. Поднявшись, он поклонился телохранителю и молча вышел. Хватит ждать и ничего не делать. Пора действовать.

Что бы не говорил Вирес, а Рэми умрет. Армана никто безнаказанно обманывать не будет. Точка.

Ярость. 1. Рэми. Конец

*Лучше не бояться,
лежа на соломе,
чем быть в тревоге
на золотом ложе.*
Эпикур

Этот клочок бумаги был ей дороже всего на свете. Всего несколько слов, которые давали силы жить дальше. Всего лишь пара строк, выведенных родным почерком, дающие надежду: «Дождись меня. И зима еще не успеет закончиться, как мы снова будем вместе». Никогда раньше она так не торопила время. Никогда так не ждала весны, с ее ручьями, ее запахом теплой земли, ее журчанием ручьем. Дайте боги... и тогда они будут вместе.

Жизнь в столице оказалась шумной и суетливой. Все куда-то спешили, бежали, а Рэми будто не мог догнать стремительность огромного города. Еще пару седмиц он наслаждался ленивой негой леса, а теперь... Много людей, много хлопот, со всеми и не управисься.

И плещется в душе море магии, перехлестывает через берега, стремится вырваться наружу. А выпускать нельзя.

И тянет закрыться в маленьком домике ото всех и вся, только бы не мешали... восстановить лад с самим собой. Привыкнуть. И к вдруг пробудившемуся дару, и к мучившему по ночами зову. Ну почему Мир не мог оставить в покое? Тянул, звал, будто и в самом деле имел на это право. Еще его слова о воле богов, об их узах, о предназначении. Начхать хотел Рэми на это самое предназначение. И на Мира с его горделивым дружком-Арманом. Ранее обходились без него и теперь обойдутся!

Он нашел свое место. Новые друзья, новая семья, новый дом. И даже учитель, который помогал справиться и с даром, и с зовом Мираниса. И сестренка с мамой уже получили весточку и скоро приедут, а чуть позднее, когда все уладится, Рэми утащит из-под носа опекуна златоволосую Аланну. Его синеглазое солнышко... мягкие губы, ласковый взгляд, их долгие вечера у озера. Как же давно это было... и как же многое еще будет.

Если он с зовом Мира управился, если сумел убрать знак беглеца из татуировок, то и Аланну сможет вырвать из лап главы рода. Надо только справиться с собственным даром, научиться контролировать ослепительно-синее море внутри, стать настоящим магом. И Рэми не ел, не пил, днями и ночами сидел на полу в окружении плачущих воском свечей... вслушиваясь в шелест магии, в ее тихую песню, когда она бежала по венам. Учился укутывать душу не щитами, как арханы, а туманом, отводящим взор.

Он должен опасаться дозорных. Он должен научиться быть невидимым. Он должен прятать свой дар.

Он низкорожденный, рожанин. Он не имеет права быть магом. Тем более таким, редким, высшим. Но он не просил этого дара, дар проявился сам, и Рэми не понимал, в чем он виноват. Перед богами, перед людьми. И за что его пытаются убить.

Он не сдастся, будет бороться. Будет жить. И совладеет с этим проклятым даром!

Один вечер тек за другим, дар все менее походил на дикого зверя и начинал приучаться... нежился к рукам, терся мордой о ладони, махал едва видно хвостом и

заглядывал в глаза, испрашивая позволения пустить поток меж пальцев, закрутить в вихре светящиеся нити...

Только не убегай, не пытайся сделать вид, что меня нет, не прогоняй... и я буду послушным, ласковым. Я помогу, я защищу, я никогда не предаю, не обижу... я покажу тот мир, которого ты раньше не видел, я дам мощь, и ты сможешь все... ты сможешь быть всем, только не уходи... больше не уходи...

Рэми глубоко вздохнул и открыл глаза. Он и не заметил, как стемнело, и как давно уже погасли, оплыли поблескивающими лужами свечи. Где-то там у дороги светил фонарь, и в мягком танце кружились за окном снежинки. Первый снег... маленькое чудо, которое Рэми почему-то всю жизнь ненавидел.

Холодно-то как... тревожно, перешептываются со ставнями стены, скребутся под полом мыши. И оглушительно громко стучит в ушах сердце.

В дверь постучали, наверное, вновь, и Рэми дернулся, с неохотой встав на затекшие ноги. Он знал, кто пришел. И, хотя и радовался старому другу, но временами так хотелось же остаться одному...

Но толстый и неуклюжий Бранше недовольства хозяина не замечал: ввалился в небольшой домик, принес с собой запах свежести и талого снега.

— Слыш, Рэми, хорош сидеть в своей конуре, — выдохнул он, пригладив соломенные волосы толстой пятерней. Не помогло: как был растрепанным, так и остался. — Бледный, как поганка, осунулся весь. Варина плакаться уже начала. Мол, что она твоей матери скажет, когда та приедет. Совсем оголодал мальчик, а ты и раньше-то доходягой был. Счас ваще только ветерок подует... и унесет. Так что давай, ноги в руки и на улицу! Снег сегодня, праздник, весь город веселится, а ты, как дурак, дома сидишь!

— Дома сейчас безопаснее, — сказал Рэми, наливая другу из кувшина давно остывший земляничной чай. — Сам знаешь, меня до сих пор дозорные ищут. В самый раз где-то в толпе мелькать.

— Да кому ты нужен? — усмехнулся Бранше. — Сегодня весь дозор пить будет. И город весь пить будет. Даже собак и тех напоят, один ты у нас трезвым останешься? И как встретишь зиму с хмурой рожей, так и будешь до самой весны таким сидеть? Нетушки. Давай, собирайся и айда в народ. Гулять и веселиться, как человек. Девчонки заждались...

«Какие еще девчонки?» — хотелось спросить Рэми, но Бранше не слушал. И сам того не заметив, Рэми оказался все же на том проклятом празднике, среди шума и суеты. И уже хотел раствориться в этой толпе, выскользнуть из нее, пока Бранше не видел, как новая подружка, Даша, схватила за руку, закричала:

— Ну и почему ты такой скучный! — и упрямо потянула в самую гущу веселой, пьяной толпы.

Даша была действительно хороша: молодое гибкое тело нежно кутал короткий полушубок, пеной вздымались на качелях юбки, изящные ножки защищали красные, вышитые серебром сапожки.

Она смеялась так звонко, что Рэми не выдержал, заразился весельем и стал почти счастливым. Вскоре вместе с Дашей он летел с горки, перекидывался снежками с беззаботной молодежью, пил до дна горькое, с пряностями пиво, танцевал с ручными медведями и рассекал лед коньками. И Даша — с растрепанными волосами, вымазанном в

снегу полушубке стала казаться желанной. Податливой. И близкой.

В пьяном угаре, под украшенными омелой воротами, под хохот молодежи, они поцеловались в первый раз.

— Молодец! — крикнул Бранше, обнимая розовощекую и столь же растрепанную подружку. — А нам, молодежь, пора. И даже не думай топтать за мной, правда, Дашенька?

— Правда! — зарделась красавица. — До утра я тебя, Рэми, не отпущу. А утро еще нескоро...

И утро на самом деле нескоро. И ночи теперь длинные... холодные.

Снег сыпал и сыпал, будто стряхивал с неба бездонные запасы. Веселилась вокруг пьяная толпа, бегали ряженные, кричали лоточники, и мягкие, слегка замерзшие губы Даши то и дело игриво касались щек, губ, глаз. Заставляя на время забыть и тоску по Аланне, и сдерживаемое амулетом непонятное притяжение к Миру, и даже о себе самом забыть, отдавшись угару столичного праздника. Много огней, суеты, чужой радости и смеха. И добрая теплота шарфа, подаренного Дашей... наверное, шарф его тогда и спас.

— Простите, как пройти к площади Трех Фонарей?

Голос был тихим, немного шипящим и со странным певучим акцентом. Опасно знакомым. И Рэми захотелось исчезнуть в толпе и никогда больше не вылезать ни на какие праздники. Помнил он и другой оттенок того голоса, жесткий, беспощадный, с ноткой торжества. Помнил тихий скрежет лозы, жрущей магический щит, помнил пронизывающий до самых костей ужас, помнил, какой ценой удалось ему тогда уйти...

Но шутившийся в полумраке Алкадий Рэми не узнал. Может, просто не ожидал увидеть на этом празднике, может, просто уже не искал... Рэми не знал и знать не хотел. Он прижимал Дашу, а Даша верещала, бойко объясняя дорогу. А Алкадий будто и не слушал, даже не смотрел на глупую девчонку, что-то ища взглядом в толпе:

— Три квартала по этой улице, налево, через мост и два квартала вперед, — с усмешкой и без единой ошибки повторил он. Рэми кивнул. И Алкадий бросив:

— Спасибо, — развернулся и побрел по заснеженной улице.

А Рэми смотрел вслед сутулой фигуре Алкадия и казалось, что праздник закончился. И спокойная жизнь закончилась. Прямо здесь, прямо сейчас, рядом с горько пахнущими елками по обе стороны дороги, под разноцветными фонариками, красящими снег шаловливыми искорками.

— На меня смотри! — обиженно протянула Даша, поднявшись на цыпочки и пытаясь поймать своими губами его губы.

Рэми ответил поцелуем на поцелуй, прижал Дашу к себе и сам удивился: губы девчонки уже не казались сладкими, и сама она стала вдруг другой... пошлой, пахнувшей вином, слишком веселой. А Даша пила все больше.

Рэми раз за разом покупал ей сладкое вино. И чем больше она пьянела, тем больше он трезвел. Когда же Даша в очередной раз потянула его к ларьку с напитками, Рэми отказал.

— Жадина! — пьяно насупилась Даша. — Жадина!

— Идем домой, — осторожно вставил Рэми. — Я провожу...

— А что мне дома? — взвилась Даша. — Батяка пьяный, мать усталая или куча братишек-сестреночек? Ночь мне портить надумал? А не выйдет! Что я, зря тряпки одалживала? Зря весь вечер за тобой бегала... теперь, милоч, ты мой.

— Я не твой, — спокойно заметил Рэми.

— Тогда и отстань!

Рэми усмехнулся. Прижал Дашу к себе, крепко, погладил растрепанные каштановые волосы и дал выход силе... Так, как его не раз учили, мягко, аккуратно, отрезвляя, успокаивая неразумную девчонку в сладких объятиях магии. А когда отпустил, Даша вдруг сникла, заплакала, размазывая рукавичкой слезы по щекам:

— Что ж ты думаешь? Все тебе можно?

И в сердце колыхнулось сожаление: ошибся, боги, как же он ошибся. Лишил бедную девчонку шального, праздничного безрассудства, вернул ее в суровую, неприятную для ее явь. Не стоило.

— Идем домой!

— Не пойду! — закричала Даша. — И ты за мной не ходи! Слышишь!

— Даша...

Чуть позднее сидел он на скамье у катка и смотрел, как Даша зло режет лед коньками. И хотелось пойти, извиниться, да вот только вины за собой он не видел. Да и нужны ли ей извинения? Она улыбалась симпатичному, высокому парнишке, давалась ему в руки, двигалась в такт мелодии флейты, и смеясь, прижималась к охотно отвечающему ухажеру.

Рэми ухажера узнал и мгновенно успокоился — Хлыст, друг Бранше, девчонку не обидит, да и домой проводит. Может, оно и к лучшему — к чему портить Даше праздник только потому, что у самого на душе кошки скребутся? Разве она виновата?

Людей становилось все больше — все ожидали рассвета, а с ним — удара колокола, оканчивающего праздник. Встали у бортика конькобежцы, выбежали на каток танцоры. И лед прекратился в магию, а факелы в умелых руках вырисовали в густой темноте ночи замысловатые узоры. Но Рэми заскучал. Безумно. По тишине, по душевному теплу, когда сидишь зимней ночью в собственном доме, обнимаешь кого-то близкого, смотришь в бесящийся за решеткой камина огонь... и молчишь... долго молчишь...

Даша бы, наверное, согласилась. И на долгую ночь и на поцелуи, обещающие большее, и на согретую постель. Но Рэми была нужна не она. И он еще раз посмотрел на прижимавшуюся спиной к новому кавалеру Дашу, на ее покрытые румянцем щеки, на обнимавшие тонкую талию чужие руки и усмехнулся.

Что ж, выбор твой. Да и не жаль.

Прощаясь с праздником и с хорошим настроением, он скользнул взглядом по толпе зрителей — сначала по рожанам, потом по ломам арханов. И вздрогнул.

Аланна сидела на подушках и скучающе рассматривала пушистую муфту. Лицо ее разрисовывали темные в полумраке руны, светлые волосы чуть выбились из-под шапки, тонкую шею ласкал меховой воротник, а за ней стоял виссавиец. Жених.

И как это только удалось опекуну Аланны, Эдлаю, устроить эту помолвку? Ведь прячущие до самых глаз лица виссавийцы, жители соседней страны, были в Кассии гостями редкими. И загадочными. Их любили все, ведь не было более опытных целителей, но и боялись тоже все, ведь не было и более жестоких судий... Но Рэми почему-то их просто ненавидел.

А сейчас ему страстно захотелось отвернуться. Стоило ли с таким тягаться? Закутанный в синюю ткань до самых глаз он отличался от арханов, как отличается орел от оленя. Если сила архана чувствовалась лишь слегка, то синяя аура Идэлана слепила так сильно, что Рэми не сразу и понял: виссавиец смотрит на него. Не как на соперника же смотрит, не с ненавистью, не с презрением... а...

Рэми попятился, наступил кому-то на ногу, прошептал «прости» на тихие проклятия и

все так же не мог оторвать взгляда от Идэлана. Почему он так смотрит? И аура его, миг назад такая яркая, вдруг погасла. Мгновенно, безжалостно. Как огонек свечи, задутый сквозняком. И в глазах его прочиталось все: гнев, смятение, надежда, даже слезы.

Смесь чувств захлестнула, ударила, и, сам того не понимая, Рэми заслонился щитом, отбросил чужие эмоции назад, на Идэлана, дал тому почувствовать неповторимый вкус собственной силы...

И Идэлан сам захлестнулся. И будто с ума сошел, а в глазах его мелькнул огонек ужаса. Маг встрепнулся вдруг, легко перемахнул через борт ложи и плавно слетел на каток.

Шарахались от безумца изумленные танцоры, бросилась к перилам ложи Аланна, смолкла на мгновение мелодия, чтобы, подчиняясь жесту стоявшего у края катка дозорного, всколыхнуться вновь. И танцоры, приняв чужую игру, закружились вокруг Идэлана, затянули в сеть огненных узоров, смеясь, раскинулись по льду светящейся свитой. Идэлан же, казалось, не замечал никого и ничего, шел, сначала спокойнее, потом быстрее, пока не перешел в бег...

Рэми с головой погрузился в молчание магии, и остались в этом мире только он и несущийся к нему все быстрее виссавиец. Очнувшись, Рэми резко развернулся, врезавшись в праздничную, казавшуюся танцами разноцветных теней, толпу.

Люди его уже не видели. Не переставая смеяться, шутить, не отрывая взгляда от танцоров на катке, они чуть отходили в сторону, давая невидимому магу дорогу. И Рэми бежал. Все быстрее, шкурой чувствуя погоню, все более подгоняемый неведомо откуда взявшимся страхом.

Толпа стала реже, фонарики на узкой, заснеженной улице, уже почти не появлялись. Рэми пролетел мимо целующейся парочки, скользнул в темный переулок, вжался в стену.

От запаха гнили стало плохо. Загустела вдруг темнота, рассеиваемая лишь едва видимым блеском звезд... снег больше не валит... И молчание магии, столько знакомое, давит на грудь, мешает дышать. Где-то вдалеке разносится смех. А здесь... здесь осталось только биение сердца. И в такт ему — шаги виссавийца.

По подбородку течет кровь, пульсирует, тянет болью прокушенная насквозь губу. А Идэлан близко, совсем близко — протянуть руку и дотронуться. И шуршат, закрывают невидимые крылья, а знакомый до боли смех давит своей горечью.

«Почему так поздно, Аши?»

«Соскучился, носитель? А я думал, ты хотел, чтобы я оставил тебя в покое...»

Рэми вздохнул, откинувшись на влажную стену. И даже улыбнулся, когда в переулок вскочил запыхавшийся виссавиец. Не увидишь, Аши не позволит! Стоишь так близко, в двух шагах, а все равно не увидишь!

Но как сложно же... дышать как можно тише, утомить сердце, бьющее так громко... и туманит же голову этот странный запах... Сирень, от виссавийца пахнет цветущей сиренью. Свежестью раннего утра. И пряным ароматом магии...

— Этого не может быть! — прошептал Идэлан, опираясь ладонью о стену. — Он мертв, не бери рану! Это не может быть он... как это может быть он... но так же похож... и эта сила... это же...

Рэми вновь до крови закусил губу и еще больше вжался в стену, уже не чувствуя себя так уж скрытым за крыльями Аши. Что за бред несет виссавиец? И проваливай ты уже наконец, пройди же мимо!

И тот прошел...

Лишь спустя пару ударов сердца Рэми удивленно встрепелся. Обмануть мага так легко? И виссавийцы, холодные, безжалостные целители, хранители морали в Кассии... неужели они способны на чувства?

«Спасибо, вижу, от тебя не дожидаться», — усмехнулся Аши и исчез. А Рэми вдруг почувствовал, что он слишком много выпил на этом празднике. Расхотел вдруг идти домой, и сам того не заметив, ввалился посреди ночи к Варине.

Сестра главы рода, дородная и мягкая, встретила как родного. Проводила за печку, уложила в кровать, прикрыла одеялом, что-то прошептав о глупых, не умеющих пить мальчишках... и Рэми провалился в странный сон... повторяющийся день за днем...

Текущая за окнами ночь, пятнами слетавшие с деревьев листья... первый заморозок в этом году. Холодно. По маленькой коморке разносится запах свежесорванной травы. Откуда? Поздней осенью?

В неясном свете свечей поблескивают матово испачканные пылью полки, ярко-синей вязью прочерчивает магия узоры на стенах, рвется изнутри сила, скрепленная цепями ужаса ... Холодит спину стол, за которым он так часто работал, покрывается мурашками обнаженная кожа, и шершавая ладонь проводит по груди, размазывая едкую, неприятную мазь.

— Красивое тело, — шепчет колченогий коротышка-Урий, втирая кашку в живот Рэми. — Жалко. И силы твоей жалко, и тебя жалко, только выбора у меня нет...

Рэми плывет на каких-то странных волнах, будто его чем-то опоили. Может, и в самом деле опоили, кто ж знает... но почему-то хорошо и почти не страшно. И лежать на столе так удобно... правильно, наверное.

Что-то ласкает ступни, мягко связывает их вместе, скользит витком вокруг голени, овивает бедра, живот, грудь, шею, щекочет щеку и появляется перед глазами. Росток. Смешной такой, маленький, нежный, и настолько безобидный, что касается губ приветливая улыбка.

— А теперь не шевелись, мой мальчик, — шепчет где-то вдалеке учитель, Урий. — Не сопротивляйся. Тогда болеть будет меньше.

Нежный росток быстро крепчает, становясь коричневым, и ласкавшие тело побегу вдруг врезаются в кожу, оставляя кровавые следы. И хочется кричать, но губы не слушаются, не размыкаются, и горло будто чужое, пересохло, отказываясь исторгнуть даже самый слабый стон.

Льются из глаз слезы, горькие, беспомощные, и не удастся, никак, поймать взгляд учителя. А тот лишь поправляет лозу, давая шипам крепче ворваться в тело, разорвать мышцы, добираясь до костей. И единственное, что может Рэми — это выгнуться от боли, едва слышно застонав сквозь зубы.

— Тише, мой мальчик, — сочувственно шепчет Урий, гладя волосы Рэми. — Прости меня... но ему нужна сила.

И в то же время учителя отивыривает к стенке и чей-то странный, шипящий голос шепчет:

— Он живым нам нужен, идиот!

Рэми рывком сел на кровати, потирая виски. Несколько дней один и тот же сон, один и тот же кошмар. Мокрые от пота простыни, пробивающая тело дрожь и шумное дыхание...

знакомая тень за занавеской.

— Ты стонал во сне, — сказала Варина, стараясь не смотреть на обнаженного до пояса гостя.

Рэми горько усмехнулся, встал с кровати, прошлепал босиком к столику и налил из кувшина воды, залпом осушив чашу.

— Прости, — прошептал он. — Рис не проснулся?

— Рису надо нечто большее, чем стон, чтобы проснуться, — ответила Варина. — Беспокоюсь за тебя. Бледный ты какой-то, тени под глазами, не ешь совсем... Худой стал, смотреть страшно. Что тебя мучает, а, Рэми? Что тревожит... если тот колдун, то я поговорю с братом. И Урий тебя больше пальцем не тронет. Слышишь? Не молчи, мальчик! Ну же!

Рэми одел тунику, затянув ее на талии тонким поясом.

— Урий? — удивился он, вспомнив паршивый сон, как раз за разом шершавые руки колдуна намазывают на тело вонючую мазь, как раз за разом шепчут губы коротышки знакомые слова, и как в глазах Урия то и дело проблескивает страх.

— Не переживай, Варина, — сказал Рэми, целуя женщину в лоб. — Справлюсь...

— Все вы мужчины такие, — чуть было не заплакала женщина, глядя Рэми по щеке. — Себя не бережете. Вот придет твоя мать, всыплет тебе... и будет права.

— Варина! — погрозил ей пальцем Рэми, садясь на кровать и быстро натягивая сапоги. — Я не Рис. Из возраста «всыплет» давно вырос. Ты сама себя, родная, накручиваешь. Всего лишь неприятный сон. Новая работа, новые люди, но не более. Привыкну.

— Как знаешь. Иди, мальчик, Гаарс вернулся.

Рэми вновь кивнул, еще раз поцеловал женщину в лоб и прошептал:

— Все хорошо. Ты ведь молишься, правда? — взгляд Варины просветлел. — Значит, все будет хорошо. Боги не слепые, они все видят. Они лучше нас знают.

Быть бы самому в этом уверенным...

Варина покраснела, и вдруг быстрым жестом словила руку Рэми, надевая на его запястье тоненький кожаный браслет.

— Береги себя, мальчик! Чует мое сердце, беда тебя ждет!

Рэми смутился, осторожно отстранился и вышел из спальни. Тоска... проклятая тоска сегодня была особенно сильной.

Натопленная общая зала была освещена лишь неярким светильником на столе. Глава рода, поджарый и всегда спокойный, махнул приветственно Рэми и продолжил есть наваристый суп из баранины.

— Поздно ты, — сказал Рэми, усаживаясь на скамье напротив Гаарса и неохотно принимаясь за суп, что поставила перед ним Варина.

— Тебя искали на празднике, — как бы между прочим сказал глава, когда его сестра скрылась на кухне.

Рэми кивнул, продолжая есть и не подавая виду, что встревожен. Виссавиец, оказывается, упрям, погони ему не хватило. И даже кассийцев не побрезговал попросить... что само по себе удивительно.

— Но не нашли, — быстро добавил Гаарс.

Естественно, не нашли. Если бы нашли, не сидел бы Рэми перед Гаарсом. Не ел бы суп который казался безвкусным. И уж тем более — не боялся смотреть Гаарсу в глаза.

— Почему молчишь?

— Я должен что-то говорить? — удивился Рэми.

— Поблагодарить, хотя бы.

— Благодарю.

Рэми отодвинул от себя полупустую тарелку. Разные они с Гаарсом, очень разные. Может, даже слишком. И не нравится Рэми ни этот разговор, ни приготовленный для Гаарса маленький мешочек за пазухой.

— Я порасспросил слегка о виссавийце. — Гаарс подхватил ножом кусок мяса, положив его на тарелку. — Поговаривают, что он хочет жениться на кассийке. Это только случайность, друг мой, что кассийка последнее лето провела в том же замке, где ты работал заклинателем?

— Я принес тебе подарок от Урия, — ушел Рэми от ответа.

Гаарс вздрогнул. Кусок мяса вдруг слетел с ножа и упал на тарелку, заляпав стол жирными каплями соуса. Глава рода выругался, облизал испачканные пальцы и быстро, пока Варина не видела, стер соус платком. Глупый. За грязный платок Варина будет злиться больше.

Рэми достал из-за пазухи теплый еще от человеческого тепла мешочек и бросил его на стол. Гаарс кивнул, потянулся за мешочком, но Рэми накрыл его ладонь своей и заметил:

— У каждого из нас свои тайны, не так ли?

— Пусть будет так, — задумчиво ответил Гаарс. — Зря ты, брат.

— Зря ты, брат, — как эхо повторил Рэми, глядя прямо в глаза Гаарсу.

Мужчина отвел взгляд. Красноречиво посмотрел на запястья Рэми, где играли золотистые знаки рода. Усмехнулся.

Сердце Рэми сжалось. Значит, его спокойная жизнь и в самом деле закончилась. Он убрал ладонь и дал Гаарсу забрать мешочек.

Проклятая тоска... почему не даешь ты покоя?

Дом был ветхим, маленьким и заброшенным. Но даже чтобы такой укрыть сетью, понадобилось слишком много сил. Только сил у него сейчас было в достатке. Мальчишка попался в ловушку и теперь собственными руками убивал наследника. А Алкадий нежился в тишине своего нового убежища, уже забыв, что его ищут все: и дозорные Армана, и темный цех, и высшие маги.

Но не найдет никто.

Потому что прятаться и ждать Алкадий умел.

Ярость. 2. Арман. Ночь скорби

*Каждый удар, наносимый в гневе,
в конце концов обязательно падет на нас самих.*

Пенн Вильям

Туман струился над широкой каменной чашей, лизал ее сапфировые стены, переливался через края и льнул к босым ступням Варнаса. Младший бог провел над чашей ладонью, разгоняя туман, взгляделся в ярко-синюю воду, в которой проносились лица, города, эмоции, и улыбнулся. Люди... эти смешные люди... Интриги, гнев, вкус предательства. И человеческая глупость.

— Пора войти в игру и мне.

Он уже и сам не знал, чего хотел больше — помочь или полюбоваться на искусно расставленные другими сети. И на людей, что в этих сетях все более запутываются.

Арману никогда не нравился конец осени. Навевало липкий холод воспоминаний серое уныние, погружали в апатию вечно затянутое тучами небо, туманы по влажным лугам и запах гниющих листьев. И эти вечные дожди — не летние, веселые, а холодные и колючие, разводящие грязь на и без того разбитых дорогах.

Но больше всего раздражало охватывающее столицу радостное нетерпение. Горожане смотрели с надеждой на затянутое тучами небо, счастливо встречали заморозки по утрам и ждали, ждали... пока боги смилостивятся и пустят по ветру мягкий, ласковый пух, осеннее уныние сменится нежной белью, а ночь вдруг просветлеет. И тогда кассийцы развеют на ветру хандру осени, столица расцветет разноцветными фонариками, зальется радостным смехом и веселыми песнями. И не будут спать в ту ночь дети, а молодежь вернется домой под утро мокрая, измазанная по уши в снегу, но счастливая.

Арман тоже когда-то радовался в этот день. Когда-то... А теперь — для кого-то праздник, а для него — единственная ночь в году, когда он позволял себе быть слабым. Когда истончались щиты, поставленные виссавийскими хранителями смерти, и в душу тихой поступью входила черная скорбь...

Из года в год в праздник первого снега Арман забывал обо всем: о своем дозоре, о роде, о долге, даже о Миранисе. И шел с головой погрузиться в темную тоску, а еще... напиться. Так же безрассудно, как напивался временами Мир. Все равно где, все равно чем, только бы забыться в сладком хмелю. Только бы выдержать эту ночь и проснуться утром обновленным, готовым спрятать внутри боль потери и прожить еще один год. Не чувствуя, не страдая, не мучаясь воспоминаниями.

Почему этот проклятый снег всегда начинал сыпать ночью? И в этом году еще так некстати, когда срочно надо искать этого проклятого мальчишку, но... поплыли перед глазами стены кабинета, душу выжрала до самых костей боль, а перо предательски хрустнуло в пальцах... Снег... Арман не выглядывал в окно, а уже знал, что начали ложиться на землю белые хлопья, что еще чуть-чуть и город взорвется радостными криками... а сейчас падали один за другим поставленные магами щиты, оголяли нерв спрятанной внутри боли... одна ночь... надо с этим прожить всего одну ночь! Такова цена за спокойствие, его дань умершим!

— Вам плохо, мой архан? — прорвался через туман слабости голос секретаря. Арман постарался сосредоточиться на мраморе столешницы и покачал головой. Проклятье! Почему сейчас? Когда рядом этот секретарь? Нельзя, чтобы слуга видел слабость архана!

Скрипнула дверь, кто-то мягко приказал:

— Выйди!

Арман усмехнулся. Повторять не пришлось — секретарь опрометью вылетел из кабинета. Напугался, надо было бы...

— Лиин его перехватит, — сказал Нар, хариб, тень Армана, личный слуга и лучший друг. — Секретарь не будет ничего помнить, не беспокойся.

И тут предусмотрел. Хорошо. Нару можно доверять. Перед Наром можно не притворяться. Нар и Лиин, маг дозора, обо всем позаботятся... пока Арману будет не до того.

Душевная боль была столь страшной, что дышать не хотелось. А ведь с тех пор, как он потерял семью, прошло четырнадцать лет... четырнадцать долгих лет! Но все равно в ушах стоит плач младшего брата, Эрра, витает в доме смех шаловливой Ли, слышится тихая поступь мачехи. Почему раньше он этого не ценил? Почему только после их смерти... почему не сумел всего этого уберечь? Почему отказался от своей боли, отказался от того, чтобы уйти с ними? Ради рода? Ради проклятого долга, Мира, чего? И как же все это... мелочно и глупо-то!

— Тебе было всего одиннадцать, не требуй слишком многого, — будто вмешался в его мысли спокойный голос Нара. — И, думаю, этот год будет последним для твоей скорби.

Арман посмотрел в лицо харибу, не веря... что за чушь он несет? Брата не вернуть, а от ноши скорби Арман не откажется никогда. Давно уже мог, а не стал. Некрасиво это — забывать близких. Трусливо — топить скорбь в магии. И хотя бы раз в году надо дать им дань боли, чтобы ни Эрр, ни сестра, ни мачеха не думали, что Арман о них забыл. И что перестанет искать их убийцу.

Снег за окном вихрился, танцевал в свете фонарей. Вошел в кабинет, молча опустился перед Арманом на колени темноволосый Лиин. И Арман, не выдержав, тихо спросил:

— Тебе всегда так больно?

Лиин не ответил, грустно улыбнулся, опустил голову и сказал вдруг:

— Он бы не хотел, чтобы тебе было больно. И мне... Но не скорбеть по нему сложно...

— Хочешь, чтобы я тебя отпустил?

Лиин вновь улыбнулся, посмотрел вдруг в глаза и спросил:

— А разве ты меня держишь?

Арман вздрогнул. Этот хрупкий юноша должен был стать харибом младшего брата, но не успел: Эрр ушел за грань раньше. И по-хорошему Лиина, рожанина, низкорожденного с огромным даром надо было бы убить, но у Армана рука не поднялась. А другие тронуть Лиина не посмели — слишком боялись юного главу северного рода, Армана, и его строгого опекуна, Эдлая.

Арман был благодарен опекуну, который поддержал «каприз» воспитанника — Лиин стал верным другом и опорой. Чуть меньшей, чем Нар, но все же... доверенных и умных людей много не бывает.

Теперь Лиин и Арман выросли. Арман перенял власть над северным родом и столичным дозором, Лиин закончил лучшую школу Кассии и стал магом в отряде Армана, и уже никто, наверное, и не вспоминал, что Лиин простой рожанин. Скромного и спокойного

Лиина в отряде и в роде уважали все — маг был одним из тех, кому спокойно можно было доверить свою спину и свои хлопоты, а так же тем, кого можно было выслать посредником к строгому Арману. Почти как Нара. Но Нар был личным слугой Армана, с кем-то помимс своего архана без дела общался редко, а Лиин среди дозорных незаметно стал своим. Жил с ними в казармах, ел за одним столом, работал на равных и никогда не задира нос, что среди высших магов было редкостью. И при всей своей скромности не боялся никого и ничего. Даже Армана. Как и его умерший архан, Эрр...

Да и похож Лиин в чем-то на Эрра. Та же честность во взгляде и легкая грусть, то же понимание и всепрощение, тот же синий туман магии, затаившийся во всегда широко распахнутых, не умеющих лгать, глазах. И та же тонкость в кости, кажущаяся хрупкость, и в то же время — сталь стержня внутри. Арман не знал, как бы Эрр сегодня выглядел на тренировочном дворе, но его несостоявшийся хариб дрался с грацией молодого волка. И дозорных валил на лопатки чаще, чем тем хотелось. И улыбался потом все так же мягко, предлагая поверженному руку. Наверное, Эрр улыбался бы так же...

При воспоминании о брате боль вновь захлестнула с головой. Приказав Лиину и Нару остаться в доме, Арман разгневанной тенью пронесся мимо часовых, вскочил на коня и помчался в запорошенный снегом город. Ночь оживала звуками. Мелькнули где-то рядом огни и раздались радостные крики: столичные маги начали забавлять толпу. Все звуки на время приутихли, будто спрятались за снежной пеленой. А снег все валил и валил, скрывая мусор, грязные мостовые, сгущал воду в темнеющем под мостом канале. И горел в фонарном свете у ворот дома веселья.

Хорошее местечко для траура! Горя от нетерпения, Арман не спешиваясь начал лупить ногой в ветхие ворота. Скорее бы забыться! А если до смерти обопъется, так тоже не беда, храм Айдэ, бога смерти, совсем рядом. Через два дома. Так что тело далеко тащить не придется. И за гранью Армана уже давно ждут. Целых четырнадцать лет!

Ворота распахнулись не сразу — в праздник гостей так близко от храма смерти не ждали. В этот дом веселья приходили скорбеть, не веселиться. Арману лишь спокойнее будет! Мелькнули за решеткой испуганные глаза привратника, и вскоре Арман ввел Искру во внутренний дворик, привычно осматриваясь: хоть и приехал он сюда в обычной одежде простого горожанина, но осторожность никогда не повредит. И никогда не знаешь, откуда выползет опасность.

Тихо, спокойно. Мерцает свеча, укрытая от дождя и ветра стеклянным фонарем, тихо постукивает запертый в сарае пес, переминается с ноги на ногу стоявший в дверях верзила.

Наверняка вышибала. И наверняка его, Армана, не тронет. Даже если Арман изволит их хибару по камушку разнести — не тронет. Потому что описал дугу тяжелый мешочек, упал в клешни хозяина, заставил того широко улыбнуться, и вслед за хозяином заулыбался верзила, начал сгибаться в поясе, изображая поклон. И у этих сегодня будет праздник. Даже в глазах выбежавшего худющего мальчонки и то светилась радость. Шальная, безумная надежда, что подобревший от знатной выручки хозяин и накормит сытнее и высечь сегодня забудет. И, может, на праздник с монеткой в кармане отпустит...

Приплясывая, мальчишка принял от Армана повод, даже забыл бояться огромного коня с необычными искорками на шкуре, хоть и храпел конь зловеще. Искра родное стойло любит, ночевать по чужим конюшням не привык, да только плевать Арману на недовольство копытного друга. Он брата потерял!

— Я о коне позабочусь, — прошептал знакомый голос.

Арман лишь скривился — и тут Нар. Вновь пошел за арханом, не послушался приказа остаться. И ведь нет сил наказать наглеца, хотя и следовало бы: обычно непослушания Арман не спускал. Да и Нар всегда приказов слушался, и лишь сегодня почему-то...

— Завтра с тобой разберусь! — пообещал Арман. — И не думай, что тебе это так легко сойдет.

Завтра, когда не будет этой проклятой тоски... Даже не посмотрев на хариба, Арман взбежал по крутым ступенькам резного крыльца, ворвался в задымленный общий зал и сбросил на руки прислужника тяжелый плащ.

— Прошу, архан! — заискивающе позвал за спиной хозяин.

Арман обернулся на звук голоса и увидел, как стройные, в одних набедренных повязках рабыни плавным, хорошо отточенным движением подняли углы тяжелого ковра, открывая проход в соседний зал.

— Прошу в покои для особых гостей, — шептал хозяин, всю стараясь угодить. Ну если уж просит...

Там, за ковром, было спокойнее. Витал горьковатый запах благовоний, укрывал пол толстый ларийский ковер, ярко-красный, как листья винограда ранней осенью. Пылал щедро накормленный огонь в огромном, во всю стену, камине, а на ковре, вокруг низкого, богато накрытого столика были разбросаны темные бархатные подушки. Дивное место. И столь подходящее, чтобы забыться и побыть наедине с собой...

Арман уже развернулся к хозяину и хотел приказать, чтобы его не беспокоили всю ночь, как шустрый мужичок заявил:

— Вас уже ждут.

Ждут? Арман резко обернулся и прищурился. Да, он звал, но звал вчера. И ясно просил не приходить в праздник первого снега. Но вольготно возлежащий на подушках Зир его недовольства, казалось, не заметил, лишь похлопал приглашающее рядом с собой и сказал:

— Ну давай же, Арман, раз уж пришел.

Арман лишь скривился, однако на подушки сел, хотя очень хотелось выйти. Но некоторым людям не отказывают. И хоть выглядел полураздетый Зир невинно — золотые кудри, пронзительные голубые глаза, мягкие черты лица, еще юношеская худощавость — но был крайне опасен. Такие не дерутся, такие управляют драками. А заодно и темным цехом, хоть с виду — и обычный рожанин, а на запястьях его — как и положено рожанину — бежит вязь желтых татуировок.

— Я же просил — не сегодня, — сказал Арман.

— Я слышал. Но, видимо, судьба занесла в одно и то же место этой ночью. Но ты уж прости, друг, а я был здесь первым. За ночь заплатил и уходить не собираюсь. И если уж тебе не по нраву такая случайность...

Арман лишь усмехнулся. Он не верил в подобные случайности, ведь с хитрющим главой цеха никогда и ничего не происходит случайно. Зир явно хотел этой встречи. И явно — сегодняшней ночью. Так зачем отказывать? Возжелал глава темного цеха поскучать рядом с погруженным в скорбь Арманом — так ради богов, пусть себе скучает!

— Значит, не повезло тебе, — равнодушно пожал плечами Арман, пинками скидывая подушки в кучу. — Подвинешься. Только прости уж... весело со мной сегодня не будет.

Лежать на подушках оказалось неожиданно уютно. Запах благовоний расслаблял, и Арману до боли не хотелось ни с кем разговаривать. Хотелось только пить, погружаясь в собственные мысли. Но собеседник сегодня попался непонимающий, настырный. А Арман

не привык уходить от ответа.

— Ай-яй, Арман, совсем не дорожишь репутацией. Не боишься пить с рожанином? Да еще со мной? — продолжал дерзить Зир, наклоняясь над столом, чтобы взять цыпленка под вишневым соусом.

Арман лишь усмехнулся, устраиваясь на подушках поудобнее. Может, оно и к лучшему? Тоска все так же мучила, но свернулась внутри напуганным котенком и таращила глазенки на неожиданную помеху. Пусть так... все лучше, чем если бы этот котенок, как всегда в день первого снега, впился бы в душу острыми зубками. Хотя и без того вопьется, уж не сомневайтесь.

— А ты сам-то, друг мой? Совсем страх потерял? Мои люди не знают, кто ты, зато знают, что сегодня за ночь. Они просто решат, что их старшой пьет с первым попавшимся рожанином. Бывает. А твои-то не обрадуются нашей дружбе.

— Мои люди вопросов не задают. И ты понятия не имеешь, с кем я иногда пью, — усмехнулся Зир.

Арман поверил, ведь глава темного цеха умел уговаривать. И с людскими судьбами играть умел. Такому в руки попадешься, мало не покажется. К сожалению, Арман попался. Но было все равно. Вновь захлестнула тоска, вновь захотелось выть волком, обернуться зверем и выбежать под проклятый снег. И нестись, нестись по улицам, пока не вонзится в спину стрела собственного дозора... только бы не чувствовать этой боли.

— Зачем звал? — спросил вдруг Зир, и его голос стал вдруг серьезным... даже слегка сочувствующим. Глава темного цеха умеет сочувствовать? Смешно же!

— Забудем, — ответил Арман. — Позднее. Сегодня я хочу забыть. Забыть кто ты, кто я, обо всем и обо всех. А о чем я хочу помнить, не твоего ума дела. Если не согласен, проваливай. Завтра я снова смогу быть милым. А сегодня уж прости...

Грубо, но Зир сам напросился.

— Даже так? — протянул глава темного цеха, наливая в серебряную чашу темно-красного вина и подавая через стол Арману. — Я-то согласен, но вы, арханы, народ странный. Для вас закон и обычаи — лишь удобное оружие. Когда захотел — достал, когда не захотел — спрятал. Но не хмурься, друг, коль мне настолько доверяешь...

Доверяешь? Арман усмехнулся. Сегодня все это настолько неважно, что Арман доверился бы любому. Сегодня разум спит, а говорит сердце. Сердце истекает болью... Но Зиру об этом знать незачем.

— Не пойми меня неправильно, — усмехнулся Арман. — Завтра на улицах...

— ...мы можем стать врагами. Не дурак, понимаю. Хватит разговоров, будем пить?

Зир хлопнул в ладони, и ковер мягко откинулся, пропуская пару гибких, полуодетых танцовщиц. Девушки мягко скользнули внутрь, разом ударили в бубны и запели. Тихо, надрывно, будто изливая на красный ковер тягучую тоску.

«То, что надо», — подумал Арман, вновь откидываясь на подушки. Стало чуть лучше, спокойнее, и тоска внутри шевельнулась ленивым зверем. Стелилась над подушками музыка вместе с дымом благовоний. Словно тени двигались вокруг танцовщицы, манили полураздетыми телами, и мягкий свет золотистым блеском струился по их намащенным телам, путался в распущенных волосах и отражался от звенящих браслетов.

Браслеты дешевка. И ткани, кутающие упругие бедра — дешевка. А вот их молодые, гибкие тела... в другое время Арман, пожалуй, поманил бы одну из танцовщиц, усадил на колени, покрыл бы поцелуями стройную шею, зарылся носом в волосы, пахнущие

благовониями. Но сегодня не хотелось. Не волновали танцовщицы. Вино волновало. Сладкое, обильно приправленное пряностями и дарующее видения. Пленительная пустота в груди... и мягкий плен воспоминаний. Доверчиво спящая на его руках Ли. Тихой мышью притаившийся у окна Эрр, наблюдавший, как Арман сидит за уроками. Тонкая рука мачехи на плече. Все это было так давно... а кажется таким свежим, вчерашним.

Раз за разом Арман требовательно протягивал опустевшую чашу. Текла за окном снежная ночь, наполняла чашу сидящая рядом миловидная служанка. Тихим журчанием лилось вино, мелькали в свете камина медные браслеты прислужницы, поблескивали призывно глаза танцовщиц, и все больше хотелось спать...

— Быстро пьянеешь, друг, — донесся издали голос Зира, и Арман моргнул, с трудом выныривая из пьяной дури.

— Я ведь предупреждал, сегодня плохой из меня собутыльник, — усмехнулся он, глядя как Зир притянул на колени тяжело дышавшую танцовщицу, как впился поцелуем в лебединую шею девки и усмехнулся Арману. И усмешка та расплылась перед глазами и вновь захотелось спать... может во сне станет легче?

Сам глава цеха много не пил. Все так же посмеиваясь, он кормил податливую танцовщицу дорогим заморским виноградом, касался ее губ, гладил золотистые волосы, и ладонь его властно скользила по обнаженной груди, по тонкой талии, по точенным бедрам.

— Дивный ты, Арман, — усмехнулся глава. — За что платишь? Я думал, в дом веселья не совсем для выпивки ходят... или тебе позвать хорошенького мальчика? Или девки староваты?

Арман лишь пьяно усмехнулся, пригубив еще немного вина:

— Золото мое считаешь?

Он теребил амулет на груди и лениво смотрел, как Зир дотронулся до набедренной повязки танцовщицы, зацепил тонкую, розоватую в свете огня ткань, и потянул ее вверх, оголяя упругие бедра.

Танцовщице, наверное, понравилось. Она выгнулась, показывая острые груди, мазанула по Арману томным взглядом и облизнула полные губы.

— Твое золото меня мало заботит, — сказал Зир. — Хороша, красавица. Да вот только...

Он грубо столкнул танцовщицу с колен, да так, что та разбила колено о край стола. Задребезжали стоявшие на столе чаши, девушка чуть простонала от боли, но тотчас поднялась и присоединилась к танцующей подруге:

— ...есть вещи, которые свидетелей не терпят, — продолжил Зир. — Приходишь в дом веселья один, ничего не ешь, зачем? Чтобы выпить?

— Да и сам ты один, — пьяно усмехнулся архан.

Музыка уже не манила, раздражала, девки казались темными тенями, и хотелось закричать, потребовать, чтоб убралась, оставили одного, но было лень...

— Скучно, — протянул Арман, подавая слуге чашу. — Одному пить скучно...

— А с друзьями?

— А с друзьями нельзя. Они, сволочи, сочувствуют и вопросы задают. Сегодня я не люблю вопросов. Сегодня я люблю глупые разговоры ни о чем. Понимаешь?

— Понимаю. Что же, не буду задавать... умных вопросов. Да вот только не переносу я угрюмых рож, так что не обессудь! — Зир вновь хлопнул в ладоши, и из соседней комнаты тенью выскользнул темнокожий слуга, встал на колени и поцеловал ковер у сапог клиента.

Арман лишь усмехнулся. Все же неправильно он выбрал дом веселья. Зира тут явно знают и до ужаса боятся. Правильно боятся. Темному цеху законы не писаны — если что не понравится, ножом по горлу и в реку, благо, что река эта так близко. Арман так не может, Арман все же дозорный... правильный, как говорит Зир, временами даже жаль...

— Не видишь, не по вкусу архану ваши девки, — как ножом резал словами Зир. — Ты получше что-нибудь подыщи, посвежее, да смотри, чтоб здорова была! Если Арман после что подцепит, собственноручно с тебя шкуру спущу!

«Надо же, какая забота», — усмехнулся Арман.

Слуга молча поклонился, живо вскочил на ноги и скрылся за той же дверью в глубине залы.

Вернулся не один: следом шла, а вернее, плыла по ковру завернутая в полупрозрачную ткань фигурка. Арман даже заинтересовался. На миг. Он тонул в волнах хмельной горечи, а остальной мир растворялся в темноте... мешал. Упало под властной рукой слуги покрывало, высвободило тугие рыжие пряди. Вслед за покрывалом волной лег на алый ковер плащ, а под плащом оказалась расшитая серебром темная туника до середины бедер, что скорее открывала, чем скрывала слегка округлую фигурку и точеные, длинные ноги.

Легкий толчок в спину, и девка пошатнулась, упав Арману на колени.

— Новенькая, — завистливо заметил глава. — Везет тебе, брат, ластится к дозору хозяин... буду знать.

Красива, податлива, как глина под пальцами. И в другой день Арман бы взял ее в свое ложе, но не сегодня. Сегодня мешал ошейник рабыни на стройной шее, сегодня все мешало... день траура. И вспомнив, зачем сюда пришел, Арман хотел вскочить на ноги, да не сумел — хмель оказался сильнее.

— Не приказывай, Зир! — зашипел Арман. — Не смей говорить, что мне делать! Не нужна мне твоя девка! — сказал и толкнул рабыню так сильно, что та покатила по полу, и ее туника задралась, открывая тугие ягодицы.

— К чему красавицу обижаешь? — невозмутимо усмехнулся глава цеха, с насмешкой наблюдая, как рабыня неожиданно стыдливо одергивает темную ткань, стараясь прикрыть стройные ноги. Арману вдруг стало жаль эту девчонку. Молода еще, а уже столько в жизни грязи наелась.

— Не люблю рабынь, — мгновенно успокоился Арман, возвращаясь к своей чаше.

— Любишь развратниц. Но одно другому не мешает, да и красив ты, бабам приятен. Не обижай девочку. Ты с ней не пойдешь, пойдет другой. Может, менее приятный.

— А ты мне не указывай!

— Ай-яй-яй, какие мы строгие! Опять гневаться изволишь? А ты, красавица, не лежи как бревно. Поднимайся! Покажи архану, что умеешь, авось он и передумает.

Рабыня послушалась. Медленно, танцующе встала с пола, разгладила ладонями тунику и присела на пятки рядом с разгоряченным от вина Арманом.

— Не хотите поцелуев, — тихо прошептала она, все так же не поднимая глаз, — так дайте я погадаю.

— Смотри-ка, а рабыня-то еще и богами одарена! — усмехнулся Зир, наклоняясь через стол и пропуская между пальцами рыжие пряди. — А, знаешь, Арман, я передумал. Ты ее не хочешь, так я возьму. Она у меня от страсти взвояет, а потом и погадаем...

— Не спеши, — поймал его запястье Арман. — Не забывай, что рабыня моя. И я с ней еще не закончил.

— О как заговорил, — опасно сузил глаза Зир, и Арман уже думал, что глава все же разгневается, но Зир лишь рассмеялся и добавил: — Пусть и так. Посмотрим, что девка умеет...

Рабыня вздрогнула, покраснела под пристальным взглядом Армана и дрожащими руками протянула ему серебряную чашу.

Арман улыбнулся. Забрал чашу, на этот раз сам наполнил ее вином, отпил глоток и подал рабыне. И та вдруг повернула чашу в ладонях, мягким поцелуем коснулась губами ободка в том месте, где только что касались губы архана, и глянула так испуганно, что Арман дал себе слово — Зиру девчонку не отдаст. Выкупит и отдаст приказчику, пусть в доме служанкой пристроит. Все лучше, чем бессловесной рабыней.

А пока пусть погадает и проваливает. В ее предсказания Арман не верил. Ясновидение — это дар магов, например, телохранительницы повелителя, Ниши, а рабы магами не бывают.

Девушка вдруг затихла, взгляд ее затуманился, утратив ясность, и она начала покачиваться из стороны в сторону, медленно, плавно, словно продираясь через густой туман. Все же красивые у нее волосы. Будто огонь бегут по плечам, путаются в складках туники. И глаза... как пронзенная солнцем зелень. Никогда еще Арман не видел таких глаз... прав Зир, хороша девка. Дорого обойдется.

— Дай руку, архан, — тихо сказала рабыня.

Дай? Да эта рабыня совсем с ума сошла, если архану тыкает... Наглая! Гнев выветрил часть хмеля, и Арман, решив поиграть по правилам рабыни, протянул ей унизанную перстнями ладонь.

— Найдешь своего врага... — начала говорить она, странно говорить, растягивая слова. — Но убьешь его не ты, а твой брат.

— Нет у меня брата... — прорычал Арман. Зир сразу же напрягся, служитель упал на колени, уткнувшись лбом в подушки, а дерзкая рабыня, казалась, ничего и не заметила — все так же вглядывалась в стенки чаши, все так же рассматривала в ней что-то, чего рассмотреть не могла. Будто издевалась.

— Доверься мне еще раз, — сказала она. — Дай руку, мой архан... дай увидеть, ошиблась ли я...

Довериться?! Ошиблась ли? О да, она ошиблась! И, видят боги, эта ошибка ей будет стоить дорого! И Арман почти мягко улыбнулся, наблюдая за наглой рабыней. Дрожала за его спиной прислужница, краснел и бледнел прибежавший хозяин, а рабыня упрямо склонилась над ладонью Армана. Упали на его запястье рыжие пряди, раздражили, заставили светиться татуировки рода, и на миг Армана захлестнула волна ярости. Но не время... он даст ей сказать, а потом...

Гадалка же улыбнулась, счастливо, открыто, будто вычитала в ладони что-то очень хорошее, посмотрела на Армана и тихо сказала, поправив растрепавшиеся пряди:

— Обещай, архан...

— Не наглей!

— Обещай, что выкупишь, если не пройдет и пары седмиц, как предсказание исполнится, — твердо ответила рабыня.

— Даю слово, — усмехнулся Арман, глуша в себе злость.

Она лучше бы подумала, что с ней будет, если предсказание не исполнится. А что не исполнится, Арман не сомневался. Некоторых вещей исправить нельзя. И как бы не

хотелось, Эрра не вернуть.

— Говори, тварь! — прошипел Арман.

Даже не вздрогнула, дура. Но боится. Хоть и не показывает. И губы ее дрожат, и пальцы стали холодными как лед, а она все равно упрямится, мягко касается ладони Армана, разглаживая загорбевшую от знакомства с мечом кожу.

И сходит бледность с ее щек. Розовеют губы. Опускаются веки, становится голос мягким, обволакивающим, а меж тонких пальцев показываются клубы синего дыма. Она все же маг? Ну хозяин, ну погоди — проблем с дозором не оберешься. Да и с Зиром, пожалуй, тоже: для главы темного цеха подкладывать мага в постель к мужчинам это расточительство, которого Зир может и не простить... Как и не простить того, что дозор до колдуньи доберется первым.

А девушка все что-то шепчет... И жжет синий огонь, лижет пальцы мягкими поцелуями, ластится к знакам рода, изучая, окутывает запястье светящимся браслетом, сплетаясь с татуировками. И вновь перед глазами туманится, а в зеленых глазах гадалки бьется синее пламя. И тревожит легкая нотка пряностей в аромате благовоний... магия...

— Огонь... магия... и тень разлуки... твой брат, Арман, он скоро вновь к тебе вернется.

— Нет у меня брата! — вскричал Арман.

Более не выдерживая, он вырвал из цепких пальцев рабыни ладонь и отвесил ей пощечину. Да от души, чтоб знала. Вскочил рядом Зир, о чем-то умолял до смерти напуганный хозяин, а Арман пинком перевернул столик, поднялся на ноги и медленно подошел к рабыне. Девчонка лежала на полу, держалась за щеку и тряслась от ужаса. Но Арману этого было мало. Всего мало! Он прыжком оказался возле гадалки, схватил девку за волосы и притянул к себе, шипя:

— Нет у меня брата!

— Есть, — упрямо захрипела гадалка, и Арман, сплевывая презрительно, отпустил рабыню, как надоевшую игрушку.

Она плача упала к его ногам, сжалась в клубок и задрожала, явно ожидая новых ударов. И Арман бы, пожалуй, ударил, за дерзость, за глупость, за шпарившую болью душевную рану... Но взгляд вдруг остановился на задумчивом Зире, и гнев отхлынул, оставив жгучий стыд.

Боги, ну что он творит? Бить безответную рабыню... как низко. Это все проклятая боль внутри. Она сделала его слабым...

А Зир, гад, даже не дернулся. Вновь разлегся на подушках и не пытался ни вмешаться, ни помочь рабыне, лишь попивал теплое, приправленное пряностями вино, и холодно улыбался.

Одной той улыбки хватило, чтобы протрезветь окончательно. И зайтись другой яростью, не сжигающей изнутри, а холодной, которая не лечится временем.

— Простите дуру, архан, — почувствовав перемену в настроении гостя, сразу же вмешался хозяин, — простите! Мы вам сейчас другую девочку найдем, ласковую, послушную. А эту... тварь — на конюшню! Высечь! Если хотите, можете сами...

Сами? Арман усмехнулся. А ведь миг назад он чуть до такого не опустился. Боги, сколь слабым его сделал день первого снега — какая-то девчонка сумела его вывести из себя. Да еще перед Зиром. Хватит! И этого дома веселья, и этого Зира, и этой дуры!

— Я уйду, — сказал Арман, направляясь к выходу.

И вышел бы, но рабыне оказалось мало. Она вдруг очнулась, блеснула глазами, змеей

скользнула к ногам Армана, обняла колени и завывала:

— Помни о своем обещании. Богами прошу! Помни!

— Помню! Выкуплю! — прошипел Арман, хватая ее за волосы, да так, что из глаз гадалки потекли слезы боли. — И в полнолуние прикажу высесть так сильно, чтобы никогда ты не смела потешаться над чужим горем!

А потом развернулся. И вышел. Под хохот Зира.

— Архан, ты как? — шептал Нар, накидывая на его плечи плащ. — Давно надо было закончить с этим трауром. И забыть.

— Забыть? — простонал Арман, перед глазами которого стоял Эрр... всегда понимающий, не по возрасту серьезный Эрр. Брат, которого Арман, хоть и не признавался никогда, а любил больше чем кого-либо. — А ты, ты бы забыл?

— Я бы не забыл, — осторожно ответил Нар. — Но вы — не я. Вы — сильнее. Вы — глава рода. Вы — архан!

Арман усмехнулся. Опять эти разговоры. Опять — он глава рода и должен быть сильным, холодным... Как там учитель говорил? Должен превратить сердце в камень, а душу в спокойный поток. И смог же. На целый год смог. Но эта ночь... была священной. Пока ее не испортили!

И хочется вернуться в зал и лупить наглую девку, пока кровью не изойдет, пока не взмолится о пощаде и не скажет, что соврала. Лупить, как последнему рожанину... Будто это что-то изменит. Будто вернет жизнь Эрру.

— Мой архан, — осторожно протянул Нар.

— Выкупишь рабыню, — медленно приказал архан. — Сейчас! Запрещь в моем доме и проследишь, чтобы она дожила до полнолуния. А в полнолуние шкуру с нее сдерешь! Собственноручно!

— А если?

— Никаких «если»! — зарычал Арман, вскакивая на Искру. Но уйти ему так и не дали. Зир, уже не улыбочивый и серьезный, появился вдруг в дверях и сказал то, чего Арман не ожидал услышать:

— Прости, что все испортил.

— Это не твоя вина, — вздохнул Арман.

И сказал ведь правду, увы, не его. И не Нара же, и не той девчонки-рабыни, которая, может, даром и обладала, а вот здравым смыслом вряд ли. И в следующий праздник первого снега Арман, пожалуй, останется дома, с Лином и Наром. Те уж точно поймут... А заткнуться им можно и приказать.

— Зачем ты меня искал? — настаивал Зир. — Я бы не лез к тебе, честно, но почувствовал, что это срочно. Арман... я знаю, что ты сам не свой этой ночью. И отпущу тебя, когда скажешь, чем я могу помочь.

Боги, глава темного цеха над ним сжалился? Насмешка судьбы... Но Зир прав: Мир не может ждать, пока Арман переболеет своей тоской.

«Выдай мне целителя судеб», — мысленно, чтобы их не услышали, сказал Арман.

Зир усмехнулся, будто ждал эту просьбу. Но усмехнулся как-то странно, задумчиво и даже слегка грустно... А Арман успокоил заволновавшего вдруг под ним Искру, посмотрел на искрившийся в свете фонаря снег и сказал: «Ты же понимаешь, я не просил бы без необходимости».

«Ты сам его мне отдал».

«Знаю».

«Ты сам решил о нем забыть».

«Знаю».

«Так что же изменилось?»

Искра затанцевал на только что выпавшем снегу, порыв ветра сыпанул с крыши белой пылью, и Арман скривился про себя — всего главе не скажешь. А без объяснений Зир мальчишку, увы, не отдаст... Холодная ночь. И спокойная такая... а тоска все жрет и жрет, мешает думать, сейчас, когда разум так необходим.

«Он тянет силы из Мираниса, — решил все же не юлить Арман. — И ты понимаешь, что это значит. Мальчишку надо найти и...»

«... убить».

Арман вздрогнул, до боли в костяшках пальцев сжав поводья. Ну да, убить. И, хвала богам, что убивать Рэми будут телохранители — единственные в Кассии, кому не нужна была милость Виссавии... какое облегчение, что Арману не придется самому. И трусость в то же время... а трусливым старшему быть не нравилось.

«Ты же понимаешь, если я выдам тебе целителя судеб на смерть, боги на меня разгневаются. А мой цех только и держится на их милости и удаче...»

«Потому я возьму ответственность на себя», — прервал его Арман.

«Хорошо. Но у меня два условия. Первое — завтра тебе принесут бумагу. Ты ее подпишешь. И взамен — получишь своего мальчишку. Только смотри, Арман, не ошибись. Эта ошибка нам всем будет стоить дорого».

«Что эта за бумага?»

«Смертный приговор, — Арман замер, сжав в гневе зубы. — Спокойно! Или ты мне не доверяешь?»

Арман не доверял, но другого выхода у него не было. Еще немного крови на руках? У кого ее нет? Боги заставят заплатить, так Арман заплатит, ничего не поделаешь.

«Как я его найду...»

«Он сам к тебе придет, Арман, и тогда сомнений у тебя не останется. Но не убивай его слишком быстро, это не в твоих интересах».

«Второе условие?»

«Мне нужен Лиин, — Арман похолодел, надеясь, что ослышался. — Мне нужен маг-рожанин, не помеченный печатью темного цеха. И при этом умеющий обращаться со своей силой, а несостоявшийся хариб твоего брата так подходит для этой цели. Отдай мне его. На время».

«Он вернется?»

«Ты же знаешь, наш мир неласков и случиться может всякое. Вернется, если будет осторожным и разумным. Даю слово, что сделаю все, чтобы все это случилось. Даю слово, что не буду его связывать магическими клятвами. А уж ты-то, знаешь, если я что-то пообещал...»

Арман знал. Сдерживая клубившийся внутри гнев, он кивнул главе и развернул коня к воротам. А улицы столицы все так же упрямо покрывались снегом. Первым в этом году. И неожиданно ранним. Скоро рассвет. И конец ночи скорби. Эрр... почему ты ушел так рано? Мир, скольким еще придется для тебя пожертвовать? Тошно-то как! Платить за ошибки всегда тошно. За то, что отпустил Рэми, за то, что отдал его главе темного цеха, за то, что дал ему жить спокойно. Подонку, который теперь убивает Мира!

Ночь золотила улицы светом фонарей. Аши упруго оттолкнулся ногами от крыши, расправил крылья и взлетел в звездное небо.

Он знал: недолго ему осталось летать. И, наверное, изменил бы чужие судьбы вновь...

Но... это должно было закончиться.

И Армана трогать было нельзя. Он бы никогда не простил.

Ярость. 3. Рэми. Арест

*Как можно иметь дело с человеком,
которому нельзя доверять?
Если в повозке нет оси, как можно в ней ездить?*
Конфуций

Ночь была на удивление ласковой. Морозной и тихой. Заглядывали в окно звезды, покачивались ветви яблонь, покрытые белым пухом. Поскрипывал снег под лапами пса. И от души натопленная каморка дышала уютом и казалась прибежищем в прекрасном зимнем царстве.

Рис все проказничал и отказывался спать, пока Варина, ругаясь, не попросила заглянувшего гостя посидеть с непоседливым мальчонкой. Мол, Рэми каждого уболтать может, а уж «детенка» — тем более.

Рэми, может, и мог... И даже не только детенка. Убедившись, что Варина ушла, он зажег на столике лампаду, сел на кровати рядом с Рисом и позвал махонького мышонка, позволив ему устроиться на ладони. Хоть тут дар заклинателя пригодился, вольные звери Рэми любили и слушались. Можно было бы принести с улицы кого покрупнее, но Варина будет недовольна.

— Лэми, ласкажи сказку! — просил Рис, забирая мышонка. Он устроил мягкий комочек на краешке кровати и подвинулся ближе к Рэми, положив ему грудь на колени, обняв за пояс и заглянув просительно в глаза.

— Не знаю я сказок, — неуверенно улыбнулся Рэми.

Он вообще-то любил Риса, но при шустром мальчишке терялся, боялся сказать что-то не то, неуклюже повернуться. Ведь Рис, которому недавно минуло пять зим, казался таким хрупким, болезненным. Только глазищи — огромные, цвета грозового неба — были у него живыми. Любознательными. И цепкими.

— Ну ласкажи! — продолжал канючить мальчик. Мышонок вдруг проснулся и тоже залез заклинателю на колени. Взял в так похожие на ручки лапки предложенный Рэми кусочек хлеба и начал его грызть, поглядывая на Риса глазками-бусинками.

А Рэми не знал сказок. Он слишком рано стал взрослым, да и мать, серьезная, не улыбочивая, его с сестрой сказками не баловала.

Потому Рэми хотел было уже отказать мальчишке, да вспомнил так некстати, как когда-то давно, будучи маленьким, он так же сидел зимним вечером в небольшом лесном поместье. Как смотрел таким же внимательным взглядом на дозорного, Жерла, что заменил ему отца, как вслушивался тревожно в который раз рассказываемую сказку... а, может, это была и не сказка вовсе? Рэми усмехнулся.

— Ну так слушай.

Рис опустил голову на колени заклинателя и глубоко вздохнул. А Рэми, глядя мальчика по волосам, начал рассказывать. И слова лились сами, будто их кто-то нашептывал на ухо. Может и нашептывал... Аши... вторая душа, в последнее время почти неощутимая. Дающая покой, уверенность и силу. Спавший внутри целитель судеб. Рэми уже и не верил, что он существует.

Раскинулся в далеком краю волшебный лес. Много деревьев было в том лесу, но одно выросло особенно высоким. Возвышалось оно над другими собратьями, и весь лес ему завидовал. Завидовал пышной кроне, тянувшимся к солнцу ветвям, ручейку, что поил его корни... И дерево радовалось чужой зависти. Возгордилось.

— Глупое делево, — сонно буркнул Рис.

— Глупое, — задумчиво подтвердил Рэми.

Да и не сказка это вовсе, может, не стоило беречь ребенку душу? Но слова продолжали литься, а Рис продолжал внимательно слушать.

Однажды дерево услышало голос. Слабый, почти неразличимый в шуме ветра, доносился он из-под самых корней... и был таким жалобным, что дерево на миг смилостивилось.

«Кто ты? — спросило оно. — И чего хочешь?»

«Милое деревце, помоги, я умираю, — запищал отчаянно голосок. — Ты такое сильное, такое высокое... а мне не хватает света. Не хватает солнышка... помоги!»

«Что за дело мне до какого-то ростка?» — усмехнулось дерево.

«Но ведь у каждого должен быть друг?»

И дерево замолчало. Друг? Зачем ему друг? Зачем ему кто-то? Разве мало солнца? Ветра? Птиц, что клюют его ягоды, вьют в ветвях гнезда, защищают от букашек? Разве они не друзья?

Но слова ростка запали в душу. Вспомнило дерево времена, когда было маленьким и слабеньким. Вспомнило, как тяжело было дотянуться до солнечных лучей, как было холодно и страшно внизу, одиноко... вспомнило и старую, покрытую мхом березу, что росла рядом. Береза все время шелестела успокаивающе ветвями, уговаривала не сдаваться, расти ввысь, мол, еще чуть-чуть и будет то самое солнышко, и дерево слушало. Не сдавалось.

А когда дерево догнало березу, разыгралась страшная буря. Гнула она, рвала листья и ветви, ломала и корежила, и дерево скрипело, но с упрямым стоном распрямляло ствол в каждом перерыве в завываниях бури.

На рассвете все утихло, опустилась на лес тишина, и дерево поняло — чего-то ему не хватает. Не было рядом березы. Были острые щепки пня и покрытый мхом сломанный ствол у корней...

Друг, подумало дерево. Была ли та береза его другом?

— Была, — мурлыкнул Рис. — Плодожьай, Лэми... прошу...

От воспоминаний стало больно и тревожно. А еще — одиноко. И дереву захотелось вдруг ощутить давнее тепло, поговорить с кем-то... наполнить чувством бездну одиночества.

«Живой ли ты еще, росток?» — спросило оно.

«Живой... но уже недолго...»

«Как я могу тебе помочь?»

«Разреши взобраться по тебе к солнцу... прошу...»

И дерево разрешило. Почти радовалось оно, когда что-то нежно касалось его корней, обвивало ствол, стремилось по ветвям, щекоча кору мягкими усиками, рассказывая сказки. И дерево засыпало под тихий голос ростка, и просыпалось только с одним желанием: услышать его вновь. Порадоваться тому, что растенище за ночь подросло еще немного... совсем чуть-чуть. Еще чуть-чуть...

Когда нежные, светло-зеленые стебли достигли самой вершины, дерево было счастливо. И не заметило, как облетели листья на лозе, как мягкие, зеленые стебли стали быстро крепчать, становясь коричневыми, жесткими. Как выросли на них шипы... и лишь когда врезались они в кору, вытывая соки, иссушая, дерево взмолилось:

«За что?»

«Я тоже хочу жить!» — ответила лоза.

И когда сменилась луна с ущербной на полную, пролетал над лесом демон. Увидел огромное, иссохшее дерево, увидел увитые колючей лозой ветви и засмеялся...

Вот так пришла в мир лоза Шерена.

— Рис?

Рис посапывал во сне и, наверное, так и не услышал печальный конец сказки. Может, оно и к лучшему. Рэми уложил мальчика на кровати, укутал в одеяло, погасил лампаду и вышел... Но растревоженное воспоминаниями сердце почему-то не успокаивалось.

Снег сыпал всю ночь и прекратился как-то внезапно. Очистилось небо, выглянуло солнце, углубило синие тени, и покрытый белым одеялом город расцвел золотыми искрами.

С самого утра столицу радостно будоражило. Скрежетали о мостовую лопаты: подгоняемый морозом народ суетился и спешил разгрести у домов сугробы. Бросались снежками мальчишки, мяли еще нерасчищенный снег лошадиные копыта. Колол щеки, украшал деревья пухом, а окна — ледяными цветами, мороз. Наконец-то пришла настоящая зима.

Радоваться бы. Вздохнуть с облегчением. Сбросить с плеч серость осени, но почему-то в этот день не радовало ничего, даже приезд матери и сестры, хоть и ждал его Рэми с нетерпением. Он и сам не знал, откуда взялось это тягостное предчувствие. И почему опять мучили ночью кошмары, и тянул душу, изматывал проклятый зов.

Казалось, та встреча с Миром была так давно. И узы, соединившие их, опутавшие, лишившие воли — тоже были давно. И он давно все решил, сбежал, сумел противостоять проклятому зову... Мир звал каждую ночь. Упрямо. Безумно. Душу рвал тоской. И Рэми, наверное, сошел бы с ума, если бы учитель не подарил ему амулет... паутина медных проволочек на простом шерстяном шнурке... И только после этого заклинатель стал спать спокойно...

До вчерашней ночи.

Вчера Мир вновь приснился. Бледный, исхудавший до прозрачности, он уже не звал, лишь смотрел с неммым укором. А Рэми упрямо сжимал зубы и отворачивался. Пусть себе корит, вины все равно не было. Мир требовал слишком многого. Полного подчинения. Самоотдачи. А за Рэми стоят его близкие, те, кому он так нужен. И вторая душа... Аши. Полубог, сильный и слабый одновременно. Целитель судеб. Подарок богов и проклятие.

Я с тобой, Рэми. Мы вместе выбрали, мы вместе ушли... не мучай себя этим выбором.

Да, Аши был всегда рядом. Укрывал крыльями, поддерживал, шептал что-то, исчезал, когда становилось душно и хотелось одиночества, послушно растворялся в душе, когда нужна была его мудрость и сила. Аши был почти всемогущ. Но подчинялся Рэми безропотно, берег своего носителя так, как никто и никогда не берег... и доверял настолько, что было страшно. Да, Аши мудр, но и одинок. И беспомощен в своем одиночестве. А еще... Рэми это чувствовал — Аши боялся, что носитель его прогонит.

И никогда не пытался взять вверх над носителем.

И никогда не жаловался... никогда не укорял. Принимал решения безропотно, и от этой безропотности становилось еще более стыдно и горько. Тяжелая это ноша — чужая судьба. Судьба всемогущего полубога тяжела особенно. Аши создан богами, чтобы служить Миру. Но служить не хотел. Как его носитель.

Мир — архан.

Мир может прожить сам.

Мать, Лия, Аши — нет. Да и каждый сам решает, кому служить, а кому не служить. Рэми выбрал — **прислуживать** он не будет. Ни Миру, ни кому-то еще.

Так почему сердце так болит, будто на кусочки режут? Хотя он уже давно решил забыть о Мире и его зове. И о воле богов. О предназначении свободного теперь, счастливого в своей свободе Аши.

И ведь не просто так снятся Рэми эти сны. Этот безумный, до рези в мышцах, полет, этот ласкающий крылья ветер, и радость, бесшабашная, искрящаяся, от которой охота смеяться в голос. И лежать до самого рассвета в влажной от росы траве, глядя в усыпанное звездами небо...

Это Аши. Это его полет. Это его счастье. Его взгляд в далекие звезды. И свободу крылатого друга Рэми никому не отдаст. Тем более разбалованному и излишне уверенному в себе Миру. Тем более кому-то, кто принимает такой дар как нечто должное и у кого уже есть трое телохранителей. Трое! А ему все мало! Тем более тому, кто считает Аши слишком опасным... чтобы тот жил.

Кто-то на улице задорно засмеялся, потом закричал:

— Держись! — и вновь осыпал все вокруг смехом.

Рэми выругался и упустил на пол нож, которым только что резал яблоко. Скатилась по пальцу, капнула на деревянные половицы кровь, всколыхнулся огонь в камине, и стало вдруг на диво тихо. А в этой тишине ударами сердца встревожил стук в ворота.

Со стуком вернулись и звуки: скрежет лопат, счастливый смех, приветственный лай Дины — щенка Рэми, — да треск огня в камине.

Рэми положил яблоко на стол, поднял с пола нож, схватил со стола льняную салфетку и обернул порезанный палец. Неловко набросил на плечи здоровой рукой плащ и выбежал во двор. Крикнула ему приветственно сорока, опустилась на плечо, затрещала на ухо новости, но Рэми стряхнул ее одним движением, не слушая — увидят соседи, как он ладит с диким зверьем, сплетни пойдут.

Пахнуло в лицо морозом, защипало щеки, запершило в носу. Дина, обросшая к зиме серой шерстью, счастливо заверещала. Она все прыгала вокруг, тьякала и била по снегу хвостом, потешно напрашиваясь на ласку. Все так же промокая салфеткой кровоточащий

палец, Рэми здоровой рукой погладил собаку меж ушей и быстро направился к воротам по протопанной в сугробах тропинке.

Холодно сегодня. Что хуже — на душе холодно. И тянет в груди дурное предчувствие... только бы с мамой и с Лией в пути ничего не стало... знал же, что самому стоит поехать, привезти их, но Бранше отговаривал. Рэми изгнанник. Дозорные его ищут... дозорные его не так давно ранили, и если бы не Мир и его телохранители...

Впрочем, тот долг Рэми уже отдал.

Сугробов нанесло по самый забор. Расчистить бы, да некогда — завтра родных встречать, а сегодня и прибраться надо, и приготовить, чем с дороги угостить. Хорошо, хоть Варина обещала помочь, сам Рэми обязательно что-нибудь бы забыл. А снег... худющий соседский мальчонка ведь не просто так за забором пляшет и в сторону соседа странно посматривает. Дать ему пару монет, так и снега скоро не будет. И маленькой сестре мальчика будет что вечером пожевать: мать-то их давно Айдэ забрал, отец не просыхает, а просто так брать еду мальчик не хочет, гордый... и Рэми его понимал. Сам ведь таким был.

Вот приедет мама, она быстро мальчонку и словами успокоит, и помощь принять убедит... А пока... Рэми кивнул мальчонке, а тот сразу же помчался к крыльцу, за лопатой.

— Поздновато ты! — улыбнулся Рэми, открывая калитку в воротах.

И осекся: вне обыкновения бледная как снег Варина не ответила, не улыбнулась, а согнувшись, как под тяжестью какой-то ноши, проскользнула в двор и, даже не посмотрев на горячо любимую Дину, чуть ли не побежала к крыльцу.

Рэми прикрикнул на озадаченного щенка, пропустил во двор соседского мальчишку и поспешно вошел в дом. За спиной радостно завизжала Дина, обрадовалась товарищу по играм, и ее визг разбился о глухо закрывшуюся за спиной дверь.

А дома было так неожиданно тихо... Даже мыши по погребу бегать забыли, да сорока, все так же осыпавшая все трескотней, вдруг заткнулась.

Тревожно.

Рэми вдохнул ставший густым воздух и шагнул в общую залу. Варину он увидел сразу. Зим тридцати, моложавая, всегда непоседливая, круглая и пахнувшая свежей выпечкой, она будто постарела за одну ночь. Так и не сняв плаща и заляпанных снегом сапог, сидела на скамье, бледная и бесцветная, сжавшись в комок и прижимая к груди корзину. И пахло от нее все тем же холодом, что растекался по груди Рэми. Вот оно... вот откуда дурное предчувствие.

— Я тут... принесла немного... для семьи... твоей, — едва слышно сказала она.

Что же так? Варина была все так же бледна и невесела. А ведь даже веснушки на щеках исчезли... да и сама она будто увяла, лишилась сил и жизни, а силы ей так нужны. Хотя бы для ее сынишки, непоседы Риса.

И Рэми вздохнул горестно, кинул плащ на скамью и опустился рядом на корточки, мягко забирая прикрытые льняным полотенцем гостинцы.

— Спасибо, — улыбнулся он как можно более ласково, всматриваясь в посеревшее от горя лицо. — Но что же ты так печальна, сердечко мое. Скажи, прошу... ну же, давай, родная. Может, помочь чем смогу...

Варина лишь молчала и сидела все так же, сжавшись в комочек, будто пытаясь от всего спрятаться.

Дышать тяжело.

Дар подводил: руки дрожали, по позвоночнику сбежала капля пота. Но заслоняться

щитами от Варины и ее боли Рэми не стал, не считал правильным. Магией бы ее успокоить, выгнать печаль из карих глаз, ставших почти родными. Укутать в теплый кокон силы, заставить раскрыть душу, говорить...

Но Варина не знала, что Рэми — маг. Такое знание опасно. И заставляя ее потом забыть опасно, Рэми еще слишком неопытен. И потому Рэми попросил Аши уйти, и остался с болью Варины сам...

Аши тут тоже не помощник. Наказывать провинившихся целитель судеб умел и любил, а вот там, где надо было посочувствовать и помочь, оставлял решать носителю. А сам просто был рядом, мягкой и ласковой тенью, подбадривал. И был готов вмешаться, когда будет совсем тяжело.

Рэми вздохнул украдкой, чувствуя, как сгущает кровь, тянет в болото чужое горе. Встал, потянувшись к кувшину с водой. Но, посмотрев на Варину еще раз, передумал, полез на верхнюю полку за припрятанной для матери вишневой наливкой. Налил немного в чашу и подал Варине, вновь опускаясь перед ней на корточки.

Ее руки дрожали так сильно, что отпить глоток пришлось помочь. Потом еще, и еще. Лишь когда глаза ее покрылись дымкой безразличия, а исходящие от гостыи волны боли стали мягче и менее мучительными, Рэми еще раз спросил:

— Скажи, мне, что тебя так гложет?

— Гаарса арестовали, — дрожащим голосом ответила Варина.

И будто очнулась, схватила Рэми за рукав и заговорила быстро-быстро, горячо, надеясь услышать правильный ответ:

— Рэми, родненький... Они говорят, мой брат — убийца! Ты ведь не веришь, правда? Скажи, что не веришь?

Рэми никогда не умел врать. И раньше, чем он успел ответить, Варина обмякла вдруг, выпустила на пол чашу, и остатки наливки пролились красной лужей по недавно чистым половицам. Будто почуяв, завыл за окном щенок. Вновь застрекотала, на этот раз тревожно, сорока. Каркнул где-то на яблоне ворон и зашевелилась на чердаке сова.

Все почувствовали смятение заклинателя. И Варина, увы, тоже. Она всхлипнула едва слышно, закрыла лицо руками, горько заплакала. И помочь же нечем. Этому нельзя помочь...

Щиты все же пришлось поставить, отгородить себя от ее ужаса. А ее от своей горечи. Убить для доброй и нежной Варины было чем-то немислимым.

Как и для Рэми...

Но легко осудить кого-то чужого, а как кого-то, кто стал почти родным? Гаарс — их глава рода. Рэми поверил ему, видел его насквозь, и не понимал... сегодня он вообще мало что понимал...

Он поднял с пола чашу, наполнил ее до краев наливкой и выпил под тихое рыдание Варины. Но легче не стало. И не станет.

Он уже вчера знал, что так будет, но ничего не сделал. Потому что трусливо боялся до конца поверить, что это правда.

Вчера вечером выл за окном ветер, кидался в закрытые ставнями окно, нес на крыльях колючий холод. А в маленькой коморке, куда вместились стол да пара полок, было тепло и уютно. Свеча расплескивала по столу непоседливый свет, поблескивали в полумраке разбросанные на столе амулеты, сочилась сквозь пальцы магия, начиная бездушный металл

капелькой силы.

Аши исчез, наверное, заскучал и решил полетать в своих облаках. А сидеть тут и в самом деле было скучно, зато думалось хорошо.

Крысенку тоже было хорошо. Сначала он поглядывал на заклинателя из угла, а потом, осмелев, забрался на стол и уселся рядом с рукой Рэми, шевеля усами так потешно, быстро-быстро, напрашиваясь на ласку.

Рэми улыбнулся, достал из кармана всегда припасенный на такие случаи кусочек хлеба и подал его крысеньшу. Зверек ел хлеб жадно, фыркая и поскрипывая от удовольствия.

А Рэми со вздохом вернулся к амулетам. Его просили вплести в металл удачу, а он вплетал волю судьбы. Сначала случайно, потом, поняв свою «ошибку» — специально. Возьми этот амулет, и хорошему человеку станет житья лучше, а вот плохому...

Он горько усмехнулся. Удачу могут получить, пожалуй, все, а вот как они ее используют...

Скрипнула за спиной дверь, всполохнулся крысеньш, вбежал по руке Рэми и скрылся в его кармане, но сам Рэми даже не шелохнулся, узнав и ауру, и тихие, вкрадчивые шаги. Учитель. Вошел, как всегда, молча, сел напротив, отбросив на стену уродливую тень. Да красавцем Урий не был: маленького роста, почти карлик, с тонкими, кривыми ногами и вечно спутанной копной черных волос, что почти закрывали грубое, будто высеченное из камня лицо. А еще и горб, к которому так и норовили прикоснуться глупые прохожие. На удачу.

Но стоило Урию оглянуться на наглеца, как все мечты об удаче улетучивались: больно взгляд у Урия был тяжелый. Недобрый. И люди убирались с его дороги, молясь только об одном — чтобы не пришла к ним беда. И дом его стороной обходили, ведь там жил «кривой колдун».

Но Урий был не только крив, он и богат. И опасен. Маг, служивший темному цеху, он творил в своем небольшом доме заклинания и магические побрякушки, о которых Рэми даже знать хотел.

Он и быть тут не хотел, но Гаарс, глава рода, не оставил выбора. Рэми — сильный маг и должен уметь справляться со своим даром. Как не справлялись высшие маги даже под присмотром лучших учителей — знали все. Рэми и сам видел: выжженные, годами неспособные оправиться леса, пожары, что могли успокоить только такие же высшие, чуть светившийся синий туман по ночам, в который входило было опасно...

Рэми не имел права срываться. Значит, должен быть послушен учителю, способному его сдерживать. Урию. И главе рода не откажешь — магия связи не позволит.

И потому пару дней в седмицу Рэми проводил здесь, исполняя поручения Урия. Благо, что поручения тягостными не были да и учителем Урий оказался неплохим — внимательным и вдумчивым. Вкрадчивым. Которому так сложно было доверять, хоть и знал Урий о Рэми больше, чем, пожалуй, даже глава его рода.

— Хорошо работаешь, мальчик, — сказал колдун, повертев один из законченных амулетов. — Такие амулеты, пожалуй, у меня с руками оторвут...

Рэми посмотрел на учителя искоса, гадая, вправду тот доволен или просто издевается? Или же не понял?

— Некоторым может не понравиться.

— Мы продадим тем, кому точно понравится... — многозначительно ответил он.

Значит, все же заметил. Впрочем, дураком Урий точно никогда не был. Дурак в

столице, пожалуй, долго не проживет.

— Рэми, пойми — это не для тебя.

Слова были так неожиданны, что Рэми не сразу в них поверил. А когда осмелился поверить, понял вдруг, что учитель смотрит испытывающее, с легкой грустью. Значит, будет тяжелый разговор. Но уж что-то, а разговаривать Рэми умел: Аши со своей силой целителя судеб научил.

— А что для меня? — спокойно спросил ученик, мысленно холодея и стараясь, чтобы не дрожали руки, а голос не выдал бы волнения.

Прятаться ото всех, даже от учителя, мороком магии Рэми научился уже давно. И учитель просил раскрываться крайне редко. Даже напротив, настаивал, чтобы морок стал для ученика как второй кожей, чем-то, что окружает везде и всегда, мол, так от ушлых дозорных и их вездесущих шпионов спрятаться легче.

Прятаться приходилось. Мало того, что Рэми — маг, что для низкорожденного, рожанина, — преступление, так еще и Арману, старшему столичного дозора, на глаза попадаться не хотелось. Хоть и отпустил Арман, да как-то во все это не верилось.

— Тебе нельзя быть среди убийц, — ответил учитель на полузабытый вопрос, резким движением смахивая в шкатулку начиненные магией амулеты.

Шкатулка нашла свое место среди многих на полке, а Рэми взял из стоящей рядом берестяной коробочки еще один амулетик.

Обычная статуэтка змеи — хоть и сделана с любовью, но пустышка. Но стоило пальцам пройтись по вылитым кольцам, как металл ожил, на мгновение вспыхнул синим, и готовый амулет с глухим стуком упал на стол. А Рэми потянулся за следующим.

— А вам?

— Я? — учитель тяжело сел напротив.

Положил локти на стол и посмотрел прямо в глаза, будто душу взглядом пронзил. Нехорошо от этого взгляда, от этого разговора нехорошо. И Аши почувствовал тревогу носителя, тенью встал за спиной, подбадривая и прислушиваясь. А Урий продолжал:

— Я... боги создали меня для темного цеха. И мне тут хорошо. А вот ты, приехал в столицу недавно. Вошел в род Гаарса — недавно. А так и не понял, что твой новый глава рода принадлежит к цеху наемников.

Наемников? Убийц? Статуэтка змеи вспыхнула в руках красным, металл расплавился и начал капать на стол, но Рэми все так же не поднимал взгляда на учителя. Лишь взял другой амулет, чувствуя, как поднимается к горлу, клубится в груди синим огнем гнев. Нельзя это выпускать наружу: снесет все. И эти стены, и этот дом.

Т-с-с-с... я рядом... я помогу сдерживать нашу силу...

Пусть будет «нашу». Аши здесь, и это хорошо. И теперь ближе, стоит просто за спиной, обнимает крыльями, выжидает.

— Ошибаешься, — так же спокойно сказал Рэми. — Гаарс — хороший человек. Он не может быть убийцей.

Урий лишь улыбнулся, обидно улыбнулся, как неразумному ребенку, и сказал:

— Одно другому не мешает. У каждого из нас имеется свое место и своя цель. Пусть даже это цель — чистка. Дележку на плохие-хорошие давай-ка оставим на совести богов, с

нас, смертных, хватит и собственного выбора. Перед которым тебя вскорости поставят.

— Не понимаю, — прошипел Рэми, оставляя работу и в упор посмотрев на Урия. — Вы о чем, учитель?

Дивно, но Урий взгляда не выдержал. Посмотрел вдруг в исчерченный мелкими царапинами стол, взял из берестяной коробки «пустышку» и так же легко, как и ученик, наполнил ее магией.

— Мы думали, что договорились... — уже гораздо спокойнее заметил он, — и цех наемников тебя не тронет. Но что-то изменилось, говорят, им слишком много заплатили за какую-то не очень хорошую работу, глава заказ взял, а вот исполнять — некому. И потому вчера был у меня кое-кто из цеха наемников. Хотел узнать о твоих способностях. И я его понимаю. Еще бы — такое сокровище, маг, не подвластный Кодексу. Высший, который может убивать. Сильный, подчиняющийся Гаарсу, наемнику. Ты хоть понимаешь, какая это редкость?

— О каком Кодексе ты говоришь?

— Сила, дарованная богами, даже для высокорожденных, арханов, это проклятие, Рэми, — пояснил Урий. — И потому любого высшего мага-архана связывают магической клятвой. Пунктов там много, часть скрыта от простых смертных, но о части из них могу тебе рассказать. Клятва не убивать без веской причины. Не вредить. Не трогать тех, кто слабее.

— ... без причины, — прошипел Рэми. — Только вот причины могут быть разными...

— Спасение жизни, — перебил его Урий. — Пусть даже и своей собственной. Если ты угрожаешь этому миру, высший маг может тебя убить...

— И угроза может быть всякой... может, кому-то только кажется, что ты угрожаешь...

Аши, например... они думают, что Аши им угрожает. Значит, могут убить и его, и Рэми, наплевав на все Кодексы!

Но мы ведь так просто не дадимся...

— Ты все понимаешь, мой мальчик, — усмехнулся Урий. — Не даром носишь в себе целителя судеб, видишь больше, чем дано кому-то другому, чувствуешь сильнее и глубже. Да, причины могут быть разными, но никогда высший маг не станет подчиняться цеху наемников. Над ним стоит лишь повелитель и его наследник и больше никто. Верь мне, это цепи, которые многие бы посчитали за свободу.

— Хорошо, понимаю, — прервал его Рэми и почувствовал, как легла на плечо, успокаивая, ладонь Аши, — клятвы я не давал, Кодекс соблюдать не должен. Дальше?

— А что дальше? В скором времени тебе предложат выбор, мой мальчик. И я бы очень хотел... когда это произойдет... чтобы ты не спешил с ответом, а пришел ко мне. За помощью.

— А какая мне разница? — холодно ответил Рэми, бросая амулет на стол. — Вы меня используете или они?

Урий опять замолчал. Прикусил губу, потом сделал еще один амулетик и вдруг прошептал:

— Мы знаем больше, чем цех наемников, — осторожничает в словах, ох осторожничает, Рэми это чувствовал. — Мы никогда не станем тебя ни к чему принуждать.

— Почему? — спросил Рэми, пытаясь поймать взгляд учителя.

И поймал. На свою голову. Бесшумно рассмеялся за спиной Аши, прошептав что-то вроде: «Ох уж эти люди», а Рэми шумно выдохнул, расплавил еще один амулет и, уже не обращая внимания на стекающий по пальцам металл, отрезал:

— Бойтесь? Кого?

— Ты знаешь, — быстро ответил колдун. — Мы все боимся.

Рэми знал. И не хотел верить, хотя и сам недавно боялся Аши, боролся с ним, отказываясь делить тело с проклятым полубогом. Но теперь стало до боли обидно и горько. Аши не заслужил. Он никому не причинил вреда, чтобы его так опасались.

Они не меня, они себя боятся... своей слабости и ошибок, Рэми. Они боятся, что за все придется платить... я заставляю платить. Я, целитель судеб. Они думают, что я карая, а я...

А Аши спасает... Потому что наказание его куда милостивее, чем наказание богов.

— Тогда зачем я здесь? — спросил Рэми, глядя на стекшую с пальцев металлическую лужу. И показалось на миг, что в этой луже свернулся клубком, посмотрел недобро пушистый зверь... но в запале чего только не покажется.

— Хорошие вопросы задаешь, — усмехнулся учитель. — Правильные. Все вы, виссавийцы, это умеете — задавать правильные вопросы.

Виссавийцы? Уже не в первый раз Урий почему-то называл его виссавийцем. А что у него общего с этими самими виссавийцами — странными жителями соседней страны, всегда неприветливыми, неотзывчивыми, скрывающими лица до самых глаз. Рэми их толком никогда не видел, но почему-то терпеть не мог! Чувствовал, надо держаться подальше, а своему чутью он всегда доверял больше, чем чему-то другому.

— Я не виссавиец! — прошипел он. — Не хочу быть одним из них, слышишь! А ты уходишь от ответа. Почему? Почему я здесь? Если вы меня бойтесь, к чему было связываться? А?

Урий вздрогнул, но ничего не ответил. Лишь поймал ученика за запястье, отвел его руку в сторону и посмотрел на лужу.

— Знак барса. Его знак. Ох, Рэми, как бы ты не хотел, встречи тебе с ним не избежать.

— Отвечай на вопрос! — не выдержал Рэми, и Аши склонился над ним да так близко, что Рэми почувствовал на щеке прикосновение его волос... тень, которая Урию не видна. Сегодня Аши не хотел быть замеченным.

— Что? — оторвался Урий от созерцания лужи. — Зачем ты здесь? Чтобы делать амулеты...

Скрипнула едва слышно ставня, Рэми через силу выдохнул, чувствуя, как поднимается к горлу волна гнева.

— Врешь! — выкрикнул он.

— А что ты ожидал услышать?

— Правду!

— Тогда слушай... правду, — усмехнулся Урий. — Ты — маг. Сильный, да неопытный, аж смотреть страшно. Как лавина — в любой миг можешь обрушиться и снести всех. Да тьма со всеми! Ты можешь снести себя самого, а это гораздо страшнее! И нашего главу темного

цеха попросили за тобой присмотреть.

А ведь он прав...

— Кто попросил? Ну снесу, вам-то что?

Урий недолго молчал, а потом вдруг начал говорить, да с таким неожиданным жаром, что Рэми поначалу опешил, а потом и дышать забыл, слушая:

— Ты слишком молод, мальчик, потому и не помнишь! Виссавийцы тебе не нравятся? Вскокиваешь от одного сравнения с ними, а не знаешь. Совсем недавно, два десятка лет назад, все было иначе. Люди умирали от глупости, от царапины. Потому что помочь было некому. И даже моя мать умерла, а я как дурак — стоял и смотрел, как она мучается. А знаешь почему? Потому что молод был и глуп. И сила моя, которой теперь я горжусь, дремала. Была спрятана, чтобы не дайте боги, кто-то не учуял, не отправил меня на костер. Только я ведь о силе знал... и когда целитель выжрал все деньги, да махнул рукой, попытался помочь матери сам. Знаний не хватило... я ее изжарил. Заживо!

Рэми прикусил губу, не пытаясь вмешаться. И уже не тянулся за другими амулетами, лишь плавился в волнах горечи. Он понимал. Он тоже совсем недавно давил в себе проблески силы, гнал из души Аши и так боялся, боги, как же боялся, кому-то навредить своей магией! А теперь? Теперь все изменилось. И Аши стал лучшим другом, тем, кто отозвался на горечь, укрыл черными крыльями. И шептал едва слышно...

Слушай... слушай же...

— Что ты на меня смотришь? Почему ты так на меня смотришь? — горько смеялся Урий. — Она умирала, я помог. До сих пор в ушах стоит ее протяжный крик. Не дает спать ночами, а тогда... я и вовсе с ума сошел. Бежал из дома, проклял все на свете, а в особенности — цех целителей. И того «целителя», которому я сам, этими вот руками, отдал последние деньги.

— Урий, — прошептал Рэми, впервые назвал учителя по имени, подкрепил слова магией, утишая чужую боль. — Видят боги, мне так жаль...

— Я ходил по лесам, прятался в болотах, как зверь, выл, медленно сходя с ума. Каждый миг ожидая зова. Даже жаждал его, потому что сам умереть не мог, так хоть бы другие помогли...

Он замолчал на миг, и на этот раз меж его пальцев потек металл. А Рэми, ошеломленный и взволнованный, сидел неподвижно, боясь прервать столь неожиданный поток слов. Скрипнула за стеной колодезная цепь, тяфкнул отрывисто пес, и учитель вдруг показался другим... таким живым. И близким. И захотелось, до боли захотелось помочь, успокоить. Но Рэми не знал как. И даже сила целителя судеб не помогала, молчала, будто уговаривала не вмешиваться. Дослушать.

А перед глазами кутался в вязь тумана предрассветный сосняк. И замер в сером мареве несуразный косоногий мальчишка, упал вдруг коленями в лесной мох. Рэми будто был там. Будто стоял рядом, видел, как дрожат хрупкие плечи, как рвется из горла мальчишки то ли плач, то ли вой... и сам хотел выть от беспомощности. Он ничем не мог помочь... Опять. Ничем. Не мог. Помочь! Боги...

— Меня нашел братишка, — продрался через власть видения бесцветный голос Урия, — ему тогда всего семь зим было. И просветил — жрец смерти на мать мою посмотрел, головой покачал и никому ничего не сказал... Сам тело омыл, сам завернул в саван, так и

зарыли. Никто и не узнал. А жрец братишку в сених отловил и шепнул — чтоб я вернулся. Сам. И к нему пришел. Только как я мог-то?

Не мог. Рэми тоже, наверное, бы не смог... И вновь перед глазами плывет, а в горле першит... проклятый дар сочтется сквозь кожу и несет новое видение...

И вновь лес, родной и ласковый к чужому заклинателю, наполненный светом, с золотящимися паутинами и начинающими ронять листья березами. А в лесу, такой неправильный, такой чужой — тот же худой, кривенький мальчишка. Взгляд затравленного зверя, размазанные по грязным щекам дорожки слез и душившая, бьющая из взгляда боль с ненавистью. И вновь хлопнули за спиной крылья Аши, а сила целителя судеб, ласковая, теперь такая близкая, окутала душу теплым коконом. Аши успокаивал. Аши душил бьющее изнутри сочувствие...

Рэми знал, что это прошлое. И что там ничего не исправишь, зато можно исправить другое... и что надо всего лишь слушать, слушать... и глушить горечь видений.

«Хорошо, молодец», — прошелестел внутри голос Аши.

— Только как я мог вернуться, а? — продолжил Урий, и Рэми на этот раз полностью выскользнул из видения, слил свою душу с душой Аши, привычно почувствовал, как потекла по венам сила, увидел, как вспыхнули и потухли в одно мгновение нити судьбы. И вдруг начал видеть иначе: ясно и спокойно.

— Нет, я, вернулся, но к жрецу не пошел. Я к целителишке тому пошел. И спалил. Заживо. На этот раз — нарочно, а он даже сопротивляться не мог — не было в нем силы. Одна только дурь была, слышишь! И папочка — старейшина. Все! Что, Рэми, теперь и тебе тошно стало?

Ночь. Темная, беззвездная. А в ночи, алым одеялом — стена огня. Плавятся стекла огромного дома, обугливаются на глазах стены, суетливыми муравьями выбегают из дома люди. Челядь. Челядь-то что ему сделала? И застыл на пригорке все тот же мальчишка, темная, уродливая тень на фоне проклятого дома. А там, внутри, корчится, связанная магией по рукам и ногам, чужая душа. И на уродливом лице мальчика столько восторга и радости, что оно стало даже как-то прекрасным... той самой демонической красотой, от которой по коже дрожь, а по позвоночнику — холод...

Рэми отшатнулся, чуть не упав со стула. Но ответить то, что от него ждали, все же сумел:

— Нет. Продолжай...

— А потом я решил, что все кончено. И жизнь моя — кончена. И сопротивляться тому не думал. Сел на пол у кровати и ждал. Жреца смерти. Тот явился быстро, солнце взойти не успело. И, знаешь, что он сделал? Сдал меня дозору? Как же! Денег дал и в столицу отправил. С письмом...

Рэми, стремясь чем-то занять руки, взялся за новые амулеты. Вздрогнул, вложил в глупую игрушку, пожалуй, слишком много магии, бросил ее на стол, и, не выдержав, встал и подошел к окну. А там, за прозрачной, отражающей тени света, преградой, подглядывали звезды сквозь ветви яблонь. Белел в полумраке снег... глубокий и почти нетронутый, с пятнами собачьих следов да точками от сорвавшихся с яблонь капель. Покой... покой

дарованный богами там, за окном, и огонь чужой горечи внутри. Тошно как...

— Здесь все оказалось иначе, — говорил за спиной Урий. — И мой дар никому не мешал, и учителя нашлись, даже слово «убийца» их не остановило. Понемногу я и семью сюда перевез, как человек зажил, да и страх забыл... только вот цех целителей ненавидел все так же сильно. Потому что не лечили они, только золото брали. И нам бы, темным, радоваться — да магия исцеления, она же больно хитрая. Даже нам неподвластная.

Неподвластная? А вот у Рэми получалось... как и у виссавийцев, почему? До боли прикусив губу, он смотрел в окно, на тени собак у забора, на скатывающуюся к крышам домов полную луну, на глубокое, как вода в лесном озере, густо-синее небо. И слушал, слушал, впитывал каждое слово.

— Люди умирали, один за другим, богатые ли, бедные ли, а цех целителей жировал. Жить-то всем хочется. И что б любимые жили — тоже хочется. Вот люди и платили... а куда ж денешься?

Неправильно это... запах трав в их лесном доме. Мягкий голос матери, когда она склонялась над больным, терпкий аромат зелий... у мамы ведь тоже получалось, может хуже, чем у виссавийцев, но все же... И никогда она не брала больше, чем люди хотели давать. Давали же... и молоко приносили под дверь, и только снесенные яйца, и еще мягкие и белые внутри орехи: если захочешь отблагодарить, найдешь же чем, даже если дома не всегда богато.

Некоторое время Урий молчал, а потом продолжил.

— И я успокоился, пока не заболел братишка. Метался в кровати, исходил кровавым потом. Все простыни алыми были... а в доме воняло гнилью. И кричал он так страшно... а целители... только руками разводили. Серебро брали, а помочь, сволочи, опять не могли. И магия моя, сила моя — не могла... Знаешь, что это такое — смотреть на любимого человека, видеть, как он страдает, и быть бессильным?

Рэми знал, но опять промолчал, скользя взглядом по темным крышам. Этот мир недобрый, вкус отчаянной беспомощности знаком тут каждому.

— Ничего ты не знаешь... Желая спасти брата, я сделал нечто... о чем жалею до сих пор, и, что самое страшное, сделал это зря. Не помогло.

Сказанное удивило. И Рэми даже обернулся, чтобы уточнить, что именно сделал Урий, но учитель уже продолжил:

— А чуть позднее прибыли послы ларийцев. А вместе с ними — столь редкий тут тогда виссавиец. Станный такой. Тонкий, как тростиночка, лицо все время какой-то тряпкой закрывал, будто солнца боялся. Поговаривали, что урод он, безумный. Может, и безумный, но брат мой умирал. А по городу ходили дивные слухи, мол, умеет виссавиец исцелять, да так, как нашим «целителям» и не снилось, вот я и не выдержал. Братишку в одеяло завернул, взял пару верных слуг и понес к тому целителю.

Урий промолчал немного, улыбнулся, как-то странно улыбнулся, тепло, отчего лицо его засветилось внутренней красотой, а сердце Рэми вдруг сжалось, и продолжил:

— Знаешь, а он меня принял. Без виссавийского намордника, без вопросов. А сам... не уроды они, Рэми, такие, как мы. А тот мальчик был совсем. Худой, маленький... А глазщи — как у тебя, огромные, черные. Ручки тоненькие, счас переломятся. И сам он какой-то хлюпкий...

И Рэми вдруг увидел того мальчика. Молодой совсем еще, тонкий, как тростиночка, а взгляд... сколько недетской мудрости в том взгляде! И хочется коснуться щеки виссавийца,

стереть магией взрослую серьезность из удивительных глаз, и просыпается вдруг в груди невесть откуда взявшаяся тоска... будто Рэми все это видел, знал, чувствовал... И забыл.

— Но, хлюпкий телом, он духом посильнее нас с тобой был. Как брата увидел, как и собрался весь. И глаза, до этого улыбочивые, серьезными стали. И голос, мягкий, спокойный, вдруг жестким сделался. Не как у этих целителешек, совсем не так. Те болтали — этот делал. Приказывал. Брата моего быстро наверх унесли. Раздели, на кровать уложили. И меня никто не гнал, так я вслед за мальчишкой в комнату и закрался, в уголке притаился.

Рэми опять все видел... Будто сам там был... Плыл на волнах видения и все боялся в нем утонуть...

Богато обставленная, но такая маленькая спальня. Обитые буком стены, громоздкий стол у окна с витиеватой резьбой. Тяжелый бархат темного балдахина над кроватью, шелк простыней, вышивка серебром по краю наволочки. И сожаление в глазах служанки, когда на такую красоту опустили мечущегося в бреду светловолосого мальчишку. Рожанина.

По приказу целителя плотно задернули шторы, слуги вышли из спальни и зашуршала ткань, когда виссавиец открыл лицо. А потом полился над кроватью, с ладони мага зеленый свет, отражаясь в широко распахнутых глазах целителя, и мальчик на кровати закричал, тонко, безумно, но замер, стоило тонкой руке лечь ему на плечо. И все равно напрягал жилы, будто старался вырваться из невидимых сетей, и все силился, силился, что-то выдавить сквозь плотно сжатые зубы.

— Все закончилось так быстро. Стало вдруг темно, и я услышал, как что-то упало. А когда слуги раздвинули занавески, виссавиец лежал на полу. Без сознания. А мой брат... он спал. Вечером проснулся и на поправку пошел.

Рэми вздохнул глубоко, задохнувшись от чужого воспоминания. Сколько света, кристальной честности было в том виссавийце! И душа Аши внутри усмехнулась, горько, безжалостно... может, в Виссавии все такие? Но Рэми вдруг вспомнил другой блеск в глазах другого целителя — блеск презрения. Виссавийцы не умели прощать. И оступившихся не исцеляли никогда.

— Я собрал серебра, все, сколько имел, к виссавийцу начал проситься, не пускали. Говорили, спит он. Три дня спал. А на четвертый меня принял, бледный такой, уставший, серебра не взял, лишь улыбнулся слабо и попросил своей богине, Виссавии, помолиться. Я и помолился: три дня постился, три дня стоял на коленях перед ее алтарем, благодарил, даже плакал. В последний раз в жизни тогда я плакал. И все вспоминал бледную улыбку своего брата, что очнулся после болезни. А на четвертый дал себе клятву помогать виссавийцам. И помог. Благодаря нашему цеху они получили патент на целительство в Кассии. И пусть они исцеляют не всегда, пусть иногда отказывают — но они умеют исцелять. А цех целителей, который теперьдохнет от голода — не умел.

— Все это хорошо, — прошептал Рэми, отходя от окна и вновь возвращаясь на свое место. — А причем здесь я?

Учитель опять замолчал, собираясь со словами, а потом ответил:

— Если ты не знаешь, почему, то должен ли я...

— Раз уж начал... — криво усмехнулся Рэми.

— Тебе необходимо понять — союз с Виссавией это лучшее, что есть у Кассии, и мы не

можем его потерять.

— Так я как бы и повлиять на него не могу...

— Можешь! — выдохнул Урий. — Если ты умрешь, Виссавия заставит Кассию умыться кровавыми слезами. Так что будь добр, поверь мне. И прекрати глупо собой рисковать!

— А разве я рискую? — пожал плечами Рэми.

Урий лишь глянул на него внимательно и пробормотал:

— Ну-ну, видимо, иначе ты не умеешь... Что ж, сыграем на твоей виссавийской брезгливости...

— Я не виссавиец, — прохрипел Рэми.

— Но оно же не столь и важно, правда? — сказал Урий. — Не веришь мне? Ну так отдай Гаарсу это.

Он достал из-за пазухи маленький мешочек, улыбнулся как-то странно и протянул мешочек Рэми. И Рэми взял. Положил на стол и неловко провел по нему кончиками пальцев. Мягкая, вышитая серебром замша еще хранила тепло человеческого тела, что-то кольнуло знакомой силой и перед глазами на миг поплыло. Там внутри жила магия... Знакомая и ласковая, сдерживаемая вышитыми по замше рунами... и чем-то странно испорченная. Решительно взяв мешочек, Рэми вопросительно посмотрел на учителя.

— Загляни внутрь, — мягко улыбнулся тот.

Прогрохотала за окном карета. Ухнул где-то рядом филин, почуяв волнение заклинателя, а Рэми осторожно развязал завязки и вытряхнул на стол белоснежную, гладкую до блеска ветвь на кожаном ремешке.

И сразу же стало тяжело дышать от искрившейся вокруг ветви силы, а сердце заныло от дурного предчувствия. Он уже видел эту вещичку, держал ее в руках, помнил пальцами каждую ее трещинку, как и намертво впечатанную в нее силу... Более того — знал, кому она принадлежит.

Но теперь он знал об амулете гораздо больше, то, чего и знать не мог. Что ветвь эта когда-то была не белоснежной, а бурой с алыми прожилками. И что срезать ее было тяжело и утомительно. И что являлось древо эррэминуэля лишь избранным и приходиться к нему надо было босым и после долгого поста, непременно на закате в преддверии полнолуния. Когда прилетает шальной, неведомо откуда взявшийся ветерок, и ветви, с упругими темно-зелеными листьями, начинают сталкиваться друг с другом и чуть слышно звенеть, складывая звон в песню.

Где-то слышал Рэми эту песню. И даже отчаянно резал ветвь подаренным кем-то кинжалом и оплакивал слабость еще детских рук.

— Хорошая работа, правда? — с ноткой гордости в голосе сказал колдун, разгоняя то ли сон, то ли воспоминание.

Рэми не ответил. Осторожно потер между пальцами кусочек дерева, даря ему часть своего тепла. И вдруг потеплело на сердце. Закружилась голова, обострились запахи и вспомнилось...

Он был маленьким и счастливым. Заливало солнце луг, покачивались ромашки, и Рэми бежал, бежал по траве, разгонял кузнечиков и так боялся опоздать... Не догнать идущей по тропинке мальчишеской фигуры. И вдруг что-то подвернулось под ногу, и Рэми упал, пропахав ладонями по чертополоху. Стало больно и обидно. Кто-то крикнул что-то за спиной, но тот мальчик, что шел впереди, был быстрее. И родные руки прижали к себе

крепко, и окутал их обоих аромат жасмина...

— Не ушибся? — в знакомом с детства голосе дрожало беспокойство. И, несмотря на то, что ладони жгло от боли, Рэми впился в тунику Ара и шепнул:

— Нет.

— Ар? — прошептал Рэми, сжимая амулет и задыхаясь от льющейся от магической вещицы силы.

— Отдай! — вмешался Урий. — Вижу, что жива твоя память, просто глубоко запрятаны те воспоминания, которых выпускать ты упрямо не желаешь...

— О чем ты? — непонимающе спросил Рэми, отдавая амулет Урию. Но колдун, хоть амулет и взял, но на вопрос опять не ответил. А Рэми на этот раз и не настаивал.

— Этот амулет сделан для важного человека, Рэми. Есть у нас в городе один дозорный... зовут его Арманом. И вы ведь уже встречались, не так ли?

Рэми вздрогнул, и морозный холод с улицы продрал до костей. Еще как встречались. Значит, Рэми не ошибся, и амулет его...

— Глава северного рода, гордый до жути, — продолжал Урий. — Но мужик справедливый, понятливый, судьям зазря не отдает, и на том спасибо.

— Почему ты о нем вспомнил? — задумчиво спросил Рэми, отказываясь отдавать магическую вещицу.

— Заказали Армана.

Слова дошли до разума не сразу. А когда дошли, воздух вдруг сгустился, и Рэми на миг покачнулся. Армана вновь хотят убить? Ну и что? Только дышать легче не становилось, а Аши почему-то молчал и не спешил вмешиваться. А где-то внутри приоткрылась вдруг укутанная рунами дверь и оттуда поманило таким холодом, что Рэми вмиг пришел в себя и смутился, когда понял: все это время учитель молчал, смотрел внимательно и будто ждал чего-то...

— За что? — выдохнул Рэми раньше, чем понял, насколько глуп этот вопрос. И сразу же пожалел, отворачиваясь. Он сам выбрал держаться от Армана подальше, вычеркнуть и его, и Мира из своей жизни, так что достаточно! Всем не поможешь... Всех не спасешь! А Арман взрослый сильный мужчина, воин, сам справится.

— Откуда я знаю, — пожал плечами Урий. — Но я знаю другое.... Раз в году, в праздник первого снега, Арман напивается до отключки. Все об этом знают. Как и о том, что отряд в этот день со старшего глаз не спускает, чтобы тот куда не влип... Хоть Арман о слежке даже не знает.

— И... — выдохнул Рэми, на миг задумавшись.

Что за боль жрет сильного и гордого дозорного в этот день? Да еще настолько сильная, что надо утолять ее вином...

— В такие дни он идет в дом веселья, заказывает целый зал и пьет до умопомрачения. Только мужик он сильный, и пьяный умеет быть опасным. И разума никогда не теряет. А в этот раз потерял. Вспылил на девчонку-рабыню, да и не заметил, как свой драгоценный амулет потерял... Слышал я, что вещичка эта была последним подарком его погибшего брата и что, проспавшись, Арман за амулетом сам пришел. Все углы в доме веселья облазил, слуг опросил, да амулета не отыскал... Что и понятно. В тот день в доме веселья был один наш друг. Как он там оказался, дело десятое, но вещичку он подобрал. Хотел было Арману

вернуть, да вот только забывал как-то. А как пришел заказ на дозорного... вещичка та перепала мне.

Почему слушать это так больно? И стыдно? И в то же время сладко... Будто знал Рэми, кого и что оплакивает Арман в тот день, будто это знание грело душу... но греть не могло. Не могло быть хорошо, когда кому-то плохо, а было. И вновь приоткрылась закрытая намертво дверь, а Рэми сжал зубы, отдаваясь под власть нового видения:

Льется через окна лунный свет, бьет по глазам. Обжигает белоснежный свет из родных глаз:

— Пойдешь со мной, Нериан, — голос родной и чужой, вновь неверие... Этого не может быть...

— Нет, не могу... Не хочу! А-а-а-ар!!!

Удар. Неверие... Разве так может быть? Кровь на губах, тихий стон, и вновь удар об стену... Больно... Почему ты мне делаешь больно, дядя!

— Продолжай... — выдохнул Рэми. А потом вдруг спохватился, схватил Урия за руку и спросил:

— Почему ты мне это рассказываешь? Зачем амулет Гаарсу? Он пойдет убивать Армана? — и замер, уже зная ответ и не желая его слышать. Но и Урий ученика щадить не намеревался. И стало опять горько и стыдно. И за себя, и за главу своего рода, и за свою глупость...

Рэми отпустил руку Урия, отвернувшись. Винить некого. Он сам, собственными руками, отдал свою свободу Гаарсу. Поверил... Идиот! Поверил!

— Гаарс попросил меня слегка изменить эту вещицу. И именно он понесет ее в замок.

— И?

— Заладил со своим «и»! Умрет Арман завтра, не чуешь? Магия это, сильная, древняя, и заряжен амулет мною... а с меня клятвы неубийста никто не брал. В твоих руках — безобидная игрушка, в руках Армана... А теперь отнеси это Гаарсу и посмотри, что он сделает.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Глава темного цеха решил, что тебе полезно это знать. А еще просил передать, что, если ты не вмешаешься, мы не будем виноваты в смерти Армана.

— С чего вы взяли, что я захочу вмешиваться? — прошипел Рэми, выхватывая у Урия мешочек.

— Ну-ну, посмотрим. Ты можешь идти, на сегодня мы закончили, ученик.

Рэми посмотрел в последний раз на учителя, схватил плащ и выбежал из дома. Ему нельзя встречаться с Арманом... Но и бросить его нельзя, не так.

Выбор, опять выбор!

А вернувшись домой, замерзший и уставший, Рэми сполз по стенке на пол и взмолился: «Ради богов, Арман, будь сегодня осторожен!» И сам удивился, когда показалось, что кто-то ответил: «Буду, Эрр». И, странно, стало вдруг намного легче, а где-то рядом вновь усмехнулся, взмахнул крыльями довольный чем-то Аши.

Чем? Снисходительностью полубог не отличался никогда. А Армана спасал не раз.

Это было вчера, а, казалось, было так давно. А сегодня так раздражающе весело скрипела за окном лопата соседского мальчишки, нетерпеливо поскуливала Дина, ожидая, пока друг закончит работу, а Рэми все стоял неподвижно, опираясь ладонями в стол и уставившись в полную яблоч вазу, и слушал, слушал, почти бесшумный плач Варины.

Каркнул за окном ворон, и Рэми спохватился, глубоко вздохнул, потирая виски. Голова болела немилосердно. И почему именно сегодня Гаарсу надо было вляпаться во все это? Почему именно Армана он пытался убить? И почему Рэми это так волнует?

И этот выбор... Вчера был выбор — отдавать Гаарсу тот проклятый амулет или нет, прислушиваться к своей интуиции, или нет, а сегодня вновь выбор — спасти Гаарса или нет. Хотя какой там выбор, что он может сделать?

— Рэми, родненький, помоги! — плакала где-то рядом Варина.

Рэми шумно выдохнул. Что же он — не о себе теперь думать надо, о Варине. Об Алисне, о Бранше, о Рисе, которые теряют главу рода. О семье...

— Хотел бы, — беспомощно ответил он, — но чем?

И сам ответил на свой вопрос — надо идти к Арману. Броситься в ноги, просить о милости, и Арман да, скорее всего смилостивится... Но Рэми знал какой ценой и не был готов заплатить эту цену.

Он уже хотел сказать вслух, что поможет, что Варина может не волноваться, как вдруг гостья заговорила сама:

— Знаю, родненький! Знаю, что для тебя этот день значит, — взмолилась она, цепляясь за рукав Рэми, — но к кому мне было пойти? К Бранше? Он дурак, а ты, Рэми, ты умный! Все сделаешь, как надо. Только поспеши, его еще можно спасти...

— Что я могу? — устало спросил Рэми, чувствуя, как его бросает то в жар, то в холод. Проклятье! Ведь уже всё наладилось... Всё. Закончилось. И Рэми успокоился... и вот опять почему боги так жестоки? — Чего ты от меня хочешь?

— Можешь! Отнеси это в замок повелителя, миленький! — Варена вскочила со скамьи, откуда только силы взялись, порылась в корзине и сунула в руки Рэми небольшой сверток.

— Гаарс важному человеку помог, — быстро шептала она, будто боялась, что Рэми передумает. — Я не знаю, что там было. Миленький, ничего не знаю. Но архан у нас долго дома пролежал, и если бы не мы, кровью бы истек, таким, сомневаюсь, что виссавийцы помогли бы. Рэми, хороший мой, ласковый, напомни ему о долге, может, он сможет что-то сделать... Родненький мой, отнеси это в замок! Сама бы сделала, но сил у меня нет, смелости... И с арханами я разговаривать не умею, а ты все же мужчина... Сильный!

Рэми до крови прикусил губу, посмотрел в расширенные, полные страха глаза Варины, и вдруг понял, что хорошей жизни у него больше не будет. Ловушка захлопнулась, назад пути нет.

Он развязал шнур на свертке, развернул на столе кусок ткани и устало посмотрел на небольшой округлый амулетик на кожаном шнурке. Удивляться сил не осталось: на амулете свернулся клубком какой-то зверь... и Рэми не сомневался, что это за зверь. Барс, значит... от судьбы не уйдешь.

«Не ходи, — пытался урезонить Аши. — Гаарс всего лишь убийца, которому нужен лишь твой дар. Ничего более...»

И Рэми, увы, знал, что он прав...

Но как не пойти, если совесть замучает. Хоть Гаарс и убийца, наемник, а Рэми-то он недавно помог...

— Встретишь моих? — устало спросил он, крепко, до рези в ладони, сжимая проклятый амулет.

— Спасибо, Рэми, спасибо, родненький, — Варина спрятала бледное лицо на плече Рэми. — Кому еще мне довериться?

И под издевательскую трескотню сороки Рэми обнял ее за плечи, почувствовав вкус горечи. Будто расставались они надолго. Будто та самая мирная жизнь, к которой Рэми уже успел привыкнуть, вот тут и закончилась.

— Мне надо идти, — ласково ответил он, сажая Варину на скамью. — Позаботься о Лисе и матери.

Вот и все... Так смешно. В морозный день под стрекот сороки. И опять дорога Рэми в тот замок, откуда он совсем недавно так постыдно бежал...

Холодно... и как-то жутко. Жрет изнутри совесть, едва не катятся по щекам слезы. Арханы, высокорожденные, они безжалостны. Что им жизнь какого-то рожанина? Им убить, что червяка растоптать. Не стоило отправлять Рэми в замок... ведь если с мальчиком что-то случится, Варина этого себе не простит. Никогда...

Тихо поскрипывал под поводьями снег. Поругивались, топотали и приплясывали, пытаюсь согреться, у ворот стражники, ожидали за углом путешественников повозки. Пытаясь унять тоску, Варина судорожно вглядывалась в лица прибывающих. И все боялась пропустить, хотя и глуп был этот страх. Куда денутся две женщины в незнакомом городе?

Холодно-то как... Хорошо хоть Рис остался дома, с Бранше. Не удумали бы чего... а то что один, что другой, как два ребенка.

Бранше появился у них всего пару лун назад. Толстый и шумный, веселый и такой милый... мягкий как булочка. И забавный... только вот довериться ему никак... Шальной он какой-то, ребячится слишком.

А совсем недавно, луну назад, в первый раз пришел к ним Рэми... совсем иной. Тонкий, бледный, волосы-то темные, а глазищи... темный омут, вот все девки в округе в этом омуте и утонули. Тогда Рэми едва на ногах стоял, а все равно внутренней силы в нем столько было, что Варина сразу поняла — еще один мужчина в доме появился. Взрослый и дельный, хоть и мальчишка совсем: Гаарс говорил, ему всего семнадцать стукнуло. И что с одиннадцати Рэми на себе семью тащил. В одиночку.

А какую луну назад случилось что-то. Может, поссорился Рэми с местным арханом, может, натворил что-то, почему Рэми из родной деревни бежать пришлось, Варине не говорили. И явился к ним Рэми едва живой, с трудом оклемался, а потом часто шушукался о чем-то с братом, Гаарсом, и ходил какой-то странный, задумчивый. Будто носил на плечах огромную ношу. А позднее Гаарс сказал, что Рэми в их род вошел... вот так просто они стали кровниками... просто ли?

Рэми казался гордым лебедем среди простых гусей, ему бы арханом родиться, гордым своей кровью, наверное, такой бы правил иначе, чем некоторые, с умом и достоинством... но боги жестоки и родился этот лебедь посреди обычного гусятника.

Не выдерживая ожидания, Варина взобралась на стену. Слепила белизной, переливалась серыми тенями под стенами равнина. Медленно продвигалась по змее тракта очередь из саней. Быстро спрыгивали с козел возничие, бежали к будке дозорных, подавали какие-то там бумаги, платили за въезд в город, за томившийся в санях товар. Что-то кричали ожидавшие товар купцы, ссорились, грозились, орали на возниц, с подозрением осматривая

обледеневшие мешки. И вновь двигались к воротам новые сани, и вновь шуршали в замерзших пальцах бумаги, и вновь сыпались в шкатулку монеты...

Подбегавшие прислужники отвозили сани в специально для этого поставленные возле ворот сараи, наскоро меняли их на повозки: на расчищенных городских улицах саням не проехать.

Ругались дозорные и купцы, споря о налогах. Кричали приветственно лавочники, встречая товар. Ожидали подношений богам сидевшие в стороне жрецы в разноцветных балахонах.

Много серебра и меди оставляли богу торговли Вархе и его смешливому брату, Ирае, покровителю путешественников. Быстро наполнялась монетами чаша у ног облаченного в золотистые одежды жреца бога удачи Хея. Доставалось неплохо и богине плодородия — матери Эйме. Но чаще всего люди подходили к жрецу черного Айде, бога смерти, потому что смерти подвластны все: и богатые, и бедные. И даже Варина, уставшая, одуревшая от страха, кинула в деревянную чашу пару монеток: «Смилуйся, о Айде! Не забирай Гаарса...»

Жрец не слышал бесшумной молитвы, но на миг вырвался из сонного оцепенения, кивнул Варине и прочертил в воздухе благословляющий знак. Может, обойдется, и боги услышат? Пожалуйста, пусть они услышат...

Внезапно почувствовав озноб, Варина запахнулась в шерстяной платок и устало посмотрела ставшие у ворот, крашенные яркой росписью сани. Чуть слышно заржала, обрадовавшись скорому отдыху, каурая лошадка, закашлялся усатый возничий. И улыбнулась вдруг сидевшая в санях тонкая девушка, восторженно улыбнулась, открыто, а широко распахнутые темные глаза ее засверкали счастьем и любопытством. Сидевшая рядом с ней строгая женщина, наверняка, мать, подала какой-то лист бумаги подошедшему дозорному, и возничий спрыгнул на расчищенную мостовую, помогая тонкой девушке сойти с саней. И посмотрел с таким восхищением... будто на редкостный цветок, внезапно оказавшийся в его загрубевших, широких ладонях.

Девушка взглядов возничего не замечала. Она все так же с восторгом рассматривала высокие городские стены, впитывала в себя городскую суету, хруст снега под быстрыми шагами. И вздохнув, будто поняв, что не видать ему этого цветка, возничий развернулся к прислужнику, кинув ему монетку. Затем помог женщинам сгрузить прямо на снег немногочисленные узлы, вежливо поклонился попугицам и направился к дозорным.

И в тот же миг встрепенулась, смахнула с себя оцепенение Варина. Она узнала, не могла не узнать, и глубокий взгляд девушки, и странную, будто аристократическую выправку женщины, и уже не сомневаясь шагнула вперед.

Она не могла обманываться. И когда темный, спокойный взгляд женщины остановился на Варине, по спине пробежал холодок страха. Разговор с матерью Рэми легким не будет.

В крохотной камере было тепло и сухо. Тюфяк на полу — свеженабит соломой, остывавшая на грубосколоченном столе еда — вкусной и сытной. Наверное, так ее не кормили никогда. И не заботились подобно этому странному мужчине в неприметной одежде.

Она не знала его имени. Она не знала, кто это. Она не знала, почему он принес ей в первый же день теплую и добротную одежду, почему небрежно бросил на тюфяк одеяло, почему оставлял на вечер свечи. И даже, когда она обмолвилась, что умеет читать, принес ей книгу...

В дорогом переплете!

Она забывалась в исписанных каллиграфическим почерком строках, она читала до изнеможения, пытаясь забыть холодный взгляд серых глаз и четкие, режущие сталью слова.

Помню! Выкуплю! И в полнолуние прикажу высечь так сильно, чтобы никогда ты не смела потешаться над чужим горем!

Новолуние уже так скоро, через пару дней, а что, если она все же ошиблась?

— Он ведь забыл, правда?

— Он никогда и ничего не забывает, — ответил мужчина, забирая поднос с почти нетронутой едой. — Так что молись, чтобы твое предсказание исполнилось вовремя.

Вовремя? А что исполнится он не сомневается?

Ярость. 4. Арман. Чужая игра

*Правила игры нужно знать,
но лучше устанавливать их самому.*
Анджей Сток

Первый снег лег также и на горы. Укутал вершины, скрыл опасные скалы, спрятал извилистые тропы. Выровнял все и всех.

Снег струился меж сосен одеялом, поблескивал в лунном свете, навевал покой, и захотелось вдруг сложить крылья и нырнуть вниз, в пушистые, обжигаяще холодные объятия. Может, станет легче...

Аши знал, что уже не станет.

Устав лететь, он камнем упал в белое марево, поднимая ворох пушистого пуха. Сел прямо на земле, как дитя обнял руками колени и, посмотрев в бездонное, усыпанное звездами небо, взмолился:

— Почему, отец? Почему не даешь ему помочь? Почему я должен его оставить? Почему я не могу изменить нити судьбы Алкадия? Люди меня считают всесильным... но ты... ты сделал меня таким слабым... почему?

Поняв, что ответа не будет, Аши бессильно сжал зубы и, как ребенок, спрятал лицо в коленях. Но он не был ребенком. И успокаивать его было некому. Отец молчал, будто не слышал. Или не слушал. Единственный, кто его пожалел, кто дал приют в собственной душе, попал в ловушку, из которой даже Аши его спасти не мог...

Алкадий на самом деле еще не знает, кого он поймал. Но однажды узнает... и если у Рэми к тому времени не будет сильной защиты...

Выхода нет. Вздохнув, он еще раз посмотрел в бездонное небо и закрыл глаза, дал выход собственной силе, раскрывая ладони... стало тепло и спокойно. Заструились вокруг, заласкали пальцы нити судеб... и пусть не все Аши может изменить, не всему помочь...

Две нити... Две сильные судьбы — в одно...

— Прости, Рэми... я знаю, что мы оба выбрали не это...

Мерно бьется где-то вдалеке сердце носителя. На миг затихает, будто прислушиваясь... и вновь пускается вскачь, отзываясь на едва слышимый, приглушаемый магией зов.

Зов становится с каждым днем все слабее... надо спешить. Пока для всех не будет поздно.

— Почему ты столь доверчив, мой юный маг? — мягко улыбнулся Аши.

— Тише, дитя мое, тише, оно и к лучшему... — мягкий женский голос. И Аши, вздрогнув, открыл глаза. И, еще не поверив, спросил:

— Виссавия?

Но ответа не было. Боги безжалостны. Ко всем, даже к сыну верховного бога, Радона.

— Не надо, дитя мое, не травми себя опасными мыслями.

И вновь тишина...

Отблеск огня в камине струился по влажным простыням. Запах пота, мокрых волос, ласковое, податливое тело... Телохранитель наследного принца, Кадм, добивался этой арханы так давно, так не хотел, чтобы им мешали, но хариб был неумолим...

— К тебе гость, — прошептал он едва слышно на ухо, и в глазах его мелькнула тень неодобрения...

Кадм поцеловал красотку в губы, встал и накинул халат. Гость посреди ночи? Это было даже забавно...

В приемной было тихо как в гробнице. Свет в ней казался мертвенным, а пол под босыми ногами — холодным. Кадм налил немного вина, сел на край письменного стола и не слишком ласково посмотрел на гостя: наглец. Рожанин, Кадм даже отсюда чувствовал: татуировки у гостя желтые. И магии нет совсем, но... Кадм оставил вино в сторону: душу-то его на разглядишь. Она будто в тумане... как начинаешь пристально смотреть, так ускользает. И теперь понятно, почему хариб им так заинтересовался: гость ведь необычный. Очень. А с первого взгляда и не скажешь: этакий отожравшийся клубок, сын богатого рожанина: четыре щеки, ленивые движения, каштановая копна волос. Вонь от пота. И веснушчатое лицо. Увидел бы на улице, сразу бы и забыл. А тут, в тишине приемной, забудешь теперь...

— Как вы сюда попали? — спросил Кадм, хотя и знал, что гость ответит вряд ли. Хотя уже то, что дух замка пустил его посреди ночи, было, мягко говоря, странным.

— Скажем так, — ответил наглый рожанин, — у меня есть некоторые связи при дворе.

— У рожанина? — иронично заметил телохранитель.

— Может, и у рожанина, — невозмутимо ответил гость. — Вам-то ли не знать, что в некоторых делах ваше происхождение даже помеха.

Кадм знал, хорошо знал. И уже забыл об архане, заинтересовавшись гостем всерьез.

— Как вас зовут?

— Имеет ли это значение?

Кадм усмехнулся, выпрямившись. Прошелся вокруг невозмутимого рожанина, присмотрелся, и любопытство росло внутри с каждым новым вздохом. Интересный толстячок, непростой. Да и в ворота его рубахи виднелась игрушка, которой у бедняка быть не должно — редкой формы необработанный лунный камень... от которого едва ощутимо несло магией... знакомой какой-то магией. Впрочем, зачем смущать гостя. Позднее успеется, при необходимости.

— Зачем пришли? — продолжал допрашивать Кадм.

— Сначала договоримся, мой архан.

Хамство гостя уже не забавляло, но Кадм решил еще немного поиграть:

— Условия здесь ставлю я.

— Вы? — усмехнулся гость. — Так ли? У меня есть знания, которые вам пригодятся, а что есть у вас? Власть? Вы даже не можете меня арестовать, потому как не за что.

— Дерзость — достаточный повод. У нас на конюшне секут за меньшее.

— Вы правы. И достаточный повод, что я использовал заклинание забвения... и тогда никакие пытки не вырвут из меня то, что я собираюсь рассказать добровольно. Вы же знаете, как это просто. Раскусить горошину....

Игра забавляла все сильнее. Кадм подавил в себе желание наказать хама магией, это было бы неинтересно. Горошина? Заклинание забвения? Этот толстяк не знает, с кем имеет

дело. Один щелчок пальцами, и он даже подумать не сможет о каких-то там заклинаниях... немного стараний и расскажет обо всем, вспомнит все, даже сколько раз обделался в штаны в далеком детстве...

Может, так и стоило поступить. Даже наверняка, стоило. Но у Кадма не было сегодня настроения. Да и смотрел толстяк так... Он тоже играл. И думал, что выйдет из игры победителем. Наивный.

Но можно и поиграть, ведь нужен-то сейчас совсем не толстяк, не победа, а информация, что он принес. Желательно, очищенная от шелухи магического безумия. И впервые в жизни Кадм все же сдался рожанину...

— Я вас слушаю, — сказал Кадм, усаживаясь в кресле. — Расскажите мне о ваших... условиях.

— Вы не будете выяснять моего имени, — заметил Бранше, подхватив со стола плод санте.

Видимо, он чувствовал себя гораздо увереннее, чем Кадму хотелось. Но есть люди, которых так просто не унижают. Толстяк начинал нравиться, да и не заигрывался... Пока.

— Я уйду без слезки, и вы забудете мое лицо. Дайте слово архана.

— Может, еще и клятву мага? — парировал Кадм.

А рожанин даже бровью не повел, будто и не заметил насмешки, лишь продолжал тем же ровным тоном:

— Это будет излишним. Вы — честный человек. Я — не желаю вам зла, напротив. Так давайте друг другу слегка подыграем.

— Слегка? — съязвил Кадм, поставив локти на стол и положив подбородок на сцепленные пальцы. Нет, этот рожанин был по-настоящему забавным в своей наивности.

— Так ли уж нужна эта перепалка? Мы теряем время. А время, поверьте мне, дорого.

— Хорошо, — усмехнулся Кадм. — Я даю вам слово. Продолжайте.

— Я живу в одном очень странном доме, — заметил толстяк, устроившись на одном из стульев у стены. Сел без спросу... совсем редко, видимо, общается с арханами, но к чему дурака учить манерам? При его наглости итак проживет недолго... Правда, стула немного жаль — бедненький давно не испытывал такой тяжести и жалобно заскрипел, моля о помощи. — И никогда не выдал бы тайн его обитателей... Но меня поставили перед выбором.

— Между кем и чем? — заинтересовался Кадм, сам дивясь своей терпеливости.

Более странного человека он в жизни не видал. И более умного видел редко. Особенно при дворе.

— Между долгом и дружбой.

— Вы выбрали долг?

— А что бы выбрали вы? — парировал он. — Ваши вопросы не облегчают нашего разговора. Сами понимаете...

— Продолжайте, — уже серьезней сказал Кадм, вновь поднимаясь.

— Хозяин моего дома принял вчера странного гостя. Никогда не видел его раньше, и, надеюсь, никогда не увижу впредь. Еще надеюсь, что тот человек никогда не узнает о нашем разговоре. Он принес моему знакомому золото, много...

— За что-то?

— Он принес заказ цеху наемников на некого... Армана, друга наследника повелителя Кассии.

— А вы пожалели Армана? — поинтересовался Кадм, начиная раздумывать — гость ведь знал слишком много, и был слишком интересен, чтобы его отпускать так просто. Но данное слово надо держать... Да и пока рожанин сам выдавал информацию, давить на него Кадм не решался. Под пытками люди бывают так раздражительно непредсказуемы. Начинают плакать, рассказывать о детстве, о глупых обидах и прочем, забывая о нужном палачу...

— Для начала заказчик заплатил за убийство Армана. Так сказать, в качестве испытания, что цех способен подобраться очень близко к наследному принцу. Если бы убийство удалось, он заплатил бы цеху в десять раз больше золота за голову...

— ...Мираниса...

— О так!

— Еще раз спрашиваю, вам какое дело? — спросил Кадм, раздумав иронизировать. Разговор становился опасным: если цех наемников возьмется за Мираниса, им придется туго...

— А если я скажу что-то еще? О предсказании, что род Деммида угаснет. А также о разочаровании короля Ларии, для которого ваш архан является...

— Внуком, — гость кивнул. — Я слушаю вас.

— Мой король послал меня, чтобы я кое-что выяснил.

— Вы ведь не кассиец?

— Не совсем. Татуировка у меня настоящая... кое-кто все же принял меня в свой род, а следуя вашим обычаям этого достаточно, чтобы стать настоящим кассийцем. Как вы угадали, родом я из Ларии.

— Что я могу сделать?

— Вы должны охранить Армана этой ночью. Даже ценой смерти моего знакомого, которому дали задание... он получил некую вещичку, очень сильную. Как он ее использует, я знать не могу, но использует уже сегодня. А я через своих друзей вызову из Виссавии одного человека, который попросит цех наемников об услуге... никогда не поднимать руку на наследника трона Кассии.

Надо же... у рожанина на самом деле неплохие связи. Впрочем, чего еще ожидать от шпиона короля Ларии?

— Какого виссавийца вы вызовете, позвольте поинтересоваться?

— Арама, сына Акима, слышали о нем? — Кадм кивнул, естественно, слышал. Кто не слышал о любимом советнике вождя Виссавии? О молодом мальчишке, который взлетел настолько высоко, что и посольства Кассии временами принимает вместо вождя. — И, надеюсь, знаете, что цех должен Араму.

— Забавно, — усмехнулся Кадм. — И что же вы такое можете предложить виссавийцам, чего нет у нас?

— Это не важно. Важно, что вы получите передышку.

— Только передышку?

— Цех не выдаст заказчика. Это знаем и я, и вы. Знаем и то, что повелителю не нужен конфликт с цехом наемников. Я заставлю цех отступить от заказа. Вы — не дадите убить Армана.

— А как же ваш знакомый с цеха?

Гость слегка побледнел, и ответил так, как Кадм не ожидал:

— Он сам выбрал свою судьбу.

Только уверенности в его голосе уже не было

Слово свое Кадм сдержал, хотя отдал бы много, чтобы выяснить, кем был тот человек и куда он ушел. Но и другим телохранителям принца, и телохранителям повелителя о разговоре рассказать не забыл.

Арман всегда любил мороз и глубокий снег. Может, потому что родился он в ларийских горах, в чистоте припорошенных снегом вершин. Потому что в колыбели он лежал на звериных шкурах, а предки его белыми тенями бегали по вершинам. Гордый, свободный и суровый клан белого барса. Та родина, которой Арман никогда не знал, но о которой временами так тосковал. И жалел, что еще несмышленным мальчишкой его притянули в эту Кассию, а дальше...

А дальше отец женился во второй раз, родился младший братишка, Эрр, за ним — тихая и серьезная Лилиана, которой Арман почти не помнил. Маленькая девочка, что так боялась старшего брата. Но почему-то, когда он тренировался в зале, любила прятаться за колонной второго этажа и наблюдать сквозь перила. И Арман усмехался, но виду, что сестру заметил, не давал, а няньки с ног сбивались, пытаясь найти беглянку.

Ему было одиннадцать, Эрру шесть, Ли — всего три. Вот тогда их жизнь и разбилась вдребезги. И днем позднее, стоя над огромной серой лужей, оставшейся от поместья и его обитателей, Арман не пытался вытереть бегущих по щекам слез... в один миг... гнев высшего мага уничтожил все в один миг... и стены, еще вчера такие крепкие, расплавились, похоронили тех, кто был внутри, и у Армана не осталось никого... Кроме этого проклятого первого снега, что падал и падал на эти серые волны, кроме той самой тяжести на плечах, которая вмиг стала неподъемной.

Арман тогда не хотел думать. Дышать не хотел. Жить не хотел. Зачем и для кого? И когда ему предложили убрать боль магией... он воспротивился.

Смерть близких надо преодолеть. Самому. И ношу эту надо нести, ради их памяти, ради любви, которую он к ним чувствовал, ради воспоминаний, так тревожащих душу. Но опекун, Эдлай, все же смог уговорить... с условием, что одну ночь в году Арман сможет отдать памяти близким. Один раз в год, не столь и большая цена... до недавнего времени.

Острие меча взлетело, отразило проникающий через окна свет и остановилось возле горла воина. Арману надоело играть. И противник оказался слишком уж слабым, молодым совсем, и клубившийся гнев не давал должно сосредоточиться на тренировке. Дав указание, Арман знаком поставил воину в пару одного из своих дозорных и стремительно вышел из зала. Забыться в драке сегодня не удалось. Как и позволить себе перекинуться барсом и выйти в лес, побегать по свежему снегу, забыть в беге о тревожащем предчувствии... и о злости. За все надо платить.

Один раз выйдя из себя, он потерял в том проклятом доме веселья амулет, последний подарок брата. Белоснежную ветвь магического дерева на простом кожаном ремешке. Вещичку, за которую ему не раз предлагали и золото, и драгоценные камни, но с которой Арман так и не смог расстаться. Амулет спас ему жизнь. Не раз, не два, не три. Он тяжелел, когда чувствовал опасность, он был щитом против любой атаки магией, он был памятью об Эрре... И Арман его потерял!

Он отправил в дом веселья Нара, перерыл там все сам, опросил слуг, послал Зиру весточку, что если амулет у него... Глава цеха ответил лишь короткой запиской и странной просьбой забыть об утерянном подарке. Но есть вещи, о которых не забывают. Амулет не

простой и однажды всплывет, запросится в руки владельца. Вплыл, запросился, но он как бы есть и как бы его нет... Лиина бы сюда с его магией. Да вот только Лиина пришлось отдать Зиру. Рэми, заплатишь!

Кабинет встретил благословенным покоем, пылинками, летающими в солнечном свете, и запахом книг, которыми были заставлены стеллажи до самого потолка. А еще неожиданным гостем. Синеглазый и высокий, гость присел на край письменного стола и невозмутимо листал одну из книг, казалось, и не заметив прихода хозяина.

— Рад тебя приветствовать в своем доме, телохранитель, — поклонился Арман.

Когда-то не приходилось ему кланяться. Когда-то Вирес был в роду Армана и натворил таких бед, что Арман почти подписал ему смертный приговор. Но вмешался повелитель. И теперь тот сорвавшийся мальчишка, высший маг с огромным даром, вырос и стал телохранителем Деммида, отца наследного принца, Мира.

Ровесник Армана, Вирес был самым молодым из трех телохранителей Деммида. И по возрасту стоять бы ему рядом с Миранисом, да вот не справился бы тринадцать лет назад принц с сорвавшимся магом. Сказать по правде, Арман думал, что и Деммид не справится.

А обернулось вот оно как: высший маг, гордость Кассии, Вирес тем не менее не погряз в гордыне. Тихий и малозаметный, он не лез ни во власть, ни в придворные разборки, стоял всегда как бы в стороне, в тени. Но одно слово его значило, пожалуй, не меньше, чем слово повелителя. И уж точно больше, чем слово легкомысленного и слишком уж поддающегося эмоциям наследного принца.

Тайное оружие в руках Деммида. Человек, державший в тонких пальцах обширную шпионскую сеть и входящий туда, где входа не было даже Арману.

Каждый архан в Кассии — маг. Но дар Виреса был редким, огромным, что и сделало его одним из немногих — высшим, даже избранным среди высших — телохранителем. Одаренным не только даром, но и острым умом...

— Мог позвать, а не приходиться, — сказал Арман, удивленный столь неожиданным визитом.

— Ты же знаешь, не люблю суеты и ажиотажа, — усмехнулся Вирес, кидая книгу на стол. И во внимательных, синих глазах его промелькнула насмешка. — А сам, по собственному желанию, ты заходишь так редко. Думаю, что слишком редко.

Арман слегка насторожился. Интерес Виреса вполне мог означать интерес повелителя, значит, Деммид начинает терять терпение. А Арману, увы, им сказать особо нечего. Зир умеет прятать своих протеже: Арман всю столицу на уши поставил, а и следов Рэми не нашел. Страх перед главой темного рода замыкал рты даже самым смелым. А если не помогал страх, отлично помогала магия целителя судеб. Но Рэми был рядом, Арман это чувствовал. И он достанет мальчишку, уж не сомневайтесь. Тем более, что цена уже оплачена.

— Я не нашел целителя судеб, если ты пришел за этим, — не совсем почтительно начал Арман. — Если найду, я доложу тебе немедленно. Ты же знаешь, я не могу ослушаться твоего приказа.

— А об этом ты бы когда доложил? — спросил Вирес и вытянул из-под плаща свернутый в трубочку лист бумаги. — Без суда, без следствия... я понимаю, он хотел тебя убить. Но разве в первый раз? Так к чему подписанный приговор и спешка? Даже без допроса магией? Ты не хочешь узнать, кто его послал? Если боишься, что он умрет во время допроса, так просто доверь этот допрос мне. Уж я ему умереть не дам...

— Я и так знаю, — отвернулся Арман. — Я не совсем знаю пока зачем, но этот человек, увы, мне этого не скажет. Это всего лишь марионетка в чужой игре, и мы оба это знаем.

— Так скажи мне, что ты еще знаешь.

Арман пожал плечами, присел рядом с Виресом на край стола, сложил на груди руки и все так же спокойно сказал:

— Мы не найдем целителя судеб, так просто, Вирес. Сила Рэми проснулась, хотя вряд ли он ее использует осознанно. Однако вторая душа, твой любимый Аши, в нем не спит. И плетет нити судьбы так, чтобы носитель с нами больше никогда не встретился. Думаю, именно поэтому мы его так долго не могли найти. Как-никак мальчику уже семнадцать, а его сила пробудилась только сейчас. И если эта вторая душа проведает, что мы играем против нее, она уничтожит нас в одно мгновение, как, думаю, уничтожала препятствия до сих пор. Я и без того удивляюсь, что мы сейчас живы... И, думаю, останавливает ее только одно...

— ...воля носителя.

— Вот именно. И Рэми появится на нашем пути только в одном случае — если он сам захочет. И, думаю, теперь его пытаются заставить захотеть.

— Кто?

Арман промолчал. Говорить о своем близком знакомстве с главой темного цеха Виресу, пожалуй, не стоило. Ведь Вирес служит повелителю, а Арман, что бы там не говорил Миранис, служит наследнику. И временами наследник хочет совсем не того, что его отец.

— Кто бы это не был, он играет очень осторожно. Потому один неверный шаг...

— ...почему играет на нашей стороне и так рискует?

— Потому что выбирая между Рэми и Миранисом, он выбрал Мираниса. Прости за цинизм, но падение дома повелителя ему не выгодно. Этот человек не знает языка чести, зато он отлично знаком с языком выгоды.

— И этим опасен еще более, — Арман кивнул. Хорошо, когда тебя понимают с полуслова. — Тогда расскажи о том убийце, если не хочешь рассказывать о нанимателе...

Арман выпрямился и, взяв со стола брошенную телохранителем книгу, подошел к полке и поставил ее на место.

Он не хотел рассказывать, как его что-то разбудило поздней ночью. Какая-то тревога, тихий шепот: «Будь осторожен», и предчувствие беды. Сон будто рукой смахнуло, и Арман сел на кровати, пытаясь разобраться, что его так встревожило. Но ночь была тихой и мирной. Плыла за занавесками луна, ласкала лучами тяжелые волны балдахина, углубляла белизну простыней, пахнувших жасмином. И все казалось погруженным в белоснежное море — и кровать, и балдахин, и стены, и расписанный рунами сундук... временами Арман ненавидел белый цвет своего рода.

Ири спала рядом, раскинувшись на своей половине кровати. Ее блестящие, черные волосы рассыпались по подушке, струились по тонкой шее, прятали за вуалью точенную грудь, и Арман почувствовал вдруг, что тревога уходит, а кровь медленно вскипает в жилах. Он легонько провел пальцами по щеке Ири, прошептал ей на ухо:

— Просыпайся, — и вздохнул, почувствовав, что в спальне они не одни.

— К тебе пришли, — сказал невозмутимо стоявший у кровати Нар.

— Гонец?

— Нет.

— Из дозора?

— Нет.

— Нечто срочное?

— Нет.

Арман тихо поинтересовался:

— До утра подождать не мог?

— Арман... Тебе понравится то, что принес гость. Верь мне.

«Понравится» и с новой силой скребущая на душе тревога? Ири томно вздохнула во сне, на миг открыла глаза и внезапно перекадилась на кровати, оказавшись в объятиях Армана.

— Не ходи, — прошептала она.

Но оставаться расхотелось. Арман поцеловал Ири в макушку, прошептал:

— Мне надо идти, — и сел, приняв от хариба домашнюю тунику.

Ири красноречиво вздохнула и умокла, наверняка напоровшись на холодный взгляд Нара. Хариб не любил любовницы своего архана. Он вообще не любил таких женщин, как Ири, не доверял им, знал, что она пойдет с любым, кто больше заплатит, и Арман это тоже знал. Только старшего это вполне устраивало — когда Ири надоест, он найдет другую. А Ири подарит красивый дом на окраине столицы, даст богатое приданное. И выбор... либо искать другого богатого любовника, либо выйти замуж и успокоиться. Но она уж точно не будет плакать, убиваться и играть в любовь после расставания. Она знает, на что шла и чем это должно закончиться. Уж жениться сейчас Арман не собирался, а вот снять время от времени напряжение в приятной компании... это да.

Он натянул рубаху и посмотрел на лежащее рядом с подушкой оружие. Клинок из ларийской стали в искусно расписанных ножнах. Подарок Мира. Сбалансированный для Армана, он сейчас сам просился в руку. А зверь внутри щерился в оскале и прижимал уши, предупреждая об опасности, но сам Арман лишь улыбнулся холодно и приказал Нару:

— Ты не выйдешь, пока я буду разговаривать с этим человеком.

И добавил:

— И будь осторожен. Что-то тут не так.

Нар поклонился, сразу напрягся как-то, став серьезнее, сам взял с кровати клинок и протянул его Арману:

— Буду, мой архан.

Арман пристегнул кинжал к поясу и вышел в небольшую комнату возле спальни, служащую ему то кабинетом, то временной столовой, то просто местом для частных разговоров. И слегка удивился, увидев там ожидающего посетителя.

Посетитель, как ни странно, грозным не выглядел. Опрятен, не слишком высок, силен тоже не слишком... пожалуй, воин он слабый, магического дара Арман в нем не почувствовал, как и опасности. Глаза серые, спокойные, лицо бледное, слабо тронутое загаром, значит, из дома выходит не так и часто, волосы тонкие, мышинные, собраны тесьмой в хвост.

Тесьма вышита рунами... такие не продают, такие сами вышивают, сопровождая вышивку молитвами и заговорами, наполняя каждый стежок любовью. Кто вышивал? Жена? Мать?

Как трогательно.

Обычный горожанин, достаточно образованный, чтобы зарабатывать умом, а не силой. Хотя, судя по блеклому взгляду, и ума у этого горожанина...

— Руку! — приказал Арман.

Незнакомец повиновался без промедления. Не боится. То ли бесстрашен, то ли бояться ему нечего... Странно это, всем есть чего бояться... А этот прям одет в броню невинности.

Арман слегка закатал рукав гостя и глянул на чуть блестящие в полумраке, опоясывающие запястья татуировки. Желтые. Рожанин. Впрочем, это было ясно и без осмотра, драгоценную кровь арханов Арман уже давно научился чувствовать издали... В рожанине не было ни капли ни гордости древнего рода, ни воинской выучки, ни привычки повелевать, ни магических щитов, укрывающих душу. Даже эмоций не было. Ничего. Серость и пустышка, недостойные внимания.

Но когда Арман коротким заклинанием заставил говорить нити татуировки... Не женат. Глава рода. Род небольшой, всего тринадцать человек. Работает в таверне, ведет там бумаги, что не удивительно, грамотных-то среди рожан не так и много. Внимания дозора до сих пор не привлекал. Как и его род... серый, неинтересный, обычный горожанин. Но имя... имя все и испортило. И Арман понял, что предчувствие не подвело. Как и тот голос во сне. Вот она — ловушка. Захлопнулась.

Он сам к тебе придет, Арман, и тогда сомнений не останется. Но не убивай его слишком быстро, это не в твоих интересах.

Что же, не будем убивать быстро. Поиграем. Жаль лишь, что в чужие игры и по не совсем понятным правилам. Но и это можно изменить. Только аккуратно.

— Зачем пришел, Гаарс?

— Вернуть вам потерю, мой архан, — почтительно ответил рожанин. И вытянул из кармана своего плаща полотняный мешочек...

И сразу же сердце пропустило удар, а в глазах помутнело от радости. Арман знал, что там внутри. Дивился, что не почувствовал раньше знакомой магии, что не... Захотелось поверить. Вырвать мешочек из рук рожанина, вытряхнуть содержимое на ладонь и убедиться, что это правда. Что подарок брата к нему все же вернулся...

Но слишком много странностей. И Арман лишь опустил в кресло, оставив рожанина так и стоять с протянутой рукой. Струился свет по полотняному мешочку, путался в простенькой вышивке, и сила амулета, знакомая до боли, звала, просилась в ладони. Но зверь внутри не унимался — рычал, чуя подвох, но где? В этом простоватом рожанине? В амулете? Боги, где?

По знаку Армана Нар забрал, наконец, мешочек, и бросил его на стол. А Арман молчал... Злился. Если опасность все же существовала, то ловушка была сделана хитро. Аккуратно. Со знанием дела. И замок, живой, чувствующий и читающий мысли, молчал, значит, не было в посланнике никакого зла. И страха не было, Арман же видел его душу как на ладони. Ничего. Лишь уверенность человека, который знает, что не виноват...

— Как к тебе попал мой амулет?

— Моя сестра работает в той таверне..., — так же бесцветно сказал незнакомец, — подобрала.

Лжет. Арман всех слуг опросил, лично. Проверил татуировки каждого, среди них не было сестры Гаарса. Так почему же лжет-то? И каким чудом? Если только...

Решение пришло сразу. Арман стремительно вскочил с кресла и, поймав ладонью шею

гостя, прижал его к стене.

— Лгун! — прошипел он. — Кто тебе ставил блок?

— Мой архан...

Арман умел применять власть дозора, но не любил. Он просто пробудил татуировки на своих запястьях, убрал ладонь, и Гаарс захрипел, сползая по стенке к ногам мучителя. Но в душе его была лишь боль жертвы... невинной жертвы, на которую живой замок отозвался удивлением. И даже мягко попробовал вмешаться, коснувшись сознания Армана аккуратной лаской.

Арман приказал замку успокоиться, сам начиная раздражаться. Пытка болью не помогла. Выругавшись, Арман усилил волну магии, и человек у его ног закричал, изгибаясь. Опалило жаром запястья, Армана самого прошило острой болью, а Гаарс выгнулся, уже не крича, а просто плача от бессилия... и от злости.

Вот оно как... Арман перестал терзать пленника. Он и так видел будто наяву, как идет трещинами, рассыпается пылью поставленный кем-то блок, и его гость на глазах преобразается. Обычный рожанин? Серая книжная мышь? Арман лишь усмехнулся. Сел рядом с Гаарсом на корточки и, пока тот не очнулся, осторожно оттянул воротник его туники, найдя на позвоночнике у основания шеи едва приметную руну.

— Надо же, наемник. А я думал, что ваш цех уже понял, что со мной лучше не связываться... А тут столько стараний... Аж обидно, что вы не потратили ваши силы на что-то более мудрое. Пятнадцать убитых жертв... вполне хватит, чтобы отправить тебя на виселицу.

Он махнул рукой, и замок, возмущенный обманом, повиновался почти мгновенно. Выползли из стены цепи, защелкнулись на запястьях, поясе, шее, лодыжках наемника и вновь втянулись в кладку, а Гаарс повис на стене, все еще не в силах сбросить остатки наведенной магией боли.

Но он уже не был тем книжным червем, что миг назад. Арман видел перед собой воина, закаленного в тренировках. Того, чьи мышцы были броней, кто умеет подойти бесшумно, вонзить в печень тонкий клинок и скрыться в толпе... того, в чьем окружении был очень сильный маг, наверняка из высших, поставивший этот обманывающий доверие блок. Только вот зачем, если можно было бы послать какую-нибудь реальную пустышку... просто отдав ей приказ. Но нет же... послали именно Гаарса.

Да и блок снялся слишком легко... если бы реально хотели скрыть убийцу, Гаарс был бы уже мертв от одной попытки Армана пройти через наведенную магией стену. Значит, не хотели, чтобы тот был мертв.

Однако Арман быстро осмотрел пленника и, найдя в его рукаве тонкую иглу, осторожно вытянул ее и отдал Нару. Ему вовсе не улыбалось, чтобы Гаарс умер слишком быстро.

— Ты хоть понимаешь, дружок, что тебя подставили? — тихо спросил Арман. — Тебя мне отдали. Вопрос только, зачем же ты мне, такой хороший, нужен, а? И зачем это меня так усердно рассорили с цехом наемников?

Гаарс поднял голову, и в серых глазах его не было былого безразличия. Была сила. Та самая сила и уверенность воина, которую Арман любил видеть в своих дозорных и в своих противниках на тренировках. Да и в своих немногочисленных врагах. Такой так просто не сдастся. Такого можно даже уважать.

— Думаю, мы уже все выяснили, и мне пора в твою темницу, мой архан, — усмехнулся Гаарс.

— Так не терпится?

— К смерти надо достойно подготовиться.

— Может и так... — задумчиво ответил Арман. — Ты не помнил, кто ты на самом деле. Значит, не мог меня убить так, как ты привык... оружием или ядом. У тебя даже в мыслях этого не было, иначе бы замок тебя ко не подпустил. Но ты ведь сюда не поболтать пришел?

Арман бросил задумчивый взгляд на так и лежащий на столе мешочек... жаль... но, видимо, амулета ему лучше не трогать. И никому пока лучше не трогать... Об амулете надо думать позднее. Теперь надо подумать, зачем Зир дал ему подписать приговор Гаарса... заранее.

— Никого не пускай в эти покои, — приказал Арман Нару. — А ты, дружок, повиси слегка... помолись богам. Потому что послезавтра на рассвете тебя вздернут.

— Так вот, без суда? — усмехнулся узник.

— Так вот, без суда. И не надейся умереть до своей казни. Пока я этого хочу, ты будешь жить.

И поймав ответный взгляд Гаарса, подумал вдруг: «Даже жалко такого вешать. Думаю, не только мне жалко. Так, ради богов, почему ты здесь, друг мой?»

Вирес слушал молча, не перебивая. Впрочем, Арман рассказал ему далеко не все и далеко не во всех подробностях. Сказал лишь, что о своем роде Гаарс не соврал. На самом деле не женат, на самом деле живет с сестрой и сыном, род его маленький, скорее вымирающий, и вряд ли знает о принадлежности своей главы к наемникам. Всех проверили, аккуратно, конечно, ничего особого не обнаружили.

Сказал Арман и о том, что о покушении его предупредили, что Гаарса, скорее всего, им отдали, и это Виреса слегка удивило:

— Пожалуй, я подниму своих людей. Цех наемников не любит так явно подставляться, здесь что-то не так. Как бы там ни было, ты — друг наследного принца и старшой городского дозора. Такие как ты, в теневом мире частенько охраняются как зеница ока. К чему им ссориться с повелителем? Ведь если высшие маги займутся ими всерьез, от них камня на камне не останется.

Почему не займутся всерьез прямо сейчас, Арман не спрашивал. Знал, что так же, как и он использует связь с Зиром, повелитель может использовать связь с цехом наемников. Неприятно и мерзко, но временами средств выбирать не приходится.

Позднее Арману пришлось проводить Виреса к Гаарсу. На пленника Вирес даже не взглянул. А вот так и лежащий на столе амулет осмотрел очень внимательно.

— Хорошая работа... даже не верится, что это сделал ребенок...

— Его закончил позднее другой человек...

— А мне кажется, что тот же самый, — вдруг задумчиво сказал Вирес. — Да, к нему прикасались два мага, но сила второго... — Вирес резким движением махнул рукой, и с амулета упала темная капля... и растаяла в ворсинках ковра, оставляя ядовито-синее пятно. Но вскоре и оно исчезло, стертое силой замка, и Вирес подал амулет слегка удивленному Арману.

— Сила второго мага коснулась амулета совсем недавно... заразив ядом. Сделали это про твою честь. Одно прикосновение, и яд бы вошел в твою кожу. Думаю, до рассвета ты бы не дожил. Но сейчас амулет безопасен. И в нем вновь сила одного лишь мага... сила, которая тебе явно помогает, а не вредит.

— Это невозможно. Мой брат умер четырнадцать лет назад. А амулет закончили в день моего совершеннолетия...

— Да что ты... — задумчиво ответил Вирес, еще раз присмотревшись к ветви в пальцах Армана. А потом подошел к пленнику, который так и не поднял головы во время их разговора, и тихо сказал ему на ухо:

— Но мы ведь с тобой знаем, что это не совсем так, правда?

Арман сжал зубы, а Гаарс лишь прохрипел:

— Ты бредишь, маг.

— Может и брежу... а может и нет. Не забудь, Арман. Когда найдешь целителя судеб, ты меня позовешь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И показалось Арману или нет, что пленник вздрогнул. А потом вдруг побледнел, подобно выбеленному на солнце полотну. И Арман почувствовал, как в душе Гаарса шевельнулся липкий страх... хотелось бы узнать, что его так взволновало, но в случае с наемником даже магия не поможет. Слишком хорошо у него поставлены щиты — ударишь не там и сломаешь... и смерть поймает Гаарса раньше, чем Арману это было нужно. Просить же Виреса допросить пленника было опасно. Повелитель и его телохранители играют по своим правилам, и никто не сказал, что эти правила Арману понравятся.

А после казни, когда все закончится, Арман отхлещет ту проклятую гадалку из дома веселья так, чтобы у нее больше никогда не возникало желания играть на слабостях арханов.

Уже скоро срок истечет...

И Арман сможет наконец полностью задушить поднявшую голову надежду. Опасную надежду. С которой даже он не мог справиться.

Вот теперь и Вирес.

— Эрр мертв. И ничто этого не может изменить.

— Миранис ждет, — прошептал ему на ухо Нар. — Но сначала ты должен уладить пару дел в городе, ты же помнишь?

И Арман, приказав харибу сторожить пленника, вышел.

А Вирес улыбнулся показавшемуся из тени Кадму:

— Арман не заметил нашего контроля. И не дал затянуть себя в ловушку... Однако в следующий раз разыграй это иначе: осторожно и незаметно вести кого-то слишком уж утомляет.

— С меня должок, Вирес.

— Уж не сомневайся.

— И еще, — тихо сказал Вирес. — Контроль дался мне легко, потому что Армана уже предупредили. Кто-то, осознанно или нет, уже пробудил в нем тревожность, воздействовал на него своей силой. Кто-то, кому Арман безмерно доверяет, настолько, что даже не заметил сильного влияния. Вопрос только кто это и зачем?

И ушел, оставив Кадма в задумчивости.

В покосившемся домишке смердело старостью и тлением. Единственная комната, давно остывшая печь, рваные занавески на окна, едва стоявший стол и пол в разводах рвоты. Бывшая хозяйка его умерла в глухом одиночестве, вот тут, на той же старой кровати, на которой лежал теперь Алкадий, и перед смертью болезнь ее несщадно получила. Алкадий это чувствовал. Впитывал ее мучения, кормил ими тлеющую внутри ненависть. И не спешил

вставить с ветхого ложа... куда и зачем ему спешить? Время работает на него... и силы текут к нему сами... еще немного и то, что не удавалось уже несколько лун, свершится само... Миранис, наследный принц Кассии, сохнет. А его великая магия и, чудо какое, магия поддерживающих его телохранителей повелителя, будет принадлежать Алкадию.

И убьет его, как ни странно, тот же, кто недавно спас.

Целитель судеб... как же его зовут-то?

Рэми... мальчишка, который сам того не зная, отдал себя в руки Алкадия.

Алкадий встал с ложа, подошел к окну и посмотрел на усыпанный снегом, давно запущенный сад. А за садом, не так и далеко — покосившийся забор, сквозь дырки в котором была видна пустынная улица.

В этом квартале живет нищета и воры. Даже в этот домишко пытались пару раз пробраться, но уходили ни с чем, инстинктивно, как животные, испугавшись поставленного Алкадием щита.

Эти рожане-кассийцы, лишённые магии. Слепые и глухие. Тупые людишки, недостойные жить... и когда Кассия будет его... наконец, Алкадий сможет отомстить...

Но сначала, когда Миранис угаснет, он покормит лозу целителем судеб. Рэми один раз убежал... второй раз ему не уйти.

— Кто ты и зачем пришел? — спросил Алкадий, медленно поворачивая голову.

Посетитель, оказавшийся гибким юношей, несомненно, был магом: прошел через поставленный Алкадием щит спокойно, будто и не было его, а теперь стоял посреди комнаты и оглядывался, а в выразительных, больших глазах его читалась... легкая брезгливость.

Медленно поднявшись с кровати, Алкадий на миг глазам не поверил. Ему вдруг показалось, что в проникающих через оконце лучах он видит другого мальчишку, из далекого прошлого. С таким же чистым взглядом, с таким же огнем магии внутри, такого же спокойного и уверенного в своей силе... виссавийца.

Но наваждение пришло и отплыло, оставив за собой мягкость горечи. Всего лишь кассиец... несомненно, кассиец, рожанин... вон же, золото татуировок на запястьях, которое Алкадий чувствовал даже через толстые рукава куртки. Такому и магом-то по кассийским законам быть нельзя... здесь маги исключительно высокорожденные, арханы, а рожанам с даром дороги две — либо в жрецы, либо в объятия смерти.

Да и прошлого не вернуть. И ту боль внутри, увы, никогда не унять... слишком поздно.

Проклятая, погрязшая в своей гордыне Виссавия!

— Мне казалось, я почувствовал здесь магию, — оглянулся вдруг на Алкадия юноша. — Но, вижу, что ошибся. Ни один маг не станет жить... в таком месте.

Образованный мальчик. Почти чудом доживший до этих лет избалованный и образованный маг-рожанин. Редкий камушек в руках Алкадия.

— Место не столь важно, юноша. Важен человек. Чего ты хочешь?

— От тебя — ничего. Я надеялся найти учителя, которому неважно, ни то, что я рожанин, ни то, что я — беглец. Но какой из тебя учитель, старик?

Вот она дерзость и уверенность юности! Во вздернутом подбородке, в сверкающем гордостью взгляде. Скормить бы щенка лозе, но... Учитель... никто и никогда не хотел, чтобы Алкадий был его учителем... Дар... чистый, мягкий... струившийся через кожу щенка, дар, равный которому редко появлялся даже в Виссавии... и такой знакомый... будто запах детства, прорвавшийся через пелену памяти.

Может, попробовать?

Может, и попробовать. Но что щенок отсюда больше не уйдет, Алкадий знал точно.

Он медленно поднялся с кровати, улыбнулся:

— Магия, говоришь? Место тебе не нравится?

И махнул рукой. Домик преобразился. Выпрямился, будто помолодел. Засверкали чистотой полы, укутались в ковры стены, захрустел радостно огонь в печи, и свет, проникающий через чистые тонкой работы занавески, стал вдруг золотым. Ласковым.

Да и сам Алкадий преобразился. До этого ему незачем и не для кого было принаряжаться. Грязный и давно забывший о мытье. Волосы всколочены и посерели от пыли, борода небрита уже седмицу, да и несет от него. И что же? Но перед этим юнцом стало даже стыдно за свою неопрятность. И магия смыла с Алкадия грязь, убрала его в добротную одежду, вычистила до блеска сапоги из мягкой кожи. И расчесала белые, кажущиеся седыми волосы, уложив их в тугий хвост и перевязав вышитой тесьмой.

— А ты совсем же не старик! — засмеялся вдруг юноша.

И обернулся на богато накрытый стол, судорожно сглотнув... Голоден? Вот она, беспечность молодости... и проданная за косточку щенячья преданность.

— Так лучше, мой ученик? — спросил Алкадий. И когда юноша кивнул, мягко пригласил:

— Ешь, ешь, силы тебе понадобятся... Ведь учитель я строгий.

И сжирающие душу ненависть и обида вдруг куда-то отступили, растворились в восхищенном мальчишеском взгляде. Как же он молод! И как жаль, что в светлых красивых глазах его уже плещется укрытая боль...

Они чем-то похожи. И Алкадию это нравилось.

— Как тебя зовут, ученик? — спросил Алкадий, любуясь своим дерзким щеночком.

— Лиин, мой учитель, — быстро ответил юноша. И прыгнул на скамью, принимаясь за еду...

Лиин, значит...

Ярость. 5. Рэми. Плен магии

*Я никогда не противлюсь искушению,
ибо знаю по опыту: то,
что мне вредно, не искушает меня.*
Джордж Бернارد Шоу

Вирес давно уже почувствовал, что повелитель в смятении. Неудивительно. Тоска Деммида отравляла душу, затаенная боль грызла сердце. Наконец-то он позвал. Повинуясь приказу явиться немедленно, телохранитель зашел в спальню и удивился царившей там темноте. Хотел было сказать замку зажечь светильники, но остановился, услышав тихий приказ:

— *Оставь.*

— *Мой повелитель, — поклонился Вирес.*

Ему не нужны были глаза, чтобы видеть: огонь силы повелителя горел в его душе и днем, и ночью, и Вирес всегда знал, где Деммид находится и что сейчас чувствует. Безошибочно найдя своего повелителя в темноте, он встал на колени и поцеловал руку своего единственного архана, прижался к холодным пальцам лбом, пытаясь передать хоть немного утешения.

Сколько Деммид просидел в этой темноте, в этом кресле?

— *Ты устал, мой повелитель.*

— *Возьми еще мои силы, Вирес. Отдай их Миранису...*

— *Больше нельзя, ты и сам ослабел... остальные твои телохранители на грани срыва. Так нельзя, мы должны позволить Миру заснуть...*

— *И сдаться? Ему лучше, я чувствую.*

— *Ненадолго, ты же сам знаешь. Уже к завтрашнему утру его силы вновь иссякнут и взять их будет неоткуда. Позволь погрузить Мираниса в кокон... пока я еще могу. Мой повелитель, свет души моей, позволь!*

— *Это так похоже на смерть. И Мир может никогда не проснуться... я хочу, чтобы он... пожи... пободрствовал еще немного.*

— *Я знаю, — продолжал уговаривать Вирес. — Но это даст нам время...*

— *Время, время, у нас его нет, Вирес... ты же знаешь. Пророчество сбывается. Мой сын умрет, если не вмешается сын Виссавии, а Виссавия никогда не вмешается. Мы ничего не можем сделать.*

— *Он ждет тебя, мой повелитель.*

Некоторое время Деммид молчал, и Вирес знал почему. Деммид любил своего наследника до безумия, и предсказание телохранительницы Ниши убило в нем душу. Миранис должен умереть. Полный жизни принц умрет и ветвь рода двенадцатого оборвется...

— *Знаю, — сказал, наконец, Деммид. — И боюсь посмотреть ему в глаза. Я великий маг, самый сильный в Кассии. И я бессилен. Понимаешь? Я проиграл. И потому не могу его видеть. Моего единственного сына... символ моего проигрыша. Вир...*

— *Да, мой повелитель.*

— *Ты же понимаешь, не только ему суждено умереть.*

— Да, мой повелитель.

— Ты боишься смерти, Вир?

Вирес лишь усмехнулся и ответил:

— Боюсь, мой повелитель. Я боюсь твоей смерти. И знаю, что ее мне не пережить.

— Вир, Вир, мой глупый юный друг, — прошептал повелитель, и Вирес вдруг с удивлением почувствовал, как рука повелителя коснулась его волос.

— Мой повел...

И ответом ему вновь было лишь молчание. Наконец-то заснул. Вирес осторожно поднялся, укутал Деммида в свой плащ и вышел из спальни. Виссавия, может, и не вмешается, а вот ее сын...

Вспомнив медальон Армана и донос, в котором были описаны слова гадалки, Вирес улыбнулся...

Кто сказал, что сын Виссавии должен прийти из Виссавии? Кто сказал, что все должно закончиться вот так? Пророчества?

Но ведь пророчества даются не всегда, чтобы подготовиться к беде... временами как раз для того, чтобы ее предотвратить.

Одна из возможностей, всего одна из...

И какая жалость, что целитель судеб не на их стороне. Теперь бы сила Аши была так кстати...

Точенные копыта Ариса били запорошенную снегом мостовую. По обе стороны от широкой дороги спали в обрамлении садов дома арханов, ветви деревьев укутались пухом и чертили белую сеть на фоне чистого неба.

И было так тихо, спокойно, как не могло и не имело права быть в столичном городе.

Арис уверенно шел вперед, и Рэми дал ему полную свободу, лишь для вида придерживая поводья. Пегас, спрятавший ради хозяина крылья, с невесть откуда взявшейся легкостью находил дорогу в лабиринте улиц. Изящный, длинноногий и белый, как свежесвыпавший снег, он тем не менее был совсем не рад, когда услышал, куда едет Рэми:

— Тебе нельзя в замок, — сказал он чуть раньше в конюшне, тычась точенной мордой в ладони то ли хозяина, то ли друга. — Прошу, пойми...

Яркие солнечные лучи пробивались через небольшое оконце, пахло сеном и талым снегом, ласкала пальцы бархатистой нежностью шкура Ариса. Рэми любил сюда приходить. А Арис, наверное, любил, когда он приходил. Мог бы исчезнуть, являться только по зову, но упрямо оставался в этой конюшне, пережидая вместе с Рэми внезапно ударившую холодом зиму.

Рэми вздохнул и повел плечами, смахивая дурман зимней сонливости:

— У меня нет выхода.

— У тебя всегда был выход, — ответил Арис, и серебристые выразительные глаза его наполнились грустью. — Ты просто не хочешь его видеть. Боишься. Хотя я тоже боюсь. Но замок повелителя для тебя еще более опасен... а если с тобой что-то случится, мы никогда себе этого не простим.

— Кто «мы»?

— Я не могу сказать, пока ты сам не вспомнишь... Рэми, пожалуйста, не ходи в замок.

Чувствую, там ждет беда... пожалуйста...

— Один раз я уже там был, и ты помнишь, кто меня туда принес?

Арис помнил... совсем недавно, когда осень не растеряла еще последних листьев, он принес туда раненного Рэми. Прямо к ногам Мира. И Мир помог...

Только за помощь потребовал слишком многого.

Но теперь, на счастье, это только воспоминания. Их дороги с Миром разошлись и больше не сойдутся.

Рэми сжал в ладони медальон, блокирующий зов Мира, и вздохнул, отгоняя дурное предчувствие. Словно через сон донесся до него голос Ариса:

— Тогда выхода не было у меня.

Чувство опасности не оставляло и позднее, до самого замка. И лишь когда взлетающая в гору улица внезапно закончилась, уткнулась в высокую зеленую изгородь с ажурными воротами, Рэми вдруг забыл обо всем... о холодной зимней красоте, о воробьях, ссорившихся о чем-то в ветвях ярко-красной калины, о спящей за плечами столице. Он видел лишь полетному изумрудную зелень, вдыхал тонкий, едва ощутимый аромат магии и плавился в сиянии столь знакомой почему-то силы...

Как он раньше не замечал? Почему не чувствовал, что замок, спящий в обрамлении парка, живой... и сердце его бьется мерно, тихо, и мягкая сила касается сознания нежной лаской, встречая как давно забытого друга...

Замок радовался... замок ждал. Звал, дурманил тоской, плакал от счастья хрустальными каплями на ажуре ворот. И любовь его, чистая, нежная, расцветала огромными цветами на изумруде изгороди, стелилась туманом, там, по другую сторону, и манила... и отталкивала...

Магия, которая так старательно очаровывает, не может не отталкивать.

— Рэми, может, передумаешь? — прошелестел где-то в глубине сознания голос Ариса. — Тебя ведь могут узнать и больше не отпустить. Дураками будут, если отпустят.

«Дураками были, что отпустили», — послышалось Рэми.

Но второго шанса у них не будет.

— Не передумаю, — ответил Рэми. — Но если тебе станет легче...

Он провел ладонью возле лица, наводя морок, как его еще на первых уроках научил Урий. Таким же мороком он скрыл и свои татуировки. Теперь, кто бы на него не смотрел, не остановит на лице взгляда, не узнает, даже если уже где-то видел, кто бы ни пытался прочитать его татуировки, не заинтересуется ими, а прочитанное сразу же вылетит из памяти, как неважное... глупое. И различить морок простой архан не сможет, сможет лишь высший маг, только высшие встречаются так редко, что наткнуться на них даже в замке повелителя было бы слишком большой неудачей.

Да и какой высший будет приглядываться к обычному рожанину?

— Чего застыл! — раздался сзади крик.

Очнувшись и услышав за спиной топот копыт, Рэми поспешно отвел Ариса к обочине. Сразу стало холодно и боязно. Коренастый возничий уколол недобрым взглядом из-под низко натянутой меховой шапки, прикрикнул на пару крепконогих лошадок, и те послушно потянули тяжелую, груженную бочонками повозку. Пахнуло запахом спиртного, упали в снег ярко-красные капли, распахнулись широко резные ворота, и одна за другой груженные провизией повозки въехали в заветный парк, спящий в одеяле тумана.

Пропустив последнюю повозку, Рэми тронулся следом. Но не успел Арис сделать и пару

шагов, как был остановлен криком:

— Куда прешь, бродяжка?

Арис встал, нервно перебирая копытами. Мягким шорохом замкнулись перед ними ворота, отрезая от укутанного магией замка. А там, за тонкой работы решеткой, все так же звал и манил осыпанный снегом лес. Поблескивали на ветвях прозрачно-голубые сосульки, перестукивались с нежным звоном, шептал будто тронутый невидимой рукой, смахнутый с деревьев снег, мягким ковром разворачивалась дорога под сень деревьев и уже клонившееся к верхушкам деревьев солнце пробивалось через туман редкими лучами.

Но Рэми туда хода не было.

Дозорный поймал поводья Ариса и посмотрел так, что Рэми понял сразу — не пропустит. И душу через слабые щиты увидел хорошо — любит унижать, потому что боится. И боится не зря.

Он маг, да, как и любой архан, но очень слабый. В замковый дозор явно попал из-за своей крови. А кровь у него, судя по знакам, вышитым по подолу серого плаща, очень даже благородная. Младший сынок главы горного рода. Глупый, бездарный, но горячо любимый. Внешне уверенный в себе мальчишка, которого на самом деле так просто одолеть, одним махом. Но зачем? Чтобы потом от дозора по всей столице улепетывать? Арман таких шуток не прощал. Хотя, к чему Арману в дозоре такой недотепа?

— Мой архан, смилуйся, — Рэми спешился, привычно изобразил глуповатого и трусливого рожанина, потупился и протянул часовому приготовленный амулет. — Я всего лишь посланец, просили духу замка передать, сказали, что важно. Заплатили хорошо... коль не передам, беда будет. Пожалуйста... Архан, что приказ отдавал, знает, где я живу, не простит.

И еще раньше, чем закончил, понял, что, увы, не поможет. Дозорный на вещицу даже не взглянул: ударил по протянутой руке, и амулет полетел в сугроб, оставив в подтаявшем снегу глубокую нору.

— Нахрена замку твои побрякушки!

— Прошу, архан, — как можно более жалостливо продолжал умолять Рэми, выжывая амулет из сугроба. — Если дух замка рассердится, я готов понести наказание...

Мольбы не подействовали, а вот скрытая угроза — да. Духов замков в Кассии боялись, пожалуй, все. Да и сам Рэми начинал побаиваться. Поговаривали, что в магию «живых стен» запечатаны души людей, которые жизнь положили во имя служения чьему-то роду. Шептались, что шуток защитники замков не понимают: если что, убивают сразу. Оттого и лезть к ним без причины побаивались.

Да и этого недоумка дозорного тут поставили именно из-за этого... по сути охрана возле ворот была не нужна: кто в здравом уме и памяти полезет в охраняемый магией парк? Прорваться туда силой, наверное, не смог бы даже высший маг, а другим даже пытаться не стоит: дух замка убьет всех, кто только подумает о том, чтобы навредить владельцу. Но, наверное, любую защиту можно как-то обойти...

А пока Рэми, не поднимая взгляда, легко пробрался через слабые щиты архана и осторожно подсказал: «Убьет дух замка дурака-роганина, тебе какое дело? Это даже забавно. Будет что бабам в таверне рассказать...»

Архан, наверное, бы сдался. Даже начинал сдаваться. Но помешал раздавшийся в морозной тишине стук копыт и отряд, появившийся на дороге к замку.

Помянув недобрым словом так некстати подъехавших дозорных, Рэми вновь поспешно

отвел Ариса к обочине. Лишь оказавшись в безопасном пяточке у сугроба, осмелился перевести взгляд на приезжих и едва сумел удержать предательскую дрожь: во главе отряда гордо ступал огромный конь. Блестел на черной шкуре огонь, ласковыми прядями вплетался в длинную гриву, горел в дивных, темно-карих глазах, и шел Огнистый так, будто был хозяином и этого замка и всего вокруг. Только один человек в столице осмеливался оседлать это гордое порождение магии. И этого человека Рэми видеть совсем сейчас не хотел: старшего столичного дозора, Армана.

Арман же окинул склонившегося в глубоком поклоне дозорного равнодушным взглядом, а на Рэми и Ариса даже не взглянул, твердой рукой направляя коня к открывающимся воротам.

Не узнал, выдохнул Рэми, хорошо морок работает. И тотчас, спохватившись, поклонился, как и положено, опуская взгляд с лица архана на бока Огнистого, крытые полой белоснежного плаща.

Только где там успокоиться? По отделанной золотистым мехом ткани пробежалась вышивка... черточка в черточку повторяя узор на амулете.

Совпадение? Не бывает таких совпадений. Не в мире арханов, где каждый знак, а что-то значит... И к Арману несет Рэми амулет, у него должен просить милости для Гаарса. И его должен избегать. Так рискнуть? Или уйти? Рэми или Гаарс?

Все тот же вопрос, все то же сомнение, и решение было тем же. Может, морок все же спасет, ведь хоть Арман и силен как воин, да вот только как маг — не очень. Однако умен, как зараза, это плохо. Но Рэми вновь рискнул. Смело шагнул вперед, вслед за Огнистым, уже почти въехавшим в парк.

— Архан, прошу вас!

Голос предательски дрожал и хрипел. И в глубине души Рэми на миг трусливо понадеялся, что Арман не услышит. Не услышал. И раньше, чем Рэми успел сообразить, что делает, он в пару шагов догнал Огнистого и порывисто схватил полу плаща Армана, повторив тихую мольбу.

Дозорный у ворот ахнул, наверняка, уже похоронив дерзкого рожанина и себя вместе с ним, под горячую руку. Дозорные в отряде усмехнулись недобро, и Рэми краем глаза успел заметить, как пара из них бесшумно обнажили клинки. И стоит только захотеть навредить их старшему... неизвестно, кто поспеет первым — дух замка или они.

Да кто ж ему вредить-то хочет? Но по спине все же пробежал холодок, когда Рэми вдруг понял, что сделал. И съезжился под ледяным взглядом оглянувшегося Армана. Ведь по слухам старшой не любит, когда его беспокоят по пустякам. Может, он и жизнь Гаарса считает пустяком?

— Я тебя уже где-то видел? — холодно спросил Арман. — Не помню лица, но голос кажется подозрительно знакомым...

И Рэми враз озяб на зимнем ветру. Показалось ему, что все вокруг потемнело и остались в этом мире только он и человек на магическом коне... Сам того не замечая, он сжал сильнее пальцы, сминая дорогой плащ Армана, и осекся, когда Огнистый внезапно ткнул его мордой в плечо, пробуждая от внезапного ступора.

Тише... Арман так и не понял, кто перед ним. Еще нет. Огнистый узнал, но на то он и магическое создание. И вдруг некстати вспомнилось, как Рэми мчался на Искре по столичным улицам, как магический огонь жег вцепившиеся в гриву пальцы, как отбивали дробь по мостовой тяжелые копыта...

Наткнувшись на холодный взгляд Армана, Рэми выпустил, наконец, его плащ, и, уставившись в огромное копыто Искры, тихо прошептал:

— Я был бы счастлив... такой как вы... люди говорят, что вы милостивы, мой архан... но до сих пор как же я мог осмелиться...

Боги, пусть он поверит!

Где-то застрекотала сорока, предупреждая, и Искра недовольно повел ушами, а за спиной Рэми начали терять терпение дозорные. Но, на счастье, боги слышали, и Арман кивнул, бросив:

— Чего ты хочешь? И почему сейчас осмеливаешься? Не понимаешь, что тратишь мое время? Не боишься, что опробуешь кнута за свою дерзость, если тратишь это время зря?

— Простите, я только хотел спросить... — пробормотал Рэми.

Знал он, что высокорожденные любят, когда перед ними извиняются. Настолько любят, что, возможно, не заметят не слишком почтительного и странного вопроса:

— Эти знаки на вашем плаще... — Рэми провел ладонью над кажущейся живой вышивкой, — что они значат?

Некоторое время Арман молчал. Рассматривал Рэми, и тот усердно таращился в побитый копытами снег, стараясь казаться испуганным до смерти и глуповатым рожанином. Только бы не испугаться настолько, чтобы упустить морок, только бы не раскрыть душу перед чуть полыхающими синим глазами архана, не показать, как он боится, и в то же время не выпустить слишком много магии, чтобы Арман ее смог почуять... как много только бы... как опасно... ведь второй раз Арман не помилует. Такие, как он, и в первый раз милуют редко.

И вновь удалось. Взгляд Армана утратил синий блеск, рука в белоснежной перчатке сжала поводья, Огнистый переступил копытами, косясь на Рэми бордовым с яркими искорками взглядом. Ухнула рядом разбуженная чем-то сова, солнечный свет, на время забытый, ударил по глазам, и Рэми вдруг понял, что вновь может дышать...

— Твой вопрос мне не нравится, — начал Арман, отпуская Рэми взглядом, — но я отвечу. Это знаки рода моего отца. Мой отец был уроженцем Ларии, из клана снежного барса, потому его тотем и вышит на всех моих одеждах. Надеюсь, твое любопытство я утолил? А теперь ты утолишь мое. Или ты всех арханов так дерзко останавливаешь? Не верю... иначе бы уже не жил.

Лариец, значит. Рэми вспомнил своего друга Бранше и чуть не скривился. Лариец, который гордится своей кровью, всем ее демонстрирует — оборотень. Не диво, что Арман дружит с Миром... И тотчас же вспомнилась вдруг тихая песнь нечисти, залитая лунным светом поляна в глухом лесу и стоящий посреди поляны лев в окружении пляшущих комочков шерсти... карри... Как давно и как недавно это было, первая встреча с Миром... Мир ведь тоже оборотень. Но Арман... Арман, может и нет.

— Я жду ответа, — прервал его размышления холодный голос.

— Мой друг... просил передать духу замка это... — прошептал Рэми, открывая ладони и показывая амулет. Проклятый амулет, переплетение железных нитей, в точности повторявшее рисунок на плаще Армана. Значит, к Арману Рэми шел... боги так странно шутят.

Амулета Арман, как ни странно, не взял. Прошелся все тем же холодным взглядом по раскрытым ладоням Рэми, потом посмотрел в глаза и спросил:

— Чего ты хочешь?

Вновь стало зябко от этого вопроса. Рэми ошибся? Арман ошибок не прощает.

— Я думал... это вам... дух замка...

— Неправильно думал. Не мне дух замка должен был передать эту игрушку, — резко оборвал его Арман. — Ты увидишь хозяина амулета, но прежде... порядки ты знаешь, не маленький.

Рэми порядки знал. Молясь всем богам о чуде, сдерживая рвущуюся наружу силу, он закатал слегка рукава, шагнул смело к Огнистому и протянул Арману обнаженные запястья. А где-то за спиной тихо и грустно засмеялся Аши. Почему ты смеешься, коварный? Почему затих и даже не думаешь помочь? Будто ждешь чего-то... того же чуда? Ведь ты так боишься встретиться снова с Миром, а сам...

Арман не спешил. Медленно снял белые как только выпавший снег, перчатки, положил их на луку седла и привычным жестом провел пальцами по татуировкам на запястьях Рэми.

Осмотр был быстрым и на диво безболезненным, и даже не успев испугаться, Рэми понял, что свободен. Судя по столь же холодному и равнодушному взгляду, морок все так же обманул Армана. И вновь засмеялся за спиной Аши, вновь по душе разлилась горечь. Рэми не любил обманывать. Не понимал, что плохого он сделал, что должен вот так прятаться, как вор, что не мог выйти к Арману открыто, посмотреть в глаза и сказать, что ему нужно.

Не мог... Урий предупредил, что Арман вновь ищет. Тщательно ищет. И что лишь аккуратно наведенный Урием морок позволяет Рэми прятаться... так что же тебе надо, Арман? Ты же, сволочь, отпустил! И ничего с тех пор не изменилось! Может, Рэми спросит... потом... когда Гаарса выпустят.

— Конь у тебя дивный, — заметил Арман, с тягучей медлительностью натягивая перчатки. — Не сказал бы, что уродливо-дивный, но странный, никогда таких не видел.

Рэми не ответил, но архан в ответе и не нуждался. Посмотрев на спящий в тумане магический парк, он вдруг сказал:

— Слушай внимательно, юноша. Из-за тебя я опаздываю на важную встречу, так что медлить больше не советую. Когда въедем в парк, не отставай, для своего же блага. Но если ищешь приятной и легкой смерти, не слушай зануду-архана, плакать по тебе все равно никто не будет.

Выполнить приказ оказалось нелегко. Не успел Рэми вскочить на пегаса, как отряд уже мчался по парку, да так, что белоснежные плащи развивались за их спинами. И когда Арису удалось нагнать быстроногих коней дозорных, аллея вдруг закончилась, оборвавшись на небольшой площадке перед входом в замок. И Рэми уже некогда было прислушиваться ни к шепоту чужой магии внутри, ни к голосу духа замка, который становился все громче. Может Армана и удалось обмануть, а вот охраняющую замок магию — нет! Замок требовал ответов на вопросы, и Рэми пришлось ответить.

«Я никому не желаю зла», — подумал Рэми, стараясь вложить в короткую фразу как можно больше искренности, и дух замка, наверное, поверил, а магия, пронизывающая все вокруг, вдыхаемая вместе с воздухом, уже не казалась столь тяжелой. Но все равно ярилась внутри собственная сила, просилась наружу, и сдерживаться, притворяться, было с каждым биением сердца тяжелее.

Рэми спешил. Дождавшись, пока молодой прислужник принял Ариса, он поднялся вслед за людьми Армана по белоснежным ступеням. И не мог избавиться от ощущения, что обледеневшие статуи, стоящие по обе стороны лестницы, провожают его взглядами. Что сидящая у основания ступенек мраморная русалка приветственно улыбается, каменный

пегас, раскинувший крылья над входом, косится в его сторону, а лев вверху площадки напоминает Мира... в его перевоплощении.

Мир... Мир тоже может быть где-то в этом замке. И вот уж кого Рэми встретить не хотелось, так его.

— Я ждать не буду!

Рэми вздрогнул и с ужасом понял, что безнадежно отстал, а весь отряд, помимо Армана, уже скрылся внутри замка. Сам архан стоял наверху ступенек и смотрел с холодным интересом, от которого вновь пробил ледяной озноб и задрожали неприятно колени.

Дивно это. Никого, ни Эдлая, ни Мира, не боится Рэми так, как этого человека. Ничьего уважения не хотел бы добиться, как только уважения Армана... гордого и грозного старшего городского дозора. И каждый его презрительный взгляд почему-то колет сердце едкой болью, и хочется подойти, сказать что-то резкое, стереть эту надменность с лица.

Потому что знал откуда-то Рэми другую его улыбку: мягкую и спокойную. Знал тонкий запах жасмина, исходящий от его одежд. Знал как это стоять с ним плечо к плечу и чувствовать его безмолвную поддержку, точные советы, помогающих направить к цели учебную стрелу и мягкий смех, когда попасть все же не удавалось...

Знал, и не мог знать.

— Я повторять не привык! — еще раз сказал Арман, и Рэми взбежал по ступенькам, поймав на себе холодный взгляд дозорного. — Ты слишком беспечен, юноша. То, что ты оказал нам неоценимую услугу, не оправдывает твоей медлительности.

Рэми вновь поклонился, извинился едва слышно и вошел в распахнутые двери замка. Внутри оказалось многолюдно, жарко и душно. Вмиг взмокнув, Рэми хотел было сбросить плащ на руки подбежавшего слуги, но вновь встретил недовольный взгляд Армана.

— Ты ведь не собираешься тут оставаться надолго, друг мой?

Рэми сжался. И, будто заметив его невольный страх, Арман улыбнулся по-другому, с легкой грустью, и жестом подозвал стоявшего неподалеку слугу. Откуда эта грусть? Дивный этот Арман, право дело. Обычно арханы любят, когда их боятся. А этот, хоть и строг до ужаса, вроде, страху Рэми был не рад.

Но все равно пока Арман и слуга тихо перешептывались, Рэми не осмеливался оторвать взгляда от мозаики на полу. Руны, руны выложенными мелкими камушками, отполированными до блеска. Магия, пронизывающая замок, впитавшаяся в завешенными гобеленами стены, в тонкие, теряющиеся наверху в полумраке, колонны, в мягкий свет светильников... на улице было так ясно, а тут... склеп какой-то... сколько лжи, гадостей, притворства.

От сладковатого запаха курений закружилась голова, стало жарко, душно, теплый плащ давил на плечи, и Рэми почувствовал, что слабеет:

— Вам плохо?

Плохо? Рэми медленно поднял взгляд на говорившего и неосознанно отступил назад, похолодев от ужаса. Кто-то за спиной выругался, когда Рэми отдал ему ногу, но сам Рэми лишь глупо стоял, сжимая до хруста ладони в кулаки. Почему-то так страшно-то? Не должно быть так страшно... Это же всего лишь виссавиец, виссавийцы никогда и никому не причиняли зла ничем... кроме своего равнодушия.

И аромат силы у него другой, чем у иных виссавийцев, более острый, жесткий. И одет этот виссавиец не в зеленное, как встречаемые ранее целители, а в темно-синее. Только у одного виссавийца видел Рэми такой же цвет одеяний — у Идэлана, жениха Аланны.

Да вот Идэлана Рэми видел только в плаще, а этот плащ скинул и остался в просторной, до пят, синей тунике, перевязанной на талии того же цвета поясом в три пальца. Виссавиец казался несколько женственным, так как только женщины носили в Кассии такие длинные туники, только женщины могли похвастаться столь длинными, до бедер волосами, собранными в тугую, хотя и жидкую косу. А этот еще и закрывал нижнюю половину лица густой вуалью, оставив открытыми высокий лоб и большие глаза, с густыми, как у девушки ресницами.

Только выражение глаз было неженским — слишком жестоким, но и понимающим. Все они, виссавийцы, кажутся понимающими... до поры до времени, пока не окатят презрением и не скажут, что ты не достоин их помощи. Они не умели прощать чужих ошибок, но и сами были небезупречны. Рэми откуда-то точно знал, что были.

— Это мой гость, посол, — заметил мгновенно появившийся рядом Арман. — Не думаю, что ему плохо, наш друг — не девица, чтобы падать в обморок, не так ли?

— Ваш друг — не девица, вы правы, — мягко сказал посол Виссавии, приглядываясь к Рэми. И от этого взгляда стало вдруг муторно, и одновременно — противно. Будто он хотел заглянуть Рэми в душу, но не осмеливался это сделать в чужой стране и при Армане. — Но вот глаза у него черные... и волосы... как у нашей расы.

— И тем не менее, он — кассиец и рожанин, — чуть задумчиво ответил Арман. — Простите, но нам пора, и я вынужден просить нас не задерживать.

И Рэми стало легче от осознания, что Арман тоже не любит виссавийцев. Видно же, что не любит: по ледяному блеску глаз, по едва заметной морщинке на лбу, по чуть сжатым тонким губам. И вдруг вновь стало не по себе — и когда только Рэми успел Армана узнать так хорошо? Ведь видел всего пару раз. А теперь считывает его эмоции, хоть душа Армана и была, как у всех арханов, плотно закрыта щитами. И лезть под щиты не осмеливался даже Рэми со своим даром.

— Рожанин, вот оно что, — глаза виссавийца недобро блеснули, и он шагнул вперед, оказавшись вдруг совсем близко, прошептал едва слышно на ухо:

— Я вас не выдам, маг. Не бледнейте так, ради Виссавии. Замок пропитан силой Деммида, потому и стало вам не по себе. Это пройдет. Вы привыкните. А пока привыкните, я помогу...

Виссавиец на мгновение коснулся ладони Рэми, и вдруг сам побледнел так сильно, что Рэми шагнул к нему, намереваясь поддержать, но почувствовал на плече тяжелую ладонь Армана и остановился.

— Кто вы? — выдохнул виссавиец. — Ради милостивой богини, скажите мне, кто вы, мой мальчик?

Рэми не знал, что ответить. Он видел немое отчаяние виссавийца и не понимал, что его вызвало. Но что-то внутри отозвалось на чужую боль, волной поднялось к горлу, и Рэми уже почти коснулся ладони посла ответным жестом, как вновь его остановил Арман.

— Простой рожанин, — ответил он на вопрос виссавийца. — Дерзкий, но ничего более. Не понимаю, что вас в нем могло заинтересовать, но в любом случае — этот мальчик кассиец и его судьба — это наше дело, а не ваше, посол.

— Вы правы, — неожиданно смутился виссавиец. — Это... глупо... этого не может быть... нет, подождите!

Но Арман явно не хотел ждать. Не давая виссавийцу опомниться, он вновь сослался на спешку, и, прежде чем виссавиец успел ответить, грубо схватил Рэми за запястье и потянул к

боковой двери.

Толпа поспешно расступалась перед ними, и Рэми шкурой чувствовал, как через сомкнутые на его запястье жесткие пальцы перетекает к нему гнев Армана. Теперь дозорный точно разозлился. Теперь точно выпорет, как не раз обещал. Но почему все равно не страшно? Боги, что он сделал? С виссавийцем поговорил? Да, преступление, сразу надо...

Они вышли из зала, и Рэми вновь сглотнул от накатившего на него ужаса. Он вдруг осознал, что при людях Арман, как и всякий архан, может сдерживаться, а вот наедине... Тут, за дверью, предусмотрительно распахнутой слугой, было тихо и безлюдно. И дышалось гораздо легче. Хотя, как ни странно, после разговора с виссавийцем и без того дышалось легче. Будто посол на самом деле помог... только странной была эта помощь. Да и Армана нельзя недооценивать.

Что теперь виссавиец? Грубо развернув Рэми, Арман швырнул его на стену и, не давая упасть, встал рядом. Близко, слишком близко. Стоит, молчит, рассматривает, будто стремится что-то увидеть. Да что ты увидишь, даром не вышел!

— Что, красна девица, плохо тебе стало? — холодно спросил Арман. — Чем же ты так умудрился виссавийского посла напугать? Откуда же ты такой взялся, а? И в самом деле, волосы темные, глаза... глаза тоже темные, такие у нас редкость...

— А архан-лариец тут откуда? — сам не зная почему, разозлился Рэми. — Тоже мне, чистокровный кассиец!

И только когда сказал, понял, что наделал. В коридоре воцарилась тишина. Зловещая и тяжелая. Пощелкивал огонь в факелах, отражался в полированных листах дерева, покрывающегося стены, и стало вдруг жутко. Ну и кто просил язык распускать?

Лишь когда тишина затянулась и стоять вот так, опустив взгляд, стало невозможно, Рэми покосился на Армана. Все так же смотрит. Холодно, с издевкой. Будто прищипливает к стене взглядом. И в глазах его бьется холодная ярость, вот-вот вырвется наружу, и тогда точно быть беде... а ведь Рэми сюда не ругаться пришел. Гаарса спасти... и еще немного, и сам Рэми сорвется и морок растает, вот тогда ему точно из замка не выйти.

— Послушай дружеского совета, — выпрямился вдруг Арман. — Хочешь жить, лучше притормози со своей дерзостью. За такие слова ты мог бы и кнута опробовать.

Но притормозить было не так и просто. Рэми сжирал невесть откуда взявшийся гнев, и только морок, все так же окутывающий душу, не позволял Арману увидеть этот гнев. Да, боги, почему этот архан столь спесив? Не помнит, как Рэми его вытаскивал из храма Шерена? Не помнит, как сам оказался едва ли не беззащитным против магии? Намекает, что Рэми не чистокровный кассиец, а сам-то что? Лариец? Оборотень? Нечисть проклятая! И почему, ради богов, почему Рэми это все так волнует?

А не должно волновать! Надо найти силы, чтобы продолжать притворяться. Всегда же и со всеми находил! Опускал взгляд в пол, как положено рожанину, не смотрел в глаза, не дерзил, не говорил лишнего. Ради богов, почему с Арманом так не получается? Хватит! Рэми должен помочь Гаарсу, должен уйти из замка живым. Ради Лии, ради матери, ради Варины и ее сына, он должен быть простым напуганным рожанином.

А промолчать-то как? Если с Арманом он почему-то сначала говорит, а потом — думает?

— Успокоился? — холодно спросил Арман.

И Рэми вновь опустил взгляд, наступил на хвост собственному гневу и уже гораздо спокойнее и даже почти искренне сказал:

— Да, архан.

— Тогда не отставай, будь добр. В разговоры не вступай, старайся на глаза никому не попадаться. Это тебе не город, здесь каждое слово может стоить жизни и тебе, и мне. Хватит и того, что теперь с посланцем объясняться придется.

Даже не оглянувшись, Арман быстро пошел по едва освещенным коридорам. Толстые ковры скрадывали шаги, вышитые портьеры слегка покачивались, будто за ними кто-то прятался, то и дело раздавались из-за закрытых дверей голоса, но сами коридоры были пусты. Будто вымерли.

Арман ударом руки распахнул очередную дверь, в лицо хлынул свет. И чистый, морозный воздух.

На миг свет ослепил. И лишь когда глаза привыкли, понял Рэми, что Арман тащит его по ступенькам на тонкую ленту вьющейся среди сугробов дорожки. В тот самый магический парк, теперь уже не спрятанный за вуалью тумана, в царство капели, в звон сосуллек, тронутых ветром. Мир, куда Рэми хотел попасть так давно... только сам об этом не знал.

Дивное место... Зима же! Наметенные сугробы, морозный дух, треск снега под ногами. Но в то же время — благоухает у дорожки цветущий жасмин, манит ярко-красными цветами роза, сыпет под ноги черемуха лепестки, и тут же — спит под снежным покрывалом ель. Невероятно... магия может все... только зачем?

— Не отставай! — как кнутом ударил по плечам окрик Армана. — И не дрожи так! Как дерзить мне — не дрожишь, а магии парка — боишься! Никто тебя не тронет, если будешь меня слушаться.

— Недавно вы говорили... — очнулся от удивления Рэми. — Вы говорили, что тут опасно...

— Если не будешь меня слушать, то опасно. Или ты все же осмелишься мне противиться? Сделаешь назло?

— Может, просто не доверяю? — вновь не выдержал Рэми. — Вы же оборотень, не так ли?

Ну вот и зачем он это сказал? Теперь точно пропал...

Арман на миг замер, побледнев. Задышал часто, схватился за рукоятку приточенного к поясу кнута, и Рэми наконец-то понял: договорился... и стало вдруг все равно, что вокруг магия. И что слились тут времена года. И аромат цветущего жасмина, смешанный с запахом талого снега, стал уже не столь пленительным... дрожь от ужаса, не в силах оторвать взгляда от перекошенного бешенством лица Армана, Рэми отшагнул назад. Поскользнулся, упал в розовый куст и чуть охнул от боли, когда вонзились в спину острые шипы. Но жаловаться не решился... не стоит лишний раз злить Армана.

— Сам не знаю, почему я тебя терплю, рожанин, — вмиг успокаиваясь, сказал Арман. Но от его спокойствия почему-то стало еще более страшно. — Может, просто не привык к дерзости? И пока ты меня слегка... забавляешь. Но советовал бы помнить — я не отличаюсь терпением. Будешь продолжать в том же духе — я тебя кнутом полечу... Еще до встречи...

— Повторяетесь! — усмехнулся Рэми и прикусил губу, не понимая, почему он не может заткнуться. Ну почему?

— Опять грубишь? Откуда ты знаешь, что я оборотень?

Рэми еще недавно до конца и не знал. А теперь вдруг почувствовал и понял, что от Армана исходил тот самый, едва ощутимый звериный запах и ощущение какой-то скрытой внутри мощи, что и от Мира. Раньше Рэми не понимал, что это такое, но теперь до него

дошло... Арман — оборотень. Как и Мир...

— Язык прикусил? — ответил Арман. — Что же, шел ты не ко мне, это правда. Но после разговора с моим другом тебя ждет другой. Очень нелегкий. А спрашивать я умею. И люблю. Пошел вперед!

Ага, разговор! Дождешься! Рэми едва сдержал рвущуюся наружу ярость. Кому Арман грозит? Да одного движения хватит, чтобы этого урода по елкам размазать, а нельзя. Сначала Гаарс, с Арманом разберемся потом!

Но сложно-то как! Пьянит, манит сила замка. Дурманит, душит разум, множит и без того клубившуюся ярость. Будто хочет, чтобы Рэми выплеснул из себя все, до последней капли, раскрылся, отдался во власть рвущейся наружу волны силы... показал себя. А потом что? А так ли важно, что? Нельзя! Почему ты, дух замка, не понимаешь, что нельзя? Почему обманываешь, что тут ждали, как старого друга, что не стоит прятаться и бояться, не навредят... ведь тут его дом.

Как же, дом!

Рэми посмотрел на свои ладони, оцарапанные о розовый куст, на капающую с пальцев кровь, и вздрогнул, когда Арман вдруг остановил его и подал вышитый серебром белоснежный платок:

— Возьми. И осторожней будь, здесь на самом деле опасно. Но я не могу взять тебя с собой или оставить в замке — ты очень уж легко влипаешь в неприятности. Может тут, в одиночестве, тебе будет легче просто ждать. Дай мне амулет!

Рэми подчинился, и Арман забрал амулет, взглядом показав на изящную, возвышающуюся над цветущими кустами жасмина беседку.

— Жди здесь! И из беседки не выходи. Если тебе жизнь дорога.

И добавил вдруг:

— Знаешь, давно меня никто не раздражал так, как ты. Но поговорить нам все же придется. Ты не так прост, как кажется, и я хотел бы знать, что именно в тебе не так.

— Я не хотел вас раздражать, — прошептал Рэми, опуская взгляд. И на этот раз смутился искренне: — Прости, мой архан.

— Конечно, не хотел. Кто же в здравом уме... — Арман мягко толкнул Рэми к беседке. — Жди. Не выходи оттуда, и тогда ты будешь в безопасности. Ты меня слышал.

— Я слышал, архан, — ответил Рэми.

Но слушал ли? Стоило затихнуть скрипу снега под ногами Армана, как Рэми, замороженный окружающей его красотой, спустился со ступенек беседки. Остаться на месте? Упустить шанс увидеть самое красивое место в Кассии? Арман на самом деле дурак, если думает, что он послушается. Ну и что может стать? Еще немного и Рэми вернется, а Арман ни о чем и не узнает...

Он шел по тропинке и слушал, как едва слышно перешептывалась вокруг, манила хрустальным звоном магия. Вдыхал полной грудью ее пряный, едва ощутимый аромат, касался огромных цветов, заморожено дышал столь странными зимой ароматами и скинул на снег теплый плащ, а за ним и тунику, стремясь почувствовать все это всей кожей, впитать в себя этот запах, сохранить память о нем как можно дольше... остановился, потянулся к яркому солнцу и засмеялся едва слышно. Холодно не было. Сила замка обволакивала, кутала в плотный, теплый кокон, ласкала кожу мягким светом, обещала свободу и распахнутые за спиной крылья...

Ты дома, дома!

И Рэми вдруг вспомнил родной лес... ласковый и знакомый до каждой тропинки. Вспомнил чуть смоляной запах сосновых боров, черно-белые стволы берез, грибной запах по осени... вспомнил, как там было хорошо и свободно...

Но тут было лучше! Тут каждая веточка жила, ласкалась к ладоням, шептала и звала, тут каждый вздох наполнял душу светом магии, тут принимали таким, какой он есть, а не считали чудовищем только потому, что в нем не было благородной крови!

Тут он чувствовал себя единым со всем и своим... родным, знакомым. И более не довольствуясь дорожкой, он смело шагнул в сугроб и удивился, когда под ноги легла плотно утрамбованная тропа.

— Помогаешь? — шепнул он парку, радуясь, как ребенок.

Он сбросил сапоги и побежал, наслаждаясь бегом. Уже не видя цветов, не замечая снега, вылетел к иссиня-черным волнам озера и с размаху влетел в темную воду.

И опять стало так спокойно... Он поддался власти густой от снега воды и посмотрел в ярко-синее небо. Так хорошо не было давно. Здесь его дар знали, его принимали, его не боялись... и это будет так недолго...

— Какой смелый человек, какой необычный...

Рэми резко развернулся и еще успел заметить, как в темной воде мелькнуло что-то стройное и серебристое. Раздался тихий, мягкий смех, пошла волнами спокойная до сих пор водная гладь, ударил по воде широкий рыбий хвост, и на миг Рэми зажмурился, спасаясь от вороха ледяных брызг. А когда вновь открыл глаза...

Заворожил, задурманил изумрудный взгляд, закружил в вихре смятения, увлекла едва слышная песня... И Рэми, забыв где он и зачем, потерялся в нежных объятиях, утонул в глубинах ласкового голоса, в поцелуе со вкусом соли.

Хорошо здесь. К чему уходить?

«И не надо! — позвала русалка. — Остайся со мной! Любимый...»

Рэми, Рэми очнись, что ты делаешь! Я не думал, что так будет, Рэми, ради богов, очнись немедленно!

Голос Аши становился все тише... Аши несет смятение. Ее поцелуи даруют покой.

— Аланна? — голос Идэлана продрался сквозь задумчивость с каким-то странным трудом, как нож через лед.

Аланна вздрогнула, повернулась к жениху и через силу улыбнулась: несмотря на то, что гостинная была тщательно натоплена, она вдруг почувствовала странный холодок по позвоночнику. И желание оказаться не здесь...

Скоро, Аланна, скоро...

Голос внутри был похож на едва слышимый шепот, дыхание вдруг перехватило, и Аланна позволила жениху накинуть на плечи плащ, прошептала едва слышно:

— *Ничего... просто голова вдруг закружилась, и направилась к дверям.*

Ярость. 6. Хандра Мира

*Ловушки, ямы на моём пути —
Их бог расставил и велел идти.
И всё предвидел. И меня оставил.
И судит! Тот, кто не хотел спасти!*
Омар Хайям

Лиин ворвался в его жизнь струей свежего воздуха. Балуя забавного мальчишку, Алкадий нанял более большой дом, спрятанный за густым яблоневым садом. Ученик получил свою комнату, как и обширную, собранную бывшим владельцем, библиотеку, хозяин дома — наполненный золотом мешочек: за удобный дом и умение не задавать лишних вопросов, Алкадий — свой кабинет и забавного щеночка-ученика у своих ног.

В доме было уютно, заполнено запахом свежеструганной древесины и золотом солнечного света и хорошо натоплено. И старая служанка, что, на счастье, появлялась редко и больше пропадала по соседству, неплохо готовила. Щеночку нравилось. А еще, как оказалось, щеночек не любил одиночества. И только успел проснуться, как бесшумно пробрался в кабинет Алкадия, устроился с ногами в уютном кресле у камина и начал читать, захлеб...

Кто этого рожанина только читать научил?

Сам Алкадий молча сидел напротив мальчишки, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, и медленно перебирал нить янтарных четок. Уют домишки раздражал, мешал сосредоточиться, но едва слышное сопение мальчишки и тихий шелест страниц под чужими пальцами даже нравился. Как и шум ненасытного огня в печи и громкая капель за окном. Эта проклятая зима то приходила, то вновь сдавала позиции. Переменчива, как женщина, так типично для здешней погоды... а вот в Виссавии зимы не было никогда...

Однако терпение мальчишки иссякло в первый же день уже к полудню. Ожидаемо. И Алкадий вдруг понял, что Лиин не читает, а сидит неподвижно и изучает учителя взглядом. Будто что-то хочет спросить, а не решается.

— Слушаю, — сказал Алкадий, вновь закрывая глаза. И все равно знал, что заинтересованный щеночек сполз с кресла, устроился прямо на ковре у его ног, и спросил:

— Научишь меня?

— Чему? — тихо спросил Алкадий.

— Как вчера. Вот раз! и все изменилось!

— Так ли уж и все? — криво усмехнулся Алкадий, глядя на мальчишку сквозь полузакрытые веки. На вид зим шестнадцать-семнадцать, а дите дитем. Глазищи огромные, щедро опушенные ресницами, горят вечными жаждой и интересом. К собственной силе, к окружающему миру, к обожаемому, вроде как, учителю.

И как он сумел вырасти таким наивным? Милым, наверное... как настоящий виссавиец.

— Ну... — Лиин сел на пятки, сложил на коленях руки и начал смущенно мять полу туники: — Я ведь не мешаю? Скучно, наверное, сидеть... и ничего не делать. А ты уже так долго, с самого утра...

Алкадий лишь усмехнулся. Нетерпение молодости. Сам он тоже когда-то был таким... только жизнь была к полукровке менее ласковой, чем к этому мальчишке. Холодная

русалочья кровь в жилах стала для Алкадия приговором.

— Знаешь, чем воин отличается от мага, Лиин? — спросил, наконец, Алкадий.

— Нет, — наострил ушки щеночек.

— Тем, что воин действует внешне, а мы — внутренне. То, что я внешне бездействен, не значит, что я на самом деле ничего не делаю. То, что вокруг меня грязь, вовсе не значит, что грязь у меня внутри.

— Не понимаю...

— Не понимаешь... — усмехнулся Алкадий. — Научись видеть, что у человека внутри, а не что снаружи, тогда и станешь истинным магом. И ты хочешь урока, не так ли? Так ты его получишь. Иди оденься, мы пройдемся. Сегодня хороший день, чтобы нанести видит одному человеку... и спасти красивую архану. Ты ведь любишь все красивое, мой щеночек? А еще мне, пожалуй, надо завести еще одну собачку... охотничью.

— Тебе меня мало? — удивился Лиин.

— Ты мой ученик. К чему заставляешь тебя делать что-то, к чему у тебя нет способностей? Ты умеешь убивать?

— Не знаю... — опустил голову Лиин.

— А сумеешь кого-то привести, зная, что его убью я?

Лиин побледнел, и Алкадий улыбнулся, услышав ожидаемый ответ:

— Нет, — смутился Лиин. И улыбка его угасла, как луч солнца перед бурей.

По крайней мере ученик честен. И это хорошо. Но говорить учителю "нет" он скоро разучится.

Арман нашел Мира где и предполагалось — на вершине кургана, полускрытого деревьями парка. Мир сидел на холодной земле и смотрел вниз, туда, где под усыпанным перьями небом дышала жизнью белокаменная столица: передвигались в лабиринтах улиц маленькие, с муравьев, человечки, летели куда-то несущие нетерпеливых всадников кони, взрывались с крыш стаи голубей, прикормленных горожанами.

А Мир — будто и не жил. Сидел выпрямив спину и скрестив ноги на зеленом коврике, раскинутым прямо на снегу. Руки его лежали ладонями вверх на коленях, грудь медленно, плавно вздымалась в такт дыханию, каштановые, вечно растрепанные волосы гладил легкий ветерок, в синих глазах царил туман. И Арман разозлился — вновь ушел друг в свой мир, убежал, оставил где-то за спиной все хлопоты. В который раз... и так не вовремя... и так не хочется его оттуда вытаскивать...

Ведь видел же Арман, насколько Мир похудел в последнюю седмицу. Видел впавшие щеки, тени под его глазами, чувствовал, как иссякает прямо на глазах его жизненная сила. И злился, что все это допустил. И на свою проклятую беспомощность.

Если Зир уже сегодня не выполнит обещания и не приведет Рэми, Арман темный цех с землей смешает. Прежде чем самому уйти за грань вслед за другом. Ибо за ошибки приходится платить всем, даже главе северного рода.

— Ты нашел?

Арман вздрогнул — слух Мира в последнее время обострился. Да и сам он стал другим: более чутким, наверное, задумчивым. Будто сдался и душой уже стремился к грани, или, напротив, напряженно ждал. Понятно же, кого. Рэми, своего целителя судеб. Носителя души одного из двенадцати, того, кто должен был бы стать телохранителем, а не стал.

Почему не стал? Арман не понимал. Майк, дознаватель дозора, все книги перерыл, даже те, что были спрятаны под пологом магии в тайном отделе. Везде сказано — от первой встречи душа целителя судеб рвется к Миранису, безудержно, неумолимо... и давно уже должен был приползти Рэми, истощенный зовом, к ногам принца, а вот не приполз.

Мир звал. Арман видел этот зов в глазах остальных телохранителей: безудержная тоска, сжигающий огонь потери, жажда новой встречи. Но каким-то чудом Рэми смог магии зова противостоять. И это Арман ему, пожалуй, бы простил. Рэми не верил Миранису, стремился быть свободным от уз, связывающих его с принцем — его право. Но права вытягивать из Мираниса силы ему не давал никто!

— Ты нашел Рэми? — отчеканил Миранис.

— Нет, мой принц... — покачал головой Арман и осторожно продолжил:

— Думаю, тебе стоит сказать Эдлаю, что Рэми в столице. Рэми бежал от Эдлая, это правда, но вряд ли сумел до конца разорвать соединяющие их узы.

Арман не стал вспоминать, почему именно пришлось Рэми бежать от его бывшего опекуна. Глупышка Аланна, названная сестра... можно ли тебя винить за то, что ты повелась на прекрасные глаза целителя судеб? А глаза у Рэми действительно были красивые: огромные, щедро опущенные ресницами, и выразительные, с почти съевшей белок темной радужкой. Таким поверить, в таких утонуть... даже гордой придворной архане... Аланне ведь всего шестнадцать, глупая девчонка!

Даже у виссавийцев не было такого взгляда. И лишь у одного человека на памяти Армана... этого вспоминать не хотелось. Ни сейчас, ни вообще. Да и незачем те воспоминания пачкать мыслями о Рэми, и без этого Арман был с мальчишкой слишком мягок. А стоило прибить при первой встрече, несмотря на приказ Мираниса.

— А я думаю, ты слишком доверяешь Эдлаю, — сказал вдруг Мир. — В то время, как я твоему бывшему опекуну доверять не могу.

— Ему доверяет твой отец, этого должно быть достаточно.

— Может, слишком доверяет.

— Ты хочешь отдать Аланну Рэми? — спросил вдруг Арман. — Я бы, например, не хотел, безродному..

— Ты удивишься, — улыбнулся вдруг Мир, — но на Аланну у меня гораздо больше прав, чем у тебя, друг мой. Намного больше... и если тебя не волнует, почему браком с ней заинтересовался виссавиец, то меня это, увы, должно волновать, но не сейчас... позднее. Может быть.

Ветер кинул в них снежной пылью. Мир на миг прищурился, улыбнулся вновь, подняв повыше воротник туники, и вдруг заглянул Арману в глаза. От этого взгляда стало не по себе, будто Мир что-то хотел сказать, да все не решался. Он да и не решался? Даже смешно.

— У меня к тебе просьба, — начал принц, вновь отворачиваясь.

Просьба? Не приказ? Арман ушам не поверил. Плохо это, если Мир просит.

— Не уходи надолго, — задумчиво сказал вдруг принц, натягивая белоснежные перчатки. Ровно так сказал, будто не с Арманом разговаривал, сам с собой. — Побудь эти дни со мной, забудь о службе... не смотри на меня, друг мой, знаю, что ты занят, что перерываешь столицу в поисках мальчика, знаю, что исполняешь мой приказ. Но... ты сам понимаешь... другого случая просто посидеть нам может и не представиться. А Рэми мы, пожалуй, уже не найдем.

— Чтобы посидеть у тебя есть телохранители, — заметил Арман, показывая взглядом на

три тени рядом. — Я не могу, Мир... честно не могу ждать и ничего не делать. Я с ума сойду.

Мир лишь грустно улыбнулся, даже не обернувшись. Еще недавно бы скривился, услышав такие слова. Еще недавно он терпеть не мог телохранителей, считал их обузой, а их преданность — навязанными богами узами. Но встретив Рэми...

Рэми их всех изменил. И всех их предал.

— Не хватает одного, — прошептал Мир, сжимая ладони в кулак. — Я каждый миг это чувствую. Скажи, Арман, почему он этого не чувствует? Почему не сжирает его эта тоска, будто из тебя вырвали кусок души и держат где-то в заложниках? Почему он до сих пор не приполз ко мне на брюхе, как приползали остальные, почему не просит о пощаде? Почему... ненавидит настолько, что хочет убить? Тогда как должен...

— ...любить? — без тени былой улыбки спросил Арман. — Может, не все избранные становятся телохранителями? Может, Рэми — резерв, тот, кому не суждено стать кем-то большим?

— Может, — задумчиво ответил Мир, накидывая на плечи теплый плащ.

Арману не понравился этот ответ, будто Мир что-то не договаривал или же до конца не верил, что Рэми может его предать. Впрочем, Арман мало что знал о магических связях между принцем и его телохранителями, как мало о них знал любой в Кассии. Государственная тайна... к крохам которой даже вездесущий Майк с трудом получил доступ. К теням эти государственные тайны!

Арман оглянулся на сопровождающую Мира троицу и пожал плечами: что в них такого, чего нет в других? Почему именно они носят души сыновей верховного бога? Из-за ошеломляющего по своей силе дара? Дара ли? Или проклятия?

Лучшие из людей?

Точно лучшие?

Один из телохранителей, Кадм, со скучающим видом кормил мясом медвежонка, нежно потрепывая его по холке. Темные волосы до плеч были собраны в небрежный хвост, на правильно очерченном лице с тяжелым подбородком гуляла мягкая улыбка. Его силе и мускулам, сейчас скрытым под простой рубахой и мягкими штанами, завидовали все мужчины при дворе, а дамы томно вздыхали, бросая в его сторону короткие взгляды: по слухам, в постели он был нежен и ласков, как вот с этим медвежонком.

Но Арман знал, что с таким же выражением скуки на лице воин вонзил бы меч в брюхо зверя, да по самую рукоять, да еще провернул бы лезвие пару раз, наслаждаясь каждым предсмертным вздохом. Любое оружие пело в его руках, любое подчинялось, будто было создано только для него. И выходить против телохранителя силы на тренировках решались немногие. И уж точно не в одиночку: Кадм шутя побеждал всех, наслаждался своими победами. И пролитой «в пылу драки» кровью.

Жесткий и беспринципный, ироничный и безжалостный. Всегда обманчиво безоружный, только с легким кинжалом в простых кожаных ножнах у пояса. Но Арман и люди Зира знали цену этому кинжалу, и стоило Кадму захотеть, как обычная сталь превращалась в его руках в любое оружие, и тогда пощады не жди...

Арман тоже, когда приехал ко двору, обманулся. Ему тогда было пятнадцать, Кадму — семнадцать. И при первой встрече телохранитель так же спокойно улыбался, а в темно-карих глазах его мелькало любопытство.

Тоже же ночью Кадм ворвался в покои Армана, одним движением толкнул к стене и

встал между ним и убийцей. И теперь сложно было забыть как безжалостные глаза телохранителя, так и собственную боль вывихнутой при падении руки и стоны убийцы. И крики, вызванные чередой умелых пыток. И капли крови на ковре, книгах, даже стенах. И бледные лица застывших у дверей дозорных.

Кадм и не вспомнил, что в покоях находится Арман. Раз за разом бил он выплесками силы лежавшего у его ног, задавая один и вопрос:

— Кто тебя послал?

Как выяснилось позднее, получить ответа он не мог: убийца и сам не знал своего нанимателя. Даже лица не запомнил: магия подчистила мозги подчистую. И, думалось Арману, Кадм это понял достаточно быстро, да только пыток прекратить не спешил. И лишь когда незадачливый убийца потерял, наконец-то, сознание, телохранитель как-то довольно улыбнулся и кинул Арману:

— Прошу прощения. Слуга замка приберет беспорядок.

Беспорядок... Арман стал дозорным. Много раз ловил воров, убийц, много раз дрался на улицах, наказывал слуг за провинности. Много раз сам проводил допрос, но никогда не пытал. И только тогда уяснил, что пытаться не сможет.

Кадм, так мило сейчас игравший с медвежонком, еще как мог.

— Но они не понимают, — так же спокойно ответил Мир, — многого не понимают...

Арман вздохнул глубже. Он не был согласен. Хрупкий с виду Тисмен, наверное, бы понял. Любимое дитя богов, с каштановым ореолом тонких, вечно растрепанных волос, казалось насыщенными солнечным светом, мягким взглядом цвета сочной листвы и плавными чертами бледного лица, он ценил тишину лесов, любил перелив солнца на водяной глади и шальное пение птиц на рассвете. А еще обожал все зверье, даже то, что другие величали нечистью. И зверюшек у себя в покое держал таких, что входить туда без хозяина побаивались даже Мир и другие телохранители. Дитя природы, спокойное и уверенное,двигающееся подобно изменчивой тени, и смертельно опасное.

Да и обратной Тисмен тоже не чурался. Часто приходил к Арману «просто поболтать», спрашивал, мягко и спокойно, и вопросы его были осторожные и глубокие, а голос — тянущий прохладой и свежестью, подобный песне ручья в жаркий летний день. И позднее с холодным интересом в зеленых глазах просил Армана попробовать одно зелье за другим, чтобы... «помочь принцу».

После этих зелий желудок частенько сворачивало болью, Арман переживал недомогание в кресле, до крови кусая губы, а зеленый телохранитель сидел в ногах и наблюдал... что-то записывая в маленькой книжечке. Что он записывал, какие выводы делал, Арман никогда не знал. Тисмен просто касался его руки, и Арман засыпал, а когда просыпался, маленькие опыты телохранителя казались сном, полускрытым туманом, а самого Тисмена уже не было, лишь в покоях витал неповторимый запах сосновой свежести, от которого Армана еще долго едва не выворачивало.

— Ты — поймешь... — прошептал где-то рядом Мир.

Вот кто действительно никогда не поймет, так это третий телохранитель Мира. Лерин. Холодный, расчетливый: истинный кассиец. Высокий, стройный, как высушенное ветрами дерево, с тонким лицом и гладко зачесанными седыми волосами, чей цвет был столь неуместный, ведь Лерин всего на пару лет старше Армана. Всегда невозмутимый, всегда правильный, истинный сын древнего рода Балезара, он знал своих родственников до

десятого колена и с огромным трудом принимал истину: Мир — оборотень.

Потому, может, Лерин и поседел так рано: от стыда. Вот и сейчас посматривал на Армана с легким презрением, а в глазах его читалось: ты лариец, и именно ларийская, поганая кровь разбавила чистую кровь арханов... принесла в Кассию беду. Именно ларийская кровь виновата в том, что Мир то и дело срывался, в том, что он не мог быть тем идеальным арханом, каким положено быть наследнику. В том, что Мир убегал в город ото всех, чтобы напиться, до беспамятства, и телохранителям, как и Арману, приходилось его вытаскивать из очередной трактирной драки.

Это было до тех пор, пока Мира не ранили всерьез. И пока он не встретил Рэми. И не перевоплотился перед мальчишкой, при этом в первый раз не утратив разум. И ранение принца, его исчезновение, которое стоило им так много нервов и крови, обернулось огромной удачей.

До недавнего времени.

— Тисмен все еще ищет какие-то зелья, — начал шептать Мир. — Покоя не дает — опаивает по уши. Все боится, что вновь стану... им.

Арман вздрогнул, оторвал взгляд от Лерина и повернулся к Миранису. Он и не знал, что зеленого телохранителя теперь заботят такие мелочи. Мир и его кровь оборотня. Ведь сейчас надо думать о другом...

Ветерок прошелся по растущим под их ногами елкам, шевельнул бисер собранного морозом снега, взъерошил холодной ладонью кудри Мира, а внизу пронеслась по улицам очередная карета.

— Вчера ночью я вновь перевоплотился. Не мог сдержаться, понимаешь?

Вот оно что. Арман прикусил на миг губу, подыскивая нужные слова. Но были ли они, нужные?

— Ты просто устал. Твоему телу легче выжить в шкуре зверя. Магии в ней до тебя добраться сложнее. Ты не должен себя винить...

— Ты не понял, я не виню! — отчеканил Мир. — Я перевоплотился, да, но сумел остаться человеком. Теперь, благодаря так же и тебе, я знаю, что это легко: стать зверем только снаружи, сохранив разум. Арман, я могу не убивать. Я могу превращаться и не терять рассудка. Что в этом плохого? Почему я должен скрываться ото всех, врать? Пить эти проклятые зелья... видеть страх в глазах собственных телохранителей? Они ведь боятся, что меня разоблачат. А я уже ничего не боюсь. Благодаря тебе. Благодаря нашим общим вылазкам в лес. Мне так этого не хватает. И они никогда этого не поймут.

— Мир, — не выдержал Арман. — Они правы! Ты не можешь быть тем, кем хочешь — люди не поймут. И не поверят. Им не объяснишь, что оборотень не теряет разума. Не объяснишь, что шкура зверя — это как одежда... лишь помогает познать мир... Они думают, что кровь оборотня выжжена в нас долгими ритуалами и пусть так и остается, ради богов!

— И ты знал...

— И я знал... — ответил Арман. — И я сожалею, что показал тебе. Показал, насколько этот, другой, мир притягателен. Тогда я думал, что это будет лучшим, чем позволить тебе упиться до беспамятства, но, вижу, я ошибался. Пьянку бы тебе простили. Бытие зверем — нет.

— Так почему не сказал сразу, до того, как я встретил Рэми? — глаза Мира вспыхнули гневом, и Кадм оставил на мгновение медвежонка, оглянувшись на принца. Но вновь отвернулся к зверю по одному только знаку Мираниса.

— Почему позволил бояться!

Арман сжал кулаки. Сейчас не время об этом думать, сейчас Миру надо выжить. А все это потом... боги, потом! Но не ответить, когда Мир требовал, нельзя. И чувствуя, как мороз пробирается через кожу, холодит душу, Арман как можно спокойнее продолжил:

— Потому что я знаю, какое это искушение, Мир. Как это затягивает. Как сложно от этого отказаться. От бега в ночи, когда лунный свет ласкает шкуру. От ласки ветра, от мягкости земли под лапами, от запахов, что щекочут нос... интенсивные, острые! И от леса, что наполняется вдруг звуками. Ты просто отдаешься во власть бега и несешься во тьму, чувствуешь иначе, живешь иначе, дышишь иначе! После этого в шкуре человека ты кажешься себе слепым и глухим... а в столице так небезопасно становиться...

— Зверем? — спросил Мир.

— Зверем, — подтвердил Арман.

Он вдруг вспомнил, как выпрыгивал лунными ночами в окно поместья, и потом долго бежал по спящему бору, а папоротники ласкали плечи, грудь, расчесывали шерсть. Растекался туман, пружинили опавшие листья, и роса бодрила, звала нестись быстрее... чтобы на рассвете вернуться довольным и усталым, прыгнуть в окно, приласкаться к рукам няни, услышать тихий шепот:

— Знаю, как тебе тяжело, знаю, родной... но на сегодня хватит.

И вновь стать человеком. Почувствовать кожей ткань, носить одежду, улыбаться, быть среди них, но чувствовать глубже, слышать лучше, видеть острее... потому что тело для оборотня — это помощник. А для человека часто — враг.

— Ты должен скрывать нашу кровь, Мир, — продолжал уговаривать Арман с трудом вырвавшись из приятных воспоминаний. — Как должен это делать я — глава северного рода.

— Иногда я жалею, что вытащил тебя из той деревни, — прошептал вдруг Мир. — Может, там ты был бы счастливее.

Арман лишь грустно улыбнулся. Мир временами так наивен.

— Я не жалею, — ответил он. — За все надо платить. Я стал главой рода, старшим твоего дозора и почти забыл кто я, кем был когда-то. И тебе надо забыть. И о той ночи, и, уж прости, о Рэми.

— О Рэми мне не забыть, — заметил Мир, оглянувшись вдруг на Лерина. — Тебе не понять, что такое связь с телохранителем. Это даже больше, чем связь с харибом. От хариба я могу отказаться, от телохранителя — нет. И я все еще не понимаю... почему.

— Почему что?

— Почему он убежал...

Арман вздохнул, повернувшись к городу: опять по кругу. Когда же это закончится-то? Этот разговор сейчас не нужен ни ему, ни Миранису.

— Потому что увидел оборотня, — все же спокойно, как ребенку, ответил Арман. — И почувствовал сильное притяжение, которого не понимал. Его, что любит свободу больше жизни, вдруг потянуло эту самую свободу кому-то отдать. А теперь подумай, что бы ты подумал на его месте?

— Что сошел с ума... — прошептал Миранис, и Арман вдруг с ужасом понял, что принц говорит совсем не о Рэми, о себе. Он и не думал до этого, что узы богов оплетают обоих, что Мир чувствует то же, что и Рэми. Знал бы, никогда не отпустил бы мальчишку!

— Это похоже на любовь, но это не любовь... это ослепление. Страшная жажда. Но у меня есть еще трое — у него нет никого, кроме меня. О боги, почему я дал ему уйти! И как

он может быть вдали от меня? Другой бы давно на коленях приполз... почему этот упрямец сопротивляется? Нет, не так. Откуда находит силы сопротивляться?

— Не слишком ли много чести для простого мальчишки, пусть даже для избранника? — холодно ответил Арман. — Чтобы ты, наследный принц Кассии, себя изводил? Таял на глазах? Позволь мне...

— ... убить его...

— ... иногда так лучше...

— ...позволяю.

Мир облизал вдруг пересохшие губы и зябко повел плечами. Холодно-то как. Но раз холодно, значит, он живет. Пока. И пока еще чувствует.

Решение далось крайне тяжело, как и этот разговор. Все, что касалось Рэми, давалось тяжело. И сжигающая душу тоска по кому-то, кто должен быть рядом, а не был, и обида на блажного идиота, что дважды ускользнул, и разочарование... Чувства, которые до встречи с целителем судеб были незнакомы.

Наверное, все же зря он думал, что телохранители с ним по воле богов, а не по собственной. И теперь очевидно, что этой самой воле богов можно воспротивиться. Если очень захотеть. Только почему-то все равно во все это не верилось. Не может этого быть!

И теперь он был благодарен, что Арман промолчал. И за то, что продолжал стоять рядом, хотя... видно же, что ему хотелось уйти. Опять окунуться в город, в поиски, которые все равно не дадут результата. Арман не может понять, что Рэми — целитель судеб. И что избежать нежелательной встречи для него легче легкого.

Но Арман упрям, и однажды, пусть даже когда Мира не станет, Рэми попадется. И умрет. Только легче от этого кому?

«Мне, — читалось в режущих сталью глазах Лерина. — Если я не могу отомстить, пусть отомстит кто-то другой».

Мсть? Мир никогда никому не мстил. Не приходилось. Так надо ли начинать теперь? За гранью ему, пожалуй, будет все равно, живет Рэми или нет, там, жрецы говорят, милосердие даже щедро оплачивается. А тут? А будет ли «тут»?

«Этого ли ты хочешь на самом деле, Мир?» — молча спрашивал Тисмен, и душа зеленого телохранителя, как всегда, искрилась, лучилась зеленою успокаивающего тепла. Ну-ну, друг мой сердечный, все с тобой понятно. Полюбил-таки Рэми как любил своих опасных зверюшек. Только целитель судеб это тебе не зверюшка, и пакости его далеко не невинны. Сорвется недоделанный телохранитель, всю Кассию в огненном гневе утопит. И сдержать его будет некому. Потому и придется сделать не то, что хочется, а то, что надо.

«Какая уж разница-то?» — синхронно его мыслям отзывалась душа Кадма. Хоть этот понимает правильно: решение принято, к чему растрчивать последние мгновения на сомнения?

Он уже и забыл, что такое встреча с новым телохранителем. И как жжет душу нетерпеливое ожидание привязки, пока маги и жрецы приспособливают душу избранника для новой роли. И какое облегчение увидеть того, кто должен быть рядом, его горящие счастьем глаза, и чувствовать в себе отражение этой искрящейся радости. Ведь это огромная честь, при этом для обоих. Чем больше телохранителей, тем больше мил охраняемый богам, и у Мираниса их уже столько же, сколько у отца. А ведь он еще не повелитель. Гордиться надо.

Но Рэми счастлив не был. Горд — тем более.

— Мир? — позвал Арман. — Если позволишь...

— Еще не закончил? — съязвил Мир, внезапно начиная злиться. Все же этот Арман невыносимый зануда. — А я думал... впрочем, продолжай.

— Думаю, — неожиданно холодно сказал Арман, — тебе необходимо отдать еще один долг.

Необходимо? Мир не знал такого слова.

— Ну так отдай за меня, — пожал он плечами.

Ему нравилось так сидеть. Если Арману надо куда-то идти, может взять с собой такого же зануду Лерина.

— Может, боги будут к тебе более справедливы, если ты сам заплатишь по счетам?

А кто сказал, что они теперь несправедливы? Мир усмехнулся.

Но кругляш с ладони Армана взял, улыбаясь повертел его между пальцами. Вспомнил небольшой загородный дом, духоту тесной комнаты, жесткие, застиранные простыни. И аромат сосновых веток, стоявших в небольшой вазе на столе, крытом вышитой скатертью.

Удачно спаситель явился... Будет с кем поболтать, посидеть за чашей вина в покоях, забыть на время о паршивце, который бежит от собственного призвания.

— Где он? — набрался решительности Мир, отдавая кругляш Арману.

— В беседке у озера, — ответил дозорный, заглядывая другу в глаза. — Прости, я не стал вести его сюда, хотел с тобой поговорить... сначала дела твои, а потом твоих подопечных. Не так ли, Мир?

Мир вздрогнул, да издевку съел, и на мгновение проклятая слабость отступила. Но блеснули неприязнью глаза Лерина: не любил белый телохранитель Армана, не одобрял таких вот дружеских подколов, хотя сам до них частенько опускался.

Резко развернувшись, Мир направился к беседке. Надо срочно выпить. Одному нельзя, телохранители не захотят, Арман и вовсе белый пушистый, пьет редко, а вот Гаарс подойдет вполне.

Привычно прокладывал сад дорогу под ноги, сыпались на снег розовые лепестки, капало с сосуллек, легкими тенями носились по саду магические создания.

Мир любил населять парк «нечистью». Отец сопротивлялся сначала, потом смирился, и вскоре в парке появились русалки, драконы, гарпии, единороги, пара сфинксов.

Мир хотел поселить сюда и пегаса, но пегасы водились только в Виссавии, а виссавийцы категорически отказались привозить их в Кассию. Почему — не объясняли. Они никогда и ничего не объясняли, и хоть и хотелось Миру хоть раз в жизни хоть одним глазком глянуть на настоящего пегаса, видимо, его мечте не суждено было сбыться.

Отец вот тоже никогда и ничего не объяснял. Все щадили Мира, оберегали, будто он был дорогой, но ненужной игрушкой. Сменялись учителя, сила Мира росла вместе со знанием, но дало ли это ему власть? К власти отец сына не допускал... И к интригам не пускал, зато недавно интриги ворвались в жизнь Мира сами.

Одно покушение за другим. Беспокойство в глазах телохранителей, бессилие дозорных. И постоянное наблюдение, которое Мир ненавидел... если бы не оно — давно бы сбежал в город, в таверну, залился бы до самого горла дешевым вином и был бы счастлив. Потому что здесь, в замке, в золотой клетке, счастливым быть невозможно.

— Где Гаарс? — спросил Мир, когда они дошли до беседки. Мир любил эту беседку. Овитая виноградом, с никогда не замерзающим фонтаном внутри, она была его убежищем. И

его любимым местом в магическом парке. Красота ажурна на берегу небольшого озера.

Арман прикусил губу — явный признак того, что дозорный в ярости — и огляделся. А Мир лишь удивленно усмехнулся: Гаарсу удалось вывести из себя эту ледяную статую? Надо было бы узнать — как. И использовать. Если еще успеет.

Настроение вмиг испортилось, хандра вернулась, наотмашь ударив о твердую землю. Пытаясь скрыть раздражение, Мир резко сорвал тяжелую кисть с овивающего беседку виноградника. Приправленная морозным холодом ягода растаяла на языке, наполнив рот кислотным соком, но легче почему-то совсем не стало.

— Вы ищите мальчишку лет так семнадцати, с черными волосами? — холодно поинтересовался стоявший неподалеку Кадм.

— Нет! Да! — одновременно ответили Мир с Арманом.

Мир выкинул гроздь, забыв о винограде. Такого ответа Армана он не ожидал и происходящее вдруг стало даже интересным. Гаарс на юношу похож не был... значит, амулет принес не он... так кто?

— Кого ты привел? — спросил Мир Армана, наслаждаясь бледностью обычно спокойного дозорного.

Забавно... Арман и ошибся.

— Мальчишка вам живой нужен или не очень? — продолжал язвить Кадм.

— Живой! — прошипел Мир, резко оборачиваясь. И еще успел увидеть, как взбаламутилась тяжелая водная гладь, как мелькнули в ней худые зеленые руки, утащили в глубину уже бесчувственное тело.

Не, русалочка, этот мальчик принадлежит мне! И ты его, зеленая моя, так просто не получишь.

— Приказываю, отпусти человека!

Мир и не надеялся, что русалка подчинится сразу. Эта нечисть так легко не сдавалась, но именно за дерзость Мир русалочку и любил... Так не хватало этой самой дерзости при дворе... Скучно...

Русалка вынырнула, все так же сжимая мальчишку в объятиях, повернула к беседке зеленоватое лицо, и Мир сглотнул...

Горят тревожным огоньком, манят зеленые глаза. Расползается по груди мягкая истома, сжимает сердце, потом заставляет биться гулко, тревожно... И Мир делает шаг вперед, стремясь перепрыгнуть через ограждение, броситься в воду, наслаждаясь дарующим покой холодом... Но телохранители как всегда, быстрее: крепко жмет плечо рука Тисмена, обжигает сила Лерина, и Кадм отталкивает от ограждения, грубо, становится перед скользящим по снегу принцем, обнажает клинок, окидывая русалку гневным взглядом.

— Уже! — шепчет Мир, чувствуя, как скатывается по щеке капля пота. — Мне уже лучше.

Кадм послушно шагает в сторону, стихает синее пламя в глазах Лерина, Тисмен скусающе отходит к скамье. А Мир медленно встает и звереет, понимая, что его, наследного принца, чуть было не заворожили. Как простого мальчишку!

Игры закончились.

— Не заманивай! — кричит Мир русалке. — Не смей! Или не знаешь моей силы? Не знаешь моих телохранителей? Отпусти человека. Я не хочу тебя ранить. Отпусти добровольно!

Но не слушает русалка, нечисть бездушная! Хмурит кустистые брови, растягивает губы в

усмешке. И вдруг впивается в губы жертвы жарким поцелуем...

Дался ей этот мальчишка! И Миру он почему-то дался, отдать бы его русалке, раз сам к ней пошел, забыть. Но никак же не выходит. Может, из-за любопытства? Или упрямства? А какая разница!

А мальчишка-то не простой! Очнулся вдруг, обнял русалку и ответил поцелуем на поцелуй, лаская ладонями тонкую спину. И русалка выгнулась под лаской, затрепетала, а глаза ее, колдовские, зеленые, вдруг затуманились, прикрылись, а тяжелые, густые ресницы отбросили на щеки легкие тени.

— Умеет с женщинами обращаться, — одобрительно заметил Кадм. — Может, не будем им мешать?

Издевка телохранителя лишила Мира остатков разума. Еще как он им помешает! Но не успел Мир шагу сделать, как темная вода вокруг парочки окрасилась синим, пошла яростными, недобрыми волнами, рискуя выплеснуться из озера, и в морозной тишине отчетливо запахло магией.

— Ты говорил, что это рожанин, — как всегда, первым среагировал Лерин. И, как всегда, не упустил шанса подколоть Армана. — Умеешь ты гостей выбирать, дозорный... Привел к Миру мага? Судя по его силе — высшего? Не проверил?

— Лерин! — одернул его Мир. — Чего стоишь!

Лерин подчинился сразу, наверное, не без удовольствия. Разорвало воздух короткое заклинание, и русалка закричала истошно, когда вместе ее с человеком выдернуло из воды и грубо швырнуло к ногам Мира...

— Я предупреждал, — прошипел Мир.

Русалка возмущенно ударила хвостом по белоснежному мрамору, окатывая озерной водой, и прижала к себе вновь потерявшего сознание человека с такой яростью, что Мир, вздохнув, понял: так просто не отпустит. Тихо выругался рядом Лерин: он терпеть не мог, когда ему портили одежду.

— Я сказал, — продолжал настаивать Мир, на этот раз мягко, как ребенка. — Отпусти! Уходи в озеро и отпусти, не упрямься, сама же знаешь, что и ты, и он — в моей власти.

— Он мой, — упрямо прошипела русалка. — Мой. Отдай... у тебя много. А я одна... мне плохо. Прошу...

Мир глубоко вздохнул, почувствовав противный привкус вины. Ведь в ярко-зеленых глазах русалки прочитал он не ожидаемое упрямство, не каприз, а столь знакомое, обжигающее душу одиночество. До этого он и не знал, что нечисть умеет чувствовать. Хотя, сам он кто... оборотень. Тоже нечисть?

— Отпусти человека! — мягко сказал он. — Даю слово, я найду тебе пару...

— Верни меня в воду... — перестала вдруг сопротивляться русалка, — задыхаюсь, сжался...

Мир посмотрел на Лерина, и телохранитель чуть видно кивнул. Вновь загорелись синим его глаза, зажглась на его переносице руна, вновь разорвало зимний воздух заклинание. Раздался за спиной тихий плеск, но Мир уже забыл о русалке. Он задумчиво наблюдал, как Кадм наклонился и легко поднял неудачливого рожанина на руки, с помощью Лерина устраивая его на скамье.

— Мир... Это же... — прошептал Тисмен.

Мир уже и сам видел. И не знал, плакать ему или смеяться.

Знакомые черные волосы. Бледное круглое лицо, тонкие черты, пухлые губы, покрытые

инеем... и когда эти глаза откроются, вновь заглянут в самую душу, взбаламутят своим упрямством и вновь почувствует Мир привкус силы целителя судеб.

— Блокируй его силу, быстро! — прошипел он, приходя в себя. — Если он снова удерет, я с вас шкуру спущу.

— От меня еще никто дважды не удирал, — недобро улыбнулся Тисмен.

Солнце заливало небольшую гостиную и путалось лучами в витиевато вышитых гобеленах и подушках. Где-то вдалеке отбил полдень колокол, запела над городом труба, а Аланна все так же недоуменно смотрела на посланника повелителя. И не смела поверить только что услышанным словам:

— Да, будет лучше, если ты все же сейчас останешься в замке. Вместе со своим женихом.

— Повелитель приказал приставить к нам охрану? — переспросила она.

— Да, — ответил стоявший перед ней мужчина, и на лбу его на миг зажглась синим огнем руна.

Один из телохранителей Деммида, Дар... но почему...?

Аланна спохватилась и хотела опуститься на колени, но телохранитель был быстрее и не позволил. Он лишь легким движением взял ее под подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть себе в глаза, и тихо прошептал:

— Как хорошо, что ты не похожа на мать, моя архана.

И легким движением Аланна высвободилась из цепких пальцев, возмущенно вскинув подбородок. Она помнила свою мать. Мама была самая лучшая, самая добрая, умерла так рано... но плакать перед телохранителем она не будет. И даже не скажет, как бы хотела быть похожей на свою мать... но куда там... куда ей до той доброты и того света?

— Прошу пройти за мной, моя архана, — вновь сказал Дар. — Твоя хариба привезет твои вещи позднее. Твоему жениху отдадут приказ к тебе присоединиться.

Ради богов, да что же происходит, а?

«Ты сама этого хотела», — отозвалось едва слышно коварное божество. И Аланна вздохнула, приняв предложенную телохранителем руку. Карета уже ждала. А бояться ей нечего: неужели телохранитель повелителя ее обидит?

Ярость. 7. Рэми. Замена

*Человек бесконечно добрый
может надеяться, что в
конце концов его распнут.
Фил Босманс*

На его счастье, он никогда не был в доме призрения. В старшей школе его сверстники частенько шептались по углам, что некоторые девушки там очень даже ничего... пока свежие и клиентура не замучают. И что дом призрения надо выбирать особый, с хорошей репутацией, потому что иначе можно и заразу подцепить, а после выложиться неплохо на цех целителей: виссавийцы хоть и помогали, да сливали «неудачника» дирекции, а потом, будь ты даже сынишкой главы рода или советника, все равно получишь и родители вмешаются вряд ли. В домах призрения ведь не только заразу можно подцепить, но и жизнь потерять, а какому архану захочется смерти одного из отпрысков? Какой школе захочется затирать скандал? Да еще и столь шокирующий? Ведь дом призрения считался местом грязным и недостойным.

Осмелился бы Лиин пойти туда в школе, и его друг и покровитель явился бы к нему сам, чтобы лично выпороть «идиота».

Туда ходили лишь отбросы и любители особых развлечений. Здесь позволялось все, только плати. И потому попавшие сюда жили обычно недолго... пока были в состоянии, отрабатывали свое пребывание телом, когда не были — долго дохли в подвалах от голода. Не можешь отрабатывать содержание, содержать тебя и не будут.

Попадали сюда чаще всего рецидивисты, воры, разбойники, убийцы, насильники. И... неверные жены и их незаконнорожденные дети. Последних покупали, пока они были маленькие, для сложных магических ритуалов, либо, если были побольше, продавали клиентам с особыми вкусами. Татуировка в виде паука на щеке, под ней пара магических рун, и уже не убежишь... везде найдут. И помочь никто даже не попытается — за помощь неприкасаемому сам таким можешь стать. Единственное, что сделают — сольют первому же дозорному и опять пошлют в родной дом призрения. На цепь, чтобы больше не сбежал.

Проклятое место. Жуткое, тем более для чувствующего этот мир мага. Сам бы Лиин сюда никогда бы не пошел, но учитель его мнения не спрашивал. Он, ни на миг не сомневаясь, свернул с узкой улицы и направился к дому, выкрашенному в черный, по стенам которого чуть поблескивала в полумраке зимнего вечера нарисованная магией паутина. Паук, как и ожидалось, оказался на входной двери. Огромный, раскинувший лохматые лапы, он, казалось, следил за клиентами многоглазым взглядом и чуть шевелил огромными хелицерами.

Мысленно помолвившись всем богам, которых знал, Лиин вошел по ступенькам за Алкадием, скользнул в заботливо придерживаемую учителем дверь и застыл от охватившего его ужаса.

Боль была везде. Тяжелая, давившаяся к земле, она набивала легкие черной ватой, и дышать стало совсем невозможно...

— Просто отключись от них, — посоветовал учитель. — Тебе надо различать, где твоя боль, а где чужая. С чужой и разбираться не тебе. Ты ведь не целитель, в конце концов.

Алкадий ошибался, но Лиин не стал его поправлять. Он был целителем, даже, говорили, неплохим, только его учитель магии, как и узнавший об этом покровитель, приказали о даре помалкивать. Узнай в школе, и цех целителей наложил бы на него лапу, а этого не хотелось никому. Потому обучали врачевательству Лиина тайно, на редких частных уроках у угрюмого целителя, за стенами школы.

Лиин любил эти уроки, любил помогать людям, не любил лишь отчаяние в их глазах и золото, переходящее в руки целителя. Ведь этот дар был в Кассии крайне редким, и пользовались им только те, кто не мог пойти к виссавийцам. А виссавийцы лечили бесплатно и почти всех... почти... Заслужить отторжение виссавийцев удавалось немногим. И одна весть об этом делала человека изгоем.

Лиин вздохнул глубже, но все же отделил себя от чужой боли невидимыми щитами. Этому его тоже научили. Алкадию незачем это знать... как и то, что учитель Лиину давно ни к чему. Но Арман приказал подчиняться Зиру, а Зир приказал прийти к Алкадию. И Лиин подчинился, хоть и не понимал зачем.

Сначала думал, что ему надо шпионить. И что люди Зира, которые временами появлялись немymi тенями, будут просить отчетов, но ничего этого не происходило. И Лиина, и Алкадия будто оставили в покое, наблюдая снаружи, а Лиин просто гнал из груди тревогу, открываясь как можно более новому учителю. Ведь почуй Алкадий притворство... и его ученику не жить. А архан приказал Лиину жить... и ждать. Лиин ждал, боги, долгих одиннадцать лет ждал! Сколько еще?

Стоило войти, и из тени появился прислужник. Худой и неприятный, будто съедаемый изнутри какой-то грязью. Судя по пауку на щеке, тоже неприкасаемый, но из тех, кому повезло: понравился хозяину, выслужился, теперь был скорее надсмотрщиком, чем жертвой. Алкадий что-то шепнул прислужнику, сунул в костлявые пальцы мешок с золотом, тяжелый, и прислужник посмотрел на клиента слегка удивленно, потом растянул губы в беззубой улыбке и кивнул. Еще бы не радоваться. Столько золота и хозяина этого заведения сдобрит, глядишь, и любимцу-неприкасаемому чего перепадет.

Их повели по запутанным коридорам. Там, за одинаковыми стенами, хлестал бич, кто-то стонал, кто-то тихо плакал, било по ушам влажными шлепками. Дом жил, дышал и исходил болью. Пах мочой и спермой, кровью и рвотой, застаревшим потом и давно немывтым телом, пропитался насквозь этими запахами. Но чуть дальше стало лучше. Стены раздались, потолок взмыл вверх, украсился арками, по обе стороны коридора появились изящные колонны, и Лиин понял, что их не совсем коротким путем привели в апартаменты для лучших клиентов.

В хорошо натопленной комнате пахло совсем иначе: тонкими благовониями и дорогой едой. Но это не помогало... тот, недавний, запах въелся в кожу, в одежду, в волосы и, что хуже, в память. И смыть его оттуда...

— Я специально провел тебя этими коридорами, — сказал Алкадий, усаживаясь на диван и показывая на скамеечку у своих ног. — Ты слишком любишь комфорт, мой ученик. И не знаешь, как живут другие люди. Может, и не хочешь знать.

Лиин вздрогнул, на самом деле не понимая. Уселся на скамеечку, уставился на огонь, бушующий за веером каминной решетки, сложил на коленях дрожащие руки. Его душа целителя истекала болью... и все вокруг, казалось, расплывалось в волнах слабости.

— Ты слишком избалован жизнью, хотя и простой рожанин. Очень странно, кстати. Но повезло не всем. Не все родились такими миленькими, не всем жилось так просто, как

тебе...

Просто? Лиин прикусил губу. Его еще мучили ночами слова родной матери... как она его назвала? Чудовищем? Звала соседей, чтобы помогли ей с этим чудовищем справиться, и в визг бушующих вокруг ветра и снега вплетались ее истерические крики...

Лиину было шесть. И тот день стал для него самым горьким... и самым счастливым. Ведь тогда он единственный раз видел своего архана...

Ему приказали ждать. Он ждет. Такова его судьба. Таков его выбор.

— Учитель... — сказал он, поднимая голову. — Чего мы ждем?

Будто отвечая на вопрос, дверь открылась, и на пороге появилась женщина. Кто-то явно пытался ее наскоро привести в порядок, даже втиснул ее худое, высохшее, тело в красивое ярко-алое платье, но это не скрыло ни ее серости, ни грязных волос, ни потухшего взгляда.

За женщиной шел мальчик, лет шести, Лиин даром своим сразу же понял, без слов — сын. Светловолосый и невинный, настолько же худой, как и его мать, так же наскоро причесанный и одетый в тонкую тунику, он смотрел на Алкадия и Лиину с ужасом, держался за юбку матери и тербил полу туники, нервно перебирая худыми ногами...

— Чем могу помочь, архан? — прохрипела женщина и взялась было за ворот платья, явно намереваясь его стянуть.

Лиин передернулся — при сыне? И тотчас почувствовал на плече тяжелую, успокаивающую ладонь Алкадия.

— Уж не думаешь ли ты, что нам нужны твои старые прелести? Тебе уже тридцать три, моя хорошая? И жизнь тебя явно не пощадила.

— Так что тебе нужно, архан? — тихо усмехнулась она, будто не обидевшись на ироничные слова. — Моего сына? Дай слегка полежать у этого огня, отведать твоей оленины и можешь брать.

Как будто кому-то тут нужно ее позволение!

Мальчик задрожал еще больше, Лиин стиснул зубы, и ладонь учителя, казалось, стала еще тяжелее, удерживая ученика на скамье.

— Хотя бы поиграла в хорошую мать, ради приличия?

— Ты пришел не в тот дом, где живут хорошие люди, — усмехнулась женщина, впервые кинув из-под растрепанных волос яростный взгляд. — Мои дети сломали мне жизнь.

Дети? Значит, этот мальчик не один? Стало тоскливо и жутко. Может, Алкадий прав. Может, Лиину до этого везло? Могло же быть и так... и он мог бы стоять перед разряженным арханом в тонкой тунике. И он мог бы слышать от собственной матери эти слова.

— А ты никому ее не сломала? — тихо спросил Алкадий, поднимаясь с дивана. — Почему-то я тебе не совсем верю... но таких тварей, как ты, не совсем ведь интересуют другие, правда?

Женщина вздрогнула, но промолчала. Ума не дразнить клиента у нее хватило. Хотя Лиину уже почти хотелось, чтобы Алкадий ее ударил. Да не раз. Но вместо этого учитель тихо спросил:

— Хочешь отсюда выйти?

— Хочу! — сразу же оживилась женщина. — Но просто так ведь ничего не бывает, правда?

Алкадий подошел к ней, окинул слегка брезгливым взглядом, но ей, видимо, этот взгляд не помешал. Она выпрямилась вдруг, улыбнулась, почти мило, поправила растрепанные,

когда-то белокурые, волосы, и Лиин вдруг увидел остатки ее былой красоты... опасной красоты. Притягательной. И безумной.

— Не бывает, — сказал Алкадий, подходя к рабыне. Он провел пальцами по татуировке на ее щеке, потом схватил ее вдруг за волосы и прошептал в лицо:

— Будешь слушаться меня как собака, тварь. Одна ошибка, и ты вернешься сюда. И уж я позабочусь, чтобы тут тебе было еще хуже, чем до сих пор.

— Почему спасаешь...

— Потому что ты можешь быть полезна. Но ты глупа и не видишь собственной выгоды. И потому тебя придется держать на коротком поводке.

Он толкнул ее на землю и хлопнул в ладоши, вызывая прислужника. Последний явился мгновенно. Посмотрел на испуганную рабыню, потом на клиента и скривил губы в услужливой улыбке.

— Я забираю ее, — сказал Алкадий, вытирая руки платком. Он выхвалил из-за пояса мешочек с золотом и кинул его прислужнику.

— А мальчика?

— Щенок мне не нужен, — холодно ответил Алкадий. — Делай с ним, что хочешь...

И направился к двери.

Лиин же оглянулся на перепуганного мальчишку, и решение пришло мгновенно. Он пожалел о своей глупости еще в тот момент, когда магический сгусток упал в ладонь прислужника, а губы едва слышно прошептали всего три слова:

— Главе темного цеха.

Он бежал по коридорам за Алкадием и молился всем богам, чтобы прислужник его не выдал. И чтобы Зир сделал то, о чем он просил.

Ведь в глазах оставленного за спиной мальчика горело такое отчаяние... и стыд... каких у детей быть не должно.

Но уже когда они доехали, его догнало едва слышное, на грани сна и яви: "Сделаю. Но больше так рисковать не смей. Иначе я попрошу Армана с тобой поговорить. Как следует..."

Холодно! Этот сад обманывал душу и зрение. Манил ароматом роз и разбивал все надежды о зимний холод. Бездарная трата магии. Место, которое Арман ненавидел. И теперь, когда смотрел на этого мальчишку, еще больше. Он глазам не поверил. Он искал Рэми по всей столице, а тот пришел к нему сам. Мало того, что пришел, еще и за нос водил проклятой магией! Его, главу северного рода! И Арман ничего не почувствовал...

От собственной глупости стало стыдно. А потом пришел холодный гнев. И понимание, что если ничего не сделать, Мир вновь пожалует этого щенка! Не пожалует! Кое в чем у Армана больше власти, чем у принца.

Мир вновь разъярится. Вновь прикажет Арману исчезнуть. Но будет жить.

На глазах у опешившего Мира и холодно наблюдающих телохранителей, Арман схватил только начинавшего очухиваться мальчишку за шкуру и столкнул со ступенек беседки. Рэми упал под заснеженную елку, перевернулся на карачки, закашлялся, на снег капнуло красным, что-то гневно выкрикнул Мир, но Арман уже не слушал. По его приказу замок опустил над ним и Рэми щит, и Мир выругался, наткнувшись на невидимую преграду.

Кажется, хотел приказать убрать щит. Кажется, даже приказал. Кого интересуют его приказы?

Одним движением Арман выхватил из-за пояса тонкий клинок ларийской стали,

подарок опекуна, схватил заходившегося в кашле мальчишку за волосы, заставляя его выгнуться, и тихо спросил:

— Готов к смерти, щенок?

Рэми распахнул широко глаза, и на миг стало душно. Сомнения... ненавистные сомнения! Арман знал этот взгляд напуганного до смерти высшего мага. Хорошо знал. Но и слишком хорошо знал Рэми, чтобы вновь позволить обмануться.

Кинжал мягко коснулся худой шеи, лизнул кожу кровавым языком, оставляя ширившуюся дорожку. И все бы закончилось быстро и легко, если б мальчишка не выдохнул глупое:

— За что? Ты же сам отпустил...

Арман опешил. Этот щенок еще осмеливается спрашивать за что? Ну что же, времени хватает, можно и ответить:

— Не притворяйся, тварь! Ты прекрасно знаешь за что.

— Не знаю... — прошипел Рэми и получил коленом в лицо.

Упал лицом в снежную грязь, тихо застонал, сомкнул ладони, собирая в кулак смешанные со снегом гниющие листья. Какой же он дурак! Молчал бы, и все бы закончилось быстро, а теперь пусть помучается... всего слегка... капельку. Насладиться его болью и страхом за все те ночи, что Арман не спал, прочесывал столицу, пытаясь его выловить.

Он вновь схватил Рэми за волосы, заставил поднять окровавленное лицо и посмотреть на Мира, а потом прошептал ему на ухо:

— За дураков нас держишь? Ты же маг и должен понимать, что обмануть нас невозможно. Что я больше тебе никогда не поверю. Ты всего лишь тварь, что тянула из Мираниса силы.

Мальчишка мигнул, словно пытаясь что-то разглядеть через пелену заливающей глаза крови, и упрямо прошептал разбитыми губами:

— Это не я... я...

Арман лишь горько засмеялся. Пачкаться об эту мерзость внезапно расхотелось. Но и выбора не было.

Мир, Мир, своей добротой ты лишишь меня покровительства виссавийцев. Но оно того стоит!

— Не ты? — спокойно объяснил Арман. В последний раз. Потому что объясняться надоело. — Точно не ты? А кто же еще? Или ты думаешь, что к нему так просто подобраться? Только потому, что ты, урод, добрался? Так ты же, сука, избранный, помнишь? Избранный, мать твою...

И ударил еще раз, на этот раз по ребрам. Щелкнули, ломаясь, кости. Мир сжал зубы, но на этот раз промолчал, более не пытаясь продрасться через щит, телохранители смотрели молча и холодно. А мальчишка задрожал весь, будто от рыданий, потом поднял взгляд, такой неожиданно пустой и сказал вдруг...

— Ты так легко поверил...

И вновь прожгли душу сомнения. Что в этом щенке такого, что заставляет сомневаться? А, казалось, Эдлай еще в детстве выбил из Армана остатки жалости... казалось. Арман сел рядом с мальчишкой на корточки, скользнул ему ладонью под подбородок, заставляя поднять окровавленное лицо, поймал этот странно-пустой взгляд и холодно сказал:

— Это ты. Кто же еще? Маленький выродок. Покупаешь жизнь и свободу ценой жизни других. Сначала своего сына, теперь вот Мира. Кто будет следующим, а?

— Ты... ты не смеешь меня винить... — выдохнул Рэми. — Не смеешь... за моего сына... ты!

И Арман ударил еще раз. На этот раз сильнее, от души. А когда вновь схватил Рэми за волосы, чтобы посмотреть ему в лицо, сам вздрогнул. Мальчишка весь дрожал, а из глаз его впервые за долгое время катились... слезы?

— Что, испугался, наконец, сученыш?

— Нет, — прошептал Рэми. — Я давно этого ждал... может, так и должно было быть...

И вновь чуть было не получил...

Арман застыл. Еще одна слезинка скатилась по щеке мальчишки, и он улыбнулся, как-то странно улыбнулся, безумно. И небо перевернулось, рухнуло в его широко раскрытых глазах. Будто что-то в нем сломалось, осыпалось мелкими искрами, упало бездушной куклой в снег, стоило лишь разжать пальцы.

И на миг подумалось, что Рэми просто потерял сознание, но когда Арман очнулся от ступора и вновь поднял его за волосы, вдруг понял, что щенок будто ушел в себя...и взгляд его, миг назад такой глубокий, опустел, подернувшись темной дымкой.

— Какой же он слабый-то, — сказал вдруг Кадм. — Теперь точно придется убить. Сорвался мальчик-то... вот так просто... от обычных слов.

Мир сжал кулаки и шагнул вперед, но вновь наткнулся на стену щита. И Арман уже сейчас знал, что принц не простит, но встал и вновь дернул кулак с зажатými в нем волосами назад, заставляя Рэми обнажить незащитное горло. Не сопротивляется, щенок.

Смотрит все так же равнодушно, будто уже и в самом деле умер. Легко лег в руку кинжал, и Арману вдруг подумалось, что он никогда еще не убивал. Вот так холодно, хладнокровно, и думал, что и не придется... но рука не дрогнула, и тонкое лезвие уже почти коснулось шеи, как запястье Армана охватили жесткие пальцы.

Только один человек мог пройти через щиты, поставленные замком по приказу Армана. И не верилось, что этот человек осмелился...

— Я тебе сам кости переломаяю, если ты не отойдешь, Нар, — не оборачиваясь, сказал Арман.

Но хариб даже не пошевелился. Ослушался. Впервые в жизни. И Арман уже не знал, что в нем сильнее: удивление или гнев? А Нар сжал пальцы на запястье архана еще сильнее и сказал вдруг тихо, едва слышно:

— Ты пожалеешь о каждом горьком слове, сказанном этому мальчику. Не убивай его, мой архан, это убьет и тебя.

И в глазах внимательно слушающего Кадма вдруг появился живой интерес. Да... этого телохранителя Арману долго не забудет... Проклятый Нар! Теперь еще и насмешки выслушивай!

— Бредишь, — выдохнул Арман. — Он все равно слишком слаб, чтобы жить.

— Всего лишь говорю правду. И то, что ты являешься его слабостью, не значит, что он на самом деле слаб. Подумай, почему Аши тебе помогал, Арман? Почему тебя спасал? Почему не спасает его сейчас? Из-за него. Он скорее позволит убить себя... Подумай, мой архан, ты же не привык убивать вот так, в пылу гнева.

— Отойди, Нар. Приказываю. Отойди.

Нар лишь шумно выдохнул за спиной, но запястья Армана не отпустил. Арман знал, что нити связи работают сейчас в полную силу, что непослушного воле архана хариба ломает от боли, но участи Нару не облегчил. Хариб сам себе это выбрал. И смахнув с себя

полуоглушенного Нара, он вновь хотел вернуться к Рэми, как с удивлением понял, что окружавший их щит... исчез. И убрать щит опять же мог только...

— Нар! — выдохнул в гнев Арман. Но хариб лишь отер бегущую из носа кровь и прошептал что-то вроде:

— Прости!

И в следующий миг Арман почувствовал, что что-то ударило ему в лицо, отбрасывая к цветущим посреди снега розам. Не отдал удар принцу, телохранители бы не позволили, а разъяренный Мир встал между ним и все еще лежащим на снегу Рэми и тихо спросил:

— Ты что себе позволяешь, ничтожество?

— Он чуть тебя не убил, а ты еще его защищаешь, — отер кровь Арман. — И кто из нас после этого ничтожество, а, Мир?

Принц гневно сверкнул глазами, но бить второй раз не стал. Лишь усмехнулся едва заметно и изволил ответить:

— Я сам с ним разберусь. Тебе придется отойти.

— Я уже раз отошел...

— И он спас жизнь, — неожиданно мягко ответил Мир. — Мне и тебе. И не раз. Забыл? Так вспомни. И не показывайся на глаза, пока не позову. Иначе мои телохранители тебе кости переломают.

— Ты знаешь, что я прав, — прошипел Арман.

— Знаю, что ты думаешь, что прав, — ответил Мир. — И потому сейчас с тобой разговариваю.

— Какой интересный малыш, приятно познакомиться, — сказал вдруг за спиной Мира Кадм, опускаясь перед все еще лежащим Рэми на корточки. — Недоучка с огромным даром. И как же ты, такой слабенький, от зова бегал... может... это тебе помогло?

И он аккуратным жестом скользнул Рэми под ворот рубахи, безошибочно нашел тонкую шелковую нить и вытянул наружу сплетенный из ажурных нитей амулет. Пахнуло силой так, что даже Арман почувствовал. И в тот же миг Тисмен оттолкнул Мира, закрывая его и Армана щитом, а Кадм нахмурился, обнажая оружие.

— Отойти от него, не видишь? — закричал Лерин.

Кадм явно видел, но далеко отходить не спешил. Медленно кружил вокруг Рэми, подкидывая в ладонях тонкий кинжал. Улыбался так, что зверь внутри Армана сложил уши. Присматривался. А мальчишка, все так же тонувший в плену беспамятства, закричал, аж в ушах зазвенело, взлетел, да и повис, распятый на невидимых нитях, как сломанная кукла. А на груди его, подобно змеям, начал разрастаться зеленый клубок...

— Что за... — выдохнул Арман.

— Уводи принца! — отрезал Тисмен, оборачиваясь к Рэми. Клубок на груди мальчишки все рос, оплетая зелеными нитями пояс, грудь, руки, бедра, а нити все крепчали на глазах, покрывались шипами, врезались в одежду, добираясь к коже... Лоза? Откуда у Рэми лоза Шерена?

— Принца уводи! — заорал Тисмен, и Арман на этот раз послушался.

Вскочил на ноги, схватил ошалевшего принца за запястье и потянул с собой вглубь сада, слыша, как за спиной один за другим опускаются, шуршат щиты: сад охранял наследника. Оглянувшись, он увидел, как Лерин бросил в сторону мальчишки боевое заклинание, слышал, как Тисмен закричал:

— Не смей, она жрет магию! — и как Кадм медленно начал обходить Рэми по кругу,

будто присматриваясь, куда бить сначала.

«Как хорошо, что он без сознания», — подумал Арман, и уже хотел тянуть ошарашенного Мира дальше, как Рэми поднял голову, нашел Армана безумным взглядом, и в глазах его заплескалась какая-то странная наивность, медленно переходящая в изумление, а потом узнавание. Он улыбнулся, радостно, по-детски, как Арману давно не улыбались, и посмотрел с такой любовью, что сердце на миг дрогнуло. Но Арман лишь усмехнулся, отвернулся и дернул за собой Мира, как вдруг...

— Ар?

И Рэми захлебнулся собственным криком.

Как громом пораженный, Арман остановился, выпуская руку Мира. Только один человек в этом мире называл его Аром... И сразу же нахлынули воспоминания... Другой мальчишка, светлый и невинный, малыш, что так же кричал ночами, задыхаясь от кошмара. Вспомнил, как срывался с кровати, влетал в соседнюю спальню, как сжимал Эрра в объятиях, и залитый слезами братишка успокаивался, засыпал... и утром уже ничего не помнил.

Вспомнил и понял, что плевать ему на Мира. Плевать на телохранителей, на все плевать! Что он выныривает из ставшей ненужной одежды снежным барсом, несется на безумный зов, впивается зубами в лозу, рвет зубами проклятые ветви, чувствует, как получает упругими плетями на плечам, груди, как шипы раздирают его шкуру, как белое мешается с красным, но он все равно рвет когтями, вгрызается в проклятое чудовище, только бы... он не кричал, не звал больше, не заливался слезами боли... только бы этот крик не грыз душу:

— А-а-а-а-р! А-а-а-а-ар!

Рэми бился, рыдал в голос, мешал. Заливало жаром разум, струилась по разодранной шкуре кровь. Ее запах бодрил. Зажигал внутри огонь ярости. Заставлял забыть о собственной боли... только рвать, кусать, убивать!

И он же не один! Кричит что-то Тис, и рядом уже другой зверь, лев, и золото шкуры, и запах чужой крови. И что-то внутри простит Мира прекратить, но другое что-то радо. Друг рядом. И не один.

— Значит, только магию она жрет, а когти не любит? — прошептал Кадм, и его шепот как-то пробился через шум крови в ушах. — Так отведай стали, детка!

И мелькает рядом клинок, и жаждет зеленой крови, и не трогает красную... и Рэми упрямой куклой падает на снег, окрашивая его алым, вокруг подобно зеленым змеям извиваются и шипят оборванные ветви, а Кадм не церемонясь хватает Армана за шкуру и оттаскивает подальше, туда, где лозе до него не добраться.

— Спасибо, оборотень, — усмехается телохранитель. — Можешь перевоплащаться обратно.

Арман попытался встать, но не смог и упал в снег. Запах... свежескошенной травы и какого-то странного дерева. Запах, от которого мутит, и лапы не держат... От всего мутит... в первую очередь от непонимания. Он же сам хотел, чтобы Рэми умер, так почему полез? Только потому что этот мальчишка назвал его так, как когда-то называл брат? Боги, глупость-то какая...

— Хорошо же тебе досталось, — сказал Кадм, поднимая Рэми на руки и укладывая на скамье. Арман уже и не возразил. Пусть... пусть живет... ведь... О «ведь» он подумает позднее. И Арман вздрогнул, когда Нар выдернул из его шкуры очередной шип.

— Прости! — прошептал хариб, по щеке которого расплзался синяк. — Сейчас, мой архан, сейчас я закончу.

И новый шип, казалось, выходящий из плоти с мясом, и запах свежей крови, будящий зверя внутри, и безумно-радостный взгляд ставшего человеком Мира. Что за? Арман действительно спас этого мальчишку? Но зачем?

— А хорошо подрались, — довольно потянулся обнаженный Мир.

— Но лучше не повторяй, — отрезал Лерин, кутая его в собственный плащ. — Это опасно. И, прежде чем относить Рэми в твои покои, я бы очень хотел знать, откуда наш юный друг взял эту гадость. И нет ли у него еще таких сюрпризов?

Тисмен, осматривающий Рэми, тихо вздохнул:

— Не думаю. Этот амулет не такая простая штука, за создание даже одного, боюсь, заказчику пришлось заплатить очень дорого. И не золота, а собственных сил. Я бы на такое не решился. Но я проверю еще раз более тщательно. И, думаю, мы попросили бы тебя, Арман, одолжить своего дознавателя. Говорят, паренек на диво умен и доверять ему можно. Вот и пригодится.

— Ар... — выдохнул вдруг мальчишка, и Арману захотелось его задушить. Голыми руками.

Но Миранис кинул в сторону друга острый взгляд, и Арман понял: второго шанса подойти к Рэми ему не дадут.

Ему не дадут, другому дадут. И хотя еще недавно Арман сам спас мальчишку, исчезнувший вместе с Тисменом Рэми все равно долго не проживет.

Но Майка к Миру прислать надо. Тис прав, как ни силен был мальчишка, амулет создал явно не он. И как он попал к Рэми неплохо было бы выяснить. Рэми сам пошел к Алкадию? Настолько хотел отвязаться от Мираниса? Может и так...

А пока...

Арман перекинулся человеком, укутался в плащ, морщась от многочисленных ран, и посмотрел на стоявшего перед ним на коленях Нара. Нар никогда не противился воле своего архана, не мог. Не мог и подумать об измене, значит, почему-то считал, что он все сделал правильно, правильно для Армана. Только его «правильно» было очевидной ошибкой. Или же влиянием целителя судеб. Как бы там не было, но допустить повторения непослушания Арман не мог, ведь если Нар не будет подчиняться своему архану... второй ошибки они оба могут не пережить.

Мир мог себе позволить обольститься этим проклятым мальчишкой, Нар, увы, нет.

Потому Арман начал с:

— Еще раз ослушаешься, я разорву нашу привязку.

Нар дернулся, будто получил кнутом по плечам. Арман знал, что был для Нара целой жизнью. Как любой архан для своего хариба. Знал, что Нар больше никогда...

Но и наказание должно быть.

— Ты не обратишься к целителям до рассвета, — сказал Арман. — Вытерпишь все сам. И если ослушаешься на этот раз... я разорву нашу привязку уже завтра.

— Да, мой архан.

Телохранители исчезли из сада, забирая с собой принца. Смотреть на наказание хариба им было неинтересно. Тишина... упала где-то рядом снежная шапка, запах талого снега тревожил ноздри, и Арману, пожалуй, не совсем хотелось наносить удар. Ни первый, ни последующие.

Нар молчал. Даже когда хрустнули, ломаясь ребра, молчал. И когда Арман сломал ему руку, и когда выбил несколько зубов. Молчал. А попробовал бы хоть пискнуть! Тяжело дыша, он лежал на окровавленном снегу и смотрел глазами побитой собаки, но и это ему не помогло. В Армане не было ни капли жалости.

То, что сделал сегодня Нар, непростительно. И пусть скажет спасибо, что Арман не прогнал его уже сейчас.

Осмотрев хариба и убедившись, что тот доживет до рассвета, Арман приказал замку перенести Нара в свои покои и наблюдать за ним... а сам позвал виссавийцев, вывел синяк от удара Мира и, с неожиданным трудом переодевшись без помощи хариба, отправился в город. Надо было приказать привести Майка. И осмотреть посты. И убедиться, что все готово для завтрашней казни. Зир выполнил свою часть договора, пора и Арману выполнить свою.

Дверь... он сидел за этой дверью так долго... уткнувшись лицом в колени слушал, как там за тяжелой, увитой рунами створкой, шуршала и перетекала жизнь. И не хотел туда. Там страшно. А темнота вокруг такая нежная... и Ви... Ви часто приходит. Садится рядом, прижимает к себе, что-то шепчет в волосы. Ви хорошая. Ви никогда не обманывает. Ви говорит, что скоро ему придется выйти, что там уже все изменилось, и там хорошо, и что он там нужен... но он не хотел. Он не помнил толком почему, просто не хотел.

А потом дверь отворилась... и за дверью встал он... весь в крови, в глазах плещется боль... он не вошел, вполз внутрь, упал рядом и свернулся клубком. Он не плакал, взрослые не плачут. Он просто спал, будто знал, что тут можно.

Тут на самом деле можно, тут хорошо прятаться. Ото всех. Только дверь-то так и осталась открытой. А из-за двери льется белый свет. И Ви снова рядом, обнимает за плечи, говорит, что надо идти, что там что-то важное, что надо сделать, что пора становиться сильным... взрослеть.

Он не хотел взрослеть.

Но Ви прошептала, что человеку, спящему рядом, больно. И что ему можно помочь... но там, за дверью. И Рэми, вздохнув, пошел.

И вмиг пожалел, что пошел. Там было страшно. Кружится голова. Болью вспыхивают внутри искры, давит к кровати слабость и так не хочется отпустить неясный сон. Где мама? И брат... почему его нет рядом... Дядя...

Он не хотел думать о дяде... и о брате почему-то не хотел... холодный яростный взгляд. Удар в лицо, Приговор... что он сделал, почему на него так злятся! Почему его бьют... Голова как болит...

Тягостно. Вспыхивает в груди при каждом вздохе, и поддаться бы, утонуть в ласковом тумане, да кто-то не дает... Учитель? Ви? Тянет упрямо вверх, ведет сквозь пелену сна к свету, заставляет дышать глубже, ровнее. Ощутить болезненность кожи, жадно плотнуть воздух, задыхаясь, содрогнуться от кашля.

— Ир! — выдохнул он. — Помоги мне, Ир! Ви? Пожалуйста!

— Тише, тише, — мягко уговаривает тихий голос.

Чужие руки прижимают ко рту платок, смоченный в едкой жидкости. Ненадолго резкий запах обжигает внутри болью, зато проходит кашель, и чьи-то заботливые руки помогают опуститься на подушки.

— Спокойнее. Не двигайтесь... дайте себе время...

Осторожно, еще не веря, что боль прошла, он открыл глаза и удивленно заморгал. Он не знал этой комнаты. Никогда такого не видел и не хотел видеть. Просторная, много зеленого... будто лес какой-то. Стены увиты густыми ветвями, и кажется, что этих стен и нет вовсе, в углу так оглушительно громко журчит вода. Станный лес, чужой, и в ветвях что-то шевелится.

— Я боюсь! — выдохнул он. — Боюсь, не хочу! Там что-то есть!

Крикнул и показал в зеленые ветви над головой. Человек с зелеными глазами удивленно вздрогнул, потом посмотрел внимательно и прошептал:

— Ты же заклинатель, тебя же слушаются животные, не говори мне...

— Нет! Уведи меня отсюда! — закричал Рэми. — Ир! Почему тут нет Ира! Уведи меня отсюда! Кто ты такой! Уходи, уходи немедленно, не хочу! Уходи! Ви! Ты плохой, плохой, слышишь! Убирайся! Ви, Ви, почему он...?

Человек у жесткого ложа вздохнул тягостно, холодные пальцы коснулись лба, и Рэми вновь погрузился в тяжелый сон.

— Одни хлопоты от тебя, целитель судеб, — выдохнули где-то рядом и внутри всколыхнулась обида.

От Аши хлопоты? Аши хороший, Аши никого не обижает! Это они вредные какие-то, вот, дерутся!

Ну-ну, мой... маленький носитель, — прошептало где-то внутри. — Это становится дико интересным...

Аши, почему ты усмехаешься?

Аши вошел в открытую настежь дверь и тревожно вздохнул. Хорошо же этому человеку досталось. Вопрос только — за что? Аши всегда знал, что люди странные и безжалостные создания. Гнилые изнутри. Что хуже — слепые. Опасно слепые.

Что бы стоило Арману задуматься? Услышать Нара?

Не слышит... никогда не слышит. Замкнул боль глубоко в сердце, и ритуал забвения ему в этом помог.

Как бы не было поздно...

Аши опустился на колени, осторожно притянул к себе отозвавшегося глухим стоном Рэми, обнял крепко и укрыл крыльями.

Глупые люди... что же вы творите-то? Что?

— Мы не сдадимся так легко, правда? — тихо спросил он, чувствуя, как раны носителя начинают затягиваться под его ладонями. Но просыпаться Рэми не хотел. И Аши его понимал... временами и ему хотелось вот так забыться. И никогда больше не возвращаться в этот проклятый мир.

— Я всегда с тобой, ты же знаешь...

И дверь с тихим шелестом закрылась. Вспыхнули на миг светом руны, окутала все вокруг мягкая темнота, и стало вдруг хорошо и спокойно... тихо...

Ярость. 8. Рэми. Чистая душа

*Стрелы пронзают плоть, а
злые слова — душу.
Бальтасар Грасиан-и-Моралес*

Лиин уже давно спал, а Алкадий заснуть все не мог, все смотрел и смотрел за окно, туда, где рассыпались по чистому небу звезды, где деревья укутались в белоснежную шаль, а луна просвечивала на стену темные тени. Красива все же эта зима...

Зима... Когда-то давно Кассия встретила его зимой. И этот снег, этот холод, стал для памяти Алкадия проклятием. Ведь раньше он этого не знал. Но одно слово вождя изменило все.

— Чего ты хочешь? — спросил Алкадий, не оборачиваясь. — Ты ведь все равно ничего мне сделать не можешь. Если бы мог, сделал бы давно, не так ли, Аши?

Хлопнули за спиной огромные крылья, и их тень оставила на стекле мутные пятна. А голос полубога ударил той же морозной свежестью, что хрустела снегом за окном:

— Ты зря думаешь, что я ничего не могу и ничего не делаю. Если бы я не делал, Миранис давно был бы мертв.

— А твой обожаемый носитель — свободен. Но он, к твоему сожалению, выбрал иначе. И не надо рассказывать, как для тебя важен Миранис, важна Кассия, для тебя важно только одно — Рэми.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Или знаю о тебе все. Мы с тобой похожи, Аши. Тебя обидела Кассия, меня — Виссавия. И мог бы ты, давно бы меня убил, да руки коротки.

— Я не убиваю, — засмеялся Аши. — Я меняю одну нить на другую... но нити вы выбираете и создаете сами. Вы думаете, что боги всемогущи, а на самом деле всемогуща лишь ваша воля. И ваша свобода. И все, что с вами происходит — это результат вашего выбора, а не моего. Я всего лишь тот, кто помогает вам в пути...

— ... или мешает.

— Единственный, кто может тебе в чем-то помешать — это ты сам. И твоя глупость, человек. Я знаю, что ты не одумаешься, я знаю, куда ты идешь, но я не намерен тебе облегчать пути. Ты думаешь, что сейчас тебе тяжело, что станет легче, когда ты добьешься своего, так вот, верь мне — не станет. И я не собираюсь исцелять твоей судьбы — это твоя цена за твою глупость. И твоя кара.

— Ты смешон, Аши, — усмехнулся Алкадий.

— Это ты сейчас так думаешь... — ответил Аши и исчез.

А за окном все так же текла проклятая кассийская ночь. Холодно... как же тут холодно...

Погода удалась на славу: солнце щедро лило сидр через высокие арочные окна, путало тени в книжных шкафах, ласкало знакомый до боли герб над дверью, золотило ворсинки коричневого ковра на полу. За окном похрустывал снегом мороз, а тут, в небольшом кабинете, было светло и уютно.

Еще пару лун назад Майк и подумать не мог, что у него будет свой собственный кабинет в замке, свой собственный уголок, который не приходилось делить ни с кем. И в который можно не пускать никого... его место, где так нравилось зарыться по уши в старые, уже пожелтевшие от времени книги, его лаборатория, где по полкам были спрятаны в коробочки и баночки редкие ингредиенты.

И теперь уже не надо было бежать за каждой мелочью в библиотеку: Майк мог приказать и ему приносили все, что могло понадобиться, даже книги из запретных разделов. Оставляли с поклоном и тихо спрашивали, когда могут за этим прийти и забрать...

И Майку это нравилось.

Бытие дознавателем завораживало. Заставляло забыть недавнее положение младшего сыночка не слишком сильного архана. И грубость, и глупость старшего брата, и вечные попойки в их доме, и насмешки над «книжным червем», все это было в прошлом.

Хотя Майку было только семнадцать, но Арман сумел в нем увидеть то, чего не могли увидеть другие. И дознавателю нравилось, что его прирожденное любопытство и любовь к анализу всего, что он видит, кому-то очень даже понадобилось.

Лоза Шерена, говорите... Майку позволили осмотреть спящего Рэми, и никаких признаков лозы дознаватель не нашел. Зато их полно было на снегу, на месте битвы. Одна такая ветвь, еще подергивающаяся и живая, была спрятана в бутылку и поставлена на стол. Но понимания не прибавила... Майк перерыл все книги и не нашел ничего: еще никогда куски лозы не находили вне ее носителя, еще никогда не создавали таких заклинаний, если только...

Он встал и подошел к окну. Солнце золотило снег, рисовало яркие узоры на белоснежном покрывале, алела под окном рябина. И холод пробивал и тело, и душу. Майк слышал, что Арман пытался убить Рэми и благодарил всех богов, что ему не удалось. Но Нар заплатил за свое вмешательство неплохую цену. Если Арман не пощадил даже Нара, что он сделает с Майком, если узнает... что он сделает со всеми ними, если узнает... нет, когда узнает...

Майк вспомнил тот день, когда увидел Рэми в первый раз. Тогда тот был простым заклинателем в глухом лесу. Лечил зверюшек, был посредником между их миром и миром людей, и, казалось, так в этом лесу на всю жизнь и останется. Может, так было бы и лучше... но Рэми слишком ярок, чтобы долго сидеть в захолустье... и в безопасности.

Боги, если Рэми умрет, они поплатятся все... Лиин, Лиин, где ж тебя носит, когда ты так нужен!

Прикусив до крови губу, Майк вновь вернулся к столу. Провел пальцами по бутылке, и залитая солнечным светом ветвь внутри, будто почувствовав человеческое тепло, чуть шевельнулась.

Тихий стук всполошил тягучую задумчивость. Майк вздрогнул, дверь отворилась с едва слышным скрипом, и в лучах солнца на пороге появился один из дозорных Армана, веснушчатый и вечно веселый:

— Тебе посылка от Лиина, — усмехнулся он. — Принимай.

Майк удивленно моргнул и посмотрел на «посылку»: худого, до смерти напуганного мальчонку с синими глазами и спутанным шелком золотых волос. Туника на нем была простая, застиранная до серости, штаны — в пятнах грязи и тающего снега, сапожки — прохудившиеся, а плащ настолько тонок, что от одного его вида Майку стало холодно.

Мальчик явно не был из богатой семьи. Но татуировки на тонких запястьях мерцали

синим, значит, архан. Сколько ему? Шесть, наверное, не больше. А во взгляде — уже совсем недетская боль.

— Но... — попытался возразить Майк, который, сказать по правде, побаивался детей. Шумные, книги портят и так и норовят что-то разбить... — Почему мне?

— Меня не спрашивай, — пожал плечами дозорный, мягко вталкивая мальчонку в комнату. — Подарок передали через Армана, вместе с короткой запиской. Арман лишь пожал плечами, уничтожил записку и приказал отдать мальчишку тебе. Чтобы ты позаботился о нем, пока не вернется Лиин, и не объяснится.

— Откуда мальчик?

Дозорный вдруг ошутимо смутился, потом оглянулся на мальчишку и внезапно перешел на мысленный диалог: «Скорее всего, из дома призрения. Стоило ему в казармы войти, увидеть наших дозорных, так разорался, богам жарко стало. Пришлось виссавийцев звать. Их целитель глянул, успокоил на время, сказал, что мальчика надо целителю душ показывать, но мы лишь поблагодарили и ответили, что дождемся своего мага. Пусть Лиин с ним разбирается, виссавийцам нашей грязи знать незачем».

Грязи, значит... как убирать грязь, так никто не согласен, а как спрятать подальше, чтобы кто лишний не увидел, так всегда пожалуйста. Да и что грязного может быть в ребенке? Пусть даже в ребенке из дома призрения?

«Из-за чего он так испугался?»

Дозорный усмехнулся горько, сжал на миг зубы, прежде чем зло ответить: «Ты не маленький уже и должен сам понимать, — Майк понял, но легче не стало... зато стало сразу горько и противно. Лучше б и не спрашивал. — Мальчик не просто так взрослых мужчин как огня боится, понятно, что ему сделали. Виссавиец его осмотрел и подтвердил... телесно он теперь здоров, но учти... еще немного и вновь начнет шарахаться от всех и истерить, когда действие зелья пройдет. Душу ему никто не лечил».

«И что мне с ним прикажешь делать?»

«А это ты у нас умный, так сам и придумай. Лиин тоже хорош, мальчонку пожалел, сам бы и спасал, а так... хрен его теперь знает, что с ним делать. На счастье, приказано отдать его тебе, дальше хлопоты не мои... можешь усыпить и пусть себе дрыхнет до возвращения Лиина, по крайней мере, будет счастлив и в безопасности».

И ушел... Ушел, ради богов! Стараясь всеми силами успокоиться, Майк вздохнул, опустил на корточки, посмотрел в широко раскрытые испуганные глаза ребенка и спросил как можно более мягко:

— Тебя как зовут?

Мальчик молчал и, не дождавшись ответа, Майк протянул руку:

— Могу я посмотреть твои татуировки, малыш?

Вновь не дождавшись ответа, он хотел было взять мальчика за запястье, но испуг в синих глазах перешел в откровенный ужас, и мальчишка бросился к двери, открыл ее, наткнулся на кого-то и, перехваченный уверенной рукой за пояс, полетел обратно в кабинет, на пушистый, богато расшитый ковер. Поняв, наверное, что ему не удрать, он задрожал мелко-мелко, расплакался вдруг и забился под письменный стол.

— Ты чем его так напугал, дознаватель? — спросил гость, нагло, без спросу, входя в кабинет. — Даже не знал, что ты такой страшный, малышню мучаешь. А с виду и не скажешь, милашка прям.

Майк вздрогнул, запоздало узнал гостя, сразу забыл о мальчишке и склонился в глубоком

поклоне. Высокого, широкого в плечах Кадма он видел редко, зато слышал о его крутом нраве и недобром языке много. Кадм не объяснял, бил, если что, сразу, и словами, и магией, и ответить ему не решался никто: телохранитель наследного принца, лучший среди лучших, носитель одного из двенадцати, входящий в лучшие дома Кассии, он подчинялся только Миранису, да и то, говорят, не всегда. Умный, сильный, наделенный властью и почти неограниченной магией, опасное сочетание. И щит на пути к наследнику, который, тем не менее, в последнее время удавалось так часто обойти.

И тот, кто еще недавно Майка в упор не замечал. А теперь пришел сам, и Майк сразу понял, не просто так пришел. Жди беды.

— Это не я его напугал, мой архан... мальчик...

В стальных глазах Кадма зажглось злое любопытство, и Майку стало страшно так, как никогда не было даже в присутствии Армана. А ведь телохранитель пока даже не думал давить силой, как временами давил, когда был зол и карал, он просто стоял, усмехался и изучал Майка холодным взглядом.

— Мой архан... — вновь принялся оправдываться Майк.

Кадм прижал палец к губам, призывая замолчать, и задумчиво присмотрелся к мальчонке. Не сказав ни слова, поманил пальцем, запахло до одури магией, и мальчик, все так же дрожа, вылез из своего убежища и на некрепких ногах подошел к телохранителю. Наверняка не по своей воле, но Кадма вряд ли волновали такие мелочи.

— И чего же ты так боишься, малыш? — спросил Кадм, совсем как Майк недавно, опускаясь перед ребенком на корточки.

И тут же улыбнулся, почти ласково, провел возле рукавов мальчишки ладонями. Вспыхнули, отзываясь, синие татуировки на запястьях ребенка, и Кадм почему-то нахмурился, поднимаясь. Одно движение его руки, и мальчик подобно марионетке, ошеломленной чужой мощью, послушно сел в кресло и застыл в ученической позе, с прямой спиной и сложенными на коленях руками.

— Открывай щиты, Майк, мне нужно знать, что ты говоришь правду, — уже гораздо холоднее приказал Кадм. — Или ты хочешь, чтобы я их разбил? Я буду только рад, знаешь ли...

Майк вздрогнул и подчинился. Окружающие его магические щиты растворились, и Майк сразу же почувствовал себя прозрачным. И беспомощным. Опустить щиты у него не просили, пожалуй, никогда. Сколько себя помнил, он кутал в них душу, скрывая все эмоции, и оказаться без них было все равно, что остаться перед телохранителем без кожи.

Но Кадм приказов не повторяет. И лучше не давать повода ударить магией. Тогда будет хуже.

— Откуда ты взял этого мальчика? — спросил Кадм, обходя Майка по кругу и уже совсем не обращая внимания на сидящего в кресле ребенка.

— Лиин... наверное, увидел его в доме призрака...

— ... и пожалел, — закончил за него Кадм. — Лиин, это маг в отряде Армана, не так ли?

— Ваша осведомленность делает нам честь, мой архан...

— Пугает, ты хотел сказать, — усмехнулся телохранитель. — Не забывай, что ты у меня как на ладони, дознаватель.

Как это можно забыть!

— Где Лиин? — хлестнул новый вопрос.

— Не... не знаю, я на самом деле не знаю... Арман ему приказал что-то...

— И в самом деле не знаешь, — задумчиво сказал Кадм. — Надо же как интересно... восстанавливай щиты, дознаватель.

Майк вновь укутался в щиты, и показалось, что в кабинете вновь зажглось солнце и дышать стало легче. А Кадм будто забыл о дознавателе и вернулся к ребенку. Одним плавным движением руки он заставил мальчика поднять голову и посмотреть себе в глаза, и продолжил:

— Очень опасное ты оружие, малыш, в опытных руках, ты об этом знаешь? — мальчик лишь икнул в ответ, потом вновь задрожал, перегнулся через подлокотники кресла и содрогнулся в приступе рвоты.

Майка скрутило от брезгливости.

Пахнуло на миг кислым, замок быстро убрал грязь, а мальчик тяжело дыша откинулся на спинку кресла и вновь одарил Кадма полным ужаса взглядом. Телохранитель лишь усмехнулся, вытянул из кармана платок и не слишком ласково отер ребенку губы, стирая с них остатки рвоты. Потом опустил на корточки перед креслом и вдруг спросил:

— Все еще боишься, правда? Думаешь, что я тебя обижу... я могу обидеть, честно, но совсем не так, как ты боишься. Я не ем таких мальчиков, как ты, даже таких хорошеньких... волосы-то как золото, только умыть бы их. И глазищи... был бы твой взгляд таким, как полагается в твоём возрасте, невинным и простодушным, ты был бы прекрасен, право дело. Дамы при дворе от такого милашки были бы в восторге. И будут, уж поверь.

Губы мальчика задрожали, и Майк испугался, что тот вновь заплачет, но телохранитель продолжал:

— Не обижу я тебя, не бойся. Хочешь мне поверить, но не можешь? Знаешь, что такое магическая клятва, малыш? Хоть ты и совсем зеленый, а молодой архан же, наверное, знаешь.

Мальчик мигнул, открыл было рот, чтобы ответить, но, наверное, не сумев выдать и звука, кивнул.

— Тогда клянусь, дитя, — Кадм уверенно положил ладони на подлокотники кресла и в воздухе вновь запахло магией. — Клянусь не трогать тебя так, как тебе не нравится, когда тебя трогают. Клянусь, что никогда и никто больше к тебе так не дотронется.

И стало тихо. А Майк понял вдруг, что мальчик-то уже давно не находится во власти Кадма, давно уже движется сам... и уже, пожалуй, не так и боится. Просто смотрит ошеломленно и изучающе, будто переваривая слова телохранителя. А потом вдруг встрепенулся и спросил едва слышно:

— Все будет так, как было?

Глупое дитя. Телохранитель повелителя не бывает просто так добрым... ты и сам не понимаешь, что на самом деле влип только сейчас...

— Все никогда не будет так как было, — зло усмехнулся Кадм. — Но я могу помочь забыть. Даже могу помочь отомстить, когда вырастешь и поумнееешь, или уже даже сейчас, если это будет необходимо. Но жить ты будешь так, будто в твоей жизни были только мы. И, верь мне, не захочешь иной жизни. Мне тебе и в этом поклясться, Астэл?

Майк не думал, что простые слова что-то изменят, но изменили же! Или же изменила магия, пряный аромат которой вновь заполнил кабинет... Но мальчик вдруг покраснел сильно, глаза его наполнились слезами, и, ничего не ответив, Астэл соскользнул с кресла, упал в объятия Кадма и бесшумно заплакал.

Телохранитель усмехнулся как-то странно, будто горько, встал, удерживая мальчика, и Астэл обвил его ногами за пояс, обнял за шею и спрятал лицо на его плече, все так же не переставая содрогаться от бесшумных рыданий. Кадм осторожно придержал мальчишку за плечи и бедра, оглянулся на Майку и сказал:

— Пойдешь с нами. Ты нам нужен.

Не так просто... Майк не мог это оставить вот так просто...

— Лиин захочет получить Астэла обратно, — тихо сказал дознаватель. — Он лишь попросил о нем позаботиться, пока его нет в замке.

— Уж не сомневаешься ли ты, что я позабочусь о нем лучше?

Майк ой как сомневался, но вслух этого не сказал. Не ему противиться воле телохранителя. Никто не мог противиться, разве что Арман. Но станет ли Арман вступаться за какого-то пришлого мальчишку?

Вряд ли. И Майк, набравшись смелости, открыл было рот, но закрыл, наткнувшись на холодный взгляд Кадма. Издевается. Точно издевается.

— Не смею сомневаться, — выдохнул, наконец, Майк.

— Вот и молодец, — невозмутимо отрезал Кадм, направляясь к двери.

Астэл все так же сидел у него на руках, обнимал его за шею и прятал лицо на его плече. Успокоился как-то быстро, замер и будто заснул... только Майк знал, что он совсем не спит. Как привязанный, вышел он за Кадмом в распахнутую дверь и даже не удивился, когда замок мгновенно перенес их не в коридор, а в незнакомые Майку покои.

Глубокий синий цвет везде, роспись серебра на дорогих гобеленах, тяжелый того же цвета балдахин над спрятанной в нише кроватью, шитый звездами, толстые, почти черные ковры под ногами, мягкий свет, едва проникающий через плотно задернутые гардины, и человек, сидящий в кресле в полумраке, за спиной которого стояли двое... И когда дознаватель понял, кто перед ним...

— Мой принц, — выдохнул он, падая перед Миранисом на колени.

Наследника трона он видел только на приемах, издали, близко к принцу подпускали лишь избранных. Род Майку, слава богам, избранным не был никогда. Он и без того наслушался о капризах и принца, и его телохранителей.

— Что-то ты слишком долго, Кадм, — сказал Миранис. — И к чему ты притащил сюда свою новую игрушку?

— Тисмену можно таскать за собой зверюшек, а мне нет? — усмехнулся Кадм и сел на диван, усадив притихшего мальчика рядом. — Думаю, этот малыш нам очень даже пригодится. Позднее. Пока же позволим работать нашему гостю.

Майку совсем не понравилось это "пригодится", но что он мог сделать? Он видел и «зверюшку» Тисмена: уродливая, похожая по покрытую бородавками крысу, она сидела рядом с креслом принца и не спускала с Майку злобного взгляда. Неудивительно, Тисмен славился своим пристрастием к гадости.

Миранис чуть поднял унизанную перстнями ладонь, молча приказывая подняться, и зверюшка сразу же как-то забылась. Дознаватель встал, но взгляда поднять так и не решился: стоял с опущенной головой и усиленно рассматривал серебряные завитушки на синем ковре.

— Ты осматривал Рэми, заметил что-то необычное? — спросил Миранис.

— Нет, мой принц. В нем нет и следа лозы.

— Я не о лозе спрашиваю, дознаватель.

— Я... — Майк прикусил на миг губу. — Рэми сильный маг, мой принц, не думаю,

чтобы он пустил бы меня дальше. Но опасности от него не исходит, я уверен. Я бы никогда...

— И не об опасности я говорю, — терпеливо сказал принц, показав на кровать с опущенным тяжелым балдахинном. — Попробуй еще раз. И не бойся. Тисмен, если что, будет рядом и не позволит Рэми тебя серьезно ранить.

А несерьезно, значит, позволит?

Но сомнения сразу же утонули в поднявшейся волне любопытства. Кадм пришел к нему сам, принц сам приказал подойти к будущему телохранителю, Рэми перенесли из покоев Тисмена в спальню наследного принца, значит, что-то пошло не так... поднявшись по ступенькам, устеленным все тем же темно-синим ковром, Майк осторожно отодвинул тяжелый балдахин и скользнул к кровати, даже не обратив внимания, шел за ним Тисмен или нет.

Как и ожидалось, Рэми спал. Темные волосы до плеч слиплись от пота, бледное круглое лицо взмокло, а пухлые губы чуть приоткрылись, открывая полоску белоснежных зубов.

Рэми что-то прошептал во сне, на каком-то странном, незнакомом языке, потом застонал, вцепившись в простыни тонкими пальцами, и на запястье его мелькнуло серебро браслета...

Майк аккуратно провел пальцами по браслету и сразу же одернул руку. Столь сильной магии, подобно которой излучала эта вещица, он не чувствовал давно. Браслет целителя судеб. Теперь, когда Рэми не мог прятать свою связь с Аши, браслет тоже не прятался и поблескивал на запястье ровным, угрожающим блеском.

Навредить носителю Аши не позволит. Но Майк вредить и не думал. Он положил руку на лоб Рэми, ощутив под пальцами холод и вздрогнул... вторая ладонь сама собой легла на грудь спящего, сердце екнуло от восторга, ярким пламенем загорелся на запястье целителя судеб браслет, но все это было неважно...

Душа Рэми раскрылась навстречу, ошеломила чистотой и щемящей сердце невинностью, глаза Рэми на миг открылись, темный взгляд их пронзил насквозь, и Майк ласково коснулся переносицы целителя судеб и прошептал:

— Спи...

Рэми вновь послушно заснул, и Майк, тяжело дыша, отступил назад и, наверное, скатился бы со ступенек, если бы стоящий рядом Тисмен не придержал его за плечо.

Принц исполнил обещание. Его телохранитель все время был рядом. И помогал озадаченному Майку дойти до принца.

— Знаешь, что происходит? — тихо спросил Миранис, когда Майк вновь застыл у его кресла.

Майк знал, но объяснить это как?

— Да, мой принц.

— Так скажи...

— Это не так легко... выразить словами.

— А ты попытайся, — насмешливо вмешался Кадм, и от холода его голоса стало не по себе. Майк знал, что врать ему не дадут, но и правду можно говорить не всю... Спасибо хоть щитов опустить не велели.

— Я, как вы и приказывали, узнал о прошлом Рэми, — начал Майк. Узнал гораздо раньше, но зачем это знать принцу? — Он появился в деревне в начале зимы, одиннадцать лет назад, вместе с матерью и сестрой. Рэми тогда было около шести и никто не знал, откуда они пришли. Мать его не была сильно разговорчивой, а Рэми... ничего не помнил о своем

прошлом. Даже не говорил долгое время. По слухам, он видел смерть своего отца и так испугался, что забыл все, что было до той деревни.

— И?

— Думаю... — Майк сглотнул, стараясь не сказать лишнего. — Рэми на самом деле что-то пережил в шесть лет и сломался... и запрятал воспоминания глубоко внутри...

— Ты испытываешь мое терпение, дознаватель, — прошипел принц. — О том, что было раньше, я послушаю позднее, а теперь скажи, что с ним теперь!

— Думаю, Арман его все же достал, — осторожно ответил Майк. — И сломал Рэми еще раз. Тот Рэми, которого мы знали, запер свои воспоминания, как он это сделал в шесть лет. Но что-то заставило проснуться в нем того шестилетнего мальчика... — Майк отлично знал, что, но вслух не сказал, надеясь, что его и не спросят. И не спросили.

— Не понимаю... — задумчиво начал было принц, но Кадм его прервал:

— Это значит, как я и подозревал... Рэми думает, что ему всего шесть лет и знать не знает ни о своих прожитых годах, ни о том, что он маг и целитель судеб, ни о твоём существовании. Очень интересно, если бы не одно но. Мы могли бы разбудить шестилетнего Рэми, а вместе с ним, постепенно, и его, более старшего, только...

— Только? — переспросил принц.

— Что почувствует шестилетний высший маг, а давайте не будем обманываться, Рэми — высший, когда проснется среди чужих ему людей во взрослом теле? Мы получим новый срыв. Но выход есть. И милый Астэл нам поможет его найти, не так ли...

Майк почувствовал, как по его позвоночнику пробежался холодок. Вот она — доброта телохранителя... и Майку это совсем не нравилось. Но что он мог сделать?

— Ты хочешь мне помочь, малыш? — почти ласково спросил Кадм.

— Да, мой архан, — ответил Астэл, не сводя с Кадма восхищенного взгляда. Магия... да не совсем магия. Кадм был сильным, казался надежной защитой, но, увы, только казался.

— Не надо этих арханов... я позволю тебе называть меня по имени. Я буду твоим лучшим другом, я отдам тебя в хорошую школу и заплачу за твое обучение, но ты должен мне помочь...

Начинается...

— Мой архан, я сделаю все... — прошептал Астэл, поднимаясь и бросаясь Кадму в ноги.

— Всего, мой мальчик, мне и не надо, — ответил Кадм, погладив Астэла по волосам и заставляя его посмотреть себе в глаза. — Ты всего лишь заснешь. Ипустишь чужую душу в свое тело. Ненадолго... пока этот дурной мальчишка не соизволит очнуться...

— Кадм! — вскипел принц. — Не смей! Этот ребенок не знает, на что соглашается!

— Но без его согласия будет сложнее, не так ли? — вновь усмехнулся Кадм. — И этот «ребенок» уже усвоил простую истину: за все надо платить. За возможность забыть тот кошмар, из которого он чудом вылез — тоже, не так ли, Астэл...

— Да... Кадм... — прошептал мальчик и в беспамятстве стек по ногам телохранителя на пол.

— Некоторые дети взрослеют быстрее, — усмехнулся телохранитель. — Рэми в нем подлечит не только его тело, но и израненную душу. Мальчик от этого только выиграет, а мы... а мы посмотрим, чем же на самом деле был раньше наш милый и невинный Рэми.

И Майк сжал зубы, не в силах не согласиться.

Телохранитель был циничной сволочью, но, увы, знал, что делал. Уже не слушая

возражений принца, он одним взглядом заставил балдахин подняться, взял обмякшего Астэла на руки, отнес на кровать и положил рядом с Рэми. Вновь запахло магией, потянуло по полу синим дымом, и все так же немногословный Тисмен окутал Рэми синим коконом света, осторожно положил ладонь ему на грудь и потянул вверх, и под его тонкими пальцами заискрился сгусток света... всего на миг, прежде чем скрыться в груди Астэла. И на детском запястье заиграл серебристыми отблесками знакомый браслет, а кокон, укутывающий тело Рэми стал ярче и гуще.

Аши не бросил своего носителя.

А Майк украдкой улыбался. Он сильно подозревал, что маленький Рэми принесет телохранителям и принцу много неприятного удивления... Кадм еще не знает, с кем связался. Майк, увы, знал.

Тихий треск огня за веером камина, отблески света по стенам, сладкий запах благовоний... все это будто расплылось, размазалось, а Аланна видела лишь прямоугольник бумаги в пальцах жениха обтянутых синим шелком. Идэлан, облаченный в синие одежды виссавийского посла, скрытый тонкой тканью до самых глаз, бросил приглашение на стол и сказал:

— Ты же сама этого хотела, моя дорогая.

— Аудиенция у повелителя? — выдохнула Аланна. — Он меня даже не знает...

— Я не удивлюсь, если он знает о тебе все, — ответил Идэлан, и от мягкости в его голосе стало еще страшнее. А где-то вдалеке тихо посмеивался Варнас. Коварное божество... что ты опять наделало?

Ярость. 9. Рэми. Разочарование

*Никогда не возвращайся на место,
где ты испытал счастье или встретил любовь.
Ибо в таком случае тебя постигнет
горькое разочарование.*
Кир Булычев. Золотые рыбки снова в продаже

*Почему служанка? Почему волосы собраны в пучок? Эта проклятая туника, она ж кожу трет... эти страшные ботинки на голые ноги, как это носить-то можно? Как вообще можно пресмыкаться перед этими арханами, теми самыми, среди которых она когда-то блистала. Зачем? Потому что приказано?
Ничего, скоро это изменится... видят боги, все изменится... И она всем отомстит!
И особенно отомстит ей... это из-за нее, не было бы ее, все было бы иначе!*

Пожалуй, столь жгучей волны интереса Кадм не испытывал никогда. Надо же... высший маг, что выпил им столько крови, этот горделивый мальчишка Рэми вдруг стал ребенком! А Миранису, разбалованному принцу, придется стать нянькой. Ха-ха! Лучшей шутки от богов нельзя было придумать.

Однако, что делать с этой шуткой богов не знал никто. Никто ведь из них в няньки не нанимался, но и отдать будущего телохранителя было немыслимо. В том, что Рэми станет телохранителем, не сомневался никто.

Будить бунтовщика побаивались: никто не знал, что выкинет шестилетний мальчишка-рожанин, да еще и высший маг. Как отреагирует на роскошь вокруг, может, испугается так, что потом не откачаешь. Принц даже предложил отвести Рэми в город, в какой-нибудь дом попроще, но дружно воспротивились телохранители: покушения продолжали сыпаться один за другим, рисковать Миранисом не соглашался никто, да и что, три высших мага, принц и множество прислуги не справятся с какой-то малышкой?

Кадм, знакомый не понаслышке с хрупкостью маленьких высших магов, очень сомневался, что справятся, но помалкивал. Помалкивал и когда было решено притушить свет в спальне Мира и разбудить мальчика под опущенным балдахином, когда договорились, что останутся рядом с Рэми лишь Миранис (а как же без него) и Тисмен, магия которого пока удерживала Рэми во сне. Помалкивал, но и уходить из-под балдахина категорически отказался.

— Я постараюсь быть незаметным, — как можно шире улыбнулся он, сам понимая, что сморозил глупость. Не с его ростом. Не с его силой... но Мир и Тисмен, забавно, согласились, а Лерин лишь пожал плечами и отошел в тень. Ему, видимо, какой-то там мальчишка был неинтересен...

И поняв, что пока его никто гнать не собирается, Кадм усмехнулся, сложил на груди руки, прислонился спиной к столбику балдахина и приготовился ждать. Представление намечалось забавнее некуда.

Хотя мальчика было слегка жаль. Он казался таким маленьким и несурзным посреди

огромной кровати принца, на темном покрывале и белоснежном шелке наволочки, расшитой дорогими кружевами. В застиранной тунике, которую в конце концов решили не менять, и с почему-то сжатыми в кулаки ладонями с обгрызенными до самого мяса ногтями.

Сразу забывший обо всем на свете, сосредоточившийся на мальчике Тисмен сел на кровать, осторожно провел ладонью над лицом Рэми, и с его пальцев полился благодатный зеленый свет... не изумрудный, как у виссавийских целителей, а зеленый, ласковый, как пронзенная солнцем листва. И сразу же запахло свежестью летнего утра и на сердце потеплело, ладони Рэми разжались, выпуская покрывало, на губах его заиграла легкая улыбка, а удивительно пушистые ресницы дрогнули, раз, другой.

Некоторое время он так и лежал, будто погруженный на этот раз в приятный, солнечный сон, укутанный как в одеяло в туман, льющийся с пальцев Тисмена, вдруг вздохнул поглубже и сел на кровати, протирая глаза кулачками. Он зевнул, окинул все вокруг пока еще невидящим, мутным взглядом и моргнул удивленно, раз, два, будто не совсем понимая где он и зачем. Хотя какие там "будто", и в самом же деле не понимал.

Тисмен сжал пальцы, и сразу же исчез, растворился в покрывале зеленый свет, и тотчас, будто сожалея, вспыхнули синим блеском глаза Рэми, и Кадм насторожился: мальчик явно дружил со своей силой, был сжит с ней и умел ею пользоваться. В то время, как взрослый Рэми...

Полыхнули синим татуировки на детских запястьях, взгляд Рэми как-то вмиг прояснился, став острым и изучающим, и Кадм вдруг понял, что маленький маг смотрит прямо на него... не на Мира, не на Тисмена, а почему-то именно на него. И даже не думает бояться. А ведь чувствует, не может не чувствовать, что перед ним высший маг. Мало того, архан. Так где этот самый страх, которого все ожидали?

— Ты кто? — тихо спросил Рэми, наклонив вбок голову, и Кадм вдруг понял, что не узнает уже напуганного до смерти Астэла в этом ребенке.

Маленький Рэми будто не знал слова «страх». Смотрел открыто, широко распахнутыми глазами, и в глубине его бездонного синего взгляда жило и отзывалось синее пламя. И не было ни тени уважения в этом детском голосе, будто он разговаривал с равным. Будто... никогда в жизни не видел того, кто был бы выше.

«Где же тебя держали до шести лет, Рэми? — подумал Кадм, а вслух сам не понимая почему сказал:

— Твой новый учитель, Кадм.

Он ожидал в ответ чего угодно. Удивления, радости, пусть даже страха, но не того глубокого, болезненного огорчения, что заиграло в детских глазах. Мать ж твою так, этот мальчишка действительно считает, что телохранитель самого наследника не достоин быть его учителем?

— А Ир? Его наказали, да? — прошептал Рэми и опустил взгляд, сминая ладошками покрывало. — Из-за меня...

— К чему такие мысли, Рэми? — тихо спросил Кадм.

— Я уже видел, как его... мой дядя... — начал частить Рэми. — Иру было больно, а дядя... дядя не хотел прекратить, хотя я просил... а теперь, наверное, Ира забрали... но это не он, это я, я виноват! Пожалуйста, не надо... не надо его наказывать! Можешь меня наказать, если надо, только не Ира, пожалуйста!

И посмотрел так умоляюще, что на миг дыхание перехватило. Этот ребенок умеет играть на чувствах. Впрочем, его взрослый вариант тоже очень даже этим славился:

Миранису мозги прочистил за пару встреч, а телохранители годами бились, и никакого эффекта.

— Обещаю, если будешь виноват, то я буду наказывать только тебя, — наверное, не слишком добро усмехнулся Кадм. — И, уж поверь, меня наказать из-за тебя никто не осмелится.

«Даже Миранис», — мысленно заметил он, хотя по красноречивому взгляду наследника было видно, что он так не думает. Хотя и молчит, явно опасаясь спугнуть мальчонку. Мальчонка-то хоть и бесстрашный, а такой чистый и хрупкий, что тронуть боязно. А придется. Маленький Рэми хорош, никто не спорит, но им старшего бы вернуть. Целитель судеб им сейчас ой как бы пригодился.

— Тогда почему Ира тут нет? — тихо спросил Рэми, все так же опустив взгляд. — Это я виноват?

Кадм было все равно, кто там в чем виноват, одно он знал точно: еще не окрепшего высшего мага лучше ни в чем не винить. И лишний раз не ранить. И не позволять чувствовать себя виноватым.

— Нет, — твердо, без тени сомнения, ответил он, нагибаясь к Рэми. — Просто я тебя должен научить чему-то, что Ир не умеет.

И погруженный в раздумья мальчонка доверчиво потянулся к незнакомому взрослому, будто это было для него обыденным. Протянул тонкие руки, обнял за шею, позволил поднять себя с кровати и пронести через балдахин, и даже на миг не удивился ни огромным покоем, ни их богатому убранству, лишь тихо попросил зажечь свет поярче. Бойтся темноты? Надо запомнить. И Кадм приказал замку раздвинуть шторы, впустить солнечный свет, и удивился, насколько Рэми в этом свете показался бледным. Показался ли?

Краем глаза проследив, как ни во что не вмешивающийся Мир прошел за ними и встал у окна, Кадм усадил Рэми в кресло и мысленно позвал хариба. Тень явился сразу, поклонился принцу и телохранителям, и послушавшись мысленного приказа архана, опустился перед Рэми на колени, склонив в почтении голову:

— Позволь мне о тебе позаботиться, мой архан.

«Какой архан? — дернулся Тисмен. — Я же проверял татуировки Рэми, они же были желтыми!»

С интересом посмотрел на них Лерин, так же промолчал принц, а мальчонка опять же не выказал ни капли удивления и стыда, лишь коротко кивнул и безропотно позволил харибу помочь себе подняться, снять с себя тунику и отвести к ожидавшей в нише, наполненной ароматной водой ванне. Так же спокойно и уверенно он вошел в теплую воду и сел в ванне и ни капли не удивился, когда хариб намылил ему волосы и мягко нажал на низ челюсти, прося запрокинуть голову.

Кадм усмехнулся и встал рядом. Это оказалось гораздо интереснее, чем он даже думал.

— Я слишком слаб, да? — спросил Рэми, не открывая глаз, когда хариб осторожно смывал пену с его волос. — Ты ведь воин, правда? Я тоже должен стать воином?

Как быстро понял. Будто читал как по ладони их души, пусть даже и тщательно закрытые щитами. Будто смотрел на них этими удивительными, полными наивности и в то же время силы, глазами, и видел насквозь, вместе со страхами и сомнениями. И от его чистоты Кадм на миг почувствовал себя грязным, а руки свои, руки воина, испачканными в крови. Но лишь на миг, потому что знал: в этом мире все не могут быть милосердными и кому-то приходится бить. Вырывать свою жизнь, свою судьбу из чужой пасти с кровью, и

чуть более взрослый Рэми, судя по всему, об этом знает.

Иначе не предпочел бы все забыть и спрятаться.

Вопрос только — от кого на самом деле спрятался? Кто мог ему угрожать, да так, чтобы стереть уверенное бесстрашие из его глаз? И кто позволил угрожать высшему магу? Если только...

— Расскажи мне, мальш, — осторожно спросил он, садясь на край ванны, — Расскажи об Аши.

— Я никогда и никому не рассказывал об Аши, — опустил взгляд Рэми, и Кадм насторожился: значит, знает мальчик о своей второй душе.

А это уже дивнее некуда, ведь вторая душа в телохранителях просыпается лишь после сложного ритуала привязки, которого Рэми никогда не проходил. Да и не столько просыпается, сколько растворяется в душе носителя, дарит свою силу, свою мудрость, а Рэми и Аши были, казалось, отдельно, и, в то же время вместе.

Такого Кадм не видел никогда, даже не знал, что подобное возможно. Но и то, что об Аши никто не знал, успокоило: значит, Рэми спрятали не из-за его судьбы проклятого телохранителя. Хотя бы это.

— И никто о нем не знал?

— Лишь Ви... — ответил Рэми, усаживаясь в ванне и поджимая к груди колени.

— Кто это Ви? — тихо спросил Кадм.

Рэми улыбнулся мечтательно, положил подбородок на колени и слегка поежился, когда хариб начал намывать ему плечи.

— Ви это Ви, — сказал он. — Она хорошая. Добрая. Она всегда была. И никто ее не видит, кроме меня... — Призрак? Игра воображения мальчишки? — Она сказала, чтобы я помог Аши, тогда я смогу помочь дяде.

— Почему дяде надо помогать? — продолжал спрашивать Кадм, осторожно, стараясь не выдать ни своего интереса, ни своей тревоги.

— Дядя... — Рэми вдруг перестал улыбаться, обнял колени руками и задрожал. Мир шагнул к ванне, но остановился, когда Рэми продолжил, все так же дрожа, срывающимся в плач голосом: — Он хороший! Он меня любит! Но иногда... он такой злой. И... я его боюсь... очень боюсь... и он сильный... никто его не может остановить... даже Ви...

И увидев, что сейчас мальчик не на шутку встревожится, и, что хуже, может выпустить уже и без того полыхающую в его глазах силу, Кадм оборвал его, спросив:

— Как ты помог Аши?

— Но это же просто, — поднял на него удивленный взгляд Рэми. — Я впустил его в свою душу.

Кадм похолодел. Впустил? Одного из двенадцати можно впустить в свою душу? Не родиться с ним?

А тем временем Рэми добавил, все так же срывающимся голосом:

— Я хочу увидеть Ира.

Кадм тоже хотел, ведь происходящее запутывалось все больше. И былой учитель очень даже мог помочь это все распутать. Вопрос — захочет ли? И жив ли он? Ведь Кадм никогда не слышал о высшем маге по имени Ир, а такого, как Рэми, меньше чем высшему бы не доверили.

— Может, позднее... — ответил Кадм и вздрогнул от боли в детском взгляде.

Рэми явно что-то не договаривает. Но и ломаться, вроде, не собирается, так что лучше

пока к нему не лезть. Захочет, сам расскажет. А уж Кадм постарается, чтобы захотел.

Из ванны он мальчика принял сам. Завернул в простыню, вновь поднял на руки и поставил посреди спальни. Вытер как следует и все так же не мог надивиться этому глубокому, совсем не по-детски понимающему взгляду, в котором билось, не находило выхода синее пламя. И щитов у Рэми не было, будто это чудо-дитя еще никто и не думал научить закрываться. И эта доверчивость... ласковая и уверенная, его внимание, неотступное и всепонимающее, от которого становилось не по себе, и тонкие детские пальцы, вдруг сомкнувшиеся на рукояти кинжала Кадма.

Телохранитель позволил Рэми обнажить оружие. Позволил услышать разочарованный плач магического клинка, который искал и не мог найти истинного хозяина, и Рэми аккуратно провел пальцами по лезвию, как бы проверяя его остроту. Клинок услышал мгновенный приказ, и мальчика не ранил, а Кадм осторожно отнял кинжал у Рэми, вновь убирая его в ножны:

— Лучше не трогай чужое оружие. Мое не трогай без моего разрешения никогда. Слышишь, Рэми?

— Научишь меня быть сильным? — тихо спросило странное дитя. — Чтобы... меня не надо было все время защищать.

— А надо?

— Наверное... — Рэми вдруг тихо всхлипнул, и в широко распахнутых глазах его заблестели слезы, — наверное... ему надоело... правда? Потому я здесь? Потому Ира убрали? Он ведь сказал... что я ему мешаю, это правда? Он больше меня не хочет? Я ему не нужен, да? Он хотел меня убить...

Странные слова для ребенка. Для высшего мага — еще и опасные. И что ответить, не знаешь, ибо боги только ведают, о ком Рэми говорит. Боги, со взрослыми всегда было легче, а это дитя убивает своей логикой! И Кадм судорожно подыскивал нужные слова, когда в их разговор вмешался спокойный голос Мира:

— Ты нужен **мне**, Рэми. И, уж не сомневайся, я тебя никому просто так не отдам. Одевайся, пойдем, чего-нибудь съедим.

— Ты тоже мой учитель? — удивленно, будто только его заметив, посмотрел на Мира Рэми.

— Нет, — засмеялся Мир. — Хватит с тебя и одного учителя. Зови меня Мир, я твой друг.

Вспыхнул вдруг огонь в камине, заиграл теплыми красками на лице Рэми, и глаза мальчика вспыхнули искренним, невинным интересом:

— Но... взрослые не дружат с детьми.

— Думаешь? — Мир выхватил из вазы яблоко и кинул его Рэми. Маленький маг яблоко поймал, сжал ладошками, и в его выразительных глазах мелькнула ласковая улыбка. — Тогда я особый взрослый. Который с тобой дружит. Которому нравится, когда ты рядом. Которому ты нужен... и для которого ты совсем не слаб. Ты доволен?

Рэми кивнул, улыбнулся шаловливо и надкусил яблоко. А потом, вдруг что-то вспомнив, посмотрел на Кадма и тихо спросил:

— Можно? Можно я пойду с Миром?

— Можно, Рэми, — мягко ответил Кадм. — Конечно, можно. Ты можешь доверять Миру. А еще Тисмену и Лерину, — он показал на телохранителей. — И можешь с ними идти. Можешь идти где хочешь, только выходить из замка я тебе запрещаю. Я запрещаю

говорить кому-то свое настоящее имя, для всех тебя зовут Астэл. Так надо, ты ведь понимаешь, — Рэми кивнул. — И если что, зови, я услышу и приду. Никто не может тебя обидеть... верь мне, даже твой дядя. Я не знаю тут никого, кто был бы меня сильнее, веришь мне?

Рэми слегка покраснел и вновь кивнул.

«Не дай его никому обидеть», — приказал Кадм замку и почувствовал легкое тепло: замок принял приказ. И, наблюдая, как Рэми спокойно поднял руки, позволяя харибу натянуть на него тунику, отдал новый приказ, на этот раз Майку: «Подними списки арханов и найди всех, у кого пропали или умерли дети одиннадцать лет назад, не обязательно шестилетние, мы может не знать истинного возраста Рэми. А так же составь списки всех арханов, которым сейчас исполнилось от пятнадцати до двадцати, живых или мертвых. Пошли людей, чтобы проверили татуировки живых и прикажи жрецам смерти проверить саркофаги тех, кто умерли. Мне надо точно знать, что их не подменили. Мне все равно, сколько силы потратят на это маги и жрецы, приказ в приоритете. Прикажи доставить в замок мать Рэми и найди мне высшего мага по имени Ир. Сам поедешь в поместье, где жил Рэми и допросишь всех его обитателей. Не может быть, чтобы за одиннадцать лет столь яркий дар ни разу не проявился. И действуй как можно быстрее, докладывать будешь о каждой мелочи, днем и ночью, людей бери сколько понадобится и кого понадобится, мой хариб принесет тебе печать подчинения. О работе в дозоре Армана можешь пока забыть. И поищи что-то в своих книжках о людях, которые сами принимали в себя души двенадцати...»

И сам не поверил в то, что сказал. Телохранитель, который сам решил быть таким, а не таким родился? Да и выбрал ли он быть телохранителем? Или просто выбрал Аши?

«Да, мой архан», — прозвучал немедленный ответ Майка.

У Кадма тоже появился приоритет. Маленький архан, который почему-то вырос в угрюмого рожанина. Загадка, которую надо разгадать.

Хоть что-то интересного в этом скучном замке.

А Рэми еще раз надкусил яблоко, посмотрел внимательно на Кадма и начал говорить, на этот раз уверенно и с недетской серьезностью:

— Он был такой усталый... несчастный... со сломанными крыльями, а вокруг столько крови... и цепи... и он все равно был красивым. И добрым. Почему вы так с ним? Это нечестно... ведь Аши любит вас... а вы его — нет.

И откусил еще один кусок, отворачиваясь от удивленного Кадма.

Так ли уж этот мальчик не понимал, что тут происходит? Маленький Рэми, которого одевал молчаливый хариб, все так же задумчиво грыз свое яблоко посреди залитой светом спальни, а трое взрослых мужчин, высших магов, не знали, что и думать об этом странном «сокровище».

Кадм вздрогнул. Показалось на миг, что за спиной Рэми стоял и улыбался, раскрывал уже излеченные, сильные крылья полубог Аши, проклятый телохранитель.

«Почему ты не помог ему, почему не защитил против Армана?» — зло спросил Кадм.

«Потому что он не позволяет мне вставать между собой и Арманом».

«Почему Арман?»

Аши издевательски усмехнулся:

«Вы слепы. А больше всего слеп Арман, но я не могу открыть вам глаза... он не разрешает».

«Так что нам делать, чтобы ему помочь?»

«Ты уже сделал. Ты дал ему свободу. Дальнейшее он сделает сам».

И исчез, оставив за собой лишь мягкость вечернего солнца. Только Кадму от его слов легче не стало. Ему все казалось, что кто-то делает из них дураков, что разгадка у них под носом, но они ее не видят.

Арман страшно устал: полдня разнимал вместе с отрядом разгоревшуюся на площади драку. Из-за чего подрались? А кто его знает, из-за чего подрались, но лупили друг друга с таким жаром, будто у них на глазах жен насиловали. Часть поубивали друг друга, часть пришлось рассовать по тюремным камерам, чтобы потом маги разобрались, кто кого успел убить, а кто не совсем... вторых выпорют как следует, чтобы знали, а первым повезло меньше, и уже на рассвете их раскачивающиеся на ветру тела поубавят у народа желание развлекаться подобным образом. Но это утром...

А сегодня Арман хотел только одного: как следует размяться. Хариба звать не стал: он до сих пор был зол на Нара и приказал ему оставить несколько в меру болезненных ран и, увы, тень не мог встать с ним в пару. А Нар все равно таскался вокруг хвостом. Морщился от каждого резкого движения, но упрямо ходил за своим арханом, и Арман даже не думал его прогонять. Не хотелось. На тренинге заменить его было сложно, но пара талантливых людей у Армана имелась.

— Ника ко мне! — приказал он появившемуся из тени Нару. И когда дошел до зеркальной залы, Ник, рослый, сильный, уже ждал там. Ждал с понимающей улыбкой и отблеском в глазах того же огня, какой горел и в Армане: ему тоже очень «понравилось» бить рожан на той проклятой площади.

Арман усмехнулся, взял у хариба меч, перекинул из одной ладони в другую, привыкая к необычной балансировке, и улыбнулся противнику. Настоящему противнику, а не тому сбору, который он бил целый день. Тем хватало одного удара, а до Ника добраться было сложно... но чем сложнее, тем интереснее. И можно не сдерживать рвущийся наружу гнев зверя.

А потом начался танец ярости в отблесках огня. Отражения в зеркалах, пылающие факелы по стенам, блестящий, недавно начищенный паркет. Стекающий по коже пот, восторг в крови и жажда, жажда крови! Клинок пел в руках, пил азарт хозяина, мелькал и звенел, целовался с клинком противника. И Арман забыл все: и вчерашнюю неудачу с Рэми, и предательство Нара, и...

Отрезвление пришло мгновенно, будто кто-то окатил ледяной водой. А вместе с ним дикий страх... И меч остановился близко, слишком близко к детской светловолосой голове. Ник сообразил медленнее и отлетел к стенке, сокрушенный на этот раз не оружием, а магией. Посмотрел на Армана с легким недоумением, сменившимся тем же страхом, когда он увидел, кто стоял перед старшим: архачонок, мелкий совсем, лет шести, с светлыми, пушистыми после мытья волосами. Стоял бесстрашно, будто не звенела только что вокруг сталь, будто не пролетела у его виска смерть, и смотрел как-то... ожидающе странно...

Дивно все это... вчера, когда его привели в казармы, был напуган до ужаса, а сейчас его будто подменили. И во взгляде его был покой и уверенность, словно и не было того дома призрения. Но Арман-то знал, что был. Даже послал туда своего человека. И выяснил, что мальчик был с матерью, но мать выкупил какой-то дивный клиент, а потом пришли и за Астэлом... пришел человек, которому хозяин не посмел отказывать. Зачем этот мальчишка

понадобился Зиру? И причем тут Лиин?

— Что ты... — начал Ник и, подчиняясь одному движению руки Армана, вышел из залы.

Драться расхотелось. Арман отдал клинок Нару и раздраженно спросил:

— Что ты тут забыл, Астэл? Почему Майк разрешает тебе так просто бегать по замку? Почему суешься к воинам во время боя? Ты хоть понимаешь, что тебя могли бы ранить?

Услышав свое имя мальчик вздрогнул, и в глазах его мелькнуло удивление. Потом посмотрел вдруг в зеркало за спиной Армана, и губы его слегка дрогнули, будто он собирался расплакаться. Но грусть его была мимолетной, сменилась легкой улыбкой, и Астэл вдруг спросил:

— Ты никогда не ранишь меня, правда, Арман?

"Арман"? Не, мой архан? Не «вы меня никогда не раните»? Ни капли почтения в голосе? Этот мальчик забавный. И будь на месте Армана кто другой, мог бы сейчас и получить неплохую порку. Потому что неуважение к чинам и роду при дворе не прощали.

— Пойдем, я отведу тебя к Майку, — сказал Арман, решив разобраться с мальчиком потом, когда вернется Лиин, а сейчас хорошенько отругать Майка и приказать ему лучше присматривать за мелким. И сильно удивился, услышав:

— Кто такой Майк?

Арман скривился, почуяв подвох. Развернулся, посмотрел на невозмутимого Астэла и спросил:

— А к кому ты хотел бы пойти?

— К тебе. — Арман вздрогнул, а Астэл, видимо почуяв поднимающийся в старшем гнев, спохватился: — Нельзя? Тогда... тогда к Кадму... или к Миру... или... Тису... если ты не хочешь...

Что значит «не хочешь»? И вот так легко... к принцу или его телохранителям? К кому отвели этого мальчишку идиоты дозорные? Каким образом он попал на глаза Миру? Да и попал ли? Может, этот мальчишка хочет явиться к Миру так, как только что явился к Арману: как снег на голову.

— Ты... ты злишься? — впервые испугался Астэл. — Я мешаю? Я... я просто хотел спросить... почему ты от меня отказался?

— А с чего это я должен был от тебя *не* отказываться? — холодно спросил Арман. — Разве ты когда-то принадлежал мне? Разве я когда-то дал хотя раз понять, что собираюсь о тебе заботиться?

— Ты... — мальчик моргнул, и на глазах его вдруг выступили слезы. — Ты другой... совсем другой...

Арман усмехнулся, вытянул из рукава белоснежный платок и сам не зная почему, потянулся, чтобы стереть бежавшие по щекам Астэла слезы. Ну и чего это чудо ревет-то? Мальчик же, должен быть сильнее и плакать гораздо меньше.

Но Астэл вдруг увернулся, вздрогнул, и рука Армана сама опустилась: взгляд ребенка наполнился чистым синим светом... Высший маг. Так вот почему тобой заинтересовались телохранители!

Он сел перед мальчиком на корточки, улыбнулся как мог более ласково, пытаюсь успокоить. Высшие, они ж как люди без кожи... хрупкие, чувствующие, подобны цветам, которые так легко сжать в ладони... погубить. Арман не хотел губить, ведь однажды и в его семье родилось такое чудо. И вспоминая о погибшем брате, он мягко погладил Астэла по

волосам и тихо сказал:

— Ты чего боишься, малыш? Разве я тебя обидел? Разве я когда-то обижал?

Астэл растаял от этой ласки. Улыбнулся счастливо, потупился, и пламя в его взоре стало каким-то другим... столь ошеломляюще знакомым... Как котенок он потерся щекой о ладонь Армана, заглянул в глаза, будто пытаясь там что-то найти, и едва слышно всхлипнул, явно не отыскав. И словно отозвался на его боль, вспыхнул на груди Армана ровным светом амулет... И улыбка Астэла вдруг растеряла всю грусть, став почти счастливой. Чему он так радуется-то?

Будто зачарованный, Астэл коснулся ветви амулета, провел по ней пальцами, прошептал:

— Красивый...

— Да, красивый, — отозвался Арман, радуясь, что слезы уже сохнут на щеках высшего мага. — Подарок моего младшего брата...

— Он был другим, да? — не спросил, утверждал Астэл, — а теперь такой белый... такой сильный... я рад... что он готов, так рад...

Арман уже не слушал. Он заметил ожидавшего у дверей Ника и вдруг сообразил, что и без того потерял слишком много времени. Решительно поднявшись, он подозвал Нара и приказал:

— Проводи его к Тисмену, спроси телохранителя, знает ли он его. Если нет, отведи к Майку и прикажи поставить у его дверей стражу, чтобы снова не сбежал.

Нар поклонился, обернулся к Астэлу, и тихо сказал:

— Мой архан, — и Арман сразу же отвернулся, забыл о мальчике.

Если Астэлом действительно занялись телохранители, мальчик с этого момента не забота Армана. Он прошел мимо Нара и скривился, когда тень ему поклонился, вздрогнул, явно от боли, и прошептал едва слышно:

— Прости!

Арман не мог простить. Не получалось. Пока. Он уже почти дошел до двери, как увидел в зеркале неожиданно бледное лицо Нара и печального вдруг Астэла. Маленький маг вдруг коснулся ладони хариба, как бы привлекая к себе внимание, и грустно спросил:

— Болит, да?

Хариб вздрогнул, явно не зная, что ответить, и раньше, чем Арман успел вмешаться, глаза мальчишки загорелись не синим, белоснежным сиянием, и Нар отшатнулся, потом бросился к Арману в ноги и прошептал:

— Прости, я не виноват! Он...

Астэл исцелил Нара? Так походя, будто ничего не случилось? Арман глазам своим не верил. Дар целителей был в Кассии крайне редок и даже те, кто им обладал, не исцеляли так легко... даже виссавийцы не...

А Астэл посмотрел сначала на Нара, потом на Армана, и в глазах его медленно начал загораться гнев... мальчишка злится? Это смешно. Но Астэлу смешно не было, он шагнул к Арману, сжимая кулаки и выдавил, заглатывая бегущие по щекам слезы:

— Ты, ты его ранил! Ты! Как ты мог! Как мог! Он тебя так любит! Он все для тебя! Плохой, ты плохой!

— Ты... — выдохнул Арман

Астэл уже подскочил к нему, подпрыгнул, схватился за амулет, и шею Армана прошило болью, а белоснежная ветвь мелькнула в пальцах мальчишки.

— Ты злой, Арман!

И отпрыгнул в сторону, шипя и согнувшись, как злой от испуга щенок. И все так же не переставал плакать, а в глазах его ярилось пламя силы. Но бить магией пока не спешил... и это хорошо.

— Отдай амулет, — спокойно сказал Арман, уверенный, что мальчик подчинится. Куда там! Астэл, еще недавно ливший слезы из-за холода Армана, теперь задрал вдруг узкий подбородок, обжег злым взглядом, сжал еще сильнее пальцы на амулете, выкрикнул:

— Не отдам! — и его крик отразился от зеркал и хрусталя зала.

Вот же мелкий ублюдок! Еще вчера был простой подстилкой в доме призрения, а сегодня отказывается подчиняться старшему дозору! Арман почувствовал, как поднимается к горлу холодный гнев, но и пугать мальчишку слишком сильно не спешил, помнил, что перед ним — высший маг и старался прятать за щитами холодный гнев.

— Астэл, — протянул он ладонь. — Ну же, малыш. Отдай амулет. Он мне очень дорог!

— Нет! — закричал мальчишка, и на лице его боль смешалась со смертельной обидой. — Ты не заслужил!

И повесил амулет себе на шею. Вот мелкий наглец, а!

Поняв, что уговоры не помогут, Арман метнулся к мальчишке. Куда там! Астэл увернулся легко, пожалуй, слишком легко, и сиганул в дверям.

— Держите его! — приказал Арман дозорным, но толку было мало — мальчик змеей проскользнул между мужчинами и влетел в открытую почему-то дверь. Арман побежал следом, дозорные за ним, и все трое остановились резко, когда поняли, куда попали.

Раскинулся перед ними огромный тронный зал, убежали вверх потолки, поддерживаемые тонкими колоннами, укрылись где-то далеко мраморные стены. Обернулись на них разодетые придворные, столпившиеся по обе стороны от ярко-алой ковровой дорожки, а в конце той дорожки, за стоявшим на коленях посольством в ярко-алых плащах, медленно поднимался с трона Миранис.

И Арман сразу же вспомнил, что сегодня было подписание какого-то очень важного договора. Что посольство ждали долго, что Арману самому пришлось подбирать охрану для тронного зала, как и для покоев, выделенных послам, мол, обидчивы они и дивные... и что повелитель приказал всем быть вежливыми и внимательными, а тут...

Медленно оглядывалось на них ошеломленное такой наглостью, разодетое в шелка, посольство, сошел со ступенек разъяренный Кадм, а хрупкий Астэл упрямо несся по ковровой дорожке к принцу, и дозорные, пытающиеся его остановить, по одному движению руки телохранителя отлетели к колоннам.

— Не смей! — приказал Кадм, в то время как Астэл миновал, наконец, посольство, подлетел к телохранителю, обнял его за пояс, уткнулся в тунику и заплакал, бормоча столь отчетливо слышимые в тишине слова:

— Арман плохой, плохой, плохой!

И Арман слишком хорошо заметил злую насмешку в глазах принца. Но живо отдал приказ дозорным отойти в сторону, а сам встал за колонну, чтобы меньше к себе привлекать внимание и без того заинтересованных скандалом придворных. Лился свет через окна в куполе, поблескивал начищенный до блеска паркет, и впервые за долгое время Арман вдруг почувствовал, что проиграл. Ну точно же проиграл. И было бы кому!

— Почему Арман плохой? — спросил Мир, не обращая внимания ни на посольство, ни на дозорных, застывших на коленях у дверей, ни на разозленного Армана.

— Он побил... побил Нара. Он плохой... он не может...

Арман вздохнул сквозь зубы. И слышали это, конечно, все. И еще долго Арману этого не забудут. Мир в первую очередь. Но и согласны с Рэми, скорее всего, были далеко не все: Арман был еще ласков с Наром, за подобный проступок, много кто хариба бы просто выгнал. Без слов. И ждал бы уже появления другого.

— Мой мальчик, — сказал вдруг Кадм. — Нар его хариб, ты не можешь вмешиваться...

Арман улыбнулся, почувствовав, что забавлять двор слухами будет не только он. И в самом деле: Астэл вздрогнул, сразу перестав плакать. Потом выскользнул из объятий Кадма, отошел на шаг, опустив голову, и прошептал:

— Тогда ты тоже плохой. Ты не понимаешь.

— Я понимаю, — вмешался Миранис. — И я никогда не бил своего хариба.

«Зато бил других», — мстительно подумал Арман. Но надеялся, что Миранис, наконец-то, прекратит это представление. И в самом деле: Мир, мило улыбаясь, поманил пальцем Астэла и ласково сказал:

— Иди ко мне, дитя, — и, когда Астэл беспечно подошел, дотронулся его лба, и подхватил у самой земли мгновенно заснувшего маленького мага. Арман облегченно выдохнул: давно следовало.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Позаботься о нем, — приказал Мир Кадму, и мило улыбнулся ожидавшему в напряжении посольству:

— Простите нас, высшие маги это наше сокровище, потому, пожалуй, мы их балуем больше, чем они заслуживают.

— Пусть вернет мой амулет, — прошипел Арман, когда Кадм проносил мимо него спящего Астэла.

— Захочет — вернет, — холодно ответил Кадм.

Арман знал, что не захочет, и сгорал от бессильной злости. Он вдруг понял, что маленький мальчик с горящим силой взглядом оказался все же сильнее. Но восстанавливать раны Нара не спешил, вместо этого отдал еще пару приказов дозорным и пошел напиться, один. Было почему-то стыдно. И горько. И звучал в ушах мальчишеский голос: «Ты не заслуживаешь!»

Эрр бы не одобрил. Эрр бы отреагировал как и Астэл. Но Эрра давно уже нет.

И Арман в который раз с удовольствием вспомнил, что через несколько дней он сможет выпороть ту гадалку. Ведь предсказание ее не исполнится. Увы, не исполнится.

Но все равно почему-то стояло перед глазами лицо Астэла... слишком глубоко капнул этот мальчишка ему в душу.

— Проклятие, — прохрипел Арман, разбивая о стену дорогую чашу. — Почему же ты... Нар!

Нар явился сразу. Сел напротив, как ему было и приказано, и безропотно опорожнил полную чашу вина. Арман не хотел пить в одиночестве.

Аланна летела по коридорам замка и не могла, да и не хотела унять бегущих по щекам слез. Почему вот так, ну почему?

Ты понимаешь, моя девочка, теперь ты все понимаешь, ты ведь мудрая, я знаю...

Она не хотела быть мудрой, не сейчас!

Многие хотят быть такими как мы, но на самом деле мы всего лишь марионетки в

руках богов, мы слуги собственной власти, мы не можем делать то, что хотим, поступать как хотим, любить кого хотим...

Аланна вбежала в свои покои, и увидев ожидающего посреди комнаты жениха, бросилась к нему:

— Ты знал, знал!

— Скажи, что я знал? — тихо ответил Идэлан, сжимая ее в объятиях, лишая возможности двигаться.

— Ты знал, что повелитель... мой отец! Знал!

— Знал... — холодно подтвердил Идэлан, и Аланна слетела в крылья беспомощности.

Ярость. 10. Нар. Мольба

*Кто бы знал моё одиночество?
Будь он проклят, этот самый талант,
сделавший меня несчастной...*
Фаина Георгиевна Раневская

Окно поддалось не сразу, отворилось со скрипом и пустило горьковатый запах мороза. В этот день лило на дворе солнце, блестел под его лучами снег, но весь мир будто подернулся траурной пленкой. Лиину было худо. Очень худо. Пожалуй, так худо не было никогда. Его рвало уже который раз, хотя с самого утра в горло не лезло ни кусочка, а в ушах все стояло унылое, на одной ноте, завывание. И, хотя ему, наконец, разрешили уйти... завывание никуда не делось. И забыть о том, что происходило в подвале их дома, не удавалось...

Алкадий решил покормить свою лозу.

Началось все посреди глухой ночи. Алкадий ввалился в спальню Лиина, сдернул с него одеяло, улыбнулся недобро:

— Одевайся! Ты мне нужен. В подвале.

Нужен... еще и оделся так странно... туника вот светлая, красиво вышитая на рукавах, и пояс с золотым тиснением. Сонный и едва соображающий, что и к чему, Лиин выполз из теплой кровати, влез с холодной одеждой, спустился в подвал, едва освещенный светом факела, с покрытыми ледяной вязью стенами, и застыл... девушка со спутанными волосами, в смятом нежно-голубом платье, сидела прямо на холодном полу и смотрела на них умоляющим, горящим ясным светом взглядом.

Девушка-маг, но на запястьях, как и Лиина, полыхали желтые татуировки, маг, которого не могло быть... рожанка. Наверняка, горячо любимая и желанная в семье, взгляд ошеломленный, как у кого-то, кто впервые в жизни столкнулся с чужой несправедливостью, да и платье красивое, дорогое, украшенное по подолу тонкой работы вышивкой.

Любимая дочь. Любимая жена. Та, для которой купили испытание в юности, она смотрела теперь непонимающим взглядом и пересохшими губами просила о пощаде.

Но щадить тут было некому.

— Дай это ей, — сказал Алкадий, протягивая Лиину чашу с каким-то приятным пахнущим зельем. — Магии тут нет, но будет легче.

Лиин чашу взял. Опустился перед девушкой на колени и ласково начал уговаривать ее выпить. Она пила, безропотно, давась противным зельем, и продолжала смотреть умоляюще, а когда выпила, вновь попросила помочь, пощадить... кажется, что-то говорила о любящем муже, о ждущих ее детях, о богатых родителях, которые могли бы купить ее свободу золотом, много о чем говорила, но Лиин лишь дрожал от бессилия. Что теперь? Наплевать на приказ Зира, удрать к Арману и умолять все это закончить? Нельзя! И смотреть на нее, на ее мольбу нельзя!

— Подойди! — приказал Алкадий. — И помни, ты сам напросился мне в ученики.

Одно движение, и чаша разбилась на мелкие кусочки, а Лиин полетел к стенке. Щелкнули на руках, ногах, на шее браслеты, за холодила спину стена, и Лиин ошеломленно посмотрел на подходящего к нему учителя:

— За что? — тихо спросил он.

— Чтобы ты даже не думал вмешиваться. Потому что когда я тебя отпущу, будет поздно. Но я хочу, чтобы ты видел. И понял.

Он подошел к девушке, стал в шаге от нее, и в неясном свете факела его лицо показалось неожиданно бледным. Будто он сам чего-то боялся. Алкадий выпрямился, развел руки, шепча едва слышно какое-то странное заклинание, и вдруг вздрогнул, изошел мелкой дрожью, а на лбу его забила мелко-мелко выступившая жилка.

Лиин хотел бы сам закричать, но крик не протиснулся через сдавленное горло: туника разорвалась на спине Алкадия, белая ткань вмиг пропиталась кровью, и из прорехи вылез такой невинный, такой нежный росток с острым, трогательным листиком и шевелящимися усиками... и с бусинкой крови. Росток сполз по позвоночнику мага, скользнул под руку, обвил пояс и повернулся в сторону что-то напевающей себе под нос девушки.

— Она твоя, — усмехнулся Алкадий и простонал сквозь зубы: алчущая крови лоза уже не церемонилась со своим носителем, выходила из него стремительно, жадно, с противным, таким громким чавканьем, пока не упала гибкой змеей на землю, свернувшись у ног Алкадия тугими витками.

И учитель выдохнул с облегчением, упал на колени, осторожно провел по гибкому стеблю узловатыми пальцами:

— Ешь, ешь, моя хорошая. Ты мне нужна сильной.

Вот она какая, Лоза Шерена. Лиин хотел бы отвернуться, но не мог. Хотел бы закрыть глаза, но не мог не смотреть.

Зеленой молнией бросилась лоза к девушке, обвила ее за шею, пощекотала усиками нежную щеку, сделала довольный виток вокруг пышной груди. И одурманенная зельем девушка засмеялась, как от щекотки, а лоза ее обняла за талию, скользнула по бедрам, новым витком — под коленями и мягко связала изящные щиколотки.

— Перестань, — хихикала счастливо жертва, а ствол лозы крепчал, из зеленого становясь коричневым, и стремительно росли на нем острые, с палец шипы. Лиин дернулся в кандалах, Алкадий горько улыбнулся, а лоза одним движением вонзила шипы в мягкую плоть жертвы.

И начался непрекращающийся тонкий крик... лоза довольно урчала, впитывала через шипы чужую магию, смешивалась кровь с грязью, отражала масляно блеск факела, и бедная девушка уже не кричала, хрипло стонала, сорвав горло в крике.

— Ты думаешь, мне это нравится? — спросил Лиина неожиданно оказавшийся рядом Алкадий. — Но за все надо платить. За хорошего учителя — тоже. Лоза — это моя цена. Смотреть, как моя лоза ест моих жертв — твоя. Молчишь? Ненавидишь меня сейчас? А знаешь, чему меня научил мой истинный учитель? Демон Шерен?

Он усмехнулся недобро, взял Лиина за подбородок и заставил посмотреть себе в лицо:

— Так слушай же, мальчик. Даже демон, презренный слуга зла, понимал то, что вы понимать отказываетесь. Боль, через которую проходят жертвы лозы, очищает. И эта бедная девушка, вынужденная жить в страхе и скрывать свой дар, вернется из-за грани уже гордой арханой, чей дар будут любить и лелеять. Я ей дарю новый шанс, ее любящие родные подарили ей жизнь в страхе. Потому зло нужно... как очищающий огонь проходит оно по душам и помогает сбросить груз ошибок. И возродиться иным, лучшим.

— Тебе оно не поможет! — выдавил Лиин. — И если думаешь, что тебе за гранью...

— Я не такой, как они, я все возьму в этой жизни, — усмехнулся Алкадий, щелкнул

пальцами и подарил Лиину свободу. И тогда его вырвало в первый раз.

Но не в последний.

Лиин вполз в свою спальню, растворил настежь окно, пытаясь выветрить из себя запах чужой крови, смешанный с ароматом свежескошенной травы... ароматом довольной лозы... он ненавидел этот запах! Себя ненавидел!

Он вполз на кровать, свернулся клубочком и заснул, моля всех богов, чтобы никогда не просыпаться. И впервые за последние десять лет он засыпал не думая о своем архане...

— Зир... Зир, сволочь, забери меня отсюда, — прохрипел он, уже зная, что его никто не услышит.

А когда он проснулся, свет, проникающий через окно, стал уже по-вечернему медовым, а Алкадий сидел на краю кровати и изучал лицо ученика внимательным взглядом:

— Ты научишься находить в этом удовольствие, — усмехнулся он.

— Зачем?

— А зачем мы забиваем скот? Ради мяса? Шкур? Почему не возмущаемся каждый раз, когда волк убивает в лесу зайчонка? Потому что такова наша природа, Лиин. Не видеть того, что нам неудобно. Ты тоже хотел не видеть, но я тебе этого не позволю.

Лиин ничего не ответил. Подавив новый приступ рвоты, он отвернулся к стенке, надеясь вновь забыться тяжелым сном. Но забыться не удалось. А Алкадий все почему-то не уходил... и в комнате так страшно воняло свежескошенной травой.

Белоснежные цвета, минимум роскоши, безупречный порядок: покои Армана были похожи на него самого, идеальны. Обычно и Арман был идеален: спокоен и рассудителен.

Но сегодня архан злился, Нар редко видел архана столь злым, если не сказать, никогда. Обычно Арман был внешне холоден и лишен эмоций, и Нару приходилось угадывать его настроение по едва заметным мелочам: ноткам в голосе, складке между бровями, холодной, пробивающей дрожью, улыбке. Временами по скупым жестам или по чуть изменяющейся походке. Другие не замечали и этого: Арман с детства умел скрывать истинное настроение. Но всегда старался быть справедливым и душить в себе лишние эмоции. И если уж карал, то за дело. И больше всего не прощал неповиновения.

Но Нару пришлось, и, даже зная о цене, он бы заплатил еще раз. И однажды Арман поймет.

— Мой архан, — поклонился он, закончив туалет старшего.

Арман холодно кивнул и подошел к зеркалу. Те же белые цвета, что и всегда. Отсутствие швов, которые заменяли тонкой работы застежки, идеально уложенные складки верхней, полупрозрачной туники, падающие на ладони кружева, скрепленные на запястьях широкими серебряными браслетами, исписанные знаками рода: Нару пришлось долго и упорно всему этому учиться. И Арман терпел и его ошибки, и его неудачи, хотя для него, как и для любого придворного, одежда значила очень много.

Волосы Армана, длинные, гладкие и почти белоснежные, были теперь собраны в хвост, на широком поясе спрятался кинжал с тонкой работой рукоятью: Нару самолично пришлось объяснять мастеру, что его архану не нужна красивая игрушка, ему нужно оружие, которое выглядело бы игрушкой. И боевой бич, который Арман использовал крайне редко: его любимое орудие смерти. Со всем этим Арман выглядел придворным, грозным придворным, подойти к которому отваживались немногие. А зря. Он никогда и никого не трогал без причины.

Арман был сильным воином, но слабоватым магом. И сегодня утром у него забрали его щит...

— Мой архан, — едва слышно сказал Нар, накидывая на плечи Армана белоснежный, оточенный мехом, плащ. — Может, сегодня ты все же останешься в замке?

— И буду прятаться подобно милой, красивой принцессе, не так ли, Нар? — усмехнулся Арман, и это были его практически первые слова, обращенные к харибу после наказания. — Из-за каприза какого-то мальчишки?

— Мой архан... — вздохнул Нар. — Может, ты все же попробуешь поговорить с Астэлом? Мальчик, кажется, смысленный... он просто неправильно все понял.

— А мне почему-то кажется, что он все правильно понял, — Арман прикрепил к поясу ножны с мечом и направился к дверям. — Никто не знает, что амулет у него, Нар, и потому никто не будет на меня сегодня нападать. Никто не знает, что это именно амулет защищал меня даже от высших магов, потому и трогать меня вряд ли будут. Но мне нужно в этот проклятый город. Сегодня на закате казнят Гаарса. И я должен быть среди тех, кого он увидит перед смертью.

— Мой архан, — поклонился Нар, смиряясь, — не могу тебя задержать. Но прошу, свет души моей, будь осторожен.

— И действительно, не можешь, — как-то странно улыбнулся Арман, остановился на миг, будто хотел сказать что-то еще, но передумал и вышел. Сразу стало как-то холодно... одиноко и душно. Нар подавил поднимающееся к горлу дурное предчувствие.

Размышлял он недолго. Подумал мельком, что если Арман узнает, наверняка разозлится, но запрятал страх как можно глубже и тенью заскользил по коридорам. Он не мог использовать силу духа замка по мелочам, потому не рискнул просить о мгновенном переносе, да и зачем? Дозорные его знали, пропускали без вопросов, делали вид, что не замечали. Нар был тенью их старшего. Его правой рукой. И никогда и нигде не мог появиться без его приказа...

Тем более в коридоре, где размещались покои наследного принца.

Тут было темно, тихо и несколько душно. Потрескивали факелы на стенах, их отблески отражались от гладких до блеска деревянных панелях, застыли дозорные у дверей, щедро украшенных золотой инкрустацией, и Нар некоторое время простоял неподвижно, не в силах постучать. Оглянулся на дозорных, начинавших интересоваться его неподвижностью, и мысленно попросил разрешения войти.

За дверью отозвались сразу: с тихим шелестом распахнулась створка, и Нар молча поклонился стоявшему перед ним Кадму. Телохранитель несколько удивился, но отошел в сторону и пропустил. За дверью была знакомая приемная: те же темно-коричневые панели, закрывавшие стены, хруст огня в камине, перелив серебрянной вышивки на темно-синем, в цветах наследника, гобелене, кроющий шаги толстый ковер, да вышитые на бархате гардин розы, символы рода повелителя. Нар видел это столько раз. Столько раз приходил сюда по приказу Армана, столько раз ожидал тут приема, что уже и не помнил.

Но сегодня было иначе.

Они все знали, что иначе. Хорошо хоть, что ни Мираниса, ни других телохранителей, ни ожидающих аудиенции в приемной сейчас не было. Нару совсем не нужны были свидетели.

— Арману ведь приказано сюда не приходить, — сказал Кадм. — И обычно наш гордый Арман приказам подчиняется. Так зачем он прислал хариба?

— Знаю, — опустил голову Нар. — Но я сам пришел... — Кадм будто удивился

немного, но ничего не сказал, — можно, я поговорю с Рэми?

Кадм, казалось, задумался. Молчал некоторое время, потом тихо сказал:

— Нет. Он сейчас не в том состоянии, чтобы разговаривать. И ты знаешь, о чем я. И знаешь, кто в этом виноват. Твой архан ой как нагадил в его судьбе за последние дни.

Нар прикусил губу, стараясь не выдать своего волнения. Арман бы не одобрил, он вообще не любил, когда хариб выдавал истинные чувства. Говорил, что это делает их обоих слабыми, ведь Нар частенько думает так же, как и его архан, живет тем же, чем и его архан. Если только дело не касается Рэми. Этот юноша временно поделил их с Арманом. Но только временно, и дайте боги, чтобы Арман не очнулся, когда будет слишком поздно.

— Я видел Астэла, — сказал Нар, решив раскрыть перед телохранителем все карты. Иначе ему не поверят и не пропустят.

— Насколько я знаю, всего на миг, — насторожился Кадм. — Чего ты хочешь, хариб, от моего ученика?

— Ученика? — удивленно прошептал Нар. — Ты ведь знаешь, что он должен быть тебе кем-то большим, чем учеником. Да, я видел его всего мгновение, но это хватило, чтобы узнать. Я не понятия не имею, как он оказался в чужом теле, я не понимаю, зачем, но я узнал Рэми, телохранитель. И прошу, дай с ним поговорить. Ты же знаешь, меньше всего я хочу ему навредить.

— Но твой архан хочет.

— Мой архан тоже не хочет, — чуть смелее, чем следовало, ответил Нар. — Просто сам об этом еще не знает. Прошу, телохранитель! Я могу поклясться, если это поможет, что у меня никогда и в мыслях не было навредить Рэми. Что меньше всего на этом свете я хочу его смерти или того, чтобы Арман до него добрался.

— Пусть будет по-твоему, — прошептал слегка раздраженно Кадм. — Рэми отказывается со мной разговаривать после той стычки с Арманом, так что я тебе не помогу сейчас. Но если ты попробуешь закончить то, что начал Арман... умрете вы оба, и ты, и твой любимый архан!

— Да, телохранитель, — поклонился Нар и вошел в боковую дверь, в залитый ласковым светом обширный кабинет, где сидел за столом принц, погруженный в какие-то бумаги, а напротив него скучал на стуле, помахивая ногами, неугомонный Рэми.

Здесь было так тихо и спокойно: танцевали в солнечном свете пылинки, ласкали золотые отблески дубовые панели на стенах, спали на полках древние книги, удерживали толстые свитки с картами.

— Нар! — расцвел Рэми в улыбке, хотел соскочить со стула и броситься к гостю, но остановился, когда на его плечо легла, слегка сжимая, рука стоявшего рядом Тисмена. Телохранитель склонился к мальчику, что-то прошептал на ухо, показывая на Мира, и Рэми покраснел, опустив взгляд. Его явно попросили быть потише и не тревожить сосредоточенности наследника.

«Подойди», — мысленно приказал телохранитель, и его зеленые глаза блеснули предупреждающим холодом. А ведь еще совсем недавно все телохранители стояли и смотрели, как Арман издевается над Рэми, а теперь дружно решили его защищать?

Но раздражение пришло и растаяло, сам Нар растаял в этих широко раскрытых мальчишеских глазах, в искренней радостной улыбке, в свете раскрытой нараспашку невинной души, и понял вдруг, за что этого мальчонку так любили. Такой свет можно либо любить, либо яро ненавидеть, другого не дано. Опустившись на колени перед стулом Рэми,

Нар постарался на миг забыть, что рядом принц, телохранители, и тихо попросил телохранителя: «Могу ли я поговорить только с ним? Я могу поклясться, что мои слова не причинят ему боли, а вам беспокойства».

Тисмен вопросительно посмотрел на Мираниса, скривил губы и кивнул. Но тотчас мысленно добавил: «Будь осторожен в словах, Нар».

Нар и сам собирался быть осторожным, менее всего в мире он хотел ранить этого мальчика.

Он вздохнул поглубже, положил руки на стул по обе стороны от Рэми, заглянул снизу вверх в широко распахнутые глаза юного мага и мысленно, стараясь насытить свой голос почтением и лаской, сказал:

«Я пришел к тебе, мой архан. Выслушай меня, свет души моей, пожалуйста!»

Рэми улыбнулся еще шире, аккуратно качнул обутыми в легкие ботиночки ногами, легко касаясь ступнями груди Нара, и ласково, аккуратно коснулся ладонками щек хариба, пытливо проникая с самую душу взглядом, пронзенным магией. Маленький архан.

И как только телохранители не видят? И не убежишь от этого взгляда. Не закроешься. Ему не соврешь. Его любовь побоишься предать, ибо она дает крылья, она же швыряет о землю с оглушительной высоты. Рэми и сам не знал, как невинен... и как опасен одновременно.

«Тебе больше не больно? — мягко спросил он. — Арман не должен был!»

Нар на миг отвел взгляд, посмотрел на книжную полку над Рэми, на аккуратно поставленные толстые томики, в которых, наверное, было так много мудрых слов... Нару как раз этого сейчас и не хватало: мудрости. Ведь иначе как мудростью этого юного мага не проймешь.

«Я был виноват, мой архан, Арман всего лишь меня наказал».

«Ты страдал слишком долго, — уже гораздо серьезнее ответил Рэми. — Я знаю. Я чувствовал».

«Только это чувствуешь? — ответил Нар, кутаясь в теплоту магического взгляда. — Арман очень сильно устает в дозоре и всегда старается использовать для отдыха каждый свободный от работы миг. Когда я лежал в своей комнате и боролся с болью, мой архан, несмотря на страшную усталость, не спал всю ночь. Я слышал, как он ходил от стенки к стенке, как загнанный зверь, слышал, как он хотел это прекратить, но гордость не позволяла. И непонимание. Мой архан, он думает, что его предал. И потому до сих пор не может меня простить окончательно».

«Но ты не умеешь предавать», — улыбнулся Рэми, и с пальцев его полился мягкий свет, а на душе вдруг стало тепло и спокойно, как редко бывало ранее. Но Нар лишь вздохнул, решительно поймал детские запястья, и отвел детские ладони от своего лица. И сказал:

«Ты думаешь, что боль это что-то страшное, мой архан. Но моя боль ничто по сравнению с тем, что чувствует сейчас Арман. Он не понимает ни тебя, ни меня, но его ли это вина? Его мир — это мир придворных интриг, заговоров и недомолвок, это мир где многое продается и многое можно купить, слишком многое. Мир, в котором сегодня улыбаются, а завтра, с той же улыбкой, всадят нож в спину. В этом мире надо кому-то верить, хоть кому-то. Каждый архан верит своему харибу. И Арман тоже хочет мне верить, а я нарушил его приказ. Встал открыто против него на глазах у телохранителей и наследного принца. Другим бы Арман этого не простил».

«Тогда почему ты?» — широко раскрыл глаза Рэми. И солнечный свет растворился с

них, делая их синь теплой и ласковой.

«Потому что я знаю кто ты», — прямо ответил Нар, и Рэми моргнул, раз, другой, покраснел сильно, сложил на коленях ладошки и набрал в пальцы мягкой ткани туники, а глаза его наполнились вдруг слезами. Тисмен всполошился было, но успокоился, когда Рэми вслух прошептал, что его вовсе никто не обижает... и это совсем не то... и он очень хочет поговорить с Наром вот так, будто других тут и не было.

«А он? Он знает?» — спросил Рэми.

Нар вновь вздохнул. Вновь уставился в панель за спиной Рэми, в которой вдруг увидел свое размытое отражение, вновь попытался сложить мысли в красивую вязь слов. Удавалось с трудом. Ведь раньше ему никогда не приходилось с кем-то говорить вот так... начистоту.

«Ты ведь умеешь любить, как никто другой, — ответил Нар, стараясь поймать потухший было взгляд ребенка. — Знаешь, что любовь может подарить как боль, так и муку. Арману она подарила столько боли, что ее пришлось гасить магией. Ни ты, ни я не можем его винить за то, что в глубине души он боится пройти через это еще раз. Разве его в этом вина? Он сильный, да, но у каждого сильного человека есть рана, которой он боится касаться. Ты — его рана».

«Я хочу излечить его раны, я могу», — ответил Рэми, и голос его бил по сердцу грустью. Но Нар теперь не мог быть слабым. Не имел права.

«Знаю, мой маленький архан, — улыбнулся он. — Знаю. Мы все это знаем. Просто не спеши, прошу. И прошу, отдай амулет. Он не только защита Армана, он его сила. И он ему очень дорог, и ты прекрасно знаешь, почему. Отдай, мой архан, не оставляй его без своей защиты. Она ему сейчас нужна как никогда, ведь Арман стоит между Миранисом и очень сильным магом. И я знаю, что сколько бы ты на него не злился, ты не хочешь, чтобы он погиб, правда? Иначе бы Аши от твоего имени его не спасал. Ты ведь знаешь, что Аши его спасал все это время, любой ценой, знаешь, правда?»

Рэми прикусил губу и задумался, по щеке его пробежала слеза, скрылась в вороте туники, но глаза не загорелись магией, потому ни Тисмен, ни временами поглядывающий на них Мир не вмешались. И хорошо, что не вмешались. А, может, и не совсем. Если бы Миранис знал, кем на самом деле был Рэми, может, он вел себя совсем по-другому. И заставил бы Армана увидеть. Может да, а может и нет. Нар не мог рисковать.

«Я... — Рэми сглотнул. — Я сам. Сам отдам... можно?»

«Да, мой архан, если твой учитель нам разрешит».

«Не бойся, Нар, — сказал вдруг Рэми, вновь поймав в плен взгляд хариба. — Я слежу за Арманом. Все время. Я не дам его в обиду, верь мне, я могу. У меня есть Аши. И Ви».

И поняв, кто такая Ви, Нар почувствовал, что леденеет от страха.

Но Рэми соскользнул со стула, не спросив ни у кого разрешения, взял за руку Нара и увлек его за собой к дверям из кабинета. И Тисмен их на этот раз не задерживал, лишь руна на его лбу на миг блеснула синим.

— Я хочу пойти к Арману, — четко сказал Рэми Кадму, войдя в приемную. — Когда он вернется. И я очень хочу, чтобы ты пошел со мной...

— Хорошо, Рэми, — улыбнулся телохранитель, взлохматив ладонью волосы мальчика. А потом обернулся на Нара и спросил:

— Как тебе удалось?

Нар не успел ответить: его ногу вдруг обожгло жаром. Недоуменно глянув вниз, он увидел лишь странную, некрасивую зверюшку с плоской пузырчатой головой, что уверенно

впиалась в его голень тонкими змеиными зубками и отпустить, кажется, не была намерена. Лишь довольно сверкала глазами, помахивала плоским, лысым хвостом, и продолжала сжимать челюсти. Это было бы смешно, если бы не было так больно.

— Нар! — крикнул Рэми, но раньше, чем он даже пошевелиться успел, в приемную влетел Тисмен, оторвал от Нара зверюшку и прошептал едва слышно:

— Ее яд насыщен магией, его так просто не выведешь...

— Тис, забодал со своими игрушками! — выкрикнул Кадм, помогая Нару сесть на стул и вынимая из-за пояса кинжал. Он быстрыми жестами разрезал штанину, добрался до раны и вспорол ее, пуская кровь. — Виссавийцев зови, пока он еще живет! Иначе Арман нас живьем сожрет за своего хариба!

Так уж и сожрет... Кружилась голова, просился наружу съеденный завтрак, и Нар уже был на грани яви и сна. Странные голоса, глухие, зовущие, бегущий по венам огонь и ласковая грань забытья... Он как сквозь туман различил знакомые рыдания и прошептал едва слышно:

— Не плачь, Рэми, не надо.

А мальчик уже опустился перед ним на колени, коснулся пухловатой еще ладошкой раны, и сразу же туман рассеялся, и Нар видел лишь ошеломленное удивление в глазах Кадма, да легкую улыбку на устах Тисмена.

— Так вот почему он так не терпит агрессии, — сказал зеленый телохранитель, касаясь пальцами лба Рэми. Мальчик сразу же обмяк, Тисмен поднял его на руки и уложил на софу, и продолжил едва слышно: — Теперь понимаю, почему он так легко сорвался.

— Почему? — тихо спросил Нар, сам удивляясь своей наглости. Но Тисмен лишь посмотрел холодно, с легким удивлением, однако, ответить изволил:

— Мы привыкли к тому, что наши целители алчны и жадны до наживы. Но дар истинного целительства, как у Рэми, он бескорыстен. И открыт людям. Рэми подсознательно жаждет помогать, а не ранить, и потому не может снести даже мысли, что может быть причиной чьей-то смерти или боли. Ведь эту боль он чувствует как свою. Даже больше, он смешивает ее со своей ношей, со своей виной... Помнится, недавно Рэми должен был выбрать, спасти себя и, что хуже, нас, или своего неродившегося сына. Боги видят, этот выбор дался ему крайне сложно. И Арман о нем бездумно напомнил, мало того, обвинил в том, что Рэми чуть было не увел за грань Мира... боюсь, для целителя такую ношу вины вынести сложно. К тому же...

— ...мнение Армана для Рэми крайне важно... — прошептал Нар и осекся: он прервал телохранителя. Однако Тисмен, казалось, не разгневался, лишь улыбнулся и вновь склонился над спящим Рэми.

— Что меня, мягко говоря, удивляет, — вмешался Кадм. — Даже Мира Рэми не слушает так, как слушает твоего архана. Зато теперь я знаю как его будить.

— Однако стоит ли пока будить? — тихо ответил Тисмен. — Я даже не знаю как сказать принцу... после того, что произошло, я прочитал еще раз татуировки Рэми. Желтые, вне сомнения, это рожанин, я не знаю, что и думать. Но суть не в этом. Наш милый мальчик, который так боролся за свою свободу и против власти Мираниса... отдал, добровольно, скорее всего, свои браслеты главы рода некому Гаарсу. И теперь, увы, этому Гаарсу решать, стать Рэми телохранителем Мираниса или нет, а мы ничего не можем с этим поделать.

— Гаарс, — тихо прошептал Нар. — Это тот самый Гаарс, которого казнят на рассвете?

— И тот самый Гаарс, чей амулет принес Рэми в замок? — спросил появившийся в

дверях Миранис. — Мы ведь и забыли, что явился он сюда с какой-то целью. И я хочу знать с какой. Кадм... будь добр, приведи Гаарса, нам надо серьезно поговорить. И Рэми разбуди. Мальчик забавный. Мне с ним работается легче.

— Да, мой принц, — поклонился Кадм, и Нар поспешил выскользнуть из покоев Мираниса, пока на него вновь не обратили внимание. Но не успел, ирония в голосе в Кадма была быстрее:

— Ты что-то скрываешь от нас, Нар. Не просто так Рэми тебя послушал. Что же ты ему такое сказал, а?

— Правду, мой архан, — поклонился телохранителю Нар. — Ты же сам понял, иначе с ним нельзя.

Кадм лишь задумчиво кивнул и, на счастье, разрешил выйти. А Нар лишь вздохнул украдкой: когда боги хотят, они даже самых умных людей делают слепыми.

Зима вокруг чертила тени на белоснежном снегу. Бежала под ажурным мостом неугомонная, не желавшая спать подо льдом речка, позвякивали висящие на берегах сосульки, мягким покрывалом укутал все вокруг только выпавший снег. Красиво, но Идэлан с большим удовольствием вернулся бы сейчас в Виссавию, там тише и спокойнее. И не надо врать, никому, и вина мучила не так сильно, и не было рядом тех, кто раз за разом раздирал его давно затянувшиеся, казалось, раны.

Он выдавил тот проклятый день из своей памяти, но совсем недавно ему обо всем вновь напомнили. Напомнили, что он сволочь. Что если вождь узнает о его вине...

Смерть была бы лучше. Но кто ему позволит умереть?

Он нашел Аланну там, где и ожидал. Укутанная в тяжелый, подбитый мехом плащ, она сидела на ажурной скамейке и смотрела в бегущую воду. Говорят, от этого становится легче... но есть ситуации, в которых легче не становится никогда.

Они оба связаны этим навязанным браком. И хочешь не хочешь, а Аланне придется уступить. Как Идэлану придется взять в жены ту, что любит другого. Как низко он пал... он мог бы выбрать в Виссавии любую, мог бы радоваться взаимности, мог бы быть уже отцом, но ему было не до этого. Он настолько погряз в горе, что не слушал ни матери, ни сестер, которые умоляли очнуться. Настолько забыл обо всем, что и не заметил, как миновала молодость... как давно уже пришло время остепениться...

Но не так же!

Идэлан сел на скамью рядом с невестой и едва слышно вздохнул. Аланна думает, что ей больно. Больно на самом деле было ее любимому Рэми. Говорят, мальчишка едва не сломался, узнав о своем выборе. Между жизнью их неродившегося сына и своей. И, наверное, выбрал бы иначе... но вслед за Рэми пришлось бы уйти и Миранису, и Арману, и телохранителям. Шесть жизней за одну, еще толком и не начавшую... и неопытный, только познавший силу целитель, державший на руках любимую, истекающую кровью. Видевший, как лоза Алкадия сожрала их ребенка...

Аланна ничего этого не помнит. Телохранители мягко стерли ей память, лишив лишних воспоминаний. И теперь Рэми нести эту ношу одному...

И в одиночестве. Может быть.

— Почему вот так? — спросила Аланна.

— Думаю, что повелитель с тобой еще мягок, — ответил Идэлан и посмотрел в воду. А ведь действительно успокаивает... немного. Но сейчас многого и не надо. — Ваша страна

ведь не такая, как наша, мы и подумать не можем изменить нашему вождю. А ваш мог бы подумать, что Мираниса пытаются убить, чтобы посадить тебя на трон. Хотя...

— Хотя что? — вздрогнула Аланна.

Идэлан слегка улыбнулся, и набрал на пальцы немного снега со скамьи. Холодный. В Виссавии нет холода. Но и света сейчас там нет.

— Хотя может в чем-то он и прав, — и остановил уже готовую сорваться со скамьи девушку. — Подумай сама! Повелитель думает, что я для тебя отличная партия. Что я отвезу тебя в Виссавию, и там ты будешь в безопасности. Что виссавийцы не способны на низость... это не совсем так...

Он отвернулся от реки и поправил вуаль на лице. Они должны скрывать лица ото всех, таков приказ вождя. Они скрывают не только лица, но и души... они никого не пускают в Виссавию, оттого про них и напридумывали всяких небылиц. Но, может, это и к лучшему. Знали бы они правду...

— Ты ведь знаешь, что я, как и любой виссавиец, даже не подумал бы о нашем браке, если бы не тот проклятый шантаж твоего опекуна. Но и Эдлай, и повелитель не понимают, что шантажировать меня могут не только они. Что тайна та может быть в руках человека, который теперь усиленно охотится за Миранисом. И когда Миранис умрет, а ты сядешь на трон, кто сказал, что тот человек не захочет воспользоваться властью над мужем новой повелительницы? Понимаешь меня?

— Понимаю, — прошептала Аланна, потупившись. — Потому мы должны помочь Мира... моему брату выжить.

Бедная, наивная девочка. Скоро тебе придется растерять всю наивность.

— Судя по предсказанию Ниши, телохранительницы повелителя, это не будет так просто. Боги все решили.

— Рэми говорил, что наша воля все равно сильнее, — отрезала Аланна.

— Не надейся на Рэми, его тут нет, — осадил ее Идэлан. — И молись, чтобы не было. Если твой опекун до него доберется, юноше не жить. Ты этого хочешь?

Аланна вновь потупилась.

— Когда ты его видела в последний раз? Даже если разорвешь нашу помолвку, даже если решишься к нему бежать, куда? Будете скрываться всю жизнь?

— Ты многого не знаешь, — усмехнулась вдруг Аланна, и Идэлан понял, что эта девушка не так проста, как ему кажется. Может быть оно и к лучшему...

Он увидел вдруг, что Аланна смотрит куда-то вдаль и, проследив за ее взглядом, вздрогнул, сам не зная почему. Будто в сердце колыхнуло жаром. А ведь ничего такого он не увидел, лишь маленького кассийского архана, лет так шести, стоявшего на ажурном мостике. Архан смотрел на них, пристально так, не по-детски, и на миг стало почему-то муторно. И тревожно.

— Какой милый малыш, — сказала вдруг Аланна, поднимаясь со скамейки. И мальчик на мосту улыбнулся, открыто так улыбнулся, до ушей, и из широко открытых глаз его полилось ровное синее сияние.

— Высший маг... — выдохнул Идэлан, поразившись чистоте силы этого мальчонки. И в тот же миг в голове его пронеслось едва слышное: «Илэана лидэ, Идэлан» (не трогай чужого, Идэлан (виссав.))

Идэлан медленно поднялся со скамьи, не поверив до конца, что услышанное ему не привидилось. Никто в Кассии не знал виссавийского. Да и откуда же этому арханенку знать

его имя?

«Ишерам, Идэлан, — вновь улыбнулся мальчик на мосту. — Шолева лерде, ахра миса».

«Отступись, Идэлан. Служи богине, не своему страху.» (виссав.)

Тряхнул кудрями, засмеялся чему-то и исчез в заснеженных елках.

Ярость. 11. Тисмен. Возмездие

*Те, кому нанесли вред,
могут получить настоящее
удовлетворение только от двух вещей —
безоговорочного прощения
или беспощадного возмездия.
Эмили Торн/Аманда Кларк*

Этот дом был гнилым зубом столицы. Проклятый, обходимый даже нищими, он стоял укутанный в туман возле самой площади и взирал на повешенных пустыми глазницами окон. Алкадий не боялся проклятий, он их даже любил: стоя у разбитого окна на втором этаже, он смотрел на полупустую, встревоженную казнями площадь и вдыхал запах смерти: душный, обволакивающий. Грязный. Так непохожий на тот, что помнил он с детства: смешанный с терпким ароматом благовоний и цветов, а еще совсем слегка: магии... Не кассийской магии, нет, удушливой, лишающей разума черной магии смерти... глупым кассийцам такие вершины не подвластны.

Полумрак храма смерти, единственного места, где не чувствуется их богини, тихие перепевы жрецов, тяжелая рука учителя на плече...

Учитель не сильно-то любил своего ученика. Но долг исполнял тщательно и аккуратно: Алкадий не помнил его имени, зато отлично помнил все уроки, помнил, как помогать душам быстрее пересечь грань, найти тот самый покой, который обещал подземный мир. Помнил и то блаженство, которое дарила ему самому эта помощь. Наверное, тогда Алкадий смерть и полюбил, страстно и безумно, полюбил то, в чему ему давно было отказано...

И все же этот день был удачным. Очень. Алкадий давно знал, что глупцы хитры и изворотливы: эта курица оказалась очень даже изобретательной. Он бы до этого не додумался, по той же причине, почему не почувствует подвоха и Идэлан: в Виссавии не используют таких штучек, не видят необходимости.

А день свадьбы Аланны и Идэлана придется-таки ускорить.

Да и...

Алкадий глянул в суетившуюся внизу толпу и утонул в поднявшимся к горлу удовлетворении: на площадь въехал на Огнистом Арман. Магический конь был великолепен, огонь, казалось, стекал по его темной шкуре, а аура Армана... обычно укутанная в чистый белоснежный свет, сегодня была открыта, как на ладони... Как же ты пленительно беззащитен, старшой!

Пока Армана защищал амулет, Алкадий его не решался трогать. Не решался даже дотронуться к спящей в вещичке силе наследника... не осмеливался. Подсознательно боялся.

Но сегодня все было иначе.

Да, это, безусловно, хороший день... И Алкадий заскользил взглядом по площади в поисках жертвы.

Мороз сменился резкой оттепелью: затянуло тучами небо, запахло талым снегом, заплакали частыми слезами сосульки. Город суетился как муравейник, народ старался

обходить лужи, летел талый снег и грязь из-под копыт коней и колес карет, а мокрые стены казались грязными. Вся столица казалась грязной. И таковой являлась.

Площадь пока была полупустой: народ спешил по своим делам и старался лишний раз не смотреть на развешенные в ряд тела вчерашних драчунов. Завывали возле некоторых тел вдовы, цеплялись за их юбки детишки, смотрели хмуро стоявшие в стороне мужчины, но Арману было как-то их не жаль: тех повешенных в драку никто вмешиваться не просил. И убивать не просил. А если уж вмешались, то теперь и сполна расплатились.

Он проверил, как идет подготовка к вечерней казни, проинструктировал охрану, которая не даст излишне безобразничать толпе, прибывшей посмотреть на зрелище, и уже развернул Искру к ведущей к казармам улочке, как вдруг из соседнего дома раздался истошный женский крик.

— Арман, нет! — крикнул один из дозорных, но чутье зверя гнало вперед. И Арман, до конца сам не зная зачем, уже неся к крыльцу неказистого дома, соскочил с Искры, влетел по ступенькам и ударил в обитую железом дверь:

— Дозор, открывай!

Никто не отозвался. Арман потянул дверь на себя и даже удивился, когда она легко поддалась: здесь было слишком много лихих людей, чтобы забывать о запорах. Внутри оказалось тесно и тихо. Вела наверх стертая до ветхости лестница, поскрипывали под ступнями ступеньки и пахло старостью и пылью. Полумрак прятал мусор по углам и потертости на полу, чернели в стенах ветхие двери. Арман на миг удивился, что дозорные не пошли следом, и забыл обо всем, превратившись в слух и нюх: здесь было слишком тихо и пахло... как-то странно пахло. И от неведомой сладости кружилась голова и туманился разум.

Он прошел первый этаж, краем уха услышал крики чем-то недовольных дозорных и, различив в тишине едва слышные всхлипывания, толкнул одну из неказистых дверей, оказавшись в темноте душного, грязного коридора.

Вновь скрипнули под ногами половицы, с легким шелестом вышел из ножен кинжал, а рыдания стали единственным звуком в ставшей вдруг густой тишине.

Даже зрение оборотня тут не помогало.

Арман нащупал ладонями еще одну дверь, толкнул ее и, войдя в небольшую каморку... понял, как ошибся...

Мебели здесь не было, да и нужна ли она была? Лишь голые стены с обрывками старых газет, да столь же стертый, как и все вокруг, пол. На полу сидела женщина. Темноволосая, растрепанная, с окровавленным лицом, она тихо плакала у ног стоявшего к ней спиной мужчины. Дверь за спиной Армана с тихим шелестом закрылась, но Арман и без того понимал: живым ему отсюда не выйти. Он узнал стоявшего у окна. Не мог не узнать. И вновь встал на те самые грабли... идиот.

— Надоело! — сказал Алкадий, оборачиваясь.

Он улыбнулся и щелкнул пальцами. Женщина всхлипнула едва слышно и осела на пол кровавой лужицей, матово поблескивающей в опметках ткани и кожи.

— Зря ты так, — выдохнул Арман.

Высшие маги иногда бывают лишены человечности. Судя по всему, Алкадий эту человечность растерял уже давно.

Маг лишь усмехнулся едва заметно, открыл кляксу перехода и одним движением руки швырнул Армана в звездное забытие. Вылетел Арман уже в заснеженном лесу, не удержался,

упал на ровный наст, проломившийся под его весом, и сразу же поймал взглядом Алкадия, выходящего из темноты магического перехода. Стать зверем? Попытаться удрать? А кто ж ему даст?

— Шлюху жалеешь? — спросил Алкадий, осматриваясь. — Она уже старая и покупали ее редко... вот и обрадовалась, дурочка, получив монетку... отмучилась. Разве это плохо? Ты лучше себя пожалей... я бы тебя не тронул, но ты рискнул и вышел гулять без своей любимой игрушки... как глупо, нет?

Холодно тут! И темно. Но темнота глазам оборотня не помеха. И видно, увы, слишком хорошо видно, гримасу равнодушия на лице Алкадия: в очередной раз Армана используют как тупую приманку. Как же эбесит-то, а! Но на этот раз так просто не получится.

— К чему тебе я? — усмехнулся Арман. — Второй раз Мираниса на меня не выманишь, телохранители не позволят.

— Меня сейчас не Миранис интересует! — прошипел Алкадий, и в глазах его мелькнула болезненная ненависть.

Арману даже интересно стало, кто же этого Алкадия так достал-то? Впрочем, Арман и без того почему-то догадывался, кто. Этот кто-то кого не увидит, всех задеть умудряется.

— Меня интересует этот проклятый мальчишка, что то и дело путает мне планы, как его там зовут, Рэми? — кто ж сомневался-то, а? — Как вам удалось обойти магию созданного мной амулета?

— Я был прав, это ты его уговорил, — прошипел Арман и вновь разозлился на Нара, что не дал убить предателя. Но Алкадий лишь рассмеялся:

— Если тебе будет легче, Арман, он не знал, что носит. Твой Рэми слишком чистый, чтобы кому-то навредить. Даже темный цех, в чьи лапы он почему-то попал, не осмеливался и волоска тронуть на его голове: мальчик оказался опасным в своей невинности. Но чистоту можно обойти хитростью, что я и сделал, а теперь жалею: надо было придушить раньше, пока он был в моих руках. Но так же хотелось добраться до вашего драгоценного Мираниса... На этот амулет у меня ушло столько сил... чего ради? Чтобы твой мальчишка не только его сорвал, но еще и уничтожил, чуть меня не достал, да сам выжил. Из-за вас, сволочей, пришлось кормить лозу раньше срока!

Дивные он вещи говорит. То, что следует обдумать, позднее, если Арман выживет. А теперь... теперь надо сделать все, чтобы подпортить Алкадию веселье.

— Ах, какая жалость, — усмехнулся Арман. — Мне разрыдаться, чтобы тебе стало легче?

— Тебе звать, — ответил Алкадий. — Зови! Не знаю, почему, не знаю, зачем, но я уверен, что Рэми к тебе придет, зови!

Он сжал пальцы в кулак, и Арман задохнулся от боли. Проклятая магия! Почему делаешь столь беззащитным?

— Зови! — повторил Алкадий, и боль усилилась. — Зови, тебе говорят! Уверен, он придет.

На миг боль успокоилась. Заснеженные елки расплылись перед глазами, снег набился в рукава, но вместе со временным облегчением пришла и сладость осознания: все к лучшему. После того, что Арман сделал, Рэми не придет. И Аши — тоже.

Этот кабинет казался излишне тесным: Тисмен любил простор лесов, а этот замок, эти панели на стенах, это творение человеческих рук, похожее на клетку, нависающие над ними

полки с книгами, картами, магическими наполнителями — это все было таким невыносимым...

Но выбора не было. Солнце уже начинало клониться к закату, истекали последние мгновения дежурства, а принц все так же сидел за письменным столом, погруженный в какие-то бумаги. Со своего места Тисмен видел, что большая часть из них была письмами: просьбами, жалобами, жалостливыми мольбами. Принц пробегал каждое письмо взглядом, спрашивал что-то у стоявшего у рядом секретаря, иногда отвечал сам, в нескольких словах, иногда приказывал написать ответ и в паре предложений объяснял, что должно быть в этом ответе. И уже не вставал с этого стола с самого утра: с тех пор, как принц поправился, повелитель закидывал его работой, будто боялся, что тот вновь что-нибудь натворит.

Деммид до сих пор искал Рэми. Наверняка подозревал, что целителя судеб укрывает сам Миранис, но найти его не был в состоянии: за милым личиком Астэла разглядывать грозного целителя судеб никому бы даже в голову не пришло, а в тайнике Тисмена тело Рэми спокойно восстанавливалось в коконе магии, и охраняли его такие создания, что сунуться туда не решался никто. Тисмен и не понимал, чего их бояться: милые и, по сути, никого никогда не обидели. А что ядовитые... всем надо как-то защищаться и охотиться, жаль, что не все это понимают.

Он тоже искренне не понимал: ну что плохого в маленькой гарпии, сидевшей на его плече. Сморщенное, трогательное, так похожее на женское личико, серые с жемчужным оперением крылья, острые когти, которые тем не менее никогда в жизни бы не ранили зеленого телохранителя: маленькая красавица была прекрасна! А Кадм называл ее старухой с крыльями и откровенно терпеть не мог: то заденет плечом, то наступит на крыло, то пнет за спиной Тисмена и засмеется в ответ на пронзительный, рвущий уши крик.

Хотя кричала гарпия редко, ведь это не нравилось Миранису. Знала, что если принцу надоест, он прикажет Тисмену не приносить «твари» на дежурство и гарпии придется скучать в покоях Тисмена без обожаемого хозяина, что Сисиль ненавидела.

Сисиль так боялась, что хозяин вновь пойдет к какой-нибудь женщине, так трогательно ревновала и сжимала морщинистые губки, когда Тисмен возвращался с чужим запахом на коже. И так забавно дулась потом в углу, закрываясь узкими, лысоватыми крыльями.

Что, впрочем, совсем не мешало выбрать среди просительниц принца подругу на ближайшие ночи: девушка была миниатюрной, с личиком сердечком, огромными глазами, опущенными густыми ресницами, и так походила взглядом на невинную лань, что сердце растаяло. И на такое милое, едва слышное предложение на ухо он ответил коротким кивком, силой воли заставляя гарпию не вмешиваться и портить острыми когтями личико посетительницы.

Надо не забыть подчистить Сисиль память. Иначе потом гарпия может узнать ненавистный запах в толпе и попробовать еще раз...

Правда, архана может захотеть большего, чем пары ночей, наверняка захочет большего, ведь телохранители наследника были видными женихами при дворе, обидно свободными... но с этим разбираться будем потом. Благо, что не в первый раз.

Кадм метко запустил в гарпию бусиной, бедняжка икнула от боли, и Тисмен ласково погладил ее по опущенному перьями животику, бросив на друга недобрый взгляд. Телохранитель силы лишь усмехнулся, сложил на груди руки и выразительно посмотрел на погруженного в работу принца.

«Скучно», — мысленно сказал он, отрезая себя от Мираниса. Тисмен, впрочем, сделал

это уже давно: сейчас, находясь рядом с наследником, не было никакой необходимости ощущать то, что ощущал он. А погружаться вместе с принцем в бумажную рутину не очень-то и хотелось. А вот Лерин, которого здесь не было, скорее всего, не прерывал связи с Миранисом ни на миг.

Принцу, верно, тоже наскучила эта работа, но его никто не спрашивал. Вчера еще пришел секретарь от повелителя, поклонился Миранису, дал ему стопку бумаг и сказал:

— Наш милостивый повелитель просил вас это прочитать, ваше высочество.

— Зачем?

— Повелитель сказал, что вы просили, чтобы вас посвящали в государственные дела... вот и начали... посвящать.

Насмешка богов эта бумажная тягомотина.

Гарпия вновь раздраженно вздрогнула: Кадм, бесшумно проходя мимо, торкнул ее кончиком ножа. Залечив царапину на спине любимицы, Тисмен прошипел: «Я сниму с нее запрет ненападения, если тебе так будет интереснее».

«Сделай милость, — усмехнулся телохранитель. — Только не обессудь, если я прибую бедняжку... я совсем случайно, честное слово».

Тисмен угрюмо улыбнулся: Кадм даже не догадывается, как это сложно на самом деле — убить гарпию. И как сложно вынести ее нападки, когда они не сдерживаются хозяином. Но, видят боги, скоро узнает... И Тисмен, заглянув в глаза любимицы, отдал короткий приказ. Гарпия мило раскрыла сморщенный ротик и удовлетворенно улыбнулась. Поняла, детка, она же у нас сообразительная.

Миранис перевернул страницу, прикусил кончик пера, читая густо исписанные строки, что-то написал в углу, кажется, «отклонено», размашисто подписался и отдал письмо секретарю.

— Но мой принц, — начал худой бледный юноша. — Это же советник...

— Это глупая трата золота из казны, — ответил принц. — Которого у нас и без того нет, не так ли? Или я что-то неправильно помню? Так к чему эти огромные награды нашим советникам? За что?

— Мой принц, они так стара...

— Тогда мне, пожалуйста, тоже такую награду. Или я не старался? И моим телохранителям — за терпеливость.

— Но, мой принц, разве замок не обеспечивает вас всем...

— Их тоже обеспечивает, не так ли? — ответил Миранис. — Их шикарные покои, их еду, покои для их семьи и гостей... все это магия, да, но и магия не берется ниоткуда. И что-то я не вижу среди имен особ, приставленных к награде, Армана, старшего нашего дозора. Вот кто уж заслужил...

— Но Арман никогда бы не принял...

— Именно, — отрезал Миранис и вопросительно посмотрел на влетевшего в кабинет, растрепанного и запыхавшегося дозорного. Без доклада, забыв поклониться принцу и телохранителям... Тисмен шкурой почувствовал, как напрягся за его спиной, обнажил бесшумно оружие Кадм.

— Кадм! — выкрикнул дозорный. — Твой ученик... пытается покинуть замок. Мы не удержим долго...

Повторять не пришлось, телохранитель силы переглянулся с Тисменом и бросился к дверям. Взвизгнула победоносно гарпия, кинулась на Кадма, и отлетела к стенке,

полуоглушенная сползла по портюере и упала на ковер. Тисмен даже не взглянул на Сисиль: все его внимание занял принц, без слов устремившийся за Кадмом.

«Лерин! — позвал Тисмен. — Ты нужен тут».

Друг ответил практически мгновенно, и раньше, чем они все перенеслись в нужный коридор, уже появился за спиной принца.

Тут было душно и пыльно. И шумно. Кричал, бился в руках полуоглушенного дозорного Рэми, плакал, не замечая, как бичует стены его сила. Тисмен прикрыл собой принца, быстрым взглядом отметил разбитые окна, осколки зеркал на полу, пыль, поднятую сорванной со стен лепниной. Вновь ударила сила. Зазвенел, принял удар щит, поставленный Тисменом. Полетели веером брызги известки и стекол. Лерин прошептал охраняющее заклинание, закрыл щитом не только принца, но и вбежавших в коридор дозорных. И вновь начался хаос.

«Вон, не поможете, мешаете!» — крикнул Лерин, и в коридоре сразу же остались принц, телохранители, Рэми и державший его дозорный.

Сколько силы! Даже дышать сложно!

— Рэми, утихомирься! — крикнул принц, но кто ж его слушал?

Вновь удар, вновь режущий уши стон щита, вновь летящие вокруг каменные осколки. Пошла по колонне рядом трещина, и Тисмен прошипел сквозь сжатые зубы: одновременно колонну и щит, гнущийся под ураганом, ему не удержать. Короткое заклинание, вспышка магии и покачнувшая колонна встала на место, а новое заклинание Лерина создало в бушующем реве силы лабиринт, помогла Кадму, пробирающемуся к мальчонке.

Удерживая щит, сквозь порывы ветра с трудом видел Тисмен, как Кадм, наконец-то, добрался до Рэми, оторвал его от дозорного и прижал к себе, закрывая плащом. Вспыхнуло синим, до головокружения сладко запахло магией, но на этот раз удар принял на себя телохранитель силы, окатило облегчение и дышать вмиг стало легче: ураган исчез, будто его не было.

Рэми дрожал в крепких объятиях Кадма, но больше не бедокурил. Телохранитель силы дышал тяжело, будто не мог надышаться, по щеке его из уха устремилась струйка крови: утихомиривать высшего не так и просто. Тисмен быстро послал другу часть своих сил, понял, что то же сделал и Лерин, но охраняющих принца щитов оба не опустили. Рано.

Замок не терял времени, исцелял раны, нанесенные магией. На глазах зарастали стеклами окна, исчезла с пола каменная крошка, невидимой кистью разрисовывались стены, отразилась поправленная лепнина в лабиринте сверкающих чистотой зеркал.

Миранис бросился было к Кадму и Рэми, но Лерин остановил его:

— Еще нет, погоди, пожалуйста, — и Миранис на этот раз послушался. Впрочем, когда припекало шкуру, Миранис слушался их всегда, что очень даже радовало.

Тисмен вышел из-за щита и подошел к дозорному, который недавно удерживал Рэми. Его раны замок излечить не мог, а Тисмен не очень-то хотел: много силы пришлось бы потратить. Кожа на лице, руках и груди мужчины расплавилась, смешалась с обуглившейся тканью одежды, местами открывая глянец мяса, и на глазах покрывалась волдырями. Волосы его выгорели до самых корней, из глаз лились бессильные слезы боли: долго ему придется приходить в себя, но жить будет.

— Спасибо, — сказал Тисмен.

Дозорный едва заметно кивнул, Кадм выразительно посмотрел на друга, все так же удерживая рыдающего Рэми под плащом, и Тисмен вздохнул. Может, все-таки мальчику

стоило показать, что он наделал? Может, и нет. Все же маленький еще, да и высший, и целитель. Сорвется, им же потом придется и убирать. Опять же им.

Он коснулся лба дозорного, погрузил его в глубокий сон и ровно приказал замку перенести его в свободные покои и позвать виссавийцев. Потом надо будет дозорного щедро наградить: удержать высшего мага в замке и выжить, при этом самому не будучи высшим... это заслуживало награды.

Дозорный исчез, расчерченный мозаикой пол под ним, еще недавно заляпанный кровью, быстро заблестел от чистоты, и Кадм одним жестом выпустил плачущего Рэми из-за плаща, опустился перед ним на колени, заглянул в глаза и жестко сказал:

— Я приказал тебе оставаться в замке, помнишь! Почему ты попытался нарушить мой приказ, ученик?

— Я не могу, — все так же дрожал и плакал Рэми, — не могу тут! Он его убьет! Пожалуйста! Это я виноват, я! Отпусти!

Лерин выпустил принца из-за щита, но Миранис на этот раз сам не стал подходить к маленькому магу: прислушивался. И давал действовать Кадму. Правильно. Двух взрослых для Рэми сейчас будет слишком много.

— Тише, — успокаивающе улыбнулся Кадм, и гнев почти погас в его глазах. — Никто никого не убьет. Если ты мне все объяснишь.

— Я... я! Я должен идти! Я потом... можно?

— Нельзя, — твердо отрезал Кадм. — Объясни. Тогда я решу, надо тебе идти или нет. Я, Рэми. Я твой учитель, ты должен меня слушаться, помнишь?

— Но я... я не могу!

— Ты ведь хочешь, чтобы мы поспешили, правда? — и, когда Рэми пытался выдавить из себя что-то, но не смог, вздохнул: — Давай по порядку. Кого ты собрался спасти?

— Ара-а-а-а-а!!! — заревел Рэми.

Кадм непонимающе поморщился, Миранис, сложивший на груди руки, изволил коротко пояснить:

— Армана.

Тисмен вздрогнул от удивления, оглянулся на невозмутимого принца, Кадм же спокойно, будто ничего не случилось, продолжил спрашивать:

— Ты думаешь, что забрал амулет, потому Арман стал беззащитным, правда? Но это не совсем так. Арман старшой дозора, в его дозоре есть маги, которые его могут защитить. А еще он взрослый и должен был понимать, что сейчас без защиты ходить нельзя. Если не понимает, то вина не твоя...

— Но я... — Рэми открыл ладонку и показал Кадму амулет. — Я...

Красивая вещичка. Всего лишь отполированная до блеска белоснежная ветвь дерева, а силы в ней столько, сколько не во всех высших магах найдешь. С любовью делали. Огромной любовью. С той же любовью, с какой создавали тонкий браслет, поблескивающий на запястье Рэми. Посмотреть бы на этот амулет поближе, ведь Арман никогда и никому его в руки не давал. Даже телохранителям принца. Не доверял... прощальный подарок когда-то горячо любимого брата, и Тисмен его понимал.

Арман если уж любил, но верно и от всей души. Иначе, наверное, не умел. Наверное, потому и любил так немногих. Мираниса, например. И принц об этом знал, иначе бы давно собственными руками придушил: в своей верности Арман бывал невыносим.

Кадм тем временем забрал амулет (и как этот упрямый Рэми только отдал-то?), сжал

его в пальцах и почему-то заметно побледнел, продолжая спрашивать, уже гораздо мягче, внимательнее, будто что-то вмиг изменилось. И Тисмен хотел бы знать, что.

— На Армана напали, правда?

Рэми кивнул, глотая слезы.

— Высший маг, правда? Иначе бы он до Армана не добрался, не так ли?

— Нет... — тихо сказал Рэми. — Он маг... но не кассийский. Не высший, не обычный, просто не наш... его сила... это откуда-то еще... понимаешь? Он плохой... он тянет, тянет чужие силы... я боюсь его...

— Магический вампир, значит? Неважно. И с такими разберемся. Как его зовут, малыш?

Рэми напрягся, будто что-то вспоминая. Сжал ладони в кулаки, задумался, и спокойно уже выдавил имя, которое заставило всех похолодеть:

— Алка... Алкадий, кажется... он такой... страшный... и в нем что-то страшное...

И вдруг бросился к Кадму:

— Пожалуйста,пусти! Я должен помочь! Это из-за меня, слышишь, из-за меня! Он меня хочет, меня! Он мучает Ара из-за меня! Я чувствую, я слышу, я знаю! Ка-а-а-адм, почему, почему ты не понимаешь!

— Тот самый Алкадий, — тихо прошептал Кадм. Он обнял в ответ мальчика, погладил его растрепанные, мокрые от пота волосы, и глаза его засверкали сталью. — Нет, малыш. Ты туда точно не пойдешь. Видишь ли, Алкадий нам сильно задолжал. И теперь отдаст все долги, сполна, уж не сомневайся. И Арм... Ара я оттуда вытащу. И мучает он его не совсем из-за тебя, он злиться на тебя из-за нас.

— Я тоже пойду, — сказал Тисмен.

И сжал зубы, вспоминая, в каком состоянии был Миранис после встречи с лозой Шерена. Всю оставшуюся жизнь будет он помнить боль, которую выплеснул на них тогда Миранис, а так же свою беспомощность, ведь до этого безумная выходка Мира выжрала из телохранителей все силы. И жгучее желание быть там, с Миром, но..

За Миром пришел тогда Рэми. И потом Тисмен ни на миг не поверил, что это именно Рэми тянул из Мира силы. К чему сначала было так отчаянно, рискуя собой, спасать, чтобы самому и убить? Поэтому и возился сейчас Тисмен с этим мальчишкой. Думаю, все они возились именно поэтому. Они были в долгу у Рэми, а долги положено возвращать.

Но время магов-недоучек ушло. Теперь все телохранители в полной силе, теперь игра пойдет по другим правилам.

— Идите, — быстро сказал Лерин. — Я останусь с Миранисом и Рэми.

Миранис кивнул, подошел к Рэми, оторвал его от Кадма и, опустившись перед ним на корточки, ровно сказал:

— Это боевые маги, малыш. А ты сильный, но целитель. И тебе надо еще долго расти и учиться, чтобы стать им равным. Потому позволь работать телохранителям. Уверен, что они приведут к нам Армана живым и здоровым.

— Обещаешь? — спросил Рэми, и в глазах его заблестела отчаянная надежда.

— Обещаю, — ответил за Мираниса Кадм, — а теперь откройся, Рэми, мне надо знать, куда идти. И обещай, что никуда не убежишь и будешь слушаться Мираниса. Мне некогда с тобой возиться, мой хороший.

— Я буду послушным, — натянуто улыбнулся Рэми, и Кадм кивнул, касаясь лба мальчика. Врать этот маленький Рэми не умел, потому все сразу ему и поверили.

А вот ему же взрослому... Тисмен не знал, верить ли. Казалось, взрослый Рэми сам до конца не знал, чего он хотел. А этот шестилетний... знал всегда и твердо.

Блеснуло синим, запахло силой, и за спиной Тисмена открылась клякса перехода. Кадм улыбнулся, встал, поклонившись принцу, и множество зеркал синхронно отразили его движение.

— Этот амулет ведь работа умершего брата Армана? — тихо поинтересовался он. Миранис, явно не понимая, к чему этот вопрос, коротко кивнул. — Того самого, из-за которого мы десять лет тому чуть не потеряли связь с Виссавией? — Миранис вновь кивнул, и взгляд его стал настолько задумчивым, что Тисмен уже начал подумывать, не считать его эмоции, но передумал, и Кадм тихонько вздохнул:

— Ну мы и влипли-то! Береги мальчика, Лерин, иначе плохо будет нам всем.

— Не дайте себя убить, — сказал Миранис. — И принесите мне его голову.

— Да, мой принц, — ответил Тисмен, входя в проход вслед за Кадмом.

И в тот же миг ударил морозом лес, укутанный сумерками. Устремлялись вверх голые ветви берез, пробивалась сквозь снег чахлая совсем елочка, лежал чуть в сторонке, сжавшись в комок, бледный Арман. И перед ним стоял...

Тисмен усмехнулся, чувствуя, как загорается в нем гнев магии. Этого человека он не видел никогда и так жалел, что не видел: серая кожа, выпученные глаза разного цвета, неприятное лицо, чем-то похожее на рыбе. Алкадия красивым назвать можно было вряд ли. А вот хитрым и опасным — да.

— Я ждал Рэми, — усмехнулся Алкадий.

— Да плевать мне, кого ты ждал, — спокойно ответил Кадм, окидывая Алкадия ледяным взглядом. Он поднялся на ладонь над снегом и медленно пролетел вокруг Алкадия, присматриваясь. — Привык драться с магами-недоучками, целителями или принцами, едва живыми после ранения? А теперь познакомься с настоящей боевой магией. Напоследок.

— Думаешь, я боюсь магии? — чуть усмехнулся Алкадий.

Каркнула где-то ворона, перелетела с куста на куст синица, и ветер смел с твердого наста крупинки снега. В лесу было хорошо. Тисмену. Кадм ненавидел все, что находится за пределами замка и человеческого жилья... но на это и Кадм, тупица с мускулами, потому и не видит, как тут хорошо.

— Это ведь кусок твоей лозы жил в том амулете? — продолжал язвить Кадм, пока Тисмен работал: кутал все вокруг невидимыми сетями магии. — Вижу, что да. Ты получил мой подарочек по случаю ее смерти? По глазам вижу, что получил. Сильно болело, да?

Березка послушно наклонилась, и ее гибкие ветви осторожно обвили неподвижного Армана. Краем глаза Тисмен видел, как Кадм, продолжая улыбаться, обнажает клинок. Видел, как зажегся огонек бессильного гнева в глазах Алкадия, и уже знал, кто победит в этой битве. Иначе и быть не могло.

Береза подняла Армана в колыбель своих ветвей, спрятала где-то в вышине, передала аккуратно, как спящее дитя, своим подругам, и Тисмен кивнул Кадму, теперь можно. И пустил волну в сторону Алкадия.

А да! Несомненно, вампир. Поглотил все до остатка, довольно улыбнулся, спросил:

— А еще будет?

— Несомненно, — холодно ответил Тисмен.

Ему даже приказывать не пришлось: береза уловила его желание сама. И упругая ветвь с палец толщиной вдруг согнулась дугой и выпрямилась, хлестнула Алкадия по плечам.

Вампир упал на колени, удивление в его глазах быстро сменялось страхом, пронзил морозный воздух еще один свист, еще одна ветвь ударила по его плечам, вышибая остатки уверенности и желание бахвалиться.

— Думаешь, я должен тратить на тебя свои силы, Алкадий? — почти мягко спросил Тисмен. — Думаешь, я могу тебя бить только магией? Думаешь, ты против меня выстоишь? В моем царстве? Глупец!

Он поднял над головой руки, призывая. Не упуская ошеломленного Алкадия взглядом, развел ладони, и небо над ними стало черным. Безжизненный лес? Так ли уж и безжизненный! Совы, дятлы, вороны, сороки, снегири: все вместе. Обычные враги, обычные жертвы, они черной тучей закрыли остатки света, зависли над лесом и ждали приказа. Тисмен вновь усмехнулся и резким движением свел ладони. Хлопок, столь громкий в этой тишине. Шум множества крыльев, резкие крики и темная птичья волна, устремленная к лежавшему на снегу вампиру.

Вновь хлопок. Вновь шум крыльев разлетающихся птиц. И тишина...

Кровь врага. Много крови на снегу. Ее пьянящий запах, будоражащий душу, ожидающие неподалеку голодные волки... Разорванная одежда и виднеющиеся сквозь прорехи кровавые раны... Но глаза, эти ненавистные глаза разного цвета, целы. Тисмен приказал их не трогать, он хотел смотреть в эти глаза, когда Алкадий будет умирать...

— Только это можете? — спросил Алкадий окровавленными губами. — Натравливать на меня своих зверюшек? Неужели?

— Ты даже понятия не имеешь, что я могу, мой друг, — тихо ответил Тисмен. — И не тебе жаловаться, твоя магия — ворованная. Тобой или лозами Шерена, не так ли? Мой дар только мой, и верь мне, тебе не достанется из него ни капли. И ты все равно умрешь.

— Поболтали и хватит! — сказал Кадм, и кинжал в его руках стал луком. Телохранитель силы выхватил из колчана стрелу, легко натянул тетиву и прицелился в Алкадия, усмехнулся, когда вампир поднял над собой щит:

— От моих стрел не спасет. Их магия разобьет любой щит раньше, чем ты ее сожрешь, солнышко.

И не спасло. Раздался свист, разбился с хрустальным звоном щит, и Алкадий откинулся в снег, а на его груди дрожала, успокаивалась испуганная полетом стрела.

Прямо в сердце. Кадм никогда не промахивается.

Забыв об Алкадии, Тисмен приказал березам принести Армана обратно. Деревья услышали, зашелестели ветви, будто пронесся по кронам ветерок, принесли на снег все еще безжизненное тело.

Без памяти, но живой... вроде не сильно и ранен, Алкадий его щадил, наверное, боялся, что умрет слишком быстро.

— Поторопись, — прошипел Кадм. — У нас нет времени. Надо успеть.

— Куда успеть?

— На закате будет казнь Гаарса. А у меня к нему есть пара вопросов... Так что поторопись. Арман мне нужен. Вменяемым.

Вменяемым так вменяемым. Тисмен позволил силе вытечь с его пальцев, окутал Армана в тугой кокон магии, сосредоточился на его ранах... они были не столь уж и легки, как казалось с первого взгляда: пришлось остановить внутреннее кровотечение и срастить пару сломанных бедер. Арман глубоко вздохнул, открыл глаза, удивленно сел на снегу, и Тисмен расправил плечи, легко выскальзывая из магического забытья.

С каждым мгновением в лесу темнело, сверкал над деревьями месяц, пока еще слабо заметный на светлом небе, обломилась где-то неподалеку, упала в снег ветка, и Тисмен помог Арману подняться, легким всплеском магии приводя одежду дозорного в порядок: наверняка хуже, чем это получилось бы у хариба, но рожане все равно разницы не заметят, тем более в полумраке улиц и под белоснежным, обшитым мехом плащом.

Затем он сотворил теплые плащи для себя и для Кадма: высшие тоже подвержены простуде. Кадм лишь раздраженно повел плечами, и в глазах его заблестело несвойственное ему беспокойство.

— Где Алкадий? — спросил Арман, потирая виски, и телохранители обернулись туда, где лежало тело мага.

Тела не было... лишь черные в полумраке пятна крови и примятый снег. Похолодев, Тисмен тихо спросил:

— Лоза ведь не исцеляет своего носителя, правда?

— Это ты у нас спец по тварям! — зло ответил Кадм.

Впрочем, ответ на этот вопрос они знали все трое. Теперь знали.

И Тисмен вмиг проклял свою глупость: очевидно же, что лоза не даст носителю умереть так легко, совсем же очевидно! Как же можно было так ошибиться!

— Нам пора, — напомнил Кадм и достал откуда-то из-под плаща нечто, свисающее на тонкой кожаной нити.

Тисмен скривился: все тот же амулет. А белоснежная ветвь вспыхнула в полумраке яркой вспышкой и исчезла, спряталась в складках плаща на груди Армана, тронула душу легкой тревогой: что-то в силе этого амулета было смутно знакомым... но Кадм уже толкал в переход, повторяя:

— Нам некогда, помнишь? Потом спать будешь! Давай!

Солдафон несчастный!

Сумерки крали последние лучи солнца. Небо за окном, слегка припорошенное облаками, залил кровавый румянец, все ярче горели в углах спальни магические светильники, освещали небольшую кровать под мягким, поднятым теперь балдахин, изрезанный рунами сундук у окна и уютный туалетный столик с поблескивающим, отражающим огонь в камине зеркалом. Теплые, медовые тона, уют мягких тканей, нарисованный магией лес на стенах... лес, исчерченный солнечным светом, пробивающимся сквозь кроны деревьев...

Рэми так любил свой лес, что заразил этой любовью и Аланну. Он вообще любил простоту, эту же простоту полюбила и Аланна. Она любила все, что любил он. Дышала им, жила им, звала во сне... и не могла дозваться.

Она получила бы спальню побольше, любую, замок выполнил бы каждый ее каприз, но в последнее время пустота огромных покоев казалась пугающей. Она все вспоминала небольшую каморку в лесном домике, мужской силуэт на фоне окна... тогда она в первый раз увидела взрослого Рэми. И в который раз поняла, что дышать без него не может...

Глупо... очень глупо... но... как от него отказаться?..

Она — принцесса? Почему она? Ее подруги в школе бредили двором, драгоценными камнями, родством с самим повелителем. У нее все это было... а счастье? Ее счастье осталось в лесах, в его объятиях. На его губах, пахнущих смородиной, в омуте темных глаз, в бархатистом голосе, когда он шептал ей на ухо ласковые слова... в том полном медовой неги

вечере, когда они были вместе. Всего раз... так мало и так много. Слишком мало, чтобы жить этими воспоминаниями дальше, слишком много, чтобы и впредь наслаждаться этой роскошью.

Притворство! Сплошное притворство! Одежда, не открывающая ничего лишнего, синий рисунок рун на лице, золотые волосы, волосок к волоску уложенные под сетку. Недоступная и холодная... была ли она на самом деле такой? Кого этого волновало!

Она привычно погладила бусинки янтаря на запястье, вспомнив глаза того мальчика, что подарил этот браслет. Кто же знал, что они встретятся вновь? Кто же знал, что она вновь утонет в том взгляде?

Аланна резко моргнула раз, другой, пытаясь справиться со слезами, просившимися на глаза, и потянулась за стоявшим на столике отваром. Лили сказала, что он успокоит... надо ли сейчас успокаиваться? Впрочем, перед разговором с женихом очень даже пригодится. Идэлану не обязательно видеть ее слезы.

Аланна вдохнула аромат зелья, подивилась той легкости в голове, от одного лишь запаха. Сделала глоток и поплыла... тепло-то как. Хорошо... и жарко... еще глоток, и приятный жар стал почти невыносимым. Горела вся кожа. От прикосновения нежной ткани, от холода бусин ожерелья на шее. Янтарь на запястье горел, отражал огонь в камине, в голове мягко что-то говорил голос...

Очнись! Не это тебе сейчас нужно!

Не это? О нет! Аланна знала, что ей сейчас нужно! Она сняла этот дешевый браслетик бросила на туалетный столик и быстрыми, точными движениями сняла с волос золотую сетку, вытянула из прядей шпильки... все до одной, позволила золотому шелку рассыпаться по плечам, приласкать шею, руки... о да, так, так! Так гораздо лучше!

Она посмотрела на себя в зеркало, едва слышно засмеялась. Попросила у замка тазик с водой и смысла со щек эту проклятую синюю сеть рун. Лили будет ругаться. Лили скажет, что это непристойно, пусть! Мягкие домашние сапожки полетели с ног, за ними в угол попали чулки, и Аланна, не вставая с кресла, заскользила обнаженными ступнями по такому приятному... мягкому ковру... как хорошо-то! Она даже не знала, что может быть так хорошо!

Напевая шутливую, подслушанную где-то на улицах города песенку, она лунным светом пробежалась по комнате. Смеясь и отдаваясь во власть мелодии, забыв обо всем кроме бегущей по венам огненной лавы, она прижалась пылающим лицом к холодному столбику балдахина и улыбнулась: на пороге стоял как громом пораженный и удивленно смотрел на нее Идэлан... ее навязанный опекуном жених. Так ли уж и навязанный...

Она провела пальчиками по изрезанному резьбой столбику, посмотрела на жениха, облизала внезапно пересохшие губы и увидела вдруг свое отражение в зеркале. Ну разве не хороша? Влажный взгляд, лихорадочный румянец на щеках, шелк блестящих, до самых бедер волос... так чего же ты ждешь?

Она подошла к жениху мягко, как кошка. Положила ему руку на плечо, прижалась к нему грудью, потерлась щекой о его скрытую тканью щеку...

— Ты что делаешь? — холодно спросил Идэлан. — Ты пьяна?

— Нет...

Это не вино, нет... вино Аланна пробовала раз, и после было очень плохо. А теперь хорошо-то так... как же хорошо... и пленительно... она щелкнула застежками, позволила упасть на ковер плату, укрывающему лицо жениха, провела ладонью по его щеке, обняла его

за шею. Ну красив же! Разве кто-то отрицает, что красив! Мало кто в Кассии так красив, а вот ее персональный виссавиец... Глаза-то какие, почти как у...

Как у кого Аланна помнить сейчас не хотела. Коснулась губ Идэлана, мимолетно, чтобы не напугать. Если бы эти дуры при дворе знали, как на самом деле прекрасны виссавийцы! Никто не знает, только Аланна, и правильно! Ей больше достанется! И ему так идет этот синий цвет... ему все идет... но там, под одеждой, наверно, интереснее!

Она вновь засмеялась, проворными пальчиками пробежалась по тугому кольцу лент, освободила пелену блестящих волос Идэлана, полюбиовалась на его лицо, обрамленное прямыми иссиня-черными волосами. О да, так лучше. Так несомненно лучше!

— Что с тобой? — спросил вдруг Идэлан, перехватывая ее шаловливую руку.

— Нельзя? — чуть обиженно прошептала ему в губы Аланна. — Почему? Ты же мой... мой, правда?

— Можно и так сказать, — ответил Идэлан, мягко высвободился из ее объятий, поймал ее за подбородок и заглянул в глаза. Какой же у него взгляд! Прожигает холодом! Но можно и распалить... — Можешь мне сказать, что...

Не так... совсем не так... Аланна взяла со стола чашу с остатками зелья, подала ее Идэлану, улыбнулась ласково:

— Выпьешь со мной?

Идэлан нахмурился, но Аланна уже не улыбалась, почти плакала, врала сама не зная зачем:

— Я сама его делала... честно... а ты, ты мне не веришь?

Идэлан не глядя опорожнил чашу и толкнул от себя Аланну:

— Что ты вытворяешь, ради Виссавии!

Попался! Как замороженная ловила она взгляд жениха, пыталась поймать момент, когда... не поймала. Идэлан таял медленно, будто масло на паровой бане. Поймал вдруг ее за талию, засмеялся в губы, одарил легким поцелуем.

Сладко. И пальцы сами тянутся к пелене его волос, путаются в ней, ласкают гладкие пряди, и Аланна уже требовательно давит ему на затылок, пытаясь поймать новый поцелуй...

А он смеется. Гортанно, дивно. Толкает ее мягко в грудь, на кровать, и вздымается вокруг них волной перина.

Никогда так не было, никогда! Аланна наслаждалась его тяжестью, его требовательными поцелуями, его прикосновениями, разжигающими огонь в жилах. Она провела ладонью по его спине, и Идэлан шумно выдохнул сквозь зубы.

Да! Да! Желай меня сильнее!

Горящий синим взгляд, легкий смех, на удивление — свой, когда вдруг что-то заставило ее поднять руки, свести запястья...

— Не мешай мне! — прошептал Идэлан, связывая ее магией.

— Ну я же помогаю, — прошептала ему на ухо Аланна, и счастливо улыбнулась: в глазах Идэлана огонь магии мешался с огнем страсти.

— Аэ шэр, илэана лидэ, Идэлан!

(Я же сказал, не трогай чужого, Идэлан (виссав.))

Пара спокойных слов, едва слышных, а Идэлан побледнел как снег, и показалось вдруг Аланне, что страсть в его глазах сменилась страхом и какой-то непонятной болью. Ее уверенный обычно жених соскользнул с кровати, бросился в ноги укутанной в плащ фигуре,

взмолился едва слышно, склонив голову:

— Иреа, иреа, ма лендэ!

(Смилуйся, смилуйся, мой вождь! (виссав.))

Незнакомец слегка улыбнулся, мимолетным жестом коснулся волос Идэлана и тихо приказал:

— Шенэ рэ, Идэлан.

(Оставь нас, Идэлан (виссав.))

Хлопнула едва слышно дверь, вскрикнула за окном разбуженная птица, а Аланна так и не осмеливалась поднять взгляда на молча стоявшего у ее кровати незнакомца. Чего он хочет? Почему молчит? Почему молчание это так ранит?

— Что ты делаешь, душа моя? — тихий голос, режущий сердце грустью. — Могу я узнать, зачем?

Слезы по щекам, то ли стыда, то ли злости, не понять, гнев, от которого так сложно дышать, расплывающаяся перед глазами комната. И плавится в жилах огонь, она узнала, узнала наконец, не понимала, как раньше не могла узнать! И Аланна, сама не зная зачем, вскочила, заколотила ему кулаками о грудь, выкрикнула:

— Сволочь, какая же ты сволочь!

И затихла, не переставая плакать... Бросил, забыл, пропал! Она все понимала, умом все понимала, но жить без него как? Без его обнимающих, лишаящих воли рук? Без стука его сердца под ладонями, без хрипловатого голоса, шепчущего на ухо:

— Я все понимаю... понимаю...

Понимает он! Ничего он не понимает! А ей бы раствориться в этом мгновении, остаться в этих руках, в этих объятиях вечно... и блекнет огонь в жилах, и не хочется вспоминать, совсем не хочется, то, что было совсем недавно. Она тает... тает в мягкой горечи на его губах... в его руках, в его дыхании на своей макушке... тихо как, спокойно...

Она дала поднять себя на руки, уложить в постель. Устроилась на кровати, прижимаясь к нему спиной, чувствуя его сильные руки на талии.

— Рэми... что тебе сказал Идэлан? — спросила она. — Что ты ему сказал...

— Ничего, моя хорошая...

— Ты какой-то другой...

— Я? — тихо засмеялся ей на ухо Рэми. — Нет, моя хорошая, сейчас я настоящий...

И Аланна, погружаясь в мягкий сон, поверила...

Пробираясь через толпу на площади, Тисмен на миг вздрогнул. Показалось ему или нет, что укрывающую тело Рэми сеть что-то потревожило. Не могло же потревожить... не столь сильную магию...

Угасало за окном солнце. Рэми задумчиво покрутил в ладонях чашу, провел пальцами по ее стенкам, стирая наложенное заклятие. Аланна завтра ничего не вспомнит, Идэлан не осмелится вспомнить, а Аши...

— Я присмотрю за ней, — пообещал полубог. И, прежде чем Рэми вернул свое тело на место: — Когда ты, наконец, станешь таким, как сейчас?

— Стану ли? — усмехнулся Рэми. — Ты сам все понимаешь, Аши...

— Не понимаю! Твоя душа совершенна, ты вполне мог бы стать младшим богом...

— ... спасибо за комплимент...

— ...а перерождаешься в этих глупых людях, раз за разом, раз за разом начинаешь все сначала, наступаешь на те же грабли, раз за разом!

— А тебе сильно помог твой опыт, Аши? Память о том, что тебе сделали? — Аши замолк вмиг, и Рэми понял, что попал. Впрочем, он с самого начала это понимал. — Каждый из нас платит свою цену, мой друг. Может, ты увидишь меня в этой жизни таким, какой я сейчас, может, я не успею достигнуть зрелости... это все мелочи. Мне нравится эта игра, нравятся эти правила. И я не хочу быть тобой. Мне хорошо на своем месте. Я верю Единому...

— А я уже не могу.

— А ты постарайся, — усмехнулся Рэми. — Мне надо возвращаться... пока Тисмен не спохватился, что я исчез. Скоро Рэми заставят проснуться, и тогда я не смогу больше так свободно разгуливать в его теле...

— И ты снова войдешь в рамки его эмоций и опыта...

— А разве это так плохо, друг мой? Или ты до сих пор ничего не понял?

*Должен же нож гильотины
затупиться на чьей-то голове!*
Станислав Ежи Лец

Тьма все так же окутывала проклятую пещеру, делая ее похожей на могилу, но Варнас знал, что заточение его не будет длиться долго. Постепенно блекло отражение чуждой комнаты в наполненной водой каменной чаше, и младший бог со вздохом отошел от магического источника. Заклинания требовали сил, много сил, а у младшего божества их почти не осталось. Потому и наблюдать за Рэми удавалось урывками.

Но то, что он увидел, его вполне устраивало. Рэми почувствовал вкус ревности. Еще немного и Аланна получит мальчишку, а вместе с этим будет вынуждена исполнить свое обещание.

Варнас станет свободным. И сильным, как когда-то.

— И все же ты настоял на своем, — Виссавия как всегда появилась неожиданно. — Рэми вернулся к Миру.

— Ты ожидала чего-то другого?

— Не видишь, он задыхается? И я не могу помочь? Зелье Тисмена действует метко, блокирует все внешние влияния... И мои, и, как я понимаю, — твои. В этой игре участвует слишком много высших магов... неподвластных воле богов.

— Солнышко, чего же ты меня винишь-то? — усмехнулся Варнас. — Не ты ли уговорила его принять в свою душу Аши? А теперь удивляешься, что им заинтересовались другие носители двенадцати? Но Аши принадлежит Кассии, так и должно быть.

Виссавия промолчала и исчезла. И Варнас, откинувшись на троне, был ей за это благодарен. Он устал. Он уставал все сильнее. Мгновения его жизни уходили, как песок сквозь пальцы, а мальчишка, этот мальчишка оказался слишком упрямым!

Эта паршивая Кассия слишком холодна. В Ларии не было таких морозов, потому здесь Бранше мерз даже в хорошо натопленном доме Гаарса. Даже наглотавшись приготовленной Вариной наливки. Даже укутавшись в теплый шерстяной плащ. Холодно же! И жутко как-то. Не понять из-за чего: из-за мерзкой погоды, из-за запаха смерти, отчего у зверя внутри кишки переворачивало и хотелось выть в голос, или из-за того, что Гаарс сегодня может умереть...

И погодка же... Низко, касаясь верхушек тополей, плыли над площадью свинцовые тучи. Отражалась в пустых окнах какая-то странная пустота, блестела, предрекала беду. Натужно выл пронзительный ветер, швырял в толпу колкими снежинками, будто пытался разогнать, да куда там. Все дружно терпели. Ждали зрелища. Показательной казни.

А Бранше проклинал и Кассию, и собственную тупость. И надо было ему кому-то помогать! Зачем пошел к Кадму? Зачем выдал этого идиота? Почему решил, что все будет хорошо?

Хорошо, оно и видно! Да и могло ли закончиться? Только ж не легче совсем от этих мыслей, изнашивает, ноет душа, грызет, впивается острыми зубами совесть.

Бранше раньше и не знал, что она у него есть, а теперь вот вам пожалуйста... даже

взгляда не поднять: стоит рядом, не замечает ветра, не чувствует холода бледная Варина. Дрожит под тонким плащом, даже не пытается спрятать слез, струящихся по бледным щекам... Сжимает в посиневших ладонях фигурку божества милосердия, Иилы, беззвучно шевелит губами в такт молитве. Бранше так, пожалуй, никто не любил, как она любит своего брата. И он тоже не любил... а теперь так хотел обнять, успокоить, да не решался.

Боги Кассии вовсе не милосердны. Небеса, к которым Варина то и дело поднимала взгляд, сегодня глухи. Сыплют снегом. И молчат.

Ветер рвет плащ, толпа расступается, будто боится горя Варины, словно она заразная. Людские радость и жажда крови разбиваются о нее, как морские волны о скалу. Тускнеют взгляды, замирают на губах улыбки и колкие слова, и эти уроды кассийцы стараются уйти подальше, не думать, не слышать. Лишь Рид, молчаливая и серьезная, стойко стоит рядом, обнимает Варину за талию, стирает платком бегущие слезы... Да Лия, хрупкая и нежная, как ночной цветок, не уходит, тихо плачет, явно не зная, что сказать и как помочь.

На Рид Бранше тоже смотреть не мог: слышал он, как плакала она ночью, как молила богов о своем пропавшем сыне... о Рэми... и чья это все вина? Любопытства!

В тот день тоже было холодно и вернулся Бранше поздно, засиделся за чашей вина с шальными друзьями. Стараясь никого не разбудить, прокрался в свою комнату, уже почти прошел мимо спальни Гаарса, как услышал:

— Не понимаешь! — шипел чужой голос. — Мастер волнуется. Рэми, твой подопечный — сильный маг. А мы не можем его использовать?

— Но используем же! — парировал Гаарс.

— Это используем? Не смей меня! Урий нахвалиться на мальчишку не может. Только горд Рэми, независим, слышишь! Мастер начал опасаться. Если ты не надавишь на мальчишку, это сделает кто-то другой! Заставь его дать клятву мага. А потом... он уже не сможет противиться приказам цеха.

— Идиоты вы! Сейчас Рэми вам полезен, это правда, но клятва его погубит!

Бранше знал, что Гаарс прав. Рэми сильный, но и характер у него сильный. Такой так просто не подчинится. Но некоторым не объяснишь. Впрочем, незнакомец понял. Промолчал недолго, и молчание то казалось бесконечным, а потом сказал вдруг:

— Жаль. Если так, то лучше убить его сейчас, пока мы еще можем. Иначе твой Рэми может встать против нас и тогда нам придется туго.

Теперь молчал Гаарс, и Бранше молился богам-близнецам, чтобы те дали главе рода силы для отказа, а заодно и вложили в уста Гаарса правильные слова, чтобы убедить цех наемников.

— Не могу.

— Тогда я не прошу, я приказываю, — изменил тон незнакомец. — После того, как ты отнесешь Арману переданную Урием вещицу.

— Даете это задание мне?

— Кому еще? Лучшего у нас нет, а столько золота, сколько предложил заказчик, цех никогда не видел. Но заказчик хочет гарантии.

— Гарантии чего?

— Что мы можем добраться до Мираниса. Завтра ночью ты лично убьешь Армана во дворце, в покоях, которые граничат с покоями принца. И докажешь, что нам не страшны обереги. А потом Мастер возьмется за наследника, и помогать ему в этом будет Рэми! Либо

Рэми умрет вместе с Арманом. Больше ждать мы не будем. Ты меня понял, Гаарс!

Бранше вжался в тень, и только чудом вышедший человек его не заметил. Когда стихли внизу шаги, Бранше пробрался в свою комнату и не раздеваясь бросился на кровать.

Спать, несмотря на усталость, не хотелось. Оставшийся кусок ночи он пролежал, уставившись в балку потолка. Смотрел на таинственно шевелившиеся тени ветвей яблонь и думал.

Гаарс попал в ловушку. Бранше знал, что глава рода любит Рэми, почему-то все этого мальчишку любили, даже он, оборотень и лариец, попался — что уже говорить о Гаарсе, у которого ни младшего брата нет, ни сына...

Племянник — глупый, наивный — не в счет. И теперь, припертый к стенке, Гаарс не хотел ни убивать Рэми, ни принуждать его к наемничеству, да только выбора не было. Ни у него, ни у Бранше.

Гаарс не убьет Рэми, жуку ясно. Заставит мальчика дать клятву, а потом — убить Мираниса. А у мальчишки получится... у Рэми всегда получалось. И голову потеряет заодно Бранше, лапы у короля, к сожалению, длинные...

Бранше должен вмешаться. Вопрос — как?

Надо пробраться в замок. Благодаря Рэми и его драгоценной Аланне это легче легкого: пару лун назад Бранше отнес письмо девчонки во дворец и неожиданно получил доверие, которого даже не ожидал. А вместе с доверием — маленький амулетик-пропуск в парк.

Стоило с амулетиком подойти к изгороди, как защищавшая замок магия пропускала внутрь. А там до дворца рукой подать... А что во дворце?

Бранше встал с кровати и подошел к окну, распахнул его настежь, пуская внутрь холодный зимний воздух. Думай, Бранше, думай! Если остановишь Гаарса, то глава рода умрет, а на его место придет другой. Бранше потеряет доступ к клану наемников. И, увы, к Рэми.

О боги, нужно время. Через несколько дней в город вернется Идэлан. Жених Аланны и тайный друг, человек, который может позвать Арама...

Арам напрямик использует власть, которую Бранше использовал лишь косвенно — именно по просьбе виссавийца цех покровительствует Бранше, по его просьбе ларийца встретили здесь как друга...

Но придется раскрыть карты... «Только в крайнем случае, — приказал король, — только если не будет другого выхода... ты скажешь виссавийцам, что их наследник жив».

Наследник жив, но Бранше, как ни старался, его не нашел. Даже следов не нашел, и что же он имеет? Крохотное пророчество, что судьба наследника связана с судьбой Мираниса? Бранше передал Миранису амулет удачи, но никого, похожего на наследника, рядом с принцем не появилось! Проклятие, почему?

Араму же вести о том, что наследник жив, хватит, чтобы вмешаться в судьбу Кассии, напомнить цеху наемников о старом долге и заставить отказаться от заказа. Большого пока и не надо: Бранше получит время, а время сейчас дорого.

С цехом решили, а что делать с Гаарсом? Как его остановить? Обезвредить на несколько дней?

Боги, опять этот Рэми! Рэми или Миранис... или приказ повелителя Ларии!

Если главу рода выдать? Бранше вздрогнул. Нельзя. В Кассии, как и в Ларии, решится все быстро: Гаарса казнят. На место его придет другой, заберет род вместе с Рэми и тогда мальчишке придется худо.

И тут Бранше осенило. Амулет, который украдкой показала ему Варина и о котором зачем-то напомнил недавно человек Зира. Амулет, от которого пахло оборотнем. Сколько оборотней в замке? Два. Это не Арман, нет... значит, принц. За которым всегда ходят телохранители.

Принц должен Гаарсу, и должен настолько, что казнь отменят, а если амулет отнесет Рэми... Бранше улыбнулся. Телохранители принца не наемники, мальчишку из рук не выпустят и из лап цеха наемников вырвут. Заодно и Гаарс вернется в дом... живой.

Но как правильно выдать наемника и при этом добиться, чтобы его не убили? Выдать кому-то, кто гораздо сильнее, например, телохранителю принца. Заодно дать немного «лишней» информации, предупредить о заказчике... и остаться самому живым...

Вроде получилось. Телохранитель Бранше выслушал, отпустил, Рэми взялся отнести амулет в замок, и... пропал.

Что-то пошло не так. Либо Рэми по дороге перехватил цех наемников, либо телохранители все же решили пожертвовать Гаарсом. И амулет удачи подвел! Хотя не должен был!

И что теперь? Все сильнее сыпет хлопьями серое небо, все сильнее дует ветер. Стремительно темнеет и, несмотря на факелы, горящие на помосте, уже почти ничего не видно. Ну и хорошо. Меньше увидит и без того едва живая от горя Варина, да и толпе любоваться на казнь незачем. Вот оно, варварство кассийцев: в Ларии узников убивали тихо, за толстыми стенами, а здесь на казнь ходят, как на праздник, целыми семьями. Орут, требуют зрелища и не думают о родственниках, что кусают до крови губы, бледнеют под тающим снегом и все смотрят и смотрят на помост, не в силах оторваться. На веревочные петли, покачивающиеся со стороны в сторону. Вправо, влево... как маятник в часах бога смерти. На тела уже повешенных, что украшают площадь, как гирлянда, разносят вокруг сладковатый запах смерти. Этот запах невозможно вытерпеть!

И после этого ларийских оборотней зовут тварями!

Ветер, будто смилостивившись, замолкает на миг. Доносятся откуда-то издалека крики дозорных, давит толпа, и Бранше вместе с женщинами вдруг оказывается у самой стены живого коридора... Проклятие! Скрипит снег под полускрытыми длинной шерстью копытами лошадей-тяжеловозов, ведет лошадей под уздцы крытый черным плащом жрец смерти, защищают его дозорные, а в телеге стоят одетые в легкие туники смертники.

И опускает Бранше надежда, давит на грудь тоска: меж осужденными, в красных в свете фонарей сполохах снега, видит он Гаарса. Опухшее от синяков лицо, разбитую губу, запекшуюся в светлых, растрепанных волосах кровь. И сжимает ладони в кулаки, постанывая. Где Рэми? Где? О боги, как же вы допустили...

Всхлип Варины, горький, безнадежный, бьет по плечам, заставляет согнуться пополам, как от боли. И отказывается что-то внутри смотреть на повозку, но Бранше смотрит, упрямо, через сжимающую грудь боль. Летит помидор, вздрагивает Гаарс от удара, растекается по серой рубахе красное пятно, и на миг чутье оборотня улавливает в морозном запахе вонь гнили.

А взгляд Гаарса, такой светлый, спокойный, шарит по толпе, находит родных и уже не отпускает, окунает в прощальное тепло... Даже Бранше... Бранше тоже для него свой родной! Страшно от этой улыбки. Хочется превратиться в зверя, рвануть по головам к повозке, перегрызть веревки, что стянули запястья друга... и ластиться к ладоням,

испрашивая прощения.

Где ты, Рэми!

Вздрагивает довольно людское море, исходит волнами. Останавливается повозка, скрипят засовы в полной шорохов тишине. Осужденных пинками выталкивают на помост, ставят на крашенные черной краской табуреты, надевают на шеи петли, и жрец смерти начинает свою песню.

Плачет толпа, вспоминает умерших. Почти жалеет тех, дрожащих на помосте. Вздрагивающих, когда песнь достигает хрустальных вершин, ожидающих пустоты под ногами...

Поддавшись отчаянию, Бранше не сразу заметил, как его снова толкнуло к Варине: недавно плотная толпа расступалась, давая дорогу какому-то человеку, укутанному в синий плащ.

Маг, екнуло сердце. Тоже пришел полюбоваться? Ну и хрен с ним! Сейчас Бранше не до мага, он смотрит, как падает на землю, усыпанную снегом, перчатка старшего, как послушно хватаются за табуреты дозорные, готовясь вырвать их из-под ног осужденных. И как гаснет медленно взгляд Гаарса, потерявшего надежду. А была ли она, эта надежда?

— Остановить!

Вспыхнул гневом взгляд дозорного, руководившего казнью. Упал на плечи мага капюшон. Вновь заволновалась толпа, опускаясь на колени, шепча слова благословения. И рука Рид потянула Бранше вниз, заставила упасть в талый снег, проявить неслыханное для оборотня-ларийца почтение.

— Склонитесь перед Алдекадмом, — дрожащим голосом начал перечислять дозорный. — Телохранителем силы наследного принца Кассии, Мираниса. Владельцем Араганда, высшим магом, высшим жрецом храма рода, любимцем богов и хранителем силы двенадцати...

И впервые в жизни Бранше ощутил, что такое выпущенная на волю мощь высшего мага: она давила к земле, делала воздух густым, как топленное масло, она наполняла легкие синим светом, и зверь внутри забился в тайники души, визжал едва слышно, и от этого визга стало на самом деле страшно... такая мощь... не имеет права существовать... высшие маги, они же почти как боги...

— Именем наследного принца Кассии, Мираниса, — тихо начал телохранитель, но его голос разносился над толпой, увеличенный магией, и каждому на площади казалось: Кадм говорит только для него. Только ему шепчет на ухо великую тайну. Только ему объясняет, — я дарую тебе жизнь, глава рода, Гаарс.

Бьет по глазам яркой вспышкой, а когда Бранше вновь смог видеть, уже не было телохранителя у помоста, а вокруг медленно поднимались с колен ошеломленные люди. А в душе плескался ужас: боги, каким же дураком он был, что разговаривал с этим человеком дерзко, как с равным. Что угрожал ему какими-то глупыми заклинаниями, да только бы Кадм захотел, и Бранше пришлось бы зверем лизать ему пятки! Унизительно и больно. Но... Гаарс будет жить.

Дозорные молча исполняли приказ и резали веревки на запястьях Гаарса. Его грубо толкнули в толпу, и люди разошлись на миг, пропуская. А сами не отрывали глаз от помоста, туда, где из-под ног осужденных вылетали табуреты, откуда летели предсмертные хрипы.

Бранше теперь было плевать на смерть, раскинувшую над толпой крылья. Он стоял под всполохами снега и глупо улыбался. Успел Рэми... глупый мальчишка, успел...

— Звал меня? — тихо поинтересовался кто-то за спиной.

Бранше обернулся и поспешно поклонился: перед ним стоял черноглазый, тонкий человек в одежде простого кассийца. Арам.

Краем глаза видел Бранше, как Варина бросилась на шею брату, как ласково улыбнулась Рид...

— Я вынужден настаивать, — сказал Арам. — У меня очень мало времени, Бранше. Ты же знаешь...

Бранше знал. Помнил он, как лет десяток назад, поздней осенью, созданное неумелым магом животное обожгло нерадивого ученика, да так, что виссавийцы лишь руками развели. Такое неподвластно даже магам-целителям. Такое не лечится.

А потом из перехода вышел кто-то невысокий, не выше двенадцатилетних учеников, но в зеленом плаще целителя, с закрытым, как и полагалось виссавийцу, лицом, скинул плащ на руки учителя и остался в одной тунике, перевязанной поясом, шириной в ладонь.

И ученики-ларийцы вздрогнули от зависти: такой молодой, их не старше, а уже советник самого вождя Виссавии, наделен силой, о которой они и мечтать не смели. Смели только бояться, отходя в сторону и уступая дорогу.

Мальчишка окинул испуганных учеников печальным, слишком мудрым взглядом, и вдруг ушел куда-то страх и беспокойство, остался лишь покой. Благодатный, вязкий, окутывающий мягким одеялом. Которому не мешало ничего, даже доносящиеся из распахнутых окон крики: виссавийцы не умели исцелять без боли.

Крики продолжались два дня. Потом Арам вышел из спальни больного, кивнул директору магической школы и осел на руки ожидавших виссавийцев.

Спал он почему-то в комнате Бранше. Беспомощный, вызывал он теперь не страх и почтение, а жалость. Казался обычным, сгоравшем в лихорадке мальчиком...

Одним только видом опровергал Арам сплетни: мол, не зря виссавийцы закрывали лица, мол, уроды они. Вовсе не уроды... черты лица мага были несколько более нежные, чем у ларийцев, будто лепившие их богини старались быть аккуратнее, сгладить резкие углы, наделив зато тщательно вылепленными губами, тонкой, белоснежной кожей, и длинными, как у девчонки, ресницами.

Семь дней метался он в бреду, выкрикивая слова на незнакомом языке. Семь дней сидел Бранше рядом, ел тут, спал тут, менял холодные компрессы. И молился, чтобы гость выжил. Чтобы в комнату, под опущенный купол, смог войти кто-то помимо Бранше и дать ему отдохнуть.

Но никто войти не мог. А маги-виссавийцы не вмешивались. Ждали в приготовленных для них покоех и на все вопросы отвечали — это пройдет.

Прошло. Утром восьмого дня, проснувшись на рассвете, когда за окном бешено заливались птицы и лил через занавески нежный свет, Бранше поймал на себе внимательный взгляд. Виссавиец не спал. Лежал с открытыми глазами и что-то шептал себе под нос.

— Не понимаю, — покраснел Бранше.

— Прости, — ответил виссавиец на чистом ларийском. — Я забыл. Почему я не в клане?

— Какая-то защита...

— Моя вина, — слегка смутился мальчик. — Это твоя комната?

— Да.

— Потому ты смог войти. А где твой товарищ? В комнате должно быть двое...

— Умер. Утонул в реке этим летом.

— Тебе до сих пор больно, — сморщил брови мальчишка. — До сих пор оплакиваешь...

А потом веки Бранше вдруг сами собой опустились, и он заснул. А когда проснулся, Арама уже не было в школе. Зато ушла из души горечь и тоска по погибшему другу, а на подушке остался амулет удачи...

Это было несколько лет назад, а, казалось, вчера. И Бранше не верилось, что теперь он и в самом деле идет с Арамом по кассийскому городу, где они оба такие чужие... Впрочем, шли они недолго: всего пару кварталов. И удивительно было, как спокойно ходит любимый советник вождя Виссавии по улицам Кассии. А ведь Арам почти не изменился с тех пор. Тело его выросло, окрепло, а глаза остались такими же: широко распахнутыми, кажущимися на первый взгляд невинными. Только не невинность то была — мудрость.

И когда они прошли через увитую виноградником калитку, Бранше, не обманываясь хрупким видом собеседника, с почтением поклонился Араму. Юноше, что и мальчишкой был сильнее большинства магов клана. Сыну Акима, одолевшего демона Шерена. И только теперь, разглядев лицо Арама в свете фонаря, понял, что кого-то ему виссавиец неуловимо напоминает... своей обманчивой хрупкостью, плавными, гибкими движениями, едва ощутимой аурой покоя, кого же?

— Прошу прощения, друг, — сказал виссавиец, когда они вошли в небольшой дом, спрятавшийся за укутанными снегом елями. Здесь было мило и уютно... гораздо даже уютнее, чем в доме Варины. — Но ты знаешь нечто, что я знать не должен.

Бранше не спорил. Он давно уже привык к странностям виссавийцев, к их таинственным «так приказала богиня», потому вопросов не задавал, принял из рук Арама чашу с вином и кивнул.

— До нашей встречи я разговаривал с хранительницей. Ее воля для меня более священна, чем воля вождя. Хранительница приказала помочь тебе, не требуя за это награды. Еще передала лично для тебя, — Арам вдруг посмотрел Бранше в глаза, и взгляд его стал глубоким, зрачки расширились, а голос приобрел зловещие нотки, — чтобы ты не считал себя умнее нашей богини. Ты знаешь, кого ищешь, мы знаем, где он.

Чаша в руках Бранше дрогнула, и вино чуть было не пролилось на пол: знают и, тем не менее, подвергают опасности? Да в одной Ларии, где магия официально запрещена, найдется куча людей, которые захотели бы получить власть над наследником Виссавии! В Кассии некоторые магией жили и дышали, и попади им Нерин в лапы...

Арам же, казалось, не замечал волнения друга. Он стянул перчатки и начал греть над огнем посиневшие от холода пальцы.

— Не люблю Кассию. Не люблю снега.

— В Виссавии снега нет? — осторожно поинтересовался Бранше.

— В Виссавии есть все, что хочет ее вождь, — уклончиво ответил Арам. — Но ты позвал меня не за этим, правда? Я ценю твое общество, Бранше, но времени нет. Мне надо знать, чем я могу помочь... и отправиться на встречу с повелителем Кассии.

— Виссавия решила все же вмешаться? — встрепенулся Бранше.

— Ты задаешь вопросы, ответы на которые тебя не касаются, — отрезал Арам. — При всей моей любви к тебе, есть вещи...

— Я понимаю...

— Я рад, что понимаешь. Мне сложно тебе отказывать. Итак, чего ты от меня хочешь?

Снег так и не думал переставать, а Рид куталась в теплую шаль и украдкой смотрела на Гаарса. Вот он какой... Мужчина, ради которого так плакала это глупышка Варина, ради которого пошел в замок ее сын. Тот, что сумел подчинить себе гордого Рэми. А ведь даже Рид, матери, удавалось с трудом...

Чем ты его зацепил? Уверенной улыбкой? Умным блеском глаз? Ну да, Рэми всегда такой был — мудрость ценил выше положения и силы... Вот и Занкла чем-то подцепил: рискуя положением, старшой все же позволил женщинам уехать из замка, не спрашивая, ни куда они едут, ни зачем. Хотя и знал, что за ними однажды придут: ее сын не умел был незаметным, что его семьей заинтересуются, было вопросом времени.

— Где Рэми? — спросил Гаарс, поспешно выводя их из толпы.

Человек дела: его только что хотели повесить, а он уже интересуется куда и зачем пропал его мальчишка. Рид это очень даже нравилось. И настораживало одновременно. Ибо если такой захочет навредить...

— Я и сама хотела бы знать — где, — ответила она вопросом на вопрос. — Мне сказали, что Рэми спасает вас. Вы тут, а мой сын... пропал. Да о чем вы вообще думали, когда принимали в свой род высшего мага! Моего сына не так просто обуздать, как вам кажется!

— Бросаете мне вызов? — засмеялся Гаарс. — Трудностей я никогда не боялся. Еще раз спрашиваю, где Рэми? И что это за ерунда со спасением?

— Я виновата, — вновь заплакала Варина. По мнению Рид, она плакала слишком часто. Напрасно. Слезы совсем не помогают, Рид по себе знала. Зато лишают сил и желания бороться. — Попросила его отнести тот амулет, что ты мне дал. Еще два дня назад. Он пропал... я не знаю, где, прости, прости, пожалуйста!

Взревела победоносно толпа, Рид инстинктивно повернулась к виселицам и сжалась, задохнувшись от ауры насильно оборванной жизни. Как только кассийцы ее не чувствуют? Как могут восхищаться близостью бога смерти? Как смеют оскорблять его непочтением? А ведь Айдэ тут... тень его витает над площадью. Собирает жатву. И пусть эти люди молятся, чтобы он удовольствовался жертвами на виселице, а не прихватил бы кого из толпы, за дерзость...

— Догадываетесь, почему? — спросил Рид Гаарс, увлекая женщин за собой в переулок.

Рид лишь натянуто улыбнулась. Нет, она догадывалась почему... но лучше бы ошибалась. Если они на самом деле узнали, кто Рэми на самом деле... или убили его только за то, что он — высший маг?

— Откуда? — спросила она.

Она поскользнулась на скользкой дороге и упала бы, если б не поддержала твердая рука Гаарса. И Рид отшатнулась, вспомнив вдруг сильные объятия мужа. Воспоминания, которых она боялась и гнала от себя столько лет... Алан умер. Умер, и ничего его не вернет. И теперь она осталась одна с двумя детьми, с высшим магом на руках, которому так легко сорваться. Милостивая богиня, дай сил!

— Была бы моя воля, — прошипела Рид, — шагу бы Рэми не сделал в сторону замка! Вы не понимаете, что натворили!

— Я, к сожалению, понимаю очень хорошо, — прикусил губу и отвернулся вдруг Гаарс. — Но это не было моим решением, архана, так что винить вам не меня. Сейчас

главное, выяснить, куда пропал Рэми и как его оттуда вытянуть... если он еще жив. Я отведу вас домой и начну поиски.

Архана? Рид вздрогнула, но ничего не ответила. Не вресь сейчас...

— Думаю, не придется, — горько усмехнулась Рид, красноречиво посмотрев на выскользнувшие из тени фигуры за спиной Гаарса. Одного она узнала, слишком хорошо узнала. Двое других, наверняка дозорные или свита, прятали лица в тенях капюшонов плащей.

Алдекадм вновь сбросил капюшон на плечи и посмотрел так холодно, что душу в комок сжало. Хорошо хоть, как на площади, не опустил вокруг полог собственной силы, дал им дышать спокойно.

Наверняка что-то прочитав на лице Рид, Гаарс обернулся и, увидев Кадма, почтительно поклонился телохранителю, прошептав быстрые слова благодарности. И Рид успела заметить в глазах одного из мужчин неприкрытый страх, а на губах другого — мимолетную жесткую улыбку.

— Бросьте эти церемонии, — голос Алдекадма был холодным, и Рид вдруг поняла: Гаарс боится не зря. Алдекадм вовсе не был добрым и снисходительным... а ведь она помнила его другим, более вежливым и милосердным. Люди все же меняются... мальчишки, увы, взрослеют и становятся жесткими мужчинами. — Несколько дней назад наша встреча была бы менее приятной. Не забывайте, что Арман мне друг и скажите спасибо, что я не пришел допросить вас лично.

— Не забываю, — процедил Гаарс. — И ценю вашу защиту. Хотя и не понимаю...

— Вам и не следует понимать. Вы ввязались в игру, которая может стоить жизни вам всем. И если ваш цех еще раз так промахнется, вы умрете, а ваших не слишком осторожных друзей вырежут под корень. Зря наемники думают, что у нас нет ни сил, ни средств. Есть. Нет желания. Однако сейчас вы проследуете за мной. Не волнуйтесь, архана, — быстро добавил он, уловив волнение Варины. — Ваш глава рода вернется живым, если будет вести себя правильно. Даю слово.

— Еду с вами! — крикнула Рид, оттолкнув в сторону Варины Лию.

— Оставайся здесь, Рид, — прервал ее Гаарс. — Это приказ главы рода.

Но Рид уже было не остановить. Она гордо вздернула подбородок, посмотрела на Гаарса гневно и чуть было не улыбнулась, когда мужчина отшатнулся. Не ожидал?

Ты еще не знаешь, на что я способна!

— Это решать не тебе, — прошипела она. — Мой сын пошел к вам? И не вернулся. Вы ведь за этим пришли? Знаете, где Рэми?

— Теперь вижу, в кого у Рэми такой характер, — заметил телохранитель, взмахнув рукой. Из тени мгновенно вывели четырех лошадей. — Да, Рэми у нас. Да, именно поэтому я забираю Гаарса. Нет, ваше присутствие в замке не только нежелательно, но и неуместно. Однако, вижу, вы так же упрямы, как ваш сын, и если я не возьму вас с собой, натворите глупостей?

Рид не ответила. Ей не надо было отвечать и взгляда прятать не надо было. Она не Гаарс — с арханами разговаривать умеет. И знает, каким выражением глаз поддеть любого — даже телохранителя самого наследника. И поддела, заставив великого мага вздрогнуть...

Но прошел миг, гулко ударило сердце, и Алдекадм чуть улыбнулся, сузив глаза:

— Теперь я понимаю, что я не ошибся...

И Рид отшатнулась, теперь уже сама не особо горя желанием ехать в этот проклятый

замок. А Алдекадм продолжал, улыбаясь так же холодно, и взгляд его, полыхающий магией, бесстыдно вгрызлся в самые глубины души, обнажал и ее страх, и ее смятение. Рид никогда еще не видела столь опасного человека. И даже не думала, что маленький вдумчивый мальчик аж так изменился.

— Вы правы, архана, — усмехнулся он. — Не Гаарсу решать, куда вам ехать, а куда нет. И, пожалуй, не мне. Но, думаю, тут есть человек, который охотно вами займется.

И Рид отшатнулась, пытаясь скрыться в тень. Но не успела: из-за спины Алкадма вышел кто-то, кого она меньше всего была готова сейчас увидеть. Она узнала его сразу, не могла не узнать: те же глаза, что и Алана, тот же изгиб губ, та же белоснежная кожа и мягкие, почти белые волосы... Только не было в тех глазах и капли жалости и сострадания, и Рид упала бы, если бы ее не подхватили сильные руки. Она хотела крикнуть, чтобы Арман ее не трогал, но не могла, сдавленное горло не пропускало и слова, зато говорил Арман, и его острый, как кинжал голос догнал ее на пути к беспомощности:

— Пожалеешь, Астрид. Горько пожалеешь.

Коридор тускло освещался светильниками вдоль стен, струилась под потолком золотая вязь рун, отражались в панелях тени, стояли у дверей дозорные. Скрывая гнев, Идэлан поклонился, тихо сказал:

— Я хочу увидаться с повелителем.

«Неслыханная дерзость», — читалось в глазах дозорного, но Идэлан не боялся. Он был сыном Виссавии, и единственным, кого он боялся, был вождь. Не повелитель Кассии! Не эти статуи-дозорные! Не телохранитель, Дар, появившийся в дверях:

— Посол Виссавии? — удивленно спросил он. — Что-то случилось с Арамом?

— Боюсь, я пришел не за этим, — чуть удивился Идэлан, услышав имя советника вождя.

Но Дар уже отошел в сторону, пропуская, и виссавиец вошел внутрь, подивившись глубокому синему цвету обстановки и чуть подсвеченному магией фонтану в глубине приемной. Повелитель уже ждал тут. Не давивший, как обычно магией, в простой одежде, он походил на обычного кассийца-рожанина, только в глазах его, не блестящих царил не свойственная рожанам властность.

— О чем ты хочешь поговорить? — ровно спросил Деммид, и Идэлан понял сразу: даже будущему зятю повелитель не собирается делать поблажек. Хотя не за поблажками он сюда пришел.

— Я просил бы, — прошептал Идэлан, впервые за долгое время чувствуя, как гнев затмевает ему рассудок. — Я очень просил бы вас не мешаться в мои отношения с Аланной. И не ускорять дату нашей свадьбы.

Он хотел бы сказать больше, ой как больше. Но в разговоре с повелителем Кассии надс быть осторожным. Даже когда хочется вцепиться ему в глотку!

— Не понимаю, — тихо ответил повелитель. — Объяснись, мой мальчик.

«Мой мальчик»? Идэлан вздрогнул как от удара, но стерпел. Слова давались непривычно трудно, дар при повелителе он использовать не решался, но и промолчать не мог, не за этим пришел.

— Простите, но я считаю, что это просто подло.

— Что подло?

— Опаивать меня и ее, — выдал из себя Идэлан. — Добиваться того, чтобы мы

зачали ребенка. И этим ускорить нашу свадьбу. То, что вы хотите наследника не означает, что вы можете добиваться этого такими методами, простите. Но свобода воли это самая большая ценность в моей стране. И очень надеюсь, что впредь вы будете ее уважать.

— Ты действительно думаешь, что я свою собственную дочь... — спросил повелитель, и Идэлан понял, что ошибся. Видит богиня, сильно ошибся... сила повелителя ударила, забрала дыхание, зажгла синими искорками воздух вокруг и вдруг исчезла... а в глазах Деммида медленно угасал огонь, вызванный гневом. Повелитель облизнул губы, отвернулся, взял со стола нефритовую чашу и наполнил ее водой из фонтана. Отпил пару глотков и уже совсем спокойно сказал:

— Послушай меня, виссавиец. Повторять я не буду. Может, этого и не видно, но я люблю свою дочь. И всегда буду о ней заботиться. И отдаю ее тебе, потому что верю, что лучшего жениха, чем виссавийца, мне не найти. Верю, что ты найдешь в себе силы, чтобы, если что, не дать сделать из нее марионетку...

— Да простит меня мой повелитель, — перебил его Идэлан. — Но вы не совсем правильно оцениваете ситуацию. Тот, кто пытается убить вашего наследника, никогда не пытался убить Аланну. Думаете, потому что не знает о ее существовании? Ошибаетесь! Потому что хочет, чтобы она стала повелительницей.

— Уж не намекаешь ли ты, что моя дочь... — начал повелитель...

— Ваша дочь чиста и невинна. И совсем не горит желанием занять ваш трон.

— Тогда ты? — глаза повелителя вновь зажглись гневом.

— Я, нет. Я виссавиец, мне не нужна власть в Кассии. Зато есть человек, который думает, что имеет власть надо мной. И не понимает, что у всего есть границы. Я женюсь на Аланне, да, но использовать ее в своих целях я не позволю никому.

— Говоришь загадками, виссавиец... опасными загадками.

— Арам прибыл в замок, — прервал их Дар, и повелитель кивнул, казалось, сразу потеряв интерес к Идэлану:

— Я прикажу своим людям расследовать дело с тем зельем. И мы еще поговорим, Идэлан. Может случиться так, что я сам не захочу тебе отдавать свою дочь.

— Как скажете, мой повелитель, — поклонился Идэлан и поспешил убраться из приемной.

Ему не хотелось ни встречи с советником вождя, ни вопросов, на которые он не мог ответить. Но Идэлан знал одно: игру с любовным зельем придумал не Деммид... Значит, Алкадий. И времени противостоять магическому упырю остается все меньше.

Ярость. 13. Арман. Братья

Вернувшись в замок, Тисмен первым делом проверил тайник. Внутри оказалось все так же, как и он и оставил: посреди пустой комнаты плыло в воздухе, купалось в зеленом тумане магии, тело без души. Поддерживать его от распада было тяжело, сложная магия тянула из Тисмена силы, но... телохранитель остался доволен своей работой: раны затянулись, и душа Рэми может возвращаться.

Если захочет, увы, скорее всего не захочет. Но Тисмен был уверен, что боги так просто Рэми не отпустят. Телохранители и Миранис его так просто не отпустят.

Тот недавний всплеск магии, наверное, просто показался: никто не мог бы войти или выйти из тайника, не потревожив тонкую сеть рун.

И с чистой совестью Тисмен пошел отдохнуть перед дежурством: ему всю ночь еще оберегать сон наследного принца.

О да, эта снежная ночь и этот вонючий переулочек были особенными! Арман в жизни их не забудет.

Он впервые не знал, что ему делать. В голове была пустота, в сердце будто выжгли дырку. Мир вертелся вокруг в бешеном ритме, и, казалось, еще немного, и Арман упадет... не выдержит... не думать об этом. Не сейчас. Ни о пустом взгляде Эрра, ни о собственной глупости. Ни о чем не думать... действовать!

Было холодно, очень холодно, но туника липла к телу от пота. Расплывалась в пятнах фонарей улица, падал с небес пушистый снег. Этот проклятый снег! И лица людей казались белыми тенями в снежных сполохах. Какие люди сейчас? Уже не думая, не замечая ничего вокруг, он поднял Астрид на руки и повернулся к лошадям. В замок! Немедленно... исправлять то, что он разрушил, боги, если это еще удастся исправить...

Как можно было быть таким слепцом? Как можно было не догадаться, почему Аши так усердно его защищал? Как можно было не узнать... Арман уже ничего не знал. Ничего не понимал. Ни о чем не хотел думать. Ему просто надо было что-то делать. Куда-то двигаться. Только бы не стоять. Не позволять себе останавливаться. Когда он остановится, мысли сожрут его голову.

— Мама! — закричали за спиной. — Не трогай мою мать, ублюдок!

Арман криво усмехнулся. Боги... никогда он не был еще таким рассеянным. Думая о Рэми, он забыл о... Он передал Астрид одному из дозорных и, обернувшись, перехватил за талию шустрюю девушку. Хрупкая и нежная... а все равно упрямая, как и ее брат. Как оба ее братьев. Она кричала что-то, рвалась к матери, кинулся к ней Гаарс, но остановился, наткнувшись на взгляд Армана.

— Ты забываешься! — выдавил из себя дерзкий рожанин.

Арман даже не думал отвечать. Обернулся на выскользнувших из тени дозорных, показал взглядом на Гаарса:

— Не подпускайте его! — и поймал Ли за запястье, пока она не расцарапала ему лицо.

Вновь крикнула что-то Варина, Гаарс прошептал, что Арман все решает чужими руками, а сам Арман лишь еще раз усмехнулся: чужими руками? Гаарс еще не знает, как ему повезло. И что сначала он должен заняться бьющейся в его руках, плачущей Лилианой, а уж потом... о потом думать не хотелось. Не было этого потом. Было теперь и сейчас. Нельзя

думать о прошлом, нельзя заглядывать в будущее. Нужно действовать!

— Прошу тебя, Ли, — прошептал Арман, прижимая к себе девушку. — Клянусь, не причиню вреда ни тебе, ни твоей матери. Прошу, ты должна мне поверить. Ли, Ли, маленькая Ли, совсем меня не помнишь, дурочка?

Ласковый тон пробился до охваченного ужасом разума девушки, глаза ее широко раскрылись. Ли моргнула, раз, другой, и в глубине зрачков ее мелькнуло синее пламя. Ну конечно, как же она может быть без дара? Не столь ошеломляющего, как у Рэми, ласкового и нежного... но помогающего сердцу узнать...

— Кто ты, не понимаю...

Арман и не хотел, чтобы она сейчас понимала. Он просто прижал ее к себе сильнее, поцеловал ласково в висок и привычно почувствовал, как нагрелся на груди амулет... Ли неосознанно узнала силу брата, успокоилась вмиг, расслабилась в объятиях Армана. Посмотрела как-то ошарашено, беспомощно, и Арман ласково сказал, мысленно, чтобы никто не услышал: «Мне некогда сейчас, родная. Надо помочь твоему брату, понимаешь? Чего ты хочешь? Я могу дать клятву мага, что сделаю все, чтобы в моих силах, чтобы ему помочь... я сделаю, моя хорошая. И нельзя, чтобы мы беспокоились так же о тебе и твоей матери. Ты должна развязать мне и брату руки, слышишь, должна быть послушной».

— Да кто ты такой! — прошипела Ли. — Кто ты такой, чтобы подобное просить!

Арман лишь усмехнулся криво, не вышло. А терять время сейчас нельзя. Он прошептал заклинание, и отпустил Лию, теперь незачем ее было держать: девушка стояла как кукла и ждала указаний. И она пошла за ним. Сама. Только по глазам, сверкающим ненавистью, Арман понимал, что потом ему придется заплатить и за это. Но не сейчас.

Он приказал дозорным позаботиться об Астрид и привести ее в замок, а сам тихонько присвистнул. Раздался знакомый до боли перестук копыт, Искра вылетел из темного переулка подобно сверкающей молнии, ударил передними копытами в мостовую, в нетерпении дернул головой, и сразу же потянулся мордой к ладоням хозяина, напрашиваясь на ласку.

— Ну, ну, друг мой, — усмехнулся Арман, поглаживая Огнистого по изящной длинной шее. И чувствуя, как горячие на темной шкуре искры жалют кожу, пробуждая от задумчивости и темной тоски.

Легко вскочив в седло, Арман подал Лилиане руку, и девушка безвольно подчинилась, села за ним, обняла тонкими руками за пояс, и сразу почему-то стало спокойнее. Арман не один. И ему теперь есть для кого бороться.

— Тебе любовниц не хватает? — прошипел Гаарс. — Думал, что ты более порядочен, Арман.

Старшой лишь сжал зубы, пытаясь утихомирить гнев, горящий в груди ледяным пламенем. Гаарс не понимал одного: Арман никому и ничего не должен объяснять. Не этому человеку, который взял на себя слишком многое... не сейчас, когда Арман и без того с трудом сдерживается от нетерпения и ярости.

— Тебе ли говорить о порядочности? — усмехнулся он, разворачивая коня. — Я никого не убивал. В отличие от тебя.

Ахнула незнакомая Арману женщина, побледнела в полумраке до серости, и Гаарс покосился на нее и шагнул к Искре, но его тут же остановили помнящие приказ Армана дозорные.

— Сволочь ты все же, — выдавил он.

— Тебя же просили не лезть, — усмехнулся молчавший до сих пор Кадм. — По хорошему. Так и не лезь, будь добр.

Арман похолодел... пока он разбирался с Лилианой и Астрид, он совсем забыл о телохранителе принца. А Кадм ой как не любит, когда о нем забывают. И явно вмешался не просто так. И в самом деле: телохранитель подошел к Искре, перехватил у Армана повод и мысленно, чтобы никто не слышал, сказал: «Думаю, что мы немного изменим твои планы, друг мой».

Искра дернулся, затанцевал под Арманом, но ранить телохранителя не решился: даже он чувствовал его силу.

«Он тебе не принадлежит, — прошипел Арман. — Я не отдам его даже Миру!»

«Даже принцу, — в глазах Кадма засверкали смешинки. — Делить твоего мальчишку мы потом будем. Ты же сам понимаешь, что натворил в том парке? Понимаешь, что его сломал? Ведь он высший маг, целитель, сам знаешь, а ты по его любимой мозоли, да со всего маху. Ай, яй, так ошибиться. И не стыдно, чистый и всегда правый Арман?»

Арман, увы, очень хорошо знал. И морозный воздух вдруг стал спертым, а падающий снег слился в одно серое марево. А телохранитель невозмутимо продолжал:

«Понимаешь, что сначала его надо привести в чувство? И тут наши с тобой цели совпадают? Так что, друг мой, кончай артачиться и делай то, что я тебе говорю. Или ты забыл, что только я вам теперь могу устроить встречу? И без меня ты к Рэми даже не подойдешь?»

«Ты прекрасно знаешь, что подойду, — выдавил из себя Арман. — Теперь все изменилось».

«Ну да, ну да, Арман, — усмехнулся Кадм. — Но если ты сейчас откажешься подчиниться, пойти к Миру и объяснить тебе не удастся, я не позволю. И никакая магия зова тебе не поможет, я ее не пропущу. А пока ты будешь бегать по жрецам и рассказывать что и как, пока будешь добиваться аудиенции повелителя, доказывать, почему ты имеешь на него право, мальчик может уйти так далеко, откуда и тебе его будет не достать. Потому будь послушным лапочкой. А когда Рэми очнется, мы поговорим еще раз. А пока... давай сделаем так, чтобы он очнулся?»

— Как прикажешь, телохранитель, — сказал вслух Арман и склонил перед Кадром голову.

Временами лучше смириться сейчас, чтобы выиграть в будущем. Да и Кадма можно было обвинить в чем угодно, но... он никогда не врал. Не видел в этом необходимости.

И чтобы Мир и его телохранители ни делали, сегодня же Арман соберет совет рода, и окружит женщин и Рэми такой охраной, что никто через нее не пробьется. Он не защитил их, когда был мальчишкой, но теперь все изменилось. Теперь за его спиной верный отряд и не менее верный совет рода. И даже принц и повелитель не смогут протянуть лапы ни к чему, что принадлежит только Арману: к его семье.

— Хороший мальчик, пойдешь со мной, — добро так улыбнулся Кадм и, ведя на поводу Искру, двинулся к кляксе перехода. И когда только успел этот переход создать?

Огнистый дернулся недовольно, но успокоенный хозяином, подчинился, пошел следом за телохранителем, недовольно стегая ушами. Грыз душу и горло мороз, дрожала сидевшая за спиной Ли, спокойно и уверенно направили в переход коней подоспевшие дозорные.

Эти за старшим и в огонь и в воду.

Арман послал зов Захарию, и накрыл ладонь Ли своею, успокаивая. Искра вошел и

переход, раскинулось вокруг бездонное небо. Ли за спиной испуганно ахнула, мигнуло все вокруг, заиграл свет фонарей на расчищенных дорожках, и копыта Искры ударили в замерший до каменной твердости песок. Замок повелителя, вылетевший вдруг из сполохов снега, навис над ними переплетением арок, блеском окон и звездочками фонарей, вокруг, укутавшись в снежно-огнистую шаль, спал магический парк. Завораживающее зрелище. Наверное.

Ли опять ахнула за спиной, явно пораженная, даже бояться забыла, и доверчиво пошла на руки одного из дозорных, что поспешил помочь ей спешиться.

— Под арест его, — кивнул на Гаарса Кадм. И зачем Гаарс телохранителю только нужен? — И не кривись, некогда мне с тобой сейчас играть, завтра уже. Арман, избавься от женщин и своего чудо-коня, пойдешь со мной. Остальные свободны.

Арман кивнул вышедшему из тени Нару и передал ему Лию:

— Позаботься о ней и о моей... Астрид. Смотри, чтобы они не сбежали и чтобы ни с кем не разговаривали, даже между собой.

Снег шел и шел, раздирая душевные раны и будто о чем-то напоминая. Таял в волосах Нара, и Арман вдруг вспомнил ту ночь, когда увидел хариба в первый раз: лунную, летнюю, теплую. А Нар улыбнулся вдруг и прошептал:

— Мой архан, — он коснулся на миг руки Армана, и в глазах его загорелось сочувствие и понимание. — Ни о чем не беспокойся, я сделаю все, как ты прикажешь.

Сделаешь... уже сделал... и Арман сглотнул горький глоток, поняв, как сложно теперь ему будет... просто объясниться... даже с Наром сложно, а с Рэми? Как просить у них прощения, если Арман сам себя не мог простить? Подобное не прощается...

Он спешил и, прежде чем присоединиться к ждущему на ступеньках Кадму, положил на миг руку на плечо Нара и выдавил:

— Спасибо. Ты прав. Видят боги, как я уже жалею.

— Мой архан, — тихо ответил Нар. — Не трави виной душу. Ты теперь ему нужен сильным. Нам всем нужен. Иди... иди. Мы будем вас ждать.

Они стояли рядом, плечо к плечу и молчали. Да и нужны были слова? Нар с Арманом так давно, он отражение души, тень, самый верный друг. И все понимает без слов. Как Арман мог хоть на миг об этом забыть? Усомниться?

И теперь ведь не злиться, нет. Не обижается. Смотрит открыто, лучит успокаивающее сочувствие.

«Ты теперь ему нужен сильным». Арман не знал, нужен ли. Его душили гнев и чувство вины, но не было внутри главного, того, что должно быть: той испепеляющей любви и нежности, которые он испытывал когда-то. Их тщательно заперли виссавийцы и жрецы смерти, оплели тугой сетью заклинаний и только раз в году...

В день первого снега...

Арман посмотрел в сыпавшее снегом небо и взмолился. Боги, как убедить высшего мага, что ты искренен, если сам этой искренности не чувствуешь? Да и... все они изменились с тех пор. Выросли. И Арман, сказать по правде, не совсем знал, что он будет делать, когда его увидит...

Как же это, оказывается, страшно, когда исполняются сокровенные мечты, в которых даже себе признаться боялся. Когда сны становятся явью...

Арман ведь видел его во сне так часто... во сне Эрр тоже вырослел... но никогда не показывал своего лица. Стоял перед Арманом, опустив голову, скрываясь за шелком волос. И

там, во сне, Арману так хотелось протянуть руку, откинуть волосы от его лица, увидеть, каким он должен был вырасти, должен был, но не... почему, боги? Почему вы так насмехаетесь-то?

И почему в душе расцветает ярко-алым цветком чувство, которое Арману раньше не было знакомо... страх. Окрашенный ярко-алой виной...

— Ты справишься, мой архан, — одними губами прошептал Нар, и Арман нервно улыбнулся. Посмотрел на стоявшую рядом с Наром Лилиану и впервые на ее красивом лице прочитал не страх, лишь странное любопытство... и... что такого излучает теперь Арман, что она ему так безоговорочно поверила?

А Ли вдруг сорвалась с места, бросилась Арману в объятия и прижалась щекой к его плечу... Глупая девчонка. Надо отучить ее быть такой доверчивой, при дворе это может им всем дорого стоить.

— Я верю тебе, — прошептала Ли. — Верю. Верю, что ты хочешь помочь...

Помочь ли? До сих пор он все портил!

— Арман! — нетерпеливо позвал Кадм. — Хорош прощаться, не на казнь идешь. Не волнуйтесь, ребятушки... через несколько дней вы его получите обратно.

Армана насторожило на миг это «через несколько дней», но Кадм прав, лучше не медлить. Да и душа рвалась в замок, туда, где Арман мог увидеть его, убедиться, что он еще жив, попытаться исправить... Нетерпение сжигало душу, тянуло вперед, в благодатное тепло коридоров, в знакомый перелив света светильников, в зеркальную залу, где он так часто тренировался со своими дозорными. И тут Кадм его оставил одного...

Отдавались в тишине нетерпеливые шаги, поскрипывали под Арманом половицы, отражался свет от хрусталя огромной люстры, и в бесконечных зеркалах отражался Арман, Арман и еще раз Арман. Бледное лицо, сжатые до скрежета зубы, резкие, нетерпеливые движения, надоедливая белизна одежд. Арман бы многое дал, чтобы теперь не ждать. Чтобы стать зверем, броситься в плен бешеного бега, выйти в город и познать вкус настоящей, на жизнь и смерть, драки! Чтобы стереть со своего лица эту проклятую рассеянность!

Как он теперь понимал Мираниса! Понимал, почему этот замок казался принцу клеткой! Понимал, как здесь не хватало простора и воздуха, воздуха! И как могло сжигать душу это отвратное нетерпение... смешанное со жгучим страхом, что он не справится... не может справиться... он никогда не умел разговаривать с высшими магами, а с братом... с братом ему помогало разговаривать сердце... которое теперь молчало, скованное магией.

И где же проклятое самообладание, которому его учили с самого детства? С Рэми всегда и все было так непросто... боги!

Еще чуть-чуть! Пара шагов, пара плотков неожиданно спертого воздуха, тихий шелест упавшего на пол плаща. Еще чуть-чуть! Немного борьбы с ревушим зверем внутри, немного отблесков хрусталя в зеркале... чуть... едва ощутимый ветерок на коже, отворившиеся двери, и обернувшийся Арман обомлел... детский силуэт в дверях рядом с Кадром, едва слышный то ли вздох, то ли шепот:

— Ар!

Яркая вспышка узнавания, и уже нет места сомнениям. Бежит к нему, заливается смехом ребенок, и Арман подхватывает мальчонку на руки, вглядывается в знакомые и незнакомые черты, пробует в них прочесть то, что помнил разум.

Память подсказывала, что волосы у того, настоящего, были темнее, почти черными, как плодородная земля. И глаза не те бездонные, почти черные, какими Арман их помнил... но

Арман узнавал, теперь не мог не узнать, и позволял Эрру обнять его за шею, шептать счастливо что-то в волосы, заливаясь радостными слезами...

А сам чувствовал лишь постыдное облегчение. Ничего больше. Сердце спало, скованное льдом ритуала.

Видимо, ему не придется объясняться. Пока. Или почти пока.

И лился через Армана, растекался по полу синим туманом свет знакомой до боли силы...

— Прости, — плакал Эрр. — Прости... амулет... я не хотел, не хотел, чтобы тебя... из-за меня... Я так рад, так рад, что учитель тебя нашел! А-а-а-ар! Ты ведь не злишься, правда?

Учитель, значит. Арман подавил в себе беспокойство, мягко отстранил брата и, сев перед ним на блестящий пол, вытянул из рукава кружевной платок и отер мокрые щеки. Ну что же он, мальчик, не девчонка, а слезы льет?

Астэл... Арман не мог видеть в нем Астэла. Блестят силой глаза, морщится смешно нос, как морщил его когда-то Эрр, отражается во взгляде упрямство и... вина. Эрр всегда и во всем любил винить себя, маленький дурачок. Как и Рэми теперь... не думать о Рэми.

— Не злюсь, — сказал Арман и поймал ладошки брата в свои. — Я не умею на тебя злиться, ты же знаешь. И ты меня прости, я на самом деле был неправ.

Слова шли легко и естественно. И ровно... хорошо, может, так и лучше.

— Но Ар... — начал Эрр. — Ты всегда же...

— Все мы ошибаемся, — усмехнулся Арман. — Главное суметь исправить свои ошибки. Ты забрал у меня свой подарок, это правда, но я жив. И твой амулет, — он достал из ворота ветвь и показал ее Рэми, — снова со мной. Так что не реви. Мы живы, мы можем все исправить, правда?

Он погладил Эрра по щеке, сам не веря отблеску проснувшейся в душе нежности, и Эрр улыбнулся счастливо, подошел к брату, устроился на его колене и сказал:

— Ты всегда бы умным...

— И потому ты вчера сразу пришел ко мне, — горько констатировал Арман, складывая элементы мозаики воедино. — А я не понял, прости.

Да и как было понять? Как можно было хотя бы предположить, что Эрр жив? Голова шла кругом, не верилось. Ни во что это не верилось. Даже в собственное отражение в зеркалах: белоснежный шелк плаща, расплескавшийся по блестящему полу, собственная бледность, почти под цвет этого шелка, потухший взгляд... и Астэл... нет, Эрр... боги, как со всем справиться?

— Я... Нар мне все объяснил, — сказал Эрр, опуская взгляд и сминая пухловатыми еще пальцами полу туники. — Он сказал, что ты боялся вспоминать...

Этот Нар! Арман подавил в себе вспыхнувший гнев, вовремя вспомнив, что для Эрра, увы, щиты не такая уж и помеха. Он все чувствует. Если не увидит даром, то уловит по глазам, по движению губ, по едва заметному выражению лица... кто его знает, как уловит, но с ним надо быть искренним. Только Арман не сильно-то и мог.

Разум радовался. Сердце сковывал холод. И что теперь? Эрр перед ним? Снова ребенок? Высший маг? Боги, с таким Арману не справиться!

Мысли крутились в голове грозным вихрем, и Арман пытался вспомнить, как с этим справлялись раньше... взрослые. Учителя, вечный присмотр... где все это взять прямо сейчас? Магическая школа? Но сколько может быть Эрр в этом теле, и что стало с его...

взрослым я?

Магия, магия, это всегда было таким непонятным. Арман — воин, не маг! Магией всегда занимались другие... Лиин, как же ему нужен сейчас Лиин!

— Ар?

Арман вздрогнул и понял, что Эрр смотрит на него. Изучающе, странно... испуганно?

— Ты не такой...

Не слова, приговор. И Арман сжал зубы в бессилье, склоняя голову. Что он мог сказать? Вмешался Кадм, о котором, казалось, все забыли:

— Его сердце запечатано магией, ученик. Когда ты ушел, Арману было слишком больно, чтобы выносить вашу смерть. И потому над ним провели долгий и сложный ритуал, а всю его боль, все его чувства к семье, заперли в глубине его души. Ты должен понимать... сам же сделал с собой нечто похожее...

Арману хотелось сказать что-то резкое, возразить. Что нельзя вот так все сразу говорить высшему магу, что Эрр может не понять, но тут взгляд остановился на брате, и Арман вздрогнул: в глазах Эрра светился магией гнев.

— Я помню! Я вас видел, я все помню, помню, как он меня забыл!

— У него не было выбора, ученик. Ты хотел, чтобы твой брат страдал?

Брат? И тут Арман понял, что только он один ни о чем не догадывался, другие... Нар, Кадм, кто еще?

— Я? — Эрр на миг задохнулся, пухлая рука его легла на грудь Армана, и стало вдруг нечем дышать. Арман не понимал, что хотел сделать брат, но зверь внутри бесновался и рвался наружу, а по груди начала расплзаться жгучая боль...

«Даже не думай показать, что тебе больно, напугаешь, — приказал в голове голос Кадма, — я помогу».

Огненная сеть выжигала внутри глубокие дорожки, бежала по жилам лава, плавилась от жара кожа, но Арман все так же улыбался брату. И Эрр ловил его улыбку, разгоралось пламя магии в детских глазах, лилась через Армана, впитывалась в пол волна магии.

— Тебе оно больше не надо, — прошептал Эрр и потянул ладонь на себя.

Боль вгрызлась в грудь острыми зубами, расцвела на груди огненным цветком. Опустилась на плечо рука телохранителя, влилась через пальцы Кадма другая сила, помогающая сидеть вот так прямо, провела ледяную дорожку на спине капля пота. И все в этом мире сосредоточилось только на одном: продолжать сидеть вот так, с выпрямленной спиной, продолжать улыбаться и делать вид, что ничего не чувствуешь...

И потянулась за пальцами Эрра темная сеть, и боль нарастала, став почти невыносимой. И Арман будто видел себя со стороны... бледного, застывшего, но все так же смотревшего Эрру в глаза. Он виноват, боги, как же он виноват, надо терпеть...

Эрр шептал что-то, свет в его глазах стал мягче, ласковей, и тонкие нити вились вокруг его пальцев, собирались в клубок, тянули полумрак из ставшей такой тихой залы. И казалось, что брат уже не замечает ничего вокруг, помимо движения своих пальцев и быстрее, быстрее вертевшегося, обраставшего нитью, клубка на его ладони...

— Хва... — не выдержал было Арман, но сила Кадма лишила воли, остановила рвущийся с губ крик, ворвалась тугой волной в сознание.

И тут боль захлестнула с головой, и Арман начал задыхаться. Он уже видел грань, такую близкую, такую прохладную, он плавился в огне и думал только об одном... дышать! Дышать! И Кадм вел его по огненной дорожке, шептал что-то внутри, окутывая мягкой

сетью заклинания, и тянулись из души, не хотели уходить, тонкие, блестящие нити... смерть, смерть такая желанная! И боль, боль уже казалась сладкой, ласковой... потому что ушли нити и загорелась в огне потери душа...

Арман шумно выдохнул, открыл глаза, и зала вдруг обрела очертания. Упал с мальчишеской ладони, покатился по полу, собирая тени, черный клубок, и Эрр вновь коснулся груди Армана, прошептав:

— И это тебе тоже не надо, — и боль отхлынула, будто ее и не было. — Тебе больше не будет больно из-за меня, обещаю.

Больно? Кого волнует сейчас боль? Арман боялся вздохнуть лишний раз... протянул к Эрру дрожащие руки, опасаясь, что сейчас тот исчезнет, и Арман вновь проснется... вновь... один.

— Почему ты плачешь? Еще больно? — спросил Эрр миг раньше, чем задохнулся в объятиях Армана. И все вокруг закрутилось, сосредоточилось только на одной мысли. Жив, спасибо вам боги, что он жив! Жив!

— Где ты был, глупый мальчишка? — выдохнул Арман. — Почему сбежал? Разве ты не самое дорогое, что у меня есть?

— Я думал, что ты... что ты мертв... — шептал ему на ухо Эрр. — Я так боялся...

— Чего ты боялся, маленькое чудовище?

Эрр вздрогнул, и Арман вдруг понял, что брат опять плачет. Горько, безумно, изливает в его объятиях страх и обиду. Потом, потом Арман поймет откуда это, потом... а пока он просто сжимал Эрра сильнее, даруя ему свою силу. Как в детстве... в далеком детстве, куда им обоим нет дороги.

«Арман, очнись. Я понимаю, что он и таким тебе хорош, но он не может все время оставаться ребенком, нам надо вернуть взрослого Рэми, попроси. Он для тебя сделает все».

— Я не дам тебя в обиду, ты же знаешь? — тихо спросил Арман. — Знаешь, так почему боишься и плачешь? Почему убегаешь?

— Он сказал, что убьет всех, кто мне дорог, если я... но я не хочу, не хочу к нему, слышишь! — выдавливал из себя Эрр. — А потом... потом ты... я потерял тебя! Я боялся, что мама... Лия... все из-за меня!

— Понимаю, — Арман и в самом деле начинал понимать. Ведь только один человек мог... — Это был Элизар, да?

Вздрогнул рядом Кадм, повеяло бедой, и молчание Эрра сказало Арману все. Подавив в себе черный гнев, Арман мягко отстранил от себя брата, заглянул во влажные от слез глаза и сказал:

— Мы теперь взрослые и можем этому противостоять. Оба. Твой дар огромен, наш род силен, мы сумеем тебя защитить даже от него. Но ты должен стать тем, кем ты являешься... взрослым. Не бойся. Не смей бояться! Я рядом, Лия рядом, мама рядом, мы тебе поможем!

— И Мир? — тихо спросил Эрр. Арман сжал зубы, но все же подтвердил, встретившись с насмешливым взглядом Кадма:

— И Мир... наверное.

— Но ты... — Эрр сжался весь вдруг, сник как-то. — Я вырос плохим, правда? Потому ты... ты меня... ненавидишь... взрослого? Я буду хорошим, я постараюсь... исправиться... не злись, пожалуйста.

Арман вздрогнул, выдохнул поглубже, забив внутри огонь вины, и опустил щиты, обнажая душу:

— Ты вырос прекрасным человеком, мой брат. Это я... я тебя подвел.

Правда, боги, какая горькая правда. И как стыдно-то и больно от собственного стыда. А Эрр вновь посмотрел открыто, ласково, коснулся щеки Армана и сказал:

— Я... я... понимаю, — и вновь чуть было не начал исцелять... но Арман поймал его ладонь, отвел от своей щеки и сказал:

— Не надо, Эрр. Я понимаю, ты хочешь помочь, но я уже взрослый. И достаточно сильный. Я заплачу за свои ошибки, я буду помнить, что я сделал. А это чувство вины будет моим наказанием. И моей памятью, что я тебе не поверил.

— Ар... но зачем?

— Потому что я так хочу, мое маленькое чудовище, — улыбнулся Арман, вновь обнимая Эрра. — Как жаль, что не могу натешиться тобой таким, какой ты сейчас... как жаль, что потерял столько лет, не видел, как ты рос. Как жаль, что не мог быть рядом, когда был так тебе нужен. Прости. А ты, ты всегда был рядом, мой глупыш, я просто не замечал. Я тоже глупый, да...

— А-а-ар... — прошептало Арману на ухо маленькое чудовище, разливая по душе теплую нежность. Как же хочется его защитить... эту улыбку. Эту невинность широко распахнутых глаз. Это глупое желание всех понять, всех простить, всем помочь...

А ведь Рэми не совсем и изменился... или совсем не изменился. Просто не смог пробиться через цинизм Армана.

— Ты и твой драгоценный Аши...

— Береги Аши, — тихо сказал Эрр, — он хороший.

— Я знаю. Другому бы ты не поверил, правда? Ты опять меня забудешь?

— Прости... Ви говорит, что еще рано. Он должен сам...

— Хорошо. Не бойся, малыш, мы со всем справимся. Вместе. Я сделаю для тебя все, ты же знаешь?

— Знаю... — прошептал Эрр, сам кутая Армана в щиты и чуть ревниво поглядывая на Кадма. Глупыш же...

Эрр коснулся амулета, и магическая вещичка отозвалась ласковым теплом. Отстранился, улыбнулся горько, печально, и за спиной его сгустился, стал плотным синий туман. Эрр все так же отходил, все так же улыбался, плескалось в его глазах синее пламя, а туман стекал на пол мягким потоком, обнажая его другое тело... сильное, взрослое так знакомое Арману...

Но сейчас он не отпускал взглядом мальчишеский взгляд, ведь душа брата, пусть даже часть его души, была теперь тут... а там... там пока не было ничего.

Эрр остановился, по щеке его скатилась слеза, но глаза все так же мягко улыбались. И потухло в них вдруг пламя, будто его водой окатили, и веки его опустились, и Астэл бы упал, но Кадм был быстрее: подхватил мальчика, уложил его аккуратно на полу и повернулся туда, где дышал тяжело, судорожно... Рэми.

Забыв об Астэле, Арман бросился к Рэми и отшатнулся: брат медленно открывал глаза, но в этом взгляде не было жизни, лишь ошеломляющая, такая знакомая пустота...

— Что же я наделал... — прохрипел Арман, понимая, что ничего уже не изменишь. Он видел сорвавшихся высших магов, знал, что с ним делают телохранители, знал, что ничего не исправить... и Эрр умрет... из-за тупости Армана!

— Да и в самом деле? — сказал оказавшийся рядом Кадм. — Дурак ты, Арман. Собственного брата, высшего мага, целителя, до такого довел. Теперь понятно, почему твои

слова так его ударили... он ведь тебя, дурака, подсознательно любит, ценит, слушает. А ты... так некрасиво. Но раз нашего Рэми мы вернуть не можем, думаю, и тебе тут делать нечего.

Арман и понять не успел, что произошло: Кадм был слишком быстрым. Ужалило болью шею: телохранитель сорвал с него амулет. Мелькнул в зеркалах клинок, пронзило огнем спину, и из груди вдруг показалось на миг такое на удивление чистое, блестящее острие... И исчезло, когда Кадм выдернул клинок. Какая честь, коварные боги. Телохранитель изволил его убить собственным клинком...

Не веря, не осмеливаясь поверить, Арман упал на колени, зажимая рану, лениво удивляясь отсутствию боли и расплывающемуся по животу и спине влажному теплу... кровь струилась по белоснежным одеждам, пачкала идеально чистый пол, переливался в хрустальном звоне едва слышный плач замка. Арман захрипел, давясь кровью, понимая, что осталось не так и много, прикоснулся испачканной ладонью щеки брата, прошептал то, что должен был сказать уже давно:

— Да, я дурак. Ты не виноват. Ни в чем не виноват. Это я виноват... я был слеп... не понимал... прости, Рэми, прости... и очнись... ты должен жить... мое глупое чудовище. Слышишь? Живи несмотря ни на что... и как хорошо, что ты меня не помнишь... не вспоминай, незачем помнить...

И закашлялся кровью. Силы покидали его, зеркала расплывались перед глазами, ударил за спиной крыльями подоспевший Айдэ. Затих в страхе замок, будто и сам умер, а в глазах Рэми появился вдруг смысл. Или просто показалось. Дайте боги, чтобы не показалось!

Арман упал на спину, стараясь не пачкать брата собственной кровью, вновь захлебнулся и лениво удивился, что его кто-то перевернул на бок, чтобы он смог дышать. Неужели Кадм? Зачем?

— Арман? — догнал на грани сознания знакомый и теперь ставший вдруг таким родным голос. — Очнись, Арман? Ты... что же ты! Да помоги же!

— Я не умею исцелять, — ответил кто-то другой, — так что давай ты...

И Арман выгнулся от боли, а в рану его влилась белоснежная сила. Белоснежная? Боги, откуда?

Тихо, как же тихо... отражается в подвесках люстры золотой свет, струится по расписанному потолку. Холодит спину пол... и кто-то стоит рядом на коленях, назойливо зовет по имени, бьет тыльной стороной ладони по щекам, а в темных, родных глазах горит страх и беспокойство.

— Рэми? — тихо спросил Арман, глазам своим не поверив. — Ты очнулся? Я рад...

— Рад он! — разозлился Рэми. — Чуть кровью своей не захлебнулся и рад? Да как ты смел?

И раньше, чем Арман успел и слово сказать, бросился на стоявшего рядом телохранителя. Ахнув от ужаса, Арман попытался встать, но вновь упал. Кадм лишь усмехнулся и невидимым почти ударом остановил атаку. Рэми осел на пол, вновь в беспомощности, но осел мягко, будто поддерживаемый невидимыми руками.

Кадм позаботился, не иначе.

— Ну и зачем? — выдавил из себя Арман, с трудом садясь на полу.

— А как ты думаешь, — изволил ответить Кадм, опускаясь перед Арманом на корточки, — что еще могло бы заставить целителя очнуться, как не смерть столь горячо любимого, пусть даже бессознательно любимого, брата? Так что у нас все получилось,

Арман, разве ты не рад?

— Отдай амулет, — сказал Арман, протягивая ладонь. — Спасибо за помощь, теперь Рэми это моя забота.

— Думаешь? — усмехнулся Кадм, и от этой усмешки зверь внутри сложил уши, и показалось вдруг, что в зеркальной зале стало подозрительно тихо... Арман сжал зубы, приготовившись к новой выходке телохранителя. И уже понимая, что ему не противостоять... — Рэми сам принял в себя Аши, это правда. Но вместе с душой полубога он взял на себя и ответственность за судьбу принца. И, как я понимаю, ты не хочешь его заставить стать телохранителем Мираниса?

— Он сделает то, что сам захочет, — ответил Арман. — Ты еще не понял? Никто из нас не властен над его судьбой.

— Да ну?

И Арман зашипел, почувствовав, как его правую голень пробил жаром. С удивлением посмотрев на ногу, он увидел похожее на большую жабу существо, вцепившееся в него острыми зубами. Существо таранилось на Армана злобными глазками и упрямо сжимало челюсти, будто и в самом деле норовило прокусить голень насквозь. Но не в боли было худшее... Арман почти физически чувствовал, как уже бежит по венам яд, льет жар в кровь, посмотрел удивленно на невозмутимого Кадма и спросил:

— Убить меня захотел? Мешаю ломать брата, да?

— Да ну ладно тебе, сразу убить, — почти добро усмехнулся Кадм. — Это всего лишь на диво полезная зверюшка Тисмена. Твоего Нара она тоже недавно опробовала... но Нару повезло, рядом был Рэми, целитель из целителей, а вот тебе так везти не будет.

Он коснулся жабы, и глупое животное заверещало недовольно, но ногу Армана отпустило и прибилося к стенке, притворившись уродливым украшением.

— Проспишь пару дней... вернее, промучаешься кошмарами, ты заслужил. Это тебе за Нара. Твой хариб оказал нам услугу, а ты его за это так некрасиво избил, ай-яй-яй. Заодно и твое великое чувство вины притупит. А когда проснешься, ничего не подозревающий о своем происхождении Рэми уже будет телохранителем Мира. И вот тогда, мой друг, ты сможешь с нашим полным на то благословением заняться воспитанием упрямого брата.

— Ты, сволочь! — прошипел Арман.

— Да, она самая! — усмехнулся Кадм, поднимаясь. — А теперь прости, мне пора. Я пришлю к тебе Нара, когда ты потеряешь сознание и не сможешь отдавать глупых приказов. Не бойся, друг мой, умереть я тебе так легко не дам. И не надейся. Ты ведь тоже другим не даешь, правда?

И исчез. А Арман сжал зубы, откинулся на прохладный пол и закрыл глаза. Сопrotивляться нет смысла... пока нет смысла... но Кадм зря думает, что его переиграл. Пока... набираться сил. И бороться с текущим по венам ядом.

Казалось, заснуть удалось всего на мгновение. Тисмен вскочил на кровати, хватясь за голову. Боль раздирала изнутри, перед глазами плыло, от любимой зелени вокруг чуть не выворачивало наружу: что-то грубо нарушило его связь с тайником. Подоспевший хариб без слов подал чашу с зельем, кинул на кровать одежду. От горького питья в голове прояснилось и, на ходу натягивая тунику, Тисмен ворвался в тайник. Так и есть, сеть была разорвана, тело Рэми исчезло.

Но раньше, чем Тисмен успел на самом деле испугаться, ворвался в его сознание голос

Кадма: «Тис, жди, я иду к тебе».

«Зачем?» — раздраженно спросил Тисмен. Вот только Кадма с его вздорными идеями сейчас и не хватало.

«Заблокируешь силу нашего целителя судеб».

И Тисмен без слов вернулся в свои покои.

Ярость. 14. Рэми. Неволя

*Кто не любит свободы и истины,
может стать могущественным человеком,
но великим он никогда не будет.*

Вольтер

Лия ничего не понимала. Еще пару дней назад она ехала в столицу и радовалась. Больше не надо будет вскакивать от каждого стука, ждать тревожных вестей. Ведь ее брат, любимый, самый родной, стал беглецом! И если бы его поймали...

Глупый и безумный. Нашел в кого влюбиться! Да, Аланна красива... но это же архана. Рэми люблю мог бы из деревни взять, только бы захотел... с такими глазищами-то! А ему нет, эту архану надо было!

Лия так надеялась, что увидит Рэми в столице, убедится, что с братишкой все хорошо, надеялась обещать его как следует, ведь они даже попрощаться толком не успели, а вместо этого встретила лишь холод, равнодушную толпу и выстывший, давно нетопленный дом, в котором застыли тишина и горе. Варина плакала и все извинялась, прятался в углу перепуганный до смерти Рис, а мама успокаивала Варину, на свой манер, тихо, мягко, и лишь во взгляде ее Лия ловила хорошо скрываемый страх.

Этого страха Лия боялась больше всего. Ведь даже когда Рэми пришлось бежать, мама не боялась. Все успокаивала, что в столице ему наверняка помогут, что будет все хорошо, и Лия верила... как верила и в то, что теперь хорошо ничего не будет.

Там, на площади, надежда таяла с каждым мгновением. И даже когда Гаарса освободили, тревога и не думала отпускать. Гаарса пощадили, но Рэми так и не появился. Сердце болело, дыхание перехватывало, и беда нагнала их снова... и беду звали «Арман».

И вот зачем? Зачем он притащил ее сюда? Зачем запер в этой проклятой спальне и вновь пропал... хоть бы кто-нибудь пришел, хоть бы кто-то объяснил, только бы не оставляли наедине со страхами... в этой богато убранной спальне, в которой Лия и пошевелиться боялась лишней раз. Чисто тут. И какие-то шкатулочки на туалетном столике, и красивое, богато выкрашенное цветами покрывало на кровати, и тяжелый балдахин цвета плодородной земли, и ковер, такой мягкий и пушистый, пружинистый под ногами...

По такому и ходить страшно. Да и зачем она тут?

Арман хочет сделать ее любовницей? Не он первый, не он последний. Проезжающие мимо арханы временами говорили, что Лия симпатичная, предлагали взять с собой, обещали красивые платья и украшения... и не слушали слабых возражений. Но Рэми дружил с дозором, а дозор сестру заклинателя в обиду не давал... и в затерянном в лесу замке Лие жилось очень даже неплохо. Попробуй тронь. Но тут защитить было некому...

Впрочем, Лия и сама себя защитить может! Не беда. Ее тоже дозорные в шутку учили. И куда бить, если что, и как вырываться... только же... Но все равно было страшно. И не верилось почему-то...

Ведь там... во дворе замка Арман на миг стал каким-то... Родным. Потерянным. И сердце Лии тогда екнуло и захотелось просто подойти, обнять, сказать, что все будет хорошо. У них всех будет... когда-нибудь будет?

Только вот будет ли? Она забилась в угол и смотрела со страхом на дверь. Стирала с

щек невольные слезы и все пыталась заставить себя быть сильной. Мама тоже где-то здесь, и Рэми... наверное...

На замок опустилась ночь. Все вокруг стихло, замерло, за окном застыли стражники-фонари, выплыла на усыпанное звездами небо яркая луна... Лия было выползла из угла, но забилась обратно: дверь тихонько скрипнула, и в спальню вошел высокий, широкоплечий мужчина, в котором Лия с ужасом узнала Нара, хариба проклятого Армана!

— Не бойтесь, моя архана, — мягко сказал Нар. — Вас никто не обидит, я лишь хотел вас покормить.

— Он привел меня сюда силой! Он заставил меня идти, хотя я не хотела... — прошипела Лия, — и ты мне говоришь, что никто меня не обидит? И... — посмотрела на Нара и выпалила: — у тебя нет еды!

Дурой ее считает. Туника вон на нем тонкая, домашняя, без карманов, руки пустые, никакого подноса, какая еда? Воздухом он ее кормить собрался?

— У моего архана не было времени объяснять, — ответил Нар, садясь прямо на пол напротив Лии, скрестив ноги и положив на колени руки... так по-домашнему сел, и Лие сразу стало спокойно. — Еду надо только попросить. У этого замка есть дух, он выполняет все наши пожелания, о нас заботится. Дух очень беспокоится о вас, архана. Говорит, что вы совсем худенькая и плачете весь вечер. И что ничего не пожелали на ужин...

— Чтобы вы мне какую-нибудь гадость подкинули? — вздернула подбородок Лия.

— Если вы нам не верите, я поем с вами, — мягко улыбнулся Нар, и провел рукой над полом. Лия глазам своим не поверила: на чистом до этого ковре появился низкий столик, а на нем...

Еще теплые, манящие ароматом булочки, свежесбитое масло и кувшин с парным молоком. А Лия ведь с самого утра ничего не ела! Смотрела настороженно, как Нар разрезал булочку, намазал ее маслом и, положив на красиво расписанное блюдце, подал Лие...

Лия лишь отвернулась. А Нар поставил блюдце на столик, намазал маслом вторую половинку булочки, налил в чашу молока и начал есть... не спуская с Лии внимательного, чуть насмешливого взгляда.

— Ничего смешного! — заупрямилась Лия.

— Простите. Вы так похожи на своего брата...

— Рэми? — сразу забыла о булочках Лия. — Ты видел Рэми? Правда? Отведешь меня к нему?

— Я отвечу, если вы немного поедите, моя архана.

Лия сжала губы, но намазанную маслом булочку взяла. На вкус она была восхитительна! И сама не заметив, Лия потянулась за второй, даже взяла из рук Нара чашу с молоком, все так же не сводя с хариба внимательного взгляда. А тот будто и не замечал ничего. Лишь намазывал маслом очередную половинку булочки и улыбался все так же спокойно, будто лучшей подруге. Какая она ему подруга-то!

Насытившись, Лия оттолкнула от себя блюдце и вновь спросила:

— Ты видел Рэми? Ты обещал рассказать, так рассказывай.

Нар лишь провел ладонью над столиком, и стол исчез, посмотрел на Лию внимательно, с легкой грустью и отчетливо, спокойно произнес:

— Я не говорил о Рэми.

— У меня нет другого брата, — сказала Лия, ощущая какое-то смутное беспокойство.

— Вы же знаете, что есть, — мягко улыбнулся Нар. — Вы тоже ведь маг, как и Рэми? Не можете не быть, ведь ваша мать...

— Да что ты... — ошеломленно прошептала Лия, сжимая кулаки. — Моя мама...

— Что? — перебил ее Нар. — Лечит травами? И у нее замечательно получается! Совсем без магии, а вот у других травниц так легко почему-то не выходит, да. А у вашего брата такой дар, который и среди высших магов редко случается, наверное, тоже совсем случайно. И вашу мать Арман совсем случайно узнал, хотя ни разу в жизни не видел... все это случайности?

— Арман тут причем?

— Мать моего архана умерла, — спокойно объяснил Нар, — когда ему было три года. И его отец, Алан, женился еще раз. Когда его молодая жена была беременна вторым ребенком, Алан ушел за грань. И через пару лет туда же ушла и его жена, вместе с двумя маленькими детьми. Эррэмиэлем и Лилианой. Мой архан очень болезненно пережил их смерть... смирился. И вдруг... Сколько вам лет, моя архана, четырнадцать, не так ли? А вашему брату... семнадцать? И себя не помнит до шести лет, правда? Пойдемте, я вам покажу почему.

Он встал и подал Лие руку, и она задумчиво приняла его помощь, поднимаясь. Лия уже не боялась, чувствовала, что Нар искренен, просто не осмеливалась поверить в услышанное. Да и как тут поверить? Что Арман ее...

А Нар все так же не отпускал ее руку, вел через небольшую дверь в стене, которую Лия, наверное, сама бы и не заметила, а там... просторный кабинет, Лия подобный видела в замке, возле которого она выросла. Только этот был более роскошным, огромным. И казался таким пустым. Белые тона, статуи барса у огромных, тяжелых дверей, золотая инкрустация, какой-то странный герб с горными вершинами над дверью и громадный письменный стол, на котором аккуратными стопками лежали бумаги.

А еще книги! Столько хороших, интересных книг! Лия сглотнула и с трудом сдержала страстное желание взять хотя бы одну в руки, почувствовать пальцами тисненную кожу обложки, вдохнуть аромат пожелтевших от времени страниц... она так любила читать. Дозорные украдкой таскали ей из замковой библиотеки книжки, и она зависала ночами в чужих мирах, чтобы потом отдать драгоценный томик обратно, ведь если бы архан узнал...

Рожанам читать не положено. Чудо еще, что она и Рэми вообще читать умели... опять же дозорные научили. Точно ли чудо?

Лия вдруг вспомнила, как относился к Рэми их бывший старшой, Жерл, как к родному сыну. Помогал, поддерживал, следил за его образованием. Будто арханенка растил. В замке шептались, что зря это. Что Рэми слишком заносчивым может стать, вообразить о себе невесту что, но брат будто и не замечал ничего. Он всегда делал лишь то, что считал правильным. Где теперь Рэми? И будет ли Лие сейчас до книг?

— Вы можете читать любые книги в библиотеке Армана, — уловил ее желание Нар. И щеки сразу же залило жаром: стало стыдно за свои глупые сейчас желания. — А сейчас посмотрите, пожалуйста, на это!

Лия послушно посмотрела туда, куда указал Нар, и вздрогнула. Как она раньше не заметила-то? Почти всю стену за письменным столом занимала огромная картина. А на картине сидела в высоком кресле стройная женщина, стекали по ее коленям белоснежные юбки, поблескивали на тонких запястьях синие татуировки арханы, а рядом стоял, улыбался кому-то мальчик лет пяти, в котором Лия с удивлением узнала...

— Рэми?

— Эррэмиэль, брат моего архана, — поправил ее Нар. — Не знаю, как это стало. Не знаю, что это значит. Но посмотрите на его мать, моя архана. Внимательно посмотрите.

Лия шагнула к картине, узнавая и не осмеливаясь поверить в увиденное. Мама, точно мама же! Только моложе, нежнее, без следов седины в черных волосах. И взгляд ее тут совсем другой... такой спокойный, властный. Взгляд истинной арханы... Если она архана, то и Лия... смешно же. Служанка Лия с натруженными руками и в простом сером платье...

Но Рэми... Рэми тут же совсем другой... Лия как зачарованная подошла к картине, дотронулась до нарисованной ладони брата. Какой же взгляд... глаза, в которых билась мотыльком сила, улыбка, открытая искренняя... почему он сейчас так никогда не улыбается, не смотрит так открыто, не раскрывает душу миру, как тут, на картине?

Кто посмел так его ранить!

Лия опустила руку, уставилась в ковер под своими грубыми башмаками и вдруг поняла, что никогда по-настоящему не знала ни своего брата, ни матери. И что теперь, наверное, все изменится. И такой знакомый мир вновь придется перестраивать. И лучше начать прямо сейчас, потом может быть поздно... Начать. Сейчас. Что-то делать. Что, боги, что?

— Теперь вы понимаете, почему Арман не смог объясниться, — продолжал говорить за спиной Нар. — Он спешил на помощь вашему брату.

«Вашему»... не Лии, а еще и Армана. Лия в бессилии опустилась на стул, сложила на коленях руки, сжала в пальцах грубую ткань платья и всхлипнула едва слышно. Она верила. Потому что знала. Откуда-то знала с того самого мига, когда увидела Армана на площади. Просто боялась поверить в свое знание. И вспомнила вдруг свои неясные сны... в которых она неслась по заросшему ромашками полю к светловолосому мальчишке, как впрыгивала ему на руки, и мальчишка смеялся счастливо, кружился по поляне, а солнце било в глаза радостными лучиками.

Боги, они же были тогда такими счастливыми...

Так почему же теперь все так? Почему Рэми стал настороженным и скрытным, почему во взгляде Армана появился лед, а Лия все не могла поверить, что ее братья могли быть и другими... теплыми... родными. Но, боги, это потом.

— Рэми в замке? — тихо спросила Лия, чувствуя, как поднимается внутри волной уверенность.

— Да.

— Арман помог ему?

— Думаю, да. Арману Эррэмиэлю, несомненно, лучше. Но меня к нему не пускают. Вас боюсь, тоже не пустят. А мой архан... я не знаю, что случилось: его нашли без сознания в коридорах замка. Виссавийцы сказали, что против этого яда они не помогут, но сам по себе яд не опасен. Арман просто проспит пару дней и проснется сам.

— Я хочу увидеть мать.

— Ваша мать умная женщина, но, боюсь, она запуталась, и архан запретил вам пока видаться.

— Тогда я хочу увидеть брата, хотя бы это ты мне позволишь! — взвилась Лия.

— Рэми...

— Армана! — перебила его Лия и посмотрела ему в глаза, сжимая ладони в кулак. — Хочу увидеть Армана! Сейчас. И только посмей мне помешать!

— Я же говорил, что вы на него похожи, — улыбнулся Нар. — Конечно, я отведу вас к

брату. Все, что прикажете, архана Лилиана.

Новое имя ударило как кнутом по плечам. Но Лия лишь сглотнула и подумала, что придется привыкать. Ко всему придется привыкать. Как и к подчеркнутой вежливости Нара и его готовности исполнить любой приказ... пока этот приказ не противоречит указаниям его архана.

В убранной в те же белоснежные цвета спальне было слишком просторно... и холодно как-то. Лия опасливо прошла по белому ковру, почему-то страшно боясь его испачкать, и тотчас все забыла, застыв у кровати.

Просто проспит? Виссавийцы издеваются? Видно, что же, что он не просто спит, мучается от боли, мечется в проклятом кошмаре! Арман, серый, как небеленое полотно, лежал на спине, сжимал до скрипа челюсти, и на лбу его пролегла скорбная складка. И сразу же сердце сжалось от боли и сострадания, и Лия сглотнула, не зная, что сделать и чем помочь...

Боги, это же ее брат! Может быть, ее брат... и сама не понимая зачем, она коснулась на миг запястий Армана, пробудила спавшие татуировки, скользнула пальцами выше, по полупрекрытому одеялом плечу, провела тыльной стороной по щеке, подула на проклятую складку:

— Ты нам сейчас нужен... просыпайся. Если ты и в самом деле мой брат, то лучше просыпайся поскорее, пожалуйста.

Арман застонал во сне, на лбу его выступили капли пота, а губы чуть разомкнулись, выпуская наружу лишь одно имя:

— Эрр...

Больно-то как видеть его таким... И уже не сомневаясь, Лия вздохнула, легла на кровать и прижалась спиной к вновь найденному брату. Какой же он горячий и напряженный! Кто же тебя так, а?

И улыбнулась облегченно, когда Арман повернулся на бок, не просыпаясь поймал ее через одеяло в крепкие объятия, уткнулся в волосы носом и прохрипел через сон:

— Ли...

Ли...

Тепло-то стало как... тихо... Дыхание Армана выровнялось, успокоилось, и брат расслабился, будто выбрался из проклятого кошмара, потянул Лию в мягкую, ласковую сонливость. И тепло, ласковое, нежное, окутало их обоих в плотный кокон. Погружаясь в глубокую дрему, Лия вдруг почувствовала, как Нар осторожно накрывает ее вторым одеялом... пару дней, говорите? А вот Лия была уверена, что Арман проснется раньше. И что ее сила, а это, наверное, была сила, ему поможет! В их роду слабаков не водилось, а уж ее старший брат и вовсе слабаком не выглядел. И тогда посмотрим, как их обоих не пустят к Рэми.

Душно и тошно. Голова кружится, разрывается от боли, в висках настырно стучит кровь, и какая-то назойливая мысль бьется в груди раненной птицей. Рэми надо встать... и что-то сделать... только вот что?

Думать не хотелось. Дышать не хотелось. Тягостно... Отдаться бы слабости, забыться, да не дает кто-то извне. Тянет упрямо вверх, ведет сквозь пелену сна к свету, заставляет дышать глубже, ровнее. Ощутить болезненность кожи, жадно глотнуть воздух, задыхаясь, содрогнуться от кашля.

— Тише, спокойнее, — мягко уговаривает тихий голос.

Чужие руки прижимают ко рту платок, смоченный в едкой жидкости. Ненадолго резкий запах обжигает легкие болью, зато проходит удушливый кашель, и кто-то помогает опуститься на подушки.

— Не двигайтесь... дайте себе время...

Осторожно, еще не веря, что боль прошла, Рэми открыл глаза.

— Не спешите, — уговаривает тот же голос.

Медленно, очень медленно, перестал быть ярким свет. Из расплывчатых стали резкими очертания комнаты, пришло узнавание... пока еще неясное, оно не окрасилось эмоциями, несло на мягких, густых волнах, погружало в тугой покой. Рэми отдыхал. Дышал ровно, глубоко, наслаждаясь каждым вздохом, пока, наконец, не узнал зеленый взгляд сидящего на краю кровати человека.

Прошиб ледяной пот, и Рэми приподнялся, пытаюсь вспомнить, каким чудом он сюда попал. И выдумать, как бы отсюда удрать... да поскорее.

О да, он помнил эти похожие на лес покои! Эти ветви над кроватью, в которых пряталась, Рэми чувствовал, живность. Эти пейзажи на стенах, нарисованные магией так искусно, что было не отличить, где кончались наполненные зеленью покои и начиналась картина, этот витающий вокруг запах, будоражащий душу... запах весеннего леса, пробуждающего ото сна... А еще ручей, журчащий где-то у стены и люди... слишком много людей, Рэми насчитал четверых, но смотреть на них пока не хотел.

Ему Тисмена по уши хватало.

— С возвращением! — голос хозяина покоев резал душу ледяным клинком. И Рэми сразу понял, что удрать на этот раз не удастся.

Он молчал, пытаюсь выгнать из головы сонную дурь. Устроился с помощью Тисмена на низкой кровати, послушно сделал глоток из нефритовой чаши и вновь обессилено опустился на подушки...

Страх холодной змейкой проскользнул по позвоночнику. Что они говорили? Что Рэми чуть было не угробил Мира? Но...

Тоска захлестнула с головой, вина придавила к полу. Рэми на миг задохнулся, но короткое прикосновение и всплеск чужой магии вывели из тягостного забытья, вновь стало легче дышать... только на душе легче не было. Рэми увидел, наконец, сидевшего в кресле Мира... и пожалел, что проснулся. Как ему в глаза-то теперь смотреть?

Кто поверит, что Рэми не хотел? Что он просто пытался противиться этому проклятому зову? Почему его не оставят в покое? Почему нельзя жить так, как он хочет? Почему он не может быть свободным? И почему Мир так уверен, что Рэми обязан ему служить? Так много почему, а ответ-то был все равно один: потому что Мир так решил!

Злость вытеснила на миг силу зова, и Рэми, наконец-то, смог посмотреть Миру в лицо. Оборотень, казалось, совсем не злился, да и вообще Рэми не замечал. Сидел, перекинув ногу за ногу, и мирно беседовал со склонившимся к нему мужчиной.

Опасен этот незнакомец. Неприятен. Будто вырезанная из серого мрамора статуя: идеальная, правильная до последней складки сложного наряда, холодная, с седыми, почти сливающимися с кожей жидкими волосами. Даже ледяной Арман был и то приятнее... Арман... тот самый Арман, который чуть было Рэми не убил...

И от воспоминаний стало тошно... но опять короткое прикосновение Тисмена привело в чувство, разбудив в душе огонь злости: зеленоглазый маг не отпускал вниманием ни на

миг, будто боялся... чего он боялся?

«Старик», прозвал сразу Рэми собеседника Мира, отводя взгляд. Молод, а все равно как старик...

— Посмотрите мне в глаза, — приказал забытый на время Тисмен, и Рэми, вздрогнув, подчинился.

Захватил вдруг зеленый взгляд, потянул за собой, окунул с головой в волны чужой силы... и хотелось, до боли, наказать дерзкого, ответить тем же, поразить, веером пустить собственную магию... но...

Рэми ужаснулся и моргнул: море силы внутри спало, покрывшись темно-синим льдом... накатил волной страх. Без магии Рэми был как ребенок... беззащитным. И опять прикосновение к запястью утихомирило эмоции, и на миг стало все равно.

— Получилось, Кадм, — довольно улыбнулся Тисмен, поворачиваясь к кому-то, сидящему в ногах Рэми. — Сила его спит, Аши до него не достучится, и наш рожанин стал почти обычным.

Аши не достучится? Да как они смели?

А мужчина, крупный и мускулистый, казалось, и не слышал. Он был занят: забавлялся с уродливой, похожей на большого таракана, зверюшкой. Зверюшка, азартно поблескивая агатовыми глазками, шипела, недовольно фыркала, пытаясь поймать привязанный к веревке кусочек мяса.

— Обычным он, боюсь, не будет никогда, — холодно ответил, наконец-то, Кадм, отрывая мясо от веревки и бросая его таракану. — Хватит на сегодня, маленький уродец. У меня нашлась игрушка поинтереснее.

И посмотрел на Рэми так красноречиво, что вновь стало не по себе... да и Тисмен вздрогнул, будто ему что-то не понравилось. Одна зверюшка осталась довольна: сожрала кусок и, что-то радостно шипя себе под нос, отправилась спать у ручья.

— Теперь поговорим, — усмехнулся Кадм.

И Рэми вспомнил эту улыбку. О-о-о... как ее помнил! Помнил, как истекал кровью Арман, а это сволочь лишь стояла рядом и усмехалась. И забылось все: и Мир, и Тисмен, и потек по жилам гнев, а Рэми зашипел, посмотрев на Кадма, открыто, гневно:

— С вами я разговаривать не буду!

— И чем же я вам так не угодил, молодой человек? — засмеялся Кадм и осекся, когда Рэми холодно ответил:

— Вы похожи на воина. Но я никогда раньше не видел уважающего себя воина, который всаживал кому-то нож в спину.

— За Армана, значит, злишься, — усмехнулся Кадм. — Но злишься или нет, а за словами лучше следи. Если не понимаешь, что я делаю и почему, то это вовсе не значит, что я это делаю просто так, для собственного удовольствия.

Задело. Впрочем, Рэми и рад был, что задело. Он бы уколол посильнее, да в зеленых покоях стало тихо. Даже таракан у ручья шуршать да посвистывать забыл, а воздух, казалось, сгустился, напоенный гневом чей-то магии.

Рэми знал, чья это магия. Упивался знакомым до боли, чужим гневом, которого не мог вызвать сам... и собственная сила чуть шевельнулась под толстым слоем льда, попросилась наружу. Это не навсегда, успокоился Рэми. И улыбнулся, поняв... надо лишь очень захотеть, и лед разлетится на маленькие кусочки, выпуская тугую волну. По-настоящему захотеть...

Но пока еще рано. И сейчас его тошнило от магии, арханов, от Мира и его прихвостней.

этой проклятой столицы, и безумно хотелось назад, в лес. Не такой, как здесь, созданный магией, а в обычный... где глубокий снег, тишина и покой... И где не путают благодарность с золотым поводком.

— Мне тоже хотелось бы послушать, — сказал Мир, и Рэми вдруг понял, что с ним Мир никогда не разговаривал так холодно. — Что там с Арманом?

— Рэми очнулся, — пожал плечами Кадм, — Арман живой. Думаю, этого достаточно. По глазам Мира было видно, недостаточно. И Рэми вдруг понял, что оборотень знает, что произошло. Точно знает. Откуда, кто его поймет, но на лице Мира отразилась тень глубокого гнева... и стало вдруг легче. Значит, не только Рэми то, что сделал Кадм, кажется отвратительным. И Мир вдруг показался намного ближе, роднее. Всего на миг.

— Доиграешься однажды, Кадм, — покачал головой Тисмен. — Твои методы временами слишком опасны. И не совсем красивы.

— И действенны, — парировал Кадм. И, наверное, сказал бы что-то еще, да Мир его прервал:

— Меня сейчас не интересует Арман и ваши разборки. Меня интересуешь только ты, Рэми. Надо серьезно поговорить, и ты знаешь, о чем. А вы лучше молчите. Не можете молчать, идите, деритесь в другом месте.

— А ты знаешь мой ответ, — парировал Рэми, сразу же забыв о всех, кроме принца, — думаю, ты все понял. Я не буду твоим слугой.

Вновь стало тихо. Так тихо, что Рэми слышал в ушах стук собственного сердца. Мир архан, арханы редко понимают слово «нет», но и становиться прислужником Мира Рэми не хотел, кого угодно, только не его. Сложно это прислуживать кому-то, кого почему-то считаешь своим... другом. Но и вслух Рэми этого говорить не хотел. Дружбу не предлагают. Тем более, не предлагают арханам.

— Слугой? — усмехнулся Мир. — Да, я и забыл. Ты же у нас глава рода, гордый и свободный. Был. А теперь отдал свободу, которую так лелеял, и кому? Наемнику? И надеешься, что я тебя так просто отпущу? Носителя Аши, целителя судеб, вот так возьму и отдам цеху наемников? Да ты, брат, совсем меня за дурака держишь.

Рэми лишь упрямо сжал губы, и зелень, увивавшая потолок, поплыла перед глазами. И как Миру объяснить? Как заставить понять? Впрочем... все равно не поймет.

Гаарс предлагал покровительство, сотрудничество, никогда не требуя подчинения. Может, Мир прав. Рэми был дураком, что вошел в род наемника. Но это ошибка Рэми, Рэми ее и исправлять.

— Нет, — спокойно ответил он. — Я всего лишь надеюсь, что ты оставишь меня в покое. Хотя бы за то, что я спас тебе жизнь, да и не раз.

Мир лишь усмехнулся и наклонился вперед, заглядывая Рэми в глаза:

— Ты до сих пор не понял? — почти ласково промурлыкал он. — Я уже давно не могу. Оставить тебя в покое.

— А это еще почему? — взвился Рэми. — Потому что мне суждено быть с тобой? Твоим мальчиком на побегушках? Твоей тенью? А если я не хочу быть твоей тенью, тогда что? Для Гаарса я равный, для тебя всего лишь...

— ... идиот! — оборвал его Мир. — Гордый идиот ты! Такого дурака, как ты, надо держать на коротком поводке, пока он куда не влип, и уж поверь мне, я тебе этот поводок обеспечу.

— Да кто ты такой? — прошипел Рэми. — Кто ты такой, чтобы требовать от меня

подчинения? Кто ты такой, чтобы накладывать лапу на мою жизнь? И на жизнь Аши? Чем ты заслужил? Ты всего лишь разбалованный арханишка, оборотень, который только и думает, куда бы удрать от своей свиты и нализаться гадости по самую макушку. И такому как ты я должен служить? Да лучше убей сразу! Чего тебе от меня надо?

Мир дернулся, будто его ударили, и побледнел так сильно, что Рэми вмиг пожалел о своих словах. Только и сдаваться он не собирался. Мир не поймет. Явно привыкший, чтобы ему все подчинялись, он не поймет никогда. А Рэми. Никогда. Никому. Не подчинится!

— Ничего мне от тебя не надо, — горько улыбнулся оборотень. — Напротив, я предлагаю: защиту.

Еще лучше. От кого и от чего Мир может защитить? Да и зачем.

— Мне не нужна твоя защита, — усмехнулся Рэми. — Я жил, живу и буду жить, без твоей помощи, Мир.

— Ты чуть меня не убил, — холодно напомнил оборотень. — Если все еще не понимаешь, я объясню. Либо ты становишься моим телохранителем, либо я отдаю тебя Эдлаю и повелителю. И тогда пощады не жди.

— Грозишь мне? — в свою очередь ответил Рэми, заглядывая в глаза Миру. — Своему спасителю?

— Да, грожу, — ответил Мир. — Да, своему спасителю. Я больше не отпущу стола сильного мага, не подвергну столицу такой опасности. И либо ты будешь служить мне, либо умрешь. Другого выбора нет ни у тебя, ни, увы, у меня.

Столицу? Да кто он вообще такой... А Мир прошипел вдруг, теряя терпение:

— Впрочем, разговор этот бесполезен. Не хочешь добровольно, сыграем иначе, времени у нас нет. И уж поверь, ты уже давно утомил своим упрямством! Если бы ты не был носителем Аши, я дал бы давно тебе пинка, раз так любишь свою свободу. Если бы не твоя сила, что скорее опасна, чем полезна, и тогда я бы на тебя плюнул. Зачем мне с тобой играть? Много чести, рожанин, слышишь! Но не могу я тебя отпустить. Ты маг. Неуравновешенный, глупый. Но и этого мало. Властью судьбы, ты избранник! И я имею право требовать от тебя многого!

— Я так не думаю, — упрямо ответил Рэми.

— Ты и сам не знаешь, что думаешь, — усмехнулся Мир. — И я хотел поговорить, но вижу, что поговорить не удастся. Два раза ты от меня ушел, третьего не будет.

— Почему? — выдохнул Рэми, почувствовав, что ловушка захлопнулась. Вот тут и сейчас...

— А ты не знаешь? Ты слеп или настолько дурак, что действительно не догадываешься? Не чувствуешь?

Рэми задумался. Может, и знает... Или только догадывается. А Мир заглянул неожиданно в глаза, вывернул душу наизнанку, и засмеялся:

— Знаешь! И все равно сопротивляешься... Да только поздно, Рэми. Ты прав, я не могу надавить на тебя, но я могу надавить на твоего главу рода. И верь мне, ты особый. Другие не сопротивляются. И ты исполнишь свой долг... маг-роганин! Хочешь ты того или нет... Потому что ты сам не знаешь, чего хочешь! Не так ли?

И накинул сеть зова... Рэми вновь захлебнулся тоской. Той самой, что мучила ночами, той самой, что не давала спать, что не покидала ни на мгновение. Той самой, что сдерживалась амулетом... но где тот амулет. Согнувшись, Рэми пошарил ладонью по груди и, не найдя пропажи, выдохнул сквозь зубы. Не подчинится, ни за что! Но тоска сжирала, на

глаза просились слезы, и Рэми уже сам не понимая, что делает, сполз с кровати, обнял ноги Мираниса и тихо выдохнул...

— Прости!

— Так, Рэми, — усмехнулся Мир, скользнув ему рукой под подбородок, заставив поднять голову. — Так... Теперь ни амулет, ни щиты Тисмена не сдержат нашей связи, и я ее сдерживать более не буду. Ты станешь моим. И в полной мере вкусишь узы богов... и взмолишься, чтобы стать моим телохранителем... На коленях будешь умолять, чтобы я смилостивился и не отвергал, потому что жить без меня не сможешь. И это не я, уж верь мне, это договор между богами, не нам с тобой его нарушать.

— Про-о-о-ости, — еще раз выдохнул Рэми.

— За что, друг мой? — уже теплее спросил Мир.

— За то, что не пришел раньше...

И Мир щелкнул пальцами, а зов сразу же схлынул с плеч, как неприятная тяжесть. Стало стыдно и горько. Рэми так и остался стоять на коленях, не поднимая взгляда, и зеленый ковер перед глазами расплывался в уродливую лужу. Рэми содрогнулся и его вырвало. Кто-то опустился рядом на корточки, придержал за плечи, заставил встать и усадил на то самое кресло, где только что сидел Мир. А где-то рядом раздавались четкие приказы.

— Прикажешь жрецам подготовиться к ритуалу. Приручай пока Рэми к узам, чтобы он был хоть немного адекватен во время ритуала. Ты приведешь ко мне Гаарса. А ты удавишь собственноручно свою зверюшку. Не то, чтобы мне жалко Армана... но это уже становится не смешно. Если ты не в силах следить за своими опасными питомцами, не думаю, что тебе стоит держать их в замке. Надеюсь, что больше подобного не повторится.

Сложная ночь выдалась. Уже начало сереть перед рассветом небо, гасли одна за другой звезды, а луна уплыла себе за деревья парка, но никто из них ложиться и не думал. Жрецы в спешке готовились к ритуалу, Мир в своем кабинете опять уперся взглядом в какую-то книгу, читал, убивал время за чтением, ждал. В приемной уже томился Гаарс, за которым зорко присматривали дозорные. Рэми же, спокойный и безразличный, сидел у ног принца, под присмотром недовольного Лерина.

Тисмен... Тисмен пнул тельце уже мертвого сирила и, смирившись, наконец, с потерей, приказал замку убрать труп бывшего любимца. Застыли по углам, почуяв запах смерти и опасности, другие питомцы и даже ручей в углу журчал как-то непривычно тревожно. Ради богов! Тисмен ударил кулаком в стену и на миг нарисованная магией картина пошла волнами. Замок убрал. Все убрал. И капли крови с ковра, и трещины с полотна, и разбитую чашу с цветами. А Тисмен стоял неподвижно, сжимал кулаки и пытался отдышаться.

— Звал? — спросил за спиной невозмутимый Кадм. — Давай быстрее, ты же знаешь, что принц ждет.

— Сирил не мог выбраться из моих покоев, — без предисловий начал Тисмен. — И добраться сам до Армана тоже не мог. Уверен, это твоя работа. Сюда могут войти лишь ты, принц и Лерин, а кроме тебя красть сирила никто бы не стал.

— Ты не понимаешь...

— Мне все равно, почему ты это сделал! — не оборачиваясь ответил Тисмен, чувствуя, как срываются с ладони горячие капли. Но боль в пальцах делала его сильнее. Злее. И помогала довершить задуманное. — Мир на меня зол, из-за тебя. Арман, который должен вместе с нами обеспечивать безопасность Мира — болен. И если ты думаешь, что это

забавно...

— Позволь объяснить...

— Позволь тебе объяснить! — прервал его Тисмен, оборачиваясь. — У нас слишком мало преданных людей, чтобы ими разбрасываться! Ты хоть соображаешь, как мучается Арман из-за этого проклятого яда? Соображаешь, что он может нас не простить после такого, и мы потеряем верного союзника из-за твоих шуток?

Кадм лишь усмехнулся и ответил:

— Боюсь, мы и так его потеряем. Арман тоже временами хорош. Как он поступил с Наром? А ведь Нар оказал нам огромную услугу. Только благодаря ему целитель судеб сейчас жив.

— Пусть Арман сам разбирается со своим харибом, я хочу разобраться с тобой. Сначала ты убил, мимоходом, мою гарпию, теперь подставил меня перед принцем, что будет завтра? Ты заигрался Кадм. И если думаешь, что только Арману будет плохо этой ночью... то спешу тебя разочаровать. То, что чувствует Арман, глупость по сравнению с тем, что почувствуешь ты!

Кадм побледнел как-то и прошипел:

— Не шути так!

— А кто сказал, что я шучу? — совсем недобро усмехнулся Тисмен и провел ладонью над воротником Кадма. Мохнатая сороконожка послушно вползла на пальцы, а увидевший ее Кадм побледнел еще больше. — Ты ведь даже не почувствовал, как она тебя ужалила? А ужалила уже, и яд ее гораздо более болезнен, чем яд сирила. При том, что Арман спит... а ты... ты будешь бодрствовать каждое мгновение... не беспокойся, я ликвидирую яд до посвящения. А принцу скажу, что теперь мы с Лерином подежурим, а ты слегка отдохнешь. Устал же ты, бедняжка, после ночи дежурства и драки с Алкадием.

Кадм упал на колени, схватился за горло, теряя воздух, пытался что-то сказать, но слова застывали на губах кровавой пленкой. А Тисмен опустил перед другом на корточки и сказал:

— Запомни. Никогда. Не трогай. Моих вещей. Без моего разрешения. И не пытайся позвать хариба. Магию этот яд тоже блокирует отменно. Отдыхай, друг мой, ты заслужил.

Отвернулся, не обратив внимание, как упало на ковер что-то тяжелое. Вылечил свою руку и вышел, впервые с момента смерти сирила почувствовав облегчение.

Ярость. 15. Рэми. Золотая клетка

*Благими намерениями
вымощена дорога в ад.*

Как же холодно в этих пещерах...

Варнас облегченно выдохнул, оторвавшись от магического ока. Он не столько жалел гордого Рэми, сколько не хотел терять. Устроившись на троне, младший бог восстанавливал потерянные на око силы. Присутствия сестры, которая в последнее время здесь была чаще, чем у себя в храме, он уже не замечал.

— Это последний раз, когда я тебе помогаю, — сказала Виссавия, — когда я исправляю твои ошибки. Рэми мне нужен в своем уме, и я очень надеюсь, что ты это понимаешь...

— Он и мне таким нужен, — не в силах спорить, выдохнул Марнис.

— Я уже говорила и повторяю — ты многого не понимаешь. Мои дети... они не кассийцы, они думают иначе, они и живут иначе. Ты не знаешь Рэми, как не знал когда-то Акима. Думаешь, ты выиграл? Посмотри на них, на телохранителей принца. Каждый из них получает силу одиннадцати. Тисмен — зеленый телохранитель. Травник. Лерин — чистый маг. Белый. Кадм — воин, коричневый. Боевая магия, оружие... И ни на одном из них уже не властны боги. Целитель судеб, наделенный сердцем виссавийца... это уже опасность не только для людей, для богов!

— Не посмеешь!

— Это ты посмел, не я! Ты подверг опасности род повелителя, вернув им целителя судеб. Как только он станет телохранителем, он выйдет из-под твоей власти. И, самое смешное, ты сам это сделал. Ты, не я, уговорил когда-то Радона позволить виссавийцу принять в себя душу его сына.

— Ты ошибаешься. Я не хочу, чтобы Рэми стал телохранителем Мираниса. Мне надо только одно — возвысить его до Аланны. С Миранисом он не останется!

— До сих пор не понял, — засмеялась сестра. — Мне нужен Рэми. Нужен с расцветшей в нем силой целителя судеб. А это возможно только после привязки с Миранисом. Только тогда он сможет в полной мере вынести мощь Аши, не раньше. Только тогда он сможет сам лечить судьбы... не как Аши. Не справедливостью. Милосердием.

— Ты убьешь его... — утрашился Марнис. — Ни один человек не может вынести этой ноши.

— Я спасу его. И не только его. И он справится... люди гораздо сильнее, чем ты думаешь, брат. Чем все вы думаете.

И пропала. Наконец-то. Только ведь совсем не было легче...

Ночь текла за огромным, во всю стену, окном, то и дело подметала стекло ворохом снежинок. Рэми сидел в кресле, укутанный густым полумраком и лениво любовался на раскинувшийся под ногами магический парк. Гасли одна за другой звезды, становились менее яркими пятна фонарей, укутанные вуалью снега. Временами бесшумно, подобно осторожному зверю, появлялся Тисмен, и некоторое время стоял рядом, внимательно изучая, мешая любоваться на игру снежинок.

Рэми не раздражался. Не дерзил... Зачем? Он покачивался на ласковых волнах, и весь

мир был где-то далеко и неважен. Совсем. А Тисмен вдруг вновь оказался перед креслом, подал наполненную зельем чашу. И так же равнодушно Рэми выпил густую горечь до дна, до последней капли, не почувствовав вкуса.

— Чем ты его поишь? — спросил кто-то за креслом, и в голосе спрашивающего Рэми вдруг узнал Мира. И все равно покой тек через душу ровным потоком, хотя где-то глубоко внутри ударила едва слышным колокольчиком тревога... Мир... подойди, Мир... и не подходи. Рэми и сам не знал, чего хотел.

— Ничем особенным. Рэми спокоен, Аши до него не достучится, его сила спит, и это все. Перед ритуалом я его пробужу... и тогда жди нового всплеска упрямства.

Упрямства? Зачем?

— Это ты называешь «ничем особенным»? — спросил Мир совсем близко... опасно близко. И Рэми чуть дернулся, но покой вновь захлестнул с головой и подарил благодатное равнодушие. — Иногда я тебя боюсь, Тисмен. Тихоня тихоней, а временами такое выдаешь...

— Ноешь...

— И в самом деле, ною. Недостойно мужчины и наследника, да?

Наследника? Тревожное слово потонуло в море покоя. Рэми нравился снег. Нравилось наблюдать за снежинками. Нравилось останавливать картинку, всего на мгновение, а потом вновь пускать вихрь белых сполохов.

Нравился покой, которому не мешал ни разговор телохранителей, ни спавшая глубоко внутри смутная тревога. Зачем тревожиться... зачем вставать? Зачем думать? Так много «зачем» и так мало «потому что».

Ветер подмел снежинками стекло. Рэми откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, уселся поудобнее и вдруг подумал, что в комнате слишком душно, слишком тепло, и так охота морозной свежести, легкости ветра, поцелуев снега на щеках...

— Проклятье! — вскрикнул Тисмен, и Рэми открыл глаза.

Окна не было, парк вдруг показался таким близким, протяни ладонь и коснешься деревьев, пропустишь между пальцев пряди ветвей, почувствуешь их ласковую упругость. Белые хлорья мягко ложились на укрывавший колени плед, и Рэми подставил ладонь, словил на нее снежные лепестки. И свежесть... морозная свежесть пробила душу до дна, на миг развеяв облако покоя.

— Однако ж! — восхитился Мир. — Сила его спит, говоришь?

— Замок, верни стекло на место! — закричал Тисмен, подбегая к окну и оборачиваясь к Рэми:

— Если хотите убежать, то лучше забудьте сразу!

Бежать? Бред! В кресле так хорошо и удобно, куда и зачем бежать? Даже отвечать на эти глупости не охота...

— Так быстро приучил он духа замка, — продолжал издеваться Мир. — Я же говорил, он у нас талантливый. И русалок привораживает, и окна испаряет, и верхом на оборотня усаживается без тени сомнения! Осторожнее, Тисмен! Смотри, не упусти его, пока жрецы не закончат подготовку к ритуалу.

Хлопнула входная дверь. Стекло вернулось на место, в камине вспыхнул с новой силой огонь, в комнате быстро становилось тепло. И душно.

Тисмен с сожалением посмотрел на сломанный ветром цветок, потом на Рэми, покачал головой и опять скрылся за креслом. Зажегся за спиной мягкий свет, скрипнула скамья. Зашуршали страницы. И воцарилась тишина...

Рэми все смотрел в окно. Небо постепенно перестало сыпать белый пух, хотя и осталось серо-синим, угрюмым. Дорожки тотчас расчистились, будто невидимая метла смахнула с них тонкое одеяло. Магия, и здесь магия, но Рэми было все равно. Он наблюдал. За гаснущими звездами, за переливом света фонарей на темных, вычищенных дорожках, за полетом ночных птиц... он даже хотел позвать сову, что охотилась в ельнике, но передумал.

Зачем тревожить? Тем более, когда бежит по штанине, перебирает лапками, просится на ладони знакомый паук. Тот самый, что когда-то помог Рэми спасти Мира.

Почувствовали заклинателя... все почувствовали в этих странных покоях. Но выйти к Рэми на глазах у молчаливого Тисмена решился только смелый паучара... не выдержал, старый друг, пришел приласкаться. Иди же, иди, малыш, не бойся! Не обижу!

Рэми выпустил паука на подлокотник кресла, вновь встретившись с молчаливым взглядом Тисмена. Тисмен паука забрал, посадил на ветвь у потолка, тихо сказал:

— Не зови никого, Рэми. В таком состоянии ты можешь утратить над ними контроль. И будет не слишком приятно, сам же знаешь.

Рэми знал, что никогда не терял и не потеряет никакого контроля, но возражать не стал, было лень. Он закрыл глаза, отдавшись во власть забытья. И вдруг захотел оказаться там, внизу... Где ласкает мороз бодрящей свежестью, испускают нежный аромат розы, окутывает теплым одеялом магия парка... и где ночная темнота густеет перед самым рассветом.

Это кресло так надоело! И эти покои с вечным летом, пропитанные блокирующей магией Тисмена — надоели. И когда он открыл глаза, то оказался в знакомой беседке, на ажурной белоснежной скамье, возле все так же журчащего фонтана. В этом парке ведь ничего не замерзает... и все так сверкает и переливается в ночной тишине... тишине ли? Рэми улыбнулся: шуршит, живет парк. Приглядывается, принохивается, прислушивается... зовет заклинателя.

Чуть покачиваясь от слабости, он спустился по ступенькам. Парк, как и раньше, прокладывал под ноги тропу, манил в глубину, на сладкий запах роз, смешанный с морозной свежестью, к летящей из тьмы, рассыпающуюся по снегу горечи черемухи, к темно-бардовым, покрытым инеем кистям сирени. Рэми коснулся кисти, подивился лениво... почему он видит в темноте так отчетливо? Как не видел никогда? Почему внутри поднимается незнакомое чувство... и хочется, боги, как же хочется рвануть в эту ночную тишину, почувствовать ласку ветра на шкуре... шкуре?

— О боги! — прошипел за спиной Тисмен. — Эта ночь будет долгой.

Накрыла плечи тяжесть плаща, вновь окутало душу безразличие, и Рэми послушно обернулся к Тисмену, посмотрел ему в глаза, окунулся в бьющееся в зрачках пламя чужой силы. Хотя бы чужой. Хотя бы на миг. Задохнуться, утонуть, подышать магией, почувствовать ее мощь...

— Я понимаю — вы плохо соображаете. Понимаю, что мои зелья действуют на вас странно, но вы ведь меня слышите, правда?

— Я вас слышу, — слегка улыбнулся Рэми. Какие же глупые у Тисмена вопросы...

— И понимаете?

— Я вас понимаю, — вновь улыбнулся Рэми, наклонив голову.

И захотелось вдруг, как захотелось коснуться щеки Тисмена, выгнать угрюмость из зеленого взгляда друга Мира. Но нельзя... совсем нельзя...

— Я прошу не покидать моей комнаты. Только сегодня. Очень прошу.

— Там душно.

— Я попрошу замок проветрить... Могу даже, о боги, не верю в это, оставить окно открытым... надо только перенести в кабинет цветы, и зверюшек... да подождите же вы, куда собрались!

Рэми не слушал. Он шел дальше по тропе и наслаждался свежестью леса, на этот раз не магического, настоящего: укутанными снегом елями, пронзенными тенями сугробами, той особой ватной тишиной, что всегда была после обильного снегопада. И вовсе не жаждал возвращаться в искусственную зелень покоев Тисмена.

— Откуда вы так много знаете о магии?

Рэми понял вопрос далеко не сразу. Он был занят: звал из ветвей испуганного совенка. И откуда тут взялся-то посреди зимы? Потерявшийся и голодный...

— Меня научили, — вспомнил, наконец, о вопросе Рэми.

— Многому вас научили. Наблюдая за вами становится страшно: оказывается подводный мир столицы гораздо глубже, чем я думал. Вы, мой друг, владеете магией лучше многих арханов. И все же многого еще не умеете. Однако для рожанина очень неплохо.

— Но недостаточно, чтобы стать телохранителем, — устало ответил Рэми, принимая совенка на запястье. Тисмен улыбнулся в полумраке, погладив нахохлившуюся птицу. И Рэми вдруг вспомнил, что зеленый маг любит природу... может, так же сильно, как и Рэми. И что они даже чем-то похожи.

Похожи! Смешно. Рэми — рожанин, беглец. Тисмен — гордый архан. Разница очевидна... вроде как.

— Видишь ли... — начал Тисмен. — Я могу называть вас на «ты»? — Рэми кивнул. — Мы не выбираем своей судьбы. Принц не просто так прочит тебя в телохранители. Там в лесу, когда вы встретились... вот тут, — Тисмен коснулся лба Рэми, — проступили знаки...

— Знаки чего? — спросил Рэми.

Он пересадил совенка на плечо и нашел среди ветвей ели невесть как тут оказавшуюся розу. Магический парк... что же ты испортил эту сладость настоящего, пахнущего хвоей леса... испортил бархатным ароматом цветущих роз, мягкостью лепестков на ладонях.

— Твоей избранности. И речь не идет ни о твоём желании, ни о нашем, а о воле богов.

— Мне говорили, что боги надо мной не властны.

— Иногда я в это верю, — задумчиво ответил Тисмен, смотря, как роза в руках Рэми вдруг становится бутоном. Рэми усмехнулся, разжал пальцы, и цветок упал на тропинку, вонзился в снег, стебель его начал удлиняться, разветвляясь, наращивая листья, и стремительно превращаясь в украшенный ярко-красными цветами куст. — Ты особый. И мне стало страшно, когда ты появился.

— Почему?

— Потому что человек-судьба появляется нечасто. А когда появляется...

— То кто-то умирает. И что-то заканчивается.

— Чаще всего — династия, — заметил Тисмен.

— Ты тоже считаешь, что я опасен? — спросил Рэми, ломая новый цветок.

— Не играй со своей силой! — предупредил Тисмен. — Не сейчас, когда не до конца понимаешь, что делаешь... отдай цветок. — Рэми отдал, и Тисмен отбросил его в снег. — «Тоже» — это о Мире, правда? — Рэми вновь кивнул. — Нет, не считаю. Сказать по правде, и Мир вряд ли считает. Просто ты ему очень нужен, Рэми, всем нам нужен.

Рэми посмотрел на Тисмена и вздрогнул. Морозный воздух понемногу возвращал разум,

и Рэми всеми силами пытался собраться с мыслями. Не сказать лишнего. А говорить нельзя было о двух людях. О Урии, что дал ему тот амулет, и о Жерле... что предупреждал о Мире, хотя ничего о нем знать не мог. Эти люди слишком дороги, чтобы их вот так просто выдать. И потому надо молчать.

Позднее... он подумает об этом позднее. Сейчас начинает болеть голова. От горьких мыслей, от зелья Тисмена, от внимательного взгляда мага.

— Ты ведь не читаешь мыслей? — запоздало спохватился Рэми.

— А следовало бы? — насторожился Тисмен.

Рэми не хотел отвечать на этот вопрос. Он вообще недолюбливал этого «добренького» телохранителя, доверяя открытому и ироничному Кадму, да и вечно злому Лерину, гораздо больше. Те хоть понятны. Тисмен подобен ласковому ручейку... никогда не знаешь, когда поток окрепнет, превратится в горную реку и снесет тебя со скал.

Лицемер. Рэми ненавидел лицемеров. А Тисмен нахмурился на миг и сказал вдруг:

— Мир зовет, нам пора.

В тронном зале царили тишина и полумрак, румянилось рассветное небо в окружавших купол окнах. Сидевший на троне Миранис не хотел тревожить будущего телохранителя ярким светом и ненужными церемониями: Рэми и без того был тих и бледен, как снег. Подчинился и сел на ступеньках трона, хотя подчинился, видно же, неохотно. Но внешне смирился. И в то же время сжимал до боли зубы, когда думал, что его не видели, и всеми силами старался не показать, как ему больно. И стыдно. Гордый. Впрочем, Миранису не привыкать к такой гордости.

Не в первый раз ломала она нового телохранителя. И Лерин, не спускавший с мальчишки внимательного взгляда, кажется, тоже это помнил. Потому-то Миранис его и выбрал: спокойный теперь и рассудительный Лерин когда-то доставил своему принцу много хлопот. Гораздо больше, чем другие телохранители.

Когда Миранис увидел Лерина в первый раз, вокруг пылало зеленым огнем лето и магический парк плавился в тягучей жаре. Миранису, которому едва миновало девять, так хотелось обратно, в полумрак и прохладу дворца, но куда там! Наследник был обязан встречать посольство рода горцев... которые, единственные в Кассии так и не приняли до конца власть повелителя.

Посольство тянулось по главной аллее парка неторопливым, разноцветным шлейфом. Расшитые драгоценными камнями одежды, стекающие на крупы лошадей плащи, гордо выпрямленные спины... Единственный сын главы рода, ясноглазый и светловолосый, твердой рукой вел горячего жеребца шаг в шаг с конем отца и смотрел так... что душу пронзило холодом. И стыдом: рядом с этим мальчишкой размякший Миранис показался себе деревенщиной неотесанной, ведь Лерин, который был всего на год старше, жары, казалось, и не замечал.

Лишь увидев наследного принца вздрогнул на миг. И как-то незаметно посерел... а с глаз его куда-то утекла уверенность. Зато Миранису, поймавшему слабость гостя, стало вмиг легче: доконала-таки высокого гостя внезапная жара.

А через некоторое время уехавшие, казалось, с миром горцы объявили повелителю войну:

— Вы отравили сына главы рода, — прыскал слюной уже не боявшийся ничего посол.

— Чем? — искренно удивился повелитель.

— Любовью к наследному принцу.

Повелитель ничего не сказал, но не сдержал довольной улыбки. В игру вмешались жрецы и дипломаты, а через луну Лерин вернулся в замок. И в ту же ночь в залитой лунным свете спальне Мир проснулся с кинжалом у своего горла:

— Отец сказал, что если я тебя убью, — шептал сидевший на кровати гордый горец, — то смогу спать ночами.

Миранис, который уже давно знал больше, чего его гость, лишь спокойно спросил:

— А ты сможешь?

Он знал ответ... а Лерин — не совсем. И когда лезвие чуть глубже надавило на шею, царапнув кожу, принц даже не шевельнулся, а руки Лерина уже начали дрожать...

— Я убивал! Я — мужчина! Я могу! — плакал сидевший на полу мальчишка-горец, когда в спальню принца ворвался дозор.

— Ваше высочество! — склонился перед Миранисом Дар, телохранитель отца. — Вы ранены?

Мир отер кровоточащую шею, посмотрел сначала на свои испачканные кровью пальцы, потом на все так же дрожащего в руках дозорных мальчишку-избранника и приказал:

— Всего лишь царапина... Будь с ним помягче.

— Не волнуйтесь, мой принц, мы все сделаем как надо, — вновь поклонился телохранитель и приказал дозорным увести безвольно повисшего на их руках Лерина.

А Миранис лишь посмотрел на заглядывающую в окно луну и вздохнул. Ему и хотелось и не хотелось связываться с гордым горцем. Не слишком это приятно, когда твоим телохранителем не хотят быть так сильно.

Он не видел Лерина до самой привязки. Спустя луну неожиданно спокойный, обласканный телохранителями отца и жрецами, горец встал перед принцем на колени, добровольно приступив к сложной церемонии. И в холодных глазах избранника светилась уже не ненависть — слепое обожание, которое переворачивало душу неясной тревогой: это все не Лерин, это все проклятые узы богов... И никому на самом деле этот ритуал привязки не нужен. Миранису не нужен такой телохранитель!

И лишь гораздо позднее до него дошло, как дорого стоил мальчику-горцу этот шаг: узнав, что Лерин не сумел убить наследника, отец его проклял, восстал против повелителя, а уже к концу лета вместе с двумя братьями погиб в бою с войсками Деммида.

Лерин никогда не вспоминал о своем прошлом и семейных связях. Но Мир знал, что мало-помалу телохранитель, если не восстановил свое положение среди горцев, то хотя бы наладил неплохие отношения с новым главой рода. Помог Деммиду заключить мир со своим гордым народом и даже заставил горный народ дать повелителю такую клятву, которую уже нельзя было нарушить новым бунтом.

«Бунт это чаще всего напрасное кровопролитие», — как-то сказал он, и в его глазах было столько тоски... что Миранис тогда отвернулся. Где-то в глубине души билась тогда крамольная мысль: место Лерина не тут, рядом с наследником, а в горах. Где тишина, простор и такой покой, что кажется, еще немного и взлетишь... испаришь над толстым одеялом облаков под ногами... еще немного и... где безграничная свобода простора и горных вершин, и где нет тесноты золотой клетки замка.

Алмаз. Чистый и совершенный. Мастер заклинаний, Лерин был так хорош, что

временами Миранису на него смотреть не хотелось.

Лерин временами уходил через пространственные переходы в горы. Проводил там день или два, а когда возвращался... взгляд его вновь становился безразличным. Уверенным. И холодным. Но Миранис точно знал, что Лерин никогда не забудет своего первоначального бунта против принца. И потому теперь подобно любящему и понимающему старшему брату телохранитель внимательно следил за Рэми, и стоило новому избраннику начать сопротивляться слишком сильно, мягко бил коротким заклятием, подавляя гнев и желание вырваться из золотой клетки. Как и Тисмен, не давал ему сломаться. И вновь уйти в сладостное забытие.

Теперь уже ничего не изменишь. И сомневаться некогда. Если отец узнает о планах наследника, Рэми и до полудня не дожить. Миранис уже не раз и не два слышал лично из уст Деммида, что «мальчишка слишком опасен, чтобы жить» и понимал, что если жрецы опоздают с подготовкой...

Но опаздывают же, боги, как опаздывают. Отец сейчас на совете, ему сыном и его телохранителями заниматься некогда, там золото и земли делят, так что в самый раз заняться ритуалом.

Загвоздка в трех мелочах: Рэми, жрецах и... Гаарсе.

Появился в зале, поклонился принцу молчаливый Тисмен. Чуть улыбнулся на вопрос, где носит этого паршивца Кадма и тихо сказал:

— Я исполнил твой приказ, мой принц. Ввести?

Миранис лишь вздохнул, вздыхая. Все его телохранители были слишком... горды и независимы. Впрочем, это ему даже нравилось. Слуг у него и без того хватало. С смелыми и дерзкими друзьями было гораздо хуже. Рэми... что же ты так сопротивляешься, а, Рэми?

Рука Тисмена тяжело легла на плечо, и вокруг яркими искрами вспыхнули звезды. На миг стало тошно, а когда перестало двоиться перед глазами, Рэми вдруг с удивлением понял, что стоит в округлом зале. Увитые каменными цветами колонны убежали к куполу, по которому раскинулись, переливались будто живые звезды, под ногами сложилась в сложный рисунок мозаика, но Рэми уже не мог смотреть ни на купол, ни на колонны, ни на мозаику: прямо перед ним на небольшом возвышении сидел в кресле с высокой спинкой... Мир... странный Мир.

Глубокий вдох, попытка собраться с мыслями. Что-то было не так. Подбежавший молодой слуга с извинениями забрал плащ, удалился бесшумно, и Рэми едва уловил щелчок двери... хотя в зале было тихо. Совсем тихо...

Миранис был сосредоточенным и серьезным. В роскошном, синем наряде, расшитом драгоценными камнями, с разрисованным рунами лицом, он казался чужим. Недостигаемым. И более не в силах смотреть в полыхающие синим огнем глаза, Рэми перевел взгляд на ладони Мира... тонкие ладони, обтянутые шелком перчаток, сияние звезд в камнях перстней. И окутывающая весь зал аура силы...

И ему Рэми осмеливался дерзить? Впрочем, что изменилось-то? Многое изменилось. Подошел к трону Лерин, поклонился низко, тихо прошептал:

— Мой принц...

И до Рэми, наконец, начал доходить смысл его слов... «Мой принц»? Мир... это Миранис? Наследный принц Кассии, оборотень?

Внезапно перестало хватать воздуха, и Рэми уловил скошенный взгляд Лерина. Успел заметить, как шевельнулись тонкие губы телохранителя, как блеснуло в воздухе синим, и заклинание легко на душу печатью покоя. Вновь стало... почти все равно.

«Сядь!» — приказал где-то в голове голос Лерина, и Рэми повиновался, опустился на ступеньки трона. Значит, если Мир это наследный принц, то эти трое... его телохранители? Высшие из высших... и Рэми тоже предлагали быть...

«Понял, наконец», — усмехнулся Лерин и поднялся по ступенькам. Наверняка застыл за креслом принца, уже не обращая внимания ни на Рэми, ни на его поднимающийся волной страх. Впрочем, обратил. Вновь стрела короткого заклятия, всплеск собственной злости — зачем? — и разлившийся по душе покой...

Все же хорошо сидеть у ног Мира, комфортно. Может, не надо сопротивляться? Но наткнувшись на чуть насмешливую улыбку невесты откуда появившегося Тисмена, Рэми одернул себя: обойдутся! Это все не он, это те самые «узы богов», о которых столько раз говорил Миранис. И пусть Мир и наследный принц Кассии, все равно ему Рэми не сломать!

Мысль пришла и ушла, распахнулись высокие двери, и в проеме появилась тень мужчины со связанными за спиной руками.

— Подойди! — холодно приказал Тисмен, стоявший за спиной Рэми.

И сразу же Рэми сжал зубы, охваченный гневом. Гаарса совсем недавно избили: по щеке расплзался синяк, в светлых волосах запеклась кровь. Ему не дали ни умыться, ни переодеться, видно, что и не спал он давно...

Рэми порывался встать, но на плечо легла рука Тисмена, в голове раздался холодный голос: «Тебе помочь успокоиться или сам справишься? Не вмешивайся. Сейчас нет!»

«Они мою судьбу решать собираются, а мне не вмешиваться?» — прошипел Рэми.

«Видят боги, я не хочу тебя глушить магией перед ритуалом, — тихо ответил Тисмен. — Но если попробуешь подняться, я это, будь уверен, сделаю. Если скажешь хоть слово, я тебя успокою магией, надеюсь ты понял?»

Рэми понял. Он еще как понял. Но принял ли?

— Подойди ближе, — приказал принц. — Не бойся!

Гаарс побледнел как снег и тяжело шагнул вперед. Он даже не взглянул на Рэми, опустился рядом на колени, склонил голову и поцеловал вышитый жемчугом край плаща Мираниса. Он был так близко, что почти касался плечом. И в то же время так недостижимо далеко, ведь ладонь Тисмена все так же не давала даже двинуться, а тихий голос внутри в который раз приказал «не соваться».

Ладонь принца в темно-синей перчатке, унизанная перстнями, покровительственно скользнула Гаарсу под подбородок, потянула вверх, заставляя поднять голову, ласково провела пальцами по синяку, и повесила на шею Гаарсу знакомый до боли амулет.

Облегчение захлестнуло с головой: Рэми успел и Мир понял. Пусть хотя бы Гаарс будет в безопасности... и Варина с Рисом. Рэми как-нибудь сам справится.

— Возвращаю, — сказал Миранис. — Надеюсь, в следующий раз ты не станешь нападать на моих людей, Гаарс. И не заставишь выбирать между возмездием за друга и долгом чести.

— Никогда... клянусь, никогда более не пойду я против вас, мой принц... и сейчас бы не пошел... знай я... мы ведь братья почти...

Сказал и осекся. Даже опоенный магией Рэми понял почему: не к лицу какому-то рожанину называть наследного принца «братом».

Но Миранис ничего не ответил на дерзость, и в тот же миг Тисмен приказал:

— Назад! — и голос его эхом разнесся по залу.

Гаарс повиновался. Послушный новому приказу телохранителя, отошел, опустился на колени и замер в нескольких шагах от трона.

«Тис, кто его так? Кадм? — иронично поинтересовался принц. — Теперь понимаю, за что меня величают деспотом. Как иначе, если мои телохранители играют в палачей? И зная Кадма, уверен — Гаарсу придется еще долго помучиться, пока будут заживать его раны. И когда он успел? И где он вообще?»

«Кадм не любит, когда на тебя покушаются, — вмешался Лерин. — Мы все не любим. Ты решил отпустить Гаарса, но... наемник должен был заплатить. Хотя бы слегка».

«Гаарс мой друг».

«Гаарс — глава рода Рэми. И теперь вполне может не дать избраннику стать твоим телохранителем. А Рэми — опасен».

«Ты опять начинаешь?»

«Он нас не слышит, не так ли? Или я ошибаюсь?»

Внимательно слушавший Рэми вздрогнул и прикусил губу, подавив желание рвануть из этого зала. Все равно куда, все равно зачем! Его неволят, потому что считают опасным? Только поэтому?

«Рэми, посмотри на меня...» — потребовал вдруг Тисмен.

Рэми сначала подчинился, а лишь потом понял, что совершил ошибку:

«Он слышит нас...»

«А, значит, все равно уже, что сделает Гаарс, — усмехнулся Мир. — Рэми, ты уже мой, не так ли?»

Рэми вновь прикусил губу, не понимая. Что значит — «его»? Принц ведет себя так, будто все уже решено. Что, если и в самом деле — решено? Ведь Гаарс — обычный рожанин, Миранис — наследный принц, стоит второму приказать, и первому ничего не останется, как подчиниться.

— Гаарс, мне очень хочется тебе верить, но могу ли я? — начал Миранис. — Ты покусился на жизнь моего лучшего друга, а я не люблю, когда моих друзей насильно толкают за черту. Да и сам я туда, знаешь ли, не спешу. Но на этот раз — забудем. Променяем жизнь на жизнь, и сидел бы ты уже дома... если бы не Рэми. Тисмен сказал, что ты знаешь, о чем мы будем говорить. И уже принял решение. Я слушаю.

— Вы правы, мой принц, телохранитель мне объяснил. И я понимаю, — начал Гаарс, и голос его неожиданно задрожал. — Понимаю, что прошу многого. Но я вынужден отказать, хотя нелегко вам отказывать. Прошу вас отпустить моего родственника. Мы заключили договор, мой архан. Цех больше не будет вредить ни вам, ни вашему другу. Все закончилось. Возносить же простого юношу на немыслимые высоты было бы ошибкой.

— Так ли уж простого? — парировал Лерин.

— Мой архан, если вы хотите держать в узде силу Рэми, можете назначить куратора. Цех не будет воздействовать на мальчика, и вы уже получили тому подтверждение. Даже со своей силой Рэми более не представляет для вас опасности.

— Мы не говорили об опасности, — холодно заметил Мир. — Не обольщайся Гаарс. Рэми — сильный маг, это правда. Опасен ли он для меня? Нет. Но Рэми порывист. И упрям

Очень неудачное сочетание для вольного мага с огромной силой.

— Поймите, — продолжал Гаарс, — он не создан для придворной жизни. И простите, что я спрашиваю прямо: вы уверены, что двор примет телохранителя-рожанина? Пусть даже избранного богами?

— Это уже хлопоты мои.

— Я вижу, мой принц, вы хотите мальчику добра, — осмелел Гаарс. — Я хочу того же. Но иначе смотрим мы на это добро. Простите меня, ваше высочество, за смелость. Еще недавно в мой род вошел сильный молодой мужчина, а теперь у ваших ног сидит испуганный юноша. Рэми пришлось оглушить магией, чтобы навязать вашу волю. Разве так одаривают? Через силу? Мой принц, скажите, согласен ли сам Рэми быть вашим телохранителем? Что он выбрал? Давайте не будем заставлять...

— А ты считаешь, что я заставляю? — Рэми вздрогнул, услышав в голосе Мира плохо скрываемую усмешку. — Неволю? Это не так. Оглушали Рэми не потому, что он не хочет стать моим телохранителем, а потому что слишком хочет... Но ты не поймешь. Думаю, и он не понимает. Пусть будет так. Я докажу тебе, что мне не надо неволить Рэми. Я его отпущу.

«Мир, прекрати!» — возразил Лерин, но принц продолжал:

— Мои телохранители присмотрят за Рэми, чтобы ни ты, ни твой цех, ни твои друзья вновь не всучили ему какого-нибудь амулетика. Сам он долго без меня не выдержит. Ты не понимаешь, что такое привязка. Не понимаешь, что такое связь между телохранителем и принцем, но, судя по всему, Рэми тоже этого не понимает. И потому, только потому, а вовсе не по твоей просьбе, я дам ему очнуться, обдумать все и принять правильное решение. Мне не нужен телохранитель, «которого заставили». Мне нужен телохранитель, которому в радость быть со мной рядом. Ты этого хотел, Рэми?

Рэми удивленно обернулся и посмотрел Миру в глаза. В этот миг он и сам не знал, чего он хотел. Он видел перед собой не принца, а оборотня, что нес Рэми на себе лесу, по залитому лунным светом. Он видел человека, которого спас на той проклятой поляне, чуть сам не уйдя за ним за грань. Он видел заботу в глазах Мира, когда они сидели у костра, а Рэми сгорал в лихорадке... Слышал, как Мир звал телохранителей, когда Рэми терял сознание. Чувствовал кровь принца на своих руках, когда тащил его из храма Шерена.

Почему это вот так просто вылетело из памяти? И почему так не хотелось теперь уходить...

Мир все понимал. Улыбнулся грустно, одними губами, сказал едва слышно:

— Иди, ты этого же хотел, правда? Забери его, Гаарс. Забери, пока я не передумал.

И было столько боли, тоски в этих словах, что сердце встрепенулось. Но гордость погребла под собой сомнения, и Рэми подошел к ожидавшему его Гаарсу, обернулся к принцу, поклонился низко, приложив к сердцу руку:

— Ваше высочество!

И отвернулся к дверям. И покачнулся, когда, казалось, упал на плечи потолок и закончилось дыхание. Задыхаясь, Рэми упал бы, но его поддержал за плечи подоспевший Гаарс. А Рэми видел лишь побледневшего Тисмена, слышал крик телохранителя:

— Гаарс, выведи его! Через те двери! Быстро!

Но Гаарс не успел.

Варнас почти и не удивился, когда в его пещере появился новый гость: в последнее время здесь было шумно.

— Приветствую тебя, брат. Решил навестить? Не много ли чести?

— Вижу, что не слишком ты устроился, — презрительно ответил мужской голос. — Воняет здесь... темно... не понимаю.

— Что тут понимать? — усмехнулся Варнас. — Аким умер, я остался, а мой культ за смерть героя сравнивали с землей.

— Я давно говорил тебе — осторожнее играй с Виссавией. Аким был все же ее...

— О нет! — прошипел Варнас. — Ты чего-то не помнишь! Аким был грязным, оборванным мальчишкой, дурным и никому не нужным. Аким пришел ко мне ублюдком, не знающим отца, а героем, гордостью Виссавии, сделал его я! И что получил взамен? Аким сумел восстановить культ нашей милой сестрички, но его последователи разорили мой. Воняет? Да потому что святые источники завалили трупами моих жрецов! И даже на то, чтобы их убрать, сил теперь не хватает...

— А направлять судьбу Рэми — хватает?

— Каждый из нас хочет выжить.

— А ты еще пытаешься и отомстить.

— Я не мишу. Я восстанавливаю то, что принадлежит мне. И не с помощью Рэми, а с помощью его драгоценной Аланны. И я не дам Рэми снова уйти в этот проклятый город и отыскать способ жить вдали от Мираниса! У меня больше нет времени на такие игры!

— Мстишь... — перебил его Радон. — Но должен тебя разочаровать — выиграет все равно Виссавия. И твой культ будет восстановлен. Не так, так иначе. Я даю тебе слово. Мне дороги вы оба. И вы помиритесь, хотите вы того или нет. Даже герой Аким не стоит ссоры между богами.

И исчез... А Варнас опустился на трон и устало закрыл глаза. Сейчас не время забываться сном. Совсем не время... но сил уже почти не осталось.

Ярость. 16. Аши. Последняя битва

*Благими намерениями
вымощена дорога в ад.*

Как же холодно в этих пещерах...

Варнас облегченно выдохнул, оторвавшись от магического ока. Он не столько жалел гордого Рэми, сколько не хотел терять. Устроившись на троне, младший бог восстанавливал потерянные на око силы. Присутствия сестры, которая в последнее время здесь была чаще, чем у себя в храме, он уже не замечал.

— Это последний раз, когда я тебе помогаю, — сказала Виссавия, — когда я исправляю твои ошибки. Рэми мне нужен в своем уме, и я очень надеюсь, что ты это понимаешь...

— Он и мне таким нужен, — не в силах спорить, выдохнул Марнис.

— Я уже говорила и повторяю — ты многого не понимаешь. Мои дети... они не кассийцы, они думают иначе, они и живут иначе. Ты не знаешь Рэми, как не знал когда-то Акима. Думаешь, ты выиграл? Посмотри на них, на телохранителей принца. Каждый из них получает силу одиннадцати. Тисмен — зеленый телохранитель. Травник. Лерин — чистый маг. Белый. Кадм — воин, коричневый. Боевая магия, оружие... И ни на одном из них уже не властны боги. Целитель судеб, наделенный сердцем виссавийца... это уже опасность не только для людей, для богов!

— Не посмеешь!

— Это ты посмел, не я! Ты подверг опасности род повелителя, вернув им целителя судеб. Как только он станет телохранителем, он выйдет из-под твоей власти. И, самое смешное, ты сам это сделал. Ты, не я, уговорил когда-то Радона позволить виссавийцу принять в себя душу его сына.

— Ты ошибаешься. Я не хочу, чтобы Рэми стал телохранителем Мираниса. Мне надо только одно — возвысить его до Аланны. С Миранисом он не останется!

— До сих пор не понял, — засмеялась сестра. — Мне нужен Рэми. Нужен с расцветшей в нем силой целителя судеб. А это возможно только после привязки с Миранисом. Только тогда он сможет в полной мере вынести мощь Аши, не раньше. Только тогда он сможет сам лечить судьбы... не как Аши. Не справедливостью. Милосердием.

— Ты убьешь его... — утрашился Марнис. — Ни один человек не может вынести этой ноши.

— Я спасу его. И не только его. И он справится... люди гораздо сильнее, чем ты думаешь, брат. Чем все вы думаете.

И пропала. Наконец-то. Только ведь совсем не было легче...

Ночь текла за огромным, во всю стену, окном, то и дело подметала стекло ворохом снежинок. Рэми сидел в кресле, укутанный густым полумраком и лениво любовался на раскинувшийся под ногами магический парк. Гасли одна за другой звезды, становились менее яркими пятна фонарей, укутанные вуалью снега. Временами бесшумно, подобно осторожному зверю, появлялся Тисмен, и некоторое время стоял рядом, внимательно изучая, мешая любоваться на игру снежинок.

Рэми не раздражался. Не дерзил... Зачем? Он покачивался на ласковых волнах, и весь

мир был где-то далеко и неважен. Совсем. А Тисмен вдруг вновь оказался перед креслом, подал наполненную зельем чашу. И так же равнодушно Рэми выпил густую горечь до дна, до последней капли, не почувствовав вкуса.

— Чем ты его поишь? — спросил кто-то за креслом, и в голосе спрашивающего Рэми вдруг узнал Мира. И все равно покой тек через душу ровным потоком, хотя где-то глубоко внутри ударила едва слышным колокольчиком тревога... Мир... подойди, Мир... и не подходи. Рэми и сам не знал, чего хотел.

— Ничем особенным. Рэми спокоен, Аши до него не достучится, его сила спит, и это все. Перед ритуалом я его пробужу... и тогда жди нового всплеска упрямства.

Упрямства? Зачем?

— Это ты называешь «ничем особенным»? — спросил Мир совсем близко... опасно близко. И Рэми чуть дернулся, но покой вновь захлестнул с головой и подарил благодатное равнодушие. — Иногда я тебя боюсь, Тисмен. Тихоня тихоней, а временами такое выдаешь...

— Ноешь...

— И в самом деле, ною. Недостойно мужчины и наследника, да?

Наследника? Тревожное слово потонуло в море покоя. Рэми нравился снег. Нравилось наблюдать за снежинками. Нравилось останавливать картинку, всего на мгновение, а потом вновь пускать вихрь белых сполохов.

Нравился покой, которому не мешал ни разговор телохранителей, ни спавшая глубоко внутри смутная тревога. Зачем тревожиться... зачем вставать? Зачем думать? Так много «зачем» и так мало «потому что».

Ветер подмел снежинками стекло. Рэми откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, уселся поудобнее и вдруг подумал, что в комнате слишком душно, слишком тепло, и так охота морозной свежести, легкости ветра, поцелуев снега на щеках...

— Проклятье! — вскрикнул Тисмен, и Рэми открыл глаза.

Окна не было, парк вдруг показался таким близким, протяни ладонь и коснешься деревьев, пропустишь между пальцев пряди ветвей, почувствуешь их ласковую упругость. Белые хлорья мягко ложились на укрывавший колени плед, и Рэми подставил ладонь, словил на нее снежные лепестки. И свежесть... морозная свежесть пробилла душу до дна, на миг развеяв облако покоя.

— Однако ж! — восхитился Мир. — Сила его спит, говоришь?

— Замок, верни стекло на место! — закричал Тисмен, подбегая к окну и оборачиваясь к Рэми:

— Если хотите убежать, то лучше забудьте сразу!

Бежать? Бред! В кресле так хорошо и удобно, куда и зачем бежать? Даже отвечать на эти глупости не охота...

— Так быстро приучил он духа замка, — продолжал издеваться Мир. — Я же говорил, он у нас талантливый. И русалок привораживает, и окна испаряет, и верхом на оборотня усаживается без тени сомнения! Осторожнее, Тисмен! Смотри, не упусти его, пока жрецы не закончат подготовку к ритуалу.

Хлопнула входная дверь. Стекло вернулось на место, в камине вспыхнул с новой силой огонь, в комнате быстро становилось тепло. И душно.

Тисмен с сожалением посмотрел на сломанный ветром цветок, потом на Рэми, покачал головой и опять скрылся за креслом. Зажегся за спиной мягкий свет, скрипнула скамья. Зашуршали страницы. И воцарилась тишина...

Рэми все смотрел в окно. Небо постепенно перестало сыпать белый пух, хотя и осталось серо-синим, угрюмым. Дорожки тотчас расчистились, будто невидимая метла смахнула с них тонкое одеяло. Магия, и здесь магия, но Рэми было все равно. Он наблюдал. За гаснущими звездами, за переливом света фонарей на темных, вычищенных дорожках, за полетом ночных птиц... он даже хотел позвать сову, что охотилась в ельнике, но передумал.

Зачем тревожить? Тем более, когда бежит по штанине, перебирает лапками, просится на ладони знакомый паук. Тот самый, что когда-то помог Рэми спасти Мира.

Почувствовали заклинателя... все почувствовали в этих странных покоях. Но выйти к Рэми на глазах у молчаливого Тисмена решился только смелый паучара... не выдержал, старый друг, пришел приласкаться. Иди же, иди, малыш, не бойся! Не обижу!

Рэми выпустил паука на подлокотник кресла, вновь встретившись с молчаливым взглядом Тисмена. Тисмен паука забрал, посадил на ветвь у потолка, тихо сказал:

— Не зови никого, Рэми. В таком состоянии ты можешь утратить над ними контроль. И будет не слишком приятно, сам же знаешь.

Рэми знал, что никогда не терял и не потеряет никакого контроля, но возражать не стал, было лень. Он закрыл глаза, отдавшись во власть забытья. И вдруг захотел оказаться там, внизу... Где ласкает мороз бодрящей свежестью, испускают нежный аромат розы, окутывает теплым одеялом магия парка... и где ночная темнота густеет перед самым рассветом.

Это кресло так надоело! И эти покои с вечным летом, пропитанные блокирующей магией Тисмена — надоели. И когда он открыл глаза, то оказался в знакомой беседке, на ажурной белоснежной скамье, возле все так же журчащего фонтана. В этом парке ведь ничего не замерзает... и все так сверкает и переливается в ночной тишине... тишине ли? Рэми улыбнулся: шуршит, живет парк. Приглядывается, принохивается, прислушивается... зовет заклинателя.

Чуть покачиваясь от слабости, он спустился по ступенькам. Парк, как и раньше, прокладывал под ноги тропу, манил в глубину, на сладкий запах роз, смешанный с морозной свежестью, к летящей из тьмы, рассыпающуюся по снегу горечи черемухи, к темно-бардовым, покрытым инеем кистям сирени. Рэми коснулся кисти, подивился лениво... почему он видит в темноте так отчетливо? Как не видел никогда? Почему внутри поднимается незнакомое чувство... и хочется, боги, как же хочется рвануть в эту ночную тишину, почувствовать ласку ветра на шкуре... шкуре?

— О боги! — прошипел за спиной Тисмен. — Эта ночь будет долгой.

Накрыла плечи тяжесть плаща, вновь окутало душу безразличие, и Рэми послушно обернулся к Тисмену, посмотрел ему в глаза, окунулся в бьющееся в зрачках пламя чужой силы. Хотя бы чужой. Хотя бы на миг. Задохнуться, утонуть, подышать магией, почувствовать ее мощь...

— Я понимаю — вы плохо соображаете. Понимаю, что мои зелья действуют на вас странно, но вы ведь меня слышите, правда?

— Я вас слышу, — слегка улыбнулся Рэми. Какие же глупые у Тисмена вопросы...

— И понимаете?

— Я вас понимаю, — вновь улыбнулся Рэми, наклонив голову.

И захотелось вдруг, как захотелось коснуться щеки Тисмена, выгнать угрюмость из зеленого взгляда друга Мира. Но нельзя... совсем нельзя...

— Я прошу не покидать моей комнаты. Только сегодня. Очень прошу.

— Там душно.

— Я попрошу замок проветрить... Могу даже, о боги, не верю в это, оставить окно открытым... надо только перенести в кабинет цветы, и зверюшек... да подождите же вы, куда собрались!

Рэми не слушал. Он шел дальше по тропе и наслаждался свежестью леса, на этот раз не магического, настоящего: укутанными снегом елями, пронзенными тенями сугробами, той особой ватной тишиной, что всегда была после обильного снегопада. И вовсе не жаждал возвращаться в искусственную зелень покоев Тисмена.

— Откуда вы так много знаете о магии?

Рэми понял вопрос далеко не сразу. Он был занят: звал из ветвей испуганного совенка. И откуда тут взялся-то посреди зимы? Потерявшийся и голодный...

— Меня научили, — вспомнил, наконец, о вопросе Рэми.

— Многому вас научили. Наблюдая за вами становится страшно: оказывается подводный мир столицы гораздо глубже, чем я думал. Вы, мой друг, владеете магией лучше многих арханов. И все же многого еще не умеете. Однако для рожанина очень неплохо.

— Но недостаточно, чтобы стать телохранителем, — устало ответил Рэми, принимая совенка на запястье. Тисмен улыбнулся в полумраке, погладив нахохлившуюся птицу. И Рэми вдруг вспомнил, что зеленый маг любит природу... может, так же сильно, как и Рэми. И что они даже чем-то похожи.

Похожи! Смешно. Рэми — рожанин, беглец. Тисмен — гордый архан. Разница очевидна... вроде как.

— Видишь ли... — начал Тисмен. — Я могу называть вас на «ты»? — Рэми кивнул. — Мы не выбираем своей судьбы. Принц не просто так прочит тебя в телохранители. Там в лесу, когда вы встретились... вот тут, — Тисмен коснулся лба Рэми, — проступили знаки...

— Знаки чего? — спросил Рэми.

Он пересадил совенка на плечо и нашел среди ветвей ели невесть как тут оказавшуюся розу. Магический парк... что же ты испортил эту сладость настоящего, пахнущего хвоей леса... испортил бархатным ароматом цветущих роз, мягкостью лепестков на ладонях.

— Твоей избранности. И речь не идет ни о твоём желании, ни о нашем, а о воле богов.

— Мне говорили, что боги надо мной не властны.

— Иногда я в это верю, — задумчиво ответил Тисмен, смотря, как роза в руках Рэми вдруг становится бутоном. Рэми усмехнулся, разжал пальцы, и цветок упал на тропинку, вонзился в снег, стебель его начал удлиняться, разветвляясь, наращивая листья, и стремительно превращаясь в украшенный ярко-красными цветами куст. — Ты особый. И мне стало страшно, когда ты появился.

— Почему?

— Потому что человек-судьба появляется нечасто. А когда появляется...

— То кто-то умирает. И что-то заканчивается.

— Чаще всего — династия, — заметил Тисмен.

— Ты тоже считаешь, что я опасен? — спросил Рэми, ломая новый цветок.

— Не играй со своей силой! — предупредил Тисмен. — Не сейчас, когда не до конца понимаешь, что делаешь... отдай цветок. — Рэми отдал, и Тисмен отбросил его в снег. — «Тоже» — это о Мире, правда? — Рэми вновь кивнул. — Нет, не считаю. Сказать по правде, и Мир вряд ли считает. Просто ты ему очень нужен, Рэми, всем нам нужен.

Рэми посмотрел на Тисмена и вздрогнул. Морозный воздух понемногу возвращал разум,

и Рэми всеми силами пытался собраться с мыслями. Не сказать лишнего. А говорить нельзя было о двух людях. О Урии, что дал ему тот амулет, и о Жерле... что предупреждал о Мире, хотя ничего о нем знать не мог. Эти люди слишком дороги, чтобы их вот так просто выдать. И потому надо молчать.

Позднее... он подумает об этом позднее. Сейчас начинает болеть голова. От горьких мыслей, от зелья Тисмена, от внимательного взгляда мага.

— Ты ведь не читаешь мыслей? — запоздало спохватился Рэми.

— А следовало бы? — насторожился Тисмен.

Рэми не хотел отвечать на этот вопрос. Он вообще недолюбливал этого «добренького» телохранителя, доверяя открытому и ироничному Кадму, да и вечно злому Лерину, гораздо больше. Те хоть понятны. Тисмен подобен ласковому ручейку... никогда не знаешь, когда поток окрепнет, превратится в горную реку и снесет тебя со скал.

Лицемер. Рэми ненавидел лицемеров. А Тисмен нахмурился на миг и сказал вдруг:

— Мир зовет, нам пора.

В тронном зале царили тишина и полумрак, румянилось рассветное небо в окружавших купол окнах. Сидевший на троне Миранис не хотел тревожить будущего телохранителя ярким светом и ненужными церемониями: Рэми и без того был тих и бледен, как снег. Подчинился и сел на ступеньках трона, хотя подчинился, видно же, неохотно. Но внешне смирился. И в то же время сжимал до боли зубы, когда думал, что его не видели, и всеми силами старался не показать, как ему больно. И стыдно. Гордый. Впрочем, Миранису не привыкать к такой гордости.

Не в первый раз ломала она нового телохранителя. И Лерин, не спускавший с мальчишки внимательного взгляда, кажется, тоже это помнил. Потому-то Миранис его и выбрал: спокойный теперь и рассудительный Лерин когда-то доставил своему принцу много хлопот. Гораздо больше, чем другие телохранители.

Когда Миранис увидел Лерина в первый раз, вокруг пылало зеленым огнем лето и магический парк плавился в тягучей жаре. Миранису, которому едва миновало девять, так хотелось обратно, в полумрак и прохладу дворца, но куда там! Наследник был обязан встречать посольство рода горцев... которые, единственные в Кассии так и не приняли до конца власть повелителя.

Посольство тянулось по главной аллее парка неторопливым, разноцветным шлейфом. Расшитые драгоценными камнями одежды, стекающие на крупы лошадей плащи, гордо выпрямленные спины... Единственный сын главы рода, ясноглазый и светловолосый, твердой рукой вел горячего жеребца шаг в шаг с конем отца и смотрел так... что душу пронзило холодом. И стыдом: рядом с этим мальчишкой размякший Миранис показался себе деревенщиной неотесанной, ведь Лерин, который был всего на год старше, жары, казалось, и не замечал.

Лишь увидев наследного принца вздрогнул на миг. И как-то незаметно посерел... а с глаз его куда-то утекла уверенность. Зато Миранису, поймавшему слабость гостя, стало вмиг легче: доконала-таки высокого гостя внезапная жара.

А через некоторое время уехавшие, казалось, с миром горцы объявили повелителю войну:

— Вы отравили сына главы рода, — прыскал слюной уже не боявшийся ничего посол.

— Чем? — искренно удивился повелитель.

— Любовью к наследному принцу.

Повелитель ничего не сказал, но не сдержал довольной улыбки. В игру вмешались жрецы и дипломаты, а через луну Лерин вернулся в замок. И в ту же ночь в залитой лунным свете спальне Мир проснулся с кинжалом у своего горла:

— Отец сказал, что если я тебя убью, — шептал сидевший на кровати гордый горец, — то смогу спать ночами.

Миранис, который уже давно знал больше, чего его гость, лишь спокойно спросил:

— А ты сможешь?

Он знал ответ... а Лерин — не совсем. И когда лезвие чуть глубже надавило на шею, царапнув кожу, принц даже не шевельнулся, а руки Лерина уже начали дрожать...

— Я убивал! Я — мужчина! Я могу! — плакал сидевший на полу мальчишка-горец, когда в спальню принца ворвался дозор.

— Ваше высочество! — склонился перед Миранисом Дар, телохранитель отца. — Вы ранены?

Мир отер кровоточащую шею, посмотрел сначала на свои испачканные кровью пальцы, потом на все так же дрожащего в руках дозорных мальчишку-избранника и приказал:

— Всего лишь царапина... Будь с ним помягче.

— Не волнуйтесь, мой принц, мы все сделаем как надо, — вновь поклонился телохранитель и приказал дозорным увести безвольно повисшего на их руках Лерина.

А Миранис лишь посмотрел на заглядывающую в окно луну и вздохнул. Ему и хотелось и не хотелось связываться с гордым горцем. Не слишком это приятно, когда твоим телохранителем не хотят быть так сильно.

Он не видел Лерина до самой привязки. Спустя луну неожиданно спокойный, обласканный телохранителями отца и жрецами, горец встал перед принцем на колени, добровольно приступив к сложной церемонии. И в холодных глазах избранника светилась уже не ненависть — слепое обожание, которое переворачивало душу неясной тревогой: это все не Лерин, это все проклятые узы богов... И никому на самом деле этот ритуал привязки не нужен. Миранису не нужен такой телохранитель!

И лишь гораздо позднее до него дошло, как дорого стоил мальчику-горцу этот шаг: узнав, что Лерин не сумел убить наследника, отец его проклял, восстал против повелителя, а уже к концу лета вместе с двумя братьями погиб в бою с войсками Деммида.

Лерин никогда не вспоминал о своем прошлом и семейных связях. Но Мир знал, что мало-помалу телохранитель, если не восстановил свое положение среди горцев, то хотя бы наладил неплохие отношения с новым главой рода. Помог Деммиду заключить мир со своим гордым народом и даже заставил горный народ дать повелителю такую клятву, которую уже нельзя было нарушить новым бунтом.

«Бунт это чаще всего напрасное кровопролитие», — как-то сказал он, и в его глазах было столько тоски... что Миранис тогда отвернулся. Где-то в глубине души билась тогда крамольная мысль: место Лерина не тут, рядом с наследником, а в горах. Где тишина, простор и такой покой, что кажется, еще немного и взлетишь... вспаришь над толстым одеялом облаков под ногами... еще немного и... где безграничная свобода простора и горных вершин, и где нет тесноты золотой клетки замка.

Алмаз. Чистый и совершенный. Мастер заклинаний, Лерин был так хорош, что

временами Миранису на него смотреть не хотелось.

Лерин временами уходил через пространственные переходы в горы. Проводил там день или два, а когда возвращался... взгляд его вновь становился безразличным. Уверенным. И холодным. Но Миранис точно знал, что Лерин никогда не забудет своего первоначального бунта против принца. И потому теперь подобно любящему и понимающему старшему брату телохранитель внимательно следил за Рэми, и стоило новому избраннику начать сопротивляться слишком сильно, мягко бил коротким заклятием, подавляя гнев и желание вырваться из золотой клетки. Как и Тисмен, не давал ему сломаться. И вновь уйти в сладостное забытие.

Теперь уже ничего не изменишь. И сомневаться некогда. Если отец узнает о планах наследника, Рэми и до полудня не дожить. Миранис уже не раз и не два слышал лично из уст Деммида, что «мальчишка слишком опасен, чтобы жить» и понимал, что если жрецы опоздают с подготовкой...

Но опаздывают же, боги, как опаздывают. Отец сейчас на совете, ему сыном и его телохранителями заниматься некогда, там золото и земли делят, так что в самый раз заняться ритуалом.

Загвоздка в трех мелочах: Рэми, жрецах и... Гаарсе.

Появился в зале, поклонился принцу молчаливый Тисмен. Чуть улыбнулся на вопрос, где носит этого паршивца Кадма и тихо сказал:

— Я исполнил твой приказ, мой принц. Ввести?

Миранис лишь вздохнул, вздыхая. Все его телохранители были слишком... горды и независимы. Впрочем, это ему даже нравилось. Слуг у него и без того хватало. С смелыми и дерзкими друзьями было гораздо хуже. Рэми... что же ты так сопротивляешься, а, Рэми?

Рука Тисмена тяжело легла на плечо, и вокруг яркими искрами вспыхнули звезды. На миг стало тошно, а когда перестало двоиться перед глазами, Рэми вдруг с удивлением понял, что стоит в округлом зале. Увитые каменными цветами колонны убежали к куполу, по которому раскинулись, переливались будто живые звезды, под ногами сложилась в сложный рисунок мозаика, но Рэми уже не мог смотреть ни на купол, ни на колонны, ни на мозаику: прямо перед ним на небольшом возвышении сидел в кресле с высокой спинкой... Мир... странный Мир.

Глубокий вдох, попытка собраться с мыслями. Что-то было не так. Подбежавший молодой слуга с извинениями забрал плащ, удалился бесшумно, и Рэми едва уловил щелчок двери... хотя в зале было тихо. Совсем тихо...

Миранис был сосредоточенным и серьезным. В роскошном, синем наряде, расшитом драгоценными камнями, с разрисованным рунами лицом, он казался чужим. Недостигаемым. И более не в силах смотреть в полыхающие синим огнем глаза, Рэми перевел взгляд на ладони Мира... тонкие ладони, обтянутые шелком перчаток, сияние звезд в камнях перстней. И окутывающая весь зал аура силы...

И ему Рэми осмеливался дерзить? Впрочем, что изменилось-то? Многое изменилось. Подошел к трону Лерин, поклонился низко, тихо прошептал:

— Мой принц...

И до Рэми, наконец, начал доходить смысл его слов... «Мой принц»? Мир... это Миранис? Наследный принц Кассии, оборотень?

Внезапно перестало хватать воздуха, и Рэми уловил скошенный взгляд Лерина. Успел заметить, как шевельнулись тонкие губы телохранителя, как блеснуло в воздухе синим, и заклинание легко на душу печатью покоя. Вновь стало... почти все равно.

«Сядь!» — приказал где-то в голове голос Лерина, и Рэми повиновался, опустился на ступеньки трона. Значит, если Мир это наследный принц, то эти трое... его телохранители? Высшие из высших... и Рэми тоже предлагали быть...

«Понял, наконец», — усмехнулся Лерин и поднялся по ступенькам. Наверняка застыл за креслом принца, уже не обращая внимания ни на Рэми, ни на его поднимающийся волной страх. Впрочем, обратил. Вновь стрела короткого заклятия, всплеск собственной злости — зачем? — и разлившийся по душе покой...

Все же хорошо сидеть у ног Мира, комфортно. Может, не надо сопротивляться? Но наткнувшись на чуть насмешливую улыбку невесть откуда появившегося Тисмена, Рэми одернул себя: обойдутся! Это все не он, это те самые «узы богов», о которых столько раз говорил Миранис. И пусть Мир и наследный принц Кассии, все равно ему Рэми не сломать!

Мысль пришла и ушла, распахнулись высокие двери, и в проеме появилась тень мужчины со связанными за спиной руками.

— Подойди! — холодно приказал Тисмен, стоявший за спиной Рэми.

И сразу же Рэми сжал зубы, охваченный гневом. Гаарса совсем недавно избили: по щеке расплзался синяк, в светлых волосах запеклась кровь. Ему не дали ни умыться, ни переодеться, видно, что и не спал он давно...

Рэми порывался встать, но на плечо легла рука Тисмена, в голове раздался холодный голос: «Тебе помочь успокоиться или сам справишься? Не вмешивайся. Сейчас нет!»

«Они мою судьбу решать собираются, а мне не вмешиваться?» — прошипел Рэми.

«Видят боги, я не хочу тебя глушить магией перед ритуалом, — тихо ответил Тисмен. — Но если попробуешь подняться, я это, будь уверен, сделаю. Если скажешь хоть слово, я тебя успокою магией, надеюсь ты понял?»

Рэми понял. Он еще как понял. Но принял ли?

— Подойди ближе, — приказал принц. — Не бойся!

Гаарс побледнел как снег и тяжело шагнул вперед. Он даже не взглянул на Рэми, опустился рядом на колени, склонил голову и поцеловал вышитый жемчугом край плаща Мираниса. Он был так близко, что почти касался плечом. И в то же время так недостижимо далеко, ведь ладонь Тисмена все так же не давала даже двинуться, а тихий голос внутри в который раз приказал «не соваться».

Ладонь принца в темно-синей перчатке, унизанная перстнями, покровительственно скользнула Гаарсу под подбородок, потянула вверх, заставляя поднять голову, ласково провела пальцами по синяку, и повесила на шею Гаарсу знакомый до боли амулет.

Облегчение захлестнуло с головой: Рэми успел и Мир понял. Пусть хотя бы Гаарс будет в безопасности... и Варина с Рисом. Рэми как-нибудь сам справится.

— Возвращаю, — сказал Миранис. — Надеюсь, в следующий раз ты не станешь нападать на моих людей, Гаарс. И не заставишь выбирать между возмездием за друга и долгом чести.

— Никогда... клянусь, никогда более не пойду я против вас, мой принц... и сейчас бы не пошел... знай я... мы ведь братья почти...

Сказал и осекся. Даже опоенный магией Рэми понял почему: не к лицу какому-то рожанину называть наследного принца «братом».

Но Миранис ничего не ответил на дерзость, и в тот же миг Тисмен приказал:

— Назад! — и голос его эхом разнесся по залу.

Гаарс повиновался. Послушный новому приказу телохранителя, отошел, опустился на колени и замер в нескольких шагах от трона.

«Тис, кто его так? Кадм? — иронично поинтересовался принц. — Теперь понимаю, за что меня величают деспотом. Как иначе, если мои телохранители играют в палачей? И зная Кадма, уверен — Гаарсу придется еще долго помучиться, пока будут заживать его раны. И когда он успел? И где он вообще?»

«Кадм не любит, когда на тебя покушаются, — вмешался Лерин. — Мы все не любим. Ты решил отпустить Гаарса, но... наемник должен был заплатить. Хотя бы слегка».

«Гаарс мой друг».

«Гаарс — глава рода Рэми. И теперь вполне может не дать избраннику стать твоим телохранителем. А Рэми — опасен».

«Ты опять начинаешь?»

«Он нас не слышит, не так ли? Или я ошибаюсь?»

Внимательно слушавший Рэми вздрогнул и прикусил губу, подавив желание рвануть из этого зала. Все равно куда, все равно зачем! Его неволят, потому что считают опасным? Только поэтому?

«Рэми, посмотри на меня...» — потребовал вдруг Тисмен.

Рэми сначала подчинился, а лишь потом понял, что совершил ошибку:

«Он слышит нас...»

«А, значит, все равно уже, что сделает Гаарс, — усмехнулся Мир. — Рэми, ты уже мой, не так ли?»

Рэми вновь прикусил губу, не понимая. Что значит — «его»? Принц ведет себя так, будто все уже решено. Что, если и в самом деле — решено? Ведь Гаарс — обычный рожанин, Миранис — наследный принц, стоит второму приказать, и первому ничего не останется, как подчиниться.

— Гаарс, мне очень хочется тебе верить, но могу ли я? — начал Миранис. — Ты покусился на жизнь моего лучшего друга, а я не люблю, когда моих друзей насильно толкают за черту. Да и сам я туда, знаешь ли, не спешу. Но на этот раз — забудем. Променяем жизнь на жизнь, и сидел бы ты уже дома... если бы не Рэми. Тисмен сказал, что ты знаешь, о чем мы будем говорить. И уже принял решение. Я слушаю.

— Вы правы, мой принц, телохранитель мне объяснил. И я понимаю, — начал Гаарс, и голос его неожиданно задрожал. — Понимаю, что прошу многого. Но я вынужден отказать, хотя нелегко вам отказывать. Прошу вас отпустить моего родственника. Мы заключили договор, мой архан. Цех больше не будет вредить ни вам, ни вашему другу. Все закончилось. Возносить же простого юношу на немыслимые высоты было бы ошибкой.

— Так ли уж простого? — парировал Лерин.

— Мой архан, если вы хотите держать в узде силу Рэми, можете назначить куратора. Цех не будет воздействовать на мальчика, и вы уже получили тому подтверждение. Даже со своей силой Рэми более не представляет для вас опасности.

— Мы не говорили об опасности, — холодно заметил Мир. — Не обольщайся Гаарс. Рэми — сильный маг, это правда. Опасен ли он для меня? Нет. Но Рэми порывист. И упрям

Очень неудачное сочетание для вольного мага с огромной силой.

— Поймите, — продолжал Гаарс, — он не создан для придворной жизни. И простите, что я спрашиваю прямо: вы уверены, что двор примет телохранителя-рожанина? Пусть даже избранного богами?

— Это уже хлопоты мои.

— Я вижу, мой принц, вы хотите мальчику добра, — осмелел Гаарс. — Я хочу того же. Но иначе смотрим мы на это добро. Простите меня, ваше высочество, за смелость. Еще недавно в мой род вошел сильный молодой мужчина, а теперь у ваших ног сидит испуганный юноша. Рэми пришлось оглушить магией, чтобы навязать вашу волю. Разве так одаривают? Через силу? Мой принц, скажите, согласен ли сам Рэми быть вашим телохранителем? Что он выбрал? Давайте не будем заставлять...

— А ты считаешь, что я заставляю? — Рэми вздрогнул, услышав в голосе Мира плохо скрываемую усмешку. — Неволю? Это не так. Оглушали Рэми не потому, что он не хочет стать моим телохранителем, а потому что слишком хочет... Но ты не поймешь. Думаю, и он не понимает. Пусть будет так. Я докажу тебе, что мне не надо неволить Рэми. Я его отпущу.

«Мир, прекрати!» — возразил Лерин, но принц продолжал:

— Мои телохранители присмотрят за Рэми, чтобы ни ты, ни твой цех, ни твои друзья вновь не всучили ему какого-нибудь амулетика. Сам он долго без меня не выдержит. Ты не понимаешь, что такое привязка. Не понимаешь, что такое связь между телохранителем и принцем, но, судя по всему, Рэми тоже этого не понимает. И потому, только потому, а вовсе не по твоей просьбе, я дам ему очнуться, обдумать все и принять правильное решение. Мне не нужен телохранитель, «которого заставили». Мне нужен телохранитель, которому в радость быть со мной рядом. Ты этого хотел, Рэми?

Рэми удивленно обернулся и посмотрел Миру в глаза. В этот миг он и сам не знал, чего он хотел. Он видел перед собой не принца, а оборотня, что нес Рэми на себе лесу, по залитому лунным светом. Он видел человека, которого спас на той проклятой поляне, чуть сам не уйдя за ним за грань. Он видел заботу в глазах Мира, когда они сидели у костра, а Рэми сгорал в лихорадке... Слышал, как Мир звал телохранителей, когда Рэми терял сознание. Чувствовал кровь принца на своих руках, когда тащил его из храма Шерена.

Почему это вот так просто вылетело из памяти? И почему так не хотелось теперь уходить...

Мир все понимал. Улыбнулся грустно, одними губами, сказал едва слышно:

— Иди, ты этого же хотел, правда? Забери его, Гаарс. Забери, пока я не передумал.

И было столько боли, тоски в этих словах, что сердце встрепенулось. Но гордость погребла под собой сомнения, и Рэми подошел к ожидавшему его Гаарсу, обернулся к принцу, поклонился низко, приложив к сердцу руку:

— Ваше высочество!

И отвернулся к дверям. И покачнулся, когда, казалось, упал на плечи потолок и закончилось дыхание. Задыхаясь, Рэми упал бы, но его поддержал за плечи подоспевший Гаарс. А Рэми видел лишь побледневшего Тисмена, слышал крик телохранителя:

— Гаарс, выведи его! Через те двери! Быстро!

Но Гаарс не успел.

Варнас почти и не удивился, когда в его пещере появился новый гость: в последнее время здесь было шумно.

— Приветствую тебя, брат. Решил навестить? Не много ли чести?

— Вижу, что не слишком ты устроился, — презрительно ответил мужской голос. — Воняет здесь... темно... не понимаю.

— Что тут понимать? — усмехнулся Варнас. — Аким умер, я остался, а мой культ за смерть героя сравняли с землей.

— Я давно говорил тебе — осторожнее играй с Виссавией. Аким был все же ее...

— О нет! — прошипел Варнас. — Ты чего-то не помнишь! Аким был грязным, оборванным мальчишкой, дурным и никому не нужным. Аким пришел ко мне ублюдком, не знающим отца, а героем, гордостью Виссавии, сделал его я! И что получил взамен? Аким сумел восстановить культ нашей милой сестрички, но его последователи разорили мой. Воняет? Да потому что святые источники завалили трупами моих жрецов! И даже на то, чтобы их убрать, сил теперь не хватает...

— А направлять судьбу Рэми — хватает?

— Каждый из нас хочет выжить.

— А ты еще пытаешься и отомстить.

— Я не мишу. Я восстанавливаю то, что принадлежит мне. И не с помощью Рэми, а с помощью его драгоценной Аланны. И я не дам Рэми снова уйти в этот проклятый город и отыскать способ жить вдали от Мираниса! У меня больше нет времени на такие игры!

— Мстишь... — перебил его Радон. — Но должен тебя разочаровать — выиграет все равно Виссавия. И твой культ будет восстановлен. Не так, так иначе. Я даю тебе слово. Мне дороги вы оба. И вы помиритесь, хотите вы того или нет. Даже герой Аким не стоит ссоры между богами.

И исчез... А Варнас опустился на трон и устало закрыл глаза. Сейчас не время забываться сном. Совсем не время... но сил уже почти не осталось.

*То, что для гусеницы — конец света,
для бабочки — день рождения.*

Ричард Бах.

Во всем этом нет смысла. Никакого.

Мороз бодрил, внутри разинула пасть пустота. Эта ночь была слишком насыщенной, и все эмоции, все чувства сейчас канули в реку покоя. Сейчас он не чувствовал ничего, не хотел чувствовать.

Рэми стоял на дорожке магического парка, смотрел на залитый утренним светом, припорошенный снегом замок повелителя, и не мог поверить... как недавно и как давно он увидел этот замок в первый раз. Вот эти белые стены, изящные колонны, статуи в нишах и украшенные балюстрадами балконы. И теперь уже почему-то не хотелось отсюда уходить. Рэми даже знал почему — из-за все время ощущаемой заботы духа замка, его мягкого послушания, его молчаливого «тут ты свой». А так ли уж и свой?

Пустота внутри начала заполняться ленивой злостью. На самого себя. К чему было соглашаться, позволять Арману вот так решать — куда Рэми идти и зачем? А теперь уже совсем поздно: дал слово, так будь добр держать. Три дня это не так и долго. Тем более Гаарс успел шепнуть, что с Лией и матерью все в порядке.

— Мой архан, — тихо позвал за спиной высокий широкоплечий мужчина, представившийся Захарием. — Нам пора.

Куда и зачем пора? Захарий не был магом, Рэми это чувствовал. И стоит только захотеть, и этот воин будет играть по его, Рэми, правилам и воля Захария будет в руках Рэми. Они оба это знали. Оба чувствовали. Но в уверенном взгляде Захария не было страха, было лишь то, что заставляло Рэми слушаться: твердая уверенность в своей правоте. Не купленная золотом, властью и невесть откуда взявшейся бравадой, а та самая уверенность несомненно честного человека, против которой Рэми не мог пойти. Совесть не позволяла. Да и зачем?

Захарий не хотел зла. И подчинить не хотел. Хотя и не подлизывался, держался с достоинством. Рэми это чувствовал. Потому и не думал сопротивляться.

— Не называйте меня «мой архан», это раздражает, — ответил Рэми. — Я никогда не был и не буду арханом.

— Что только прикажете. Как вас называть?

— Как и все, — пожал плечами Рэми. — По имени.

— Как скажете. Я прошу вас поторопиться, нам пора, Эррэмизель.

Солнце на миг скрылось за тучей, и стало вдруг серо и пасмурно. Холодный ветер продрал до костей и стало вдруг как-то... одиноко, наверное? Рэми улыбнулся и пожал плечами: вот и открылась та самая тайна, они все дружно приняли его за другого. Вопрос только — за кого? И каким образом даже высшие маги, телохранители, могли так ошибиться? И что будет, когда они, наконец-то, осознают свою ошибку? Надо удрать да подальше прежде чем наступит это "когда". Но опять... слово, данное Арману.

Он обернулся, заглянул во внимательные, спокойные глаза воина, и холодно ответил:

— Вы ошиблись, меня зовут Рэми.

— Как скажете, мой... Рэми, — невозмутимо сказал Захарий. — Теперь мы можем

идти? Нам надо спешить. Деммид может передумать в любой момент, а мне не совсем хочется вырывать вас из рук его телохранителей.

— К чему ему передумывать? К чему такие жертвы? — усмехнулся Рэми.

Захарий не ответил, да и нуждался ли Рэми в его ответе? Что от него нужны телохранителям повелителя и самому Деммиду и без того понятно — Аши им нужен. Не притихшего внутри Аши Рэми так просто не отдаст. Хватит уступок! Хватит сомнений! Если Мир и Деммид хотят заполучить Аши, они должны его заслужить. И доказать, что достойны.

Но стоять и мерзнуть на самом деле глупо. И Рэми повернулся к замку спиной, попрощался мысленно с духом и вздрогнул, когда почувствовал ответную ласку. Замок грустил. Замок заверял, что будет ждать. Замок не хотел отпускать... и манил уютом. Домом. Друзьями, которых Рэми там оставлял.

Только вот другом ли был для него Мир? Да и Арман, сказать по правде...

Рэми равнодушно выхватил взглядом ожидавших его дозорных и специально для него созданную арку перехода. Постарались на славу: арка была сделана солидно, внутри ее переливался, манил всеми цветами радуги густой туман, тянуло пряным ароматом магии, от которого на миг поплыло перед глазами и задержалось дыхание.

Здесь все знали, что Рэми — маг, и притворяться больше не было необходимости. Да вот только, ради богов, почему его все называют Эррэмиэлем? И сразу бросаются кланяться, стоит только шагнуть к арке перехода? Даже вот тот маг в сером плаще, что, наверняка, переход и создал, наверняка, высший, а и тот положил тонкую изящную руку на сердце и склонился в низком поклоне, хотя говорят, что высшие маги склоняются перед кем-то ой как редко. Горды они и неприступны. Раздражает... все это раздражает! И кажется, что еще немного, и Рэми проснется в своем скромном домике, под жестким шерстяным одеялом, и услышит, как ветер бьет в окно ветками яблонь. И опять будет до самого рассвета тарашиться в потолок, пытаясь противиться зову Мира.

— Я хочу забрать своего коня, — сказал Рэми, останавливаясь в шаге от перехода.

— Мы приведет вам... — начал было Захарий, но Рэми уже не слушал.

Он звал. И сразу же ударили в белоснежный мрамор точеные копыта, и будто неоткуда появился перед Рэми белоснежный Арис, потянулся узкой мордой в ладони, прошелестел в мыслях: «Я соскучился». Хоть один друг в этом паршивом и непонятном мире, друг, которого нельзя оставлять в замке повелителя.

— Покажи им настоящего себя, — приказал Рэми.

«Ты уверен?»

Рэми не был ни в чем уверен. Он просто хотел, чтобы от него отстали. Хотел быть самим собой, и чтобы Арис таким был. Арис все понял без слов, и взмыли вверх, раскрылись изящные белоснежные крылья, тихо присвистнул Захарий, бесстрашно подошел ближе, погладил тонкую шею Ариса и прошептал:

— И после этого вы будете и дальше утверждать, что мы ошиблись? Пегасы горды до невозможности и слушают они только...

Осекся, посмотрел внимательно и продолжил:

— Это не мое дело вам объяснять. Арман объяснит.

Рэми лишь пожал плечами, положил ладонь на шею сложившего крылья Ариса и направился в переход. Арис шел рядом, шаг в шаг, сложив крылья, и Рэми чувствовал движение его шкуры под своими пальцами. Рассыпались вокруг звезды, ошеломили на миг, и они вышли на другой стороне перехода: на беломраморную площадку, срывающуюся одним

концом в пропасть. А под пропастью, похожий на лабиринт, лежал в туманном полумраке огромный город, укрытый со всех сторонами отвесно уходящими вверх горами.

Рэми залюбовался на горные вершины, укутанные тучами, вздохнул полной грудью чистый, пахнущий влагой, воздух, и, наверное, впервые в жизни почувствовал на губах вкус... свободы?

— Столица нашего рода, — сказал за его спиной Захарий. — Идемте, Рэми, я провожу вас в покои Армана. О вашем пегасе должным образом позаботятся, даю вам слово.

— Не хочу в покои. Не хочу в четыре стены! — ответил Рэми и вскочил на пегаса. И Арис понял, в один миг оказался над пропастью и нырнул в бездонное небо. Закричал Захарий:

— Не смейте стрелять!

Ветер ударил в лицо, принес приятную прохладу. Арис раскрыл крылья, воспарил в облаках, и Рэми выпрямился на его спине, раскинул руки и засмеялся, счастливо, безумно. Вот она свобода!

В белоснежной просторной спальне было тепло натоплено и царил полумрак. Кожа горела, прикосновения шелковых простыней казались невыносимыми, каждый вздох отзывался в груди жаром. И так же хотелось пить... но стоило только попросить, вынырнуть из мучительного сна, как кто-то сразу же подносил к губам прохладную чашу, поил аккуратно, терпеливо, пока Арман раздраженно не отодвигал чашу. Этот же кто-то омывал лицо, шею, плечи прохладной тканью, укутывал одеялом, и все время был рядом... на страже. Арман это чувствовал даже через сон.

А когда проснулся... в камине потрескивал огонь, ронял отблески на поднятую ткань балдахина, отражался в глазах сидящих у дверей статуй барсов. Рядом с кроватью сидела Ли... в простом платье, с гладко зачесанными волосами и обострившимися почему-то чертами, она так походила на девчонку-рожанку из деревни, что Арман недовольно нахмурился: трудно будет из нее сделать архану.

— Где Нар?

— Я его отправила спать... он и без того едва живой, а все рвался с тобой сидеть. Так я сказала, что сама посижу и...

— Сколько я провалялся?

— Сутки.

— Нар разве тебе не сказал, чтобы ты шла к Рэми?

— Но тебе я нужнее, — прошептала Ли. — Ты чего такой злой-то...

Арман не был злой. Он откинулся на подушки, посмотрел в потолок и окунулся в лениво шевелящиеся в голове мысли. Два дня... осталось два дня, чтобы встать на ноги. Рэми ведь упрямец, ждать не будет. Голова-то как болит...

— Да и Захарий вон приходил недавно, докладывал, — продолжала говорить Лия. — Сказал, что Рэми долго летал на своем пегасе, но к ночи сам вернулся в замок. Поел, что принесли, выбрал в твоей библиотеке какую-то там книгу... и больше из покоев не выходил. Так что и беспокоиться о нем не о чем. А вот о тебе...

Беспокоиться было о чем. Уж Арман-то знал... Рэми порывист, его терпение могло закончиться в каждый миг. Ли рядом, может, его бы и придержала... может...

— Пей, — властно сказала вдруг Лия, помогая приподняться и поднося к губам Армана чашу с зельем: — Пей, Тисмен прислал. Нар сказал, что поможет.

Тисмен? Арман не доверял телохранителям принца, но доверял Нару, потому выпил. Зелье было горьким и противным на вкус. Но дышать стало легче... и сразу укутал, поманил за собой сон... на этот раз глубокий и целительный.

Ли и Рэми теперь были с ним. И никуда больше не денутся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net